

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

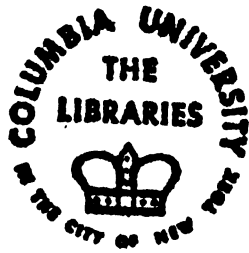
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Курсъ старшаго возраста.

СОСТАВИЛЪ

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

~~~~~  
ИЗДАНИЕ ДЕВЯТОЕ  
~~~~~

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ КАРТЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМЪ. У ПРИБЛИЖЕННЫХЪ В., Д. ИЛОВОЙ.

1868.

947
IL83

38874B

ALL INFORMATION CONTAINED
HEREIN IS UNCLASSIFIED
DATE 08-14-2014 BY 60322 UCBAW/STP

СО Д Е Р Ж А Н І Е .

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ .

страниц.

I. Восточная Европа въ IX—X вв. и начало Руси.

Характеръ страны. Древнѣйшая исторія. Славяне. Литва. Финны. Турецко-татарскіе народы. Варяги — основатели Русскаго государства. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, Ольга, Владиміръ. Введеніе христіанства. Сынъ Владиміра. Ярославъ 1

II. Развѣтїе удѣльно-вѣчевой системы.

Сынъ Ярослава I. Родословная таблица. Событія при внукахъ Ярослава. Мономаховичи и Ольговичи. Суздальская земля. Черниговская и Сѣверская. Муромская и Рязанская. Полоцкая. Смоленская. Волынская и Галицкая. Новгородская община. Ливонскій орденъ 24

III. Монгольское иго.

Битва на Калкѣ. Намѣстїе Батыя. Золотая Орда. Русь сѣверо-восточная. Судьба юго-западной Руси 49

IV. Внутреннее состояніе удѣльно-вѣчевой Руси.

Князь. Дружина. Смерды. Холопы. Судопроизводство. Торговля и искусства. Церковь и борьба съ язычествомъ. Монашество. Провѣщеніе 59

V. Юго-западная русь подъ владычествомъ Литвы.

Литва. Миндовъгъ. Гедиминъ. Ольгердъ. Ягелло и введеніе католичества. Витовтъ. Соединеніе съ Польшей 78

JUN 12 1947

VI. Северо-восточная Русь собирается около Москвы.

Тверское княжество. Суздальское или Нижегородское. Московское. Первая борьба между Москвою и Тверью. Иоаннъ I Калита. Сыновья Калиты. Дмитрій Донской и Куликовская битва. Василий I. Василий II Темный. Вѣчевыя общины. Казань и Крымъ. Казань . . . 88

РУСЬ МОСКОВСКАЯ И ЛИТОВСКАЯ.

I. Уничтоженіе удѣльно-вѣчеваго порядка въ северо-восточной Руси и успѣхи монархической власти въ Московскомъ государствѣ.

Иоаннъ III. Паденіе В. Новгорода. Присоединеніе Твери и другихъ областей. Уничтоженіе татарскаго ига. Борьба съ Литвою. Брань съ Союзомъ Палеологовъ и его слѣдствія. Правительственная дѣятельность. Василий III. Послѣдніе удѣлы. Войны съ Литвою и Татарами. Внутренняя политика Иоаннъ IV, Грозный. Елена и времена боярскаго правленія. Реформы Иоанна IV. Покореніе Казани. Сибирское царство. Борьба за Ливонію. Эпоха казней и торжество монархія. Федоръ Ивановичъ. Годуновъ — правитель. Прикрѣпленіе крестьянъ. Царевичъ Дмитрій. 110

II. Смутное время.

Борисъ Годуновъ—царь Лжедмитрій I. Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Лжедмитрій II. Междуцарствіе. Рознь областей. Пожарскій и Мининъ 145

III. Западная Русь въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка.

Западно-Русскія области. Польское вліяніе. Люблинская унія. Вторженіе католицизма. Братства. Кіевская академія. Церковная унія. Брестскій соборъ. Западнорусское дворянство. Положеніе крестьянъ. Евреи. Малороссійское казачество. Запорожская сѣчь. Казачья возстанія 161

IV. Эпоха первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ.

Михаилъ Феодоровичъ. Очищеніе государства отъ непріятелей. Борьба съ сосѣдями. Патриархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. Смоленскъ и Азовъ. Алексѣй Михайловичъ. Морозовъ и внутренніи смуты. Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затрудненія. Разинъ, казацкое и крестьянское движеніе. Патриархъ Никонъ и дѣла церковныя. 181

Малороссійскій вопросъ. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. Борьба съ сосѣдями за Малороссію. Федоръ Алексѣевичъ. Означеніе Малороссійскаго вопроса и приговоръ о истинности 202

V. Внутреннее состояніе Московскаго государства.

Царь. Сословія. Управленіе. Судопроизводство и доходы. Естественныя произведенія, торговля и промышленность. Искусства и домашній бытъ. Войско. Церковь. Образованность. Литература и народная поэзія 212

РУСЬ-ИНЖЕНЕРІЯ.

I. Царствованіе Петра Великаго или эпоха государственныхъ реформъ.

Стрѣльцкій бунтъ. Правленіе царевны Софьи. Воспитаніе Петра и паденіе Софьи. (Азовскіе походы и путешествіе за границу. Великая сѣверная война. Полтава, Мазени и Прутъ. Ништадскій миръ. Сословныя и административныя реформы. Хозяйство, войско, училища. Семейный бытъ. Духовенство и расколы. Характеръ Петровой реформы. Сотрудники Петра. Дѣла семейныя 253

II. Первые преемники Петра Великаго (эпоха временщиковъ).

Екатерина I и Петръ II. Меншиковъ и Долгорукіе. Правительственныя распоряженія. Анна Иоанновна. Верховный совѣтъ и времена Бирона. Дѣла внутреннія и виѣшнія. Іоаннъ VI. Сверженіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Елизавета Петровна. Дворъ Елизаветы и характеръ ея царствованія. Виѣшняя политика 291

III. Русская образованность XVIII вѣка.

Нѣкоторыя черты дворянскихъ правовъ. Низшіе классы. Литература и наука 305

IV. Дальнѣйшее развитіе государственнаго единства и политическаго могущества.

Петръ III. Правительственныя мѣры Петра III. Екатерина II. Характеръ Императрицы и главныхъ дѣателей ея царствованія. Законодательная коммиссія и учрежденіе о губерніяхъ. Сословія и эко-

нолическія шѣры. Южныя области. Училища и литературное дви- женіе. Первая турецкая война. Чума и Пугачевъ. Крымъ и новыя войны	314
Возвращеніе западно-русскихъ областей. Диссидентскій вопросъ и Барская конфедерація. Закарпатская украинна. Консти- туція 3 мая и паденіе Польши	337
Павелъ I. Новыя постановленія. Итальянскій походъ Суворова. Александръ I. Войны. Намествіе Наполеона. Вородино и Фран- цузы въ Москвѣ. Учрежденіе министерствъ, государственнаго совѣта и дѣятельность Сперанскаго. Училища, крестьяне и политиче- скія дѣла. Николай I. 14 декабря. Внутренняя политика. Вышняя политика. Польское возстаніе. Отдѣла уніи. Крымская война. Кавказъ	345

V. Взглядъ на русскую образованность въ первой полови- нѣ XIX столѣтія.

Высшіе классы. Крестьянское сословіе. Городское населеніе. Наука и литература. Исторіографія	378
Хронологическія указанія на дальѣйшія событія	392
Общій взглядъ на судьбы Русской національности	394

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ.

І. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ВЪ ІХ—Х ВВ. И НАЧАЛО РУСИ.

Характеръ страны. Восточная половина Европы имѣетъ видъ сплошной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями и тремя горными хребтами. Такая форма поверхности, не представляющая внутреннихъ естественныхъ преградъ, не мало способствовала образованію на ней одного обширнаго государства. Только въ средней полосѣ этой равнины почва поднимается и поверхность получаетъ холмистое очертаніе (Алаунская возвышенность). Здѣсь берутъ начало главныя рѣки, которыя въ сопровожденіи безчисленныхъ притоковъ направляются къ четыремъ упомянутымъ морямъ. Обиліе рѣчныхъ водъ имѣло весьма важное вліяніе на исторію страны: по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность; рѣки служили главнымъ средствомъ сообщенія. Тысячу лѣтъ тому назадъ вся сѣверная половина Россіи, отличавшаяся климатомъ холоднымъ и суровымъ, была покрыта дремучими лѣсами, многочисленными озерами и болотами; а въ южной половинѣ залегали обширныя степи, мѣстами поросшія высокою травой, мѣстами песчаная и солонцеватая. На востокъ, между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ, русскія степи сливаются съ великою равниною Средней Азіи, откуда безпрепятственно всегда приходили кочевые азіатскіе народы.

Возвышенная средняя полоса Русской равнины, известная под общим названіемъ Алаунскаго пространства, приблизительно можетъ быть обозначена слѣдующими предѣлами. Сѣверозападный уголъ ея составляетъ Валдайское плоскогорье (плато). Оно начинается отлогими возвышенностями по сосѣдству съ берегами озера Ильменя; а въ срединѣ своей представляетъ группы живописныхъ холмовъ, раздѣленныхъ глубокими оврагами. (Самыя высокіе пункты его имѣютъ болѣе 1000 футовъ надъ поверхностью моря). Это область источниковъ; тутъ между холмовъ залегаютъ небольшія озера, изъ которыхъ берутъ свое начало три главныя рѣки Европейской Россіи: Волга, Днѣпръ и Западная Двина. Отъ Валдайскихъ горъ граница Алаунской плоскости направляется къ югу по теченію Днѣпра. Въ окрестностяхъ Смоленска отъ нея отдѣляется цѣпь песчаныхъ холмовъ, которая идетъ на западъ мимо Вильны и теряется въ низменностяхъ Восточной Пруссіи. А въ окрестностяхъ Кіева и далѣе Алаунская плоскость примыкаетъ къ отрогамъ Карпатъ (Авратынскія горы), и простирается до знаменитыхъ Днѣпровскихъ пороговъ. На западъ отъ средняго теченія Днѣпра, между упомянутою цѣпью холмовъ и отрогами Карпатъ, раскинулось низменное пространство, известное своимъ обиліемъ водъ и лѣсовъ; это бассейнъ рѣки Припети (знаменитыя Пинскія болота и Бѣловѣжская пуца). На юговостокѣ Алаунская плоскость ограничивается среднимъ теченіемъ Волги, гдѣ (преимущественно около Саратова) соединяется съ отрогами Уральскихъ горъ (Общій Сыртъ). А на сѣверовостокѣ она заканчивается низкими хребтами или „увалами“, которые служатъ водораздѣломъ Волжскаго бассейна отъ рѣкъ, текущихъ въ Сѣверный океанъ, и постепенно сливаются съ Уральскимъ хребтомъ.

Пространство, заключенное между означенными предѣлами, до времени Петра служило главнымъ поприщемъ Русской исторіи. Она зародилась на Великомъ водномъ пути изъ Балтики въ Черное море: первоначально возникла на берегахъ озера Ильменя, т. е. въ Новгородскомъ краю; а отсюда перешла на Днѣпръ, въ Кіевъ. Потомъ центръ Русской жизни удался на сѣверовостокъ, въ землю Владиміро-Суздальскую, гдѣ окончательно сосредоточился вокругъ Москвы. Эта земля, расположенная между Окою и верхнимъ

теченіемъ Волги, сдѣлалась родиною Великорусскаго племени. Довольно теплый климатъ и богатые пласты чернозема, отличающіе южную часть Алаунскаго пространства, способствовали развитію преимущественно земледѣльческаго быта въ населеніи Южнорусскомъ или Малорусскомъ; близкое сосѣдство степей и хищныхъ кочевыхъ ордъ не благопріятствовало тамъ утверженію прочнаго государственнаго порядка и успѣхамъ гражданственности. Между тѣмъ Великорусское племя, занявшее страну съ климатомъ довольно суровымъ, съ почвою, требующею большаго труда для своей обработки, но за то богатую судоходными рѣками, выработало предприимчивый, энергическій характеръ и способность къ разносторонней дѣятельности. Здѣсь выросъ и окрѣпъ нашъ государственный порядокъ.

Древнѣйшая исторія нашей равнины начинается на югѣ. Еще задолго до Рождества Христова берега Чернаго и Азовскаго морей были заселены цвѣтушими греческими колоніями. Самыя замѣчательныя изъ нихъ: Ольвія—при устьѣ Буга, Пантикапея, столица Босфорскаго царства,—близъ Керчи, Херсонесъ Таврической (Корсунь)—подлѣ Севастополя и Танаисъ—на устьяхъ Дона. Въ сосѣднихъ степяхъ господствовалъ многочисленный кочевой народъ Скиѣы, дѣлившійся на орды; Скиѣы славились какъ отличные наѣзники и искусные стрѣлки изъ лука. Памятникомъ этого народа считаются курганы, которыми усѣяна вся южная полоса Россіи (многіе изъ нихъ разрыты; тамъ найдены человѣческіе остовы и разныя металлическія вещи; это такъ наз. скиѣскія могилы). Къ сѣверу отъ Скиѣовъ, по темнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей, жили: Невры, Андрофаги или людобѣды, Меланхлены или черные плаши, Гелоны, Будины и другіе народы. Но объ нихъ ходили только баснословные расказы между Греками и Римлянами. Говорили, на примѣръ, что на самомъ далекомъ сѣверѣ гдѣ-то у полюса обитаетъ блаженный народъ Гипербореи, которые питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, живутъ по нѣскольку вѣковъ, и наконецъ сами прекращаютъ свою жизнь, повергаясь въ морскія волны*.

* Нѣкоторые изъ этихъ народовъ по всей вѣроятности были финскія племена, которыя мы тамъ встрѣчаемъ позднѣе, но подъ иными названіями. На-

Послѣ Рождества Христова между Балтійскимъ и Чернымъ морями нѣкоторое время господствовало германское племя Готы. Потомъ на мѣстѣ Скировъ (и Сарматовъ) появляются другіе кочевые народы, пришедшіе изъ средней Азіи; они впрочемъ недолго остаются здѣсь и уходятъ далѣе на западъ, таковы Гунны и Авары.

Въ IX в. по Р. Х. Восточную Европу населяли слѣдующіе народы:

Славяне. Они составляютъ восточную отрасль великаго Славянскаго племени, которое съ незапамятныхъ временъ пришло изъ Азіи и поселилось около Карпатскихъ горъ; а отсюда разошлось потомъ въ разныя стороны. Русскіе Славяне заняли широкую полосу земли отъ озера Ильменя и Чудскаго до низовьевъ Днѣпра и Днѣстра. Они расселились отдѣльными группами или племенами, изъ которыхъ наиболѣе значительныя, по словамъ лѣтописца, были: Поляне—по среднему теченію Днѣпра; сосѣди ихъ Древляне—по р. Припети, и Кривичи—самое многочисленное племя, обитавшее по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины, Волги и около озера Ильменя. На востокъ отъ Днѣпра жили: Сѣверяне, Радимичи и Вятичи. Еще до пришествія Рюрика восточные Славяне имѣли у себя города. Такъ въ странѣ Кривичей мы находимъ: Смоленскъ, Полоцкъ и знаменитый Новгородъ, при истокахъ р. Волхова. У Полянъ былъ городъ Кіевъ, расположенный на высокому правомъ берегу Днѣпра.

О началѣ Кіева народное преданіе, записанное Несторомъ, рассказываетъ слѣдующее: Между Полянами жили нѣкогда три брата, по имени Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою Лыбедью. Братья построили городъ, и въ честь старшаго назвали его Кіевъ. Городъ былъ окруженъ лѣсами, въ которыхъ жители ловили

примѣръ, въ Андропогахъ думаютъ видѣть Самоѣдовъ, а въ Меланхленахъ финское племя Эстовъ, у котораго до сихъ поръ черныи цвѣтъ преобладаетъ въ одеждѣ. Другіе же изъ упомянутыхъ народовъ (Будины, Невры), какъ полагаютъ, были предками Славянъ и Литвы.

звѣрей. Кій, бывшій княземъ своего племени, однажды предпринялъ путешествіе въ Царьградъ. На возвратномъ пути онъ хотѣлъ поселиться на берегахъ Дуная, и построилъ тамъ городъ; но сосѣдніе жители заставили его удалиться. Онъ воротился въ Кіевъ, и здѣсь одинъ за другимъ братья померли. Остатки же построеннаго на Дунаѣ города долго послѣ того назывались „городище Кіевецъ“.

Поселенія Славянъ были разсѣяны на обширныхъ пространствахъ, по берегамъ озеръ и рѣкъ, въ глуши первобытныхъ лѣсовъ. Они жили отдѣльными родами или большими семьями; каждая семья повиновалась своему родоначальнику или старшему члену, и имѣла одно общее имущество до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени не распадалась на отдѣльныя семейства. Старшины семействъ сходились вмѣстѣ и составляли вѣче, на которомъ они разсуждали о дѣлахъ касающихся всего селенія, города или цѣлаго племени. Мало по малу нѣкоторые роды возвысились надъ другими и приобрѣли княжеское достоинство; глава такого рода пользовался особымъ почетомъ и вліяніемъ на рѣшенія вѣча. Такъ въ древнѣйшую эпоху упоминаются князья у Полянъ и Древлянъ. Городами назывались тѣ поселенія, которыя были огорожены землянымъ валомъ и рвомъ для защиты отъ непріятелей.

Славяне отличались высокимъ ростомъ, темнымъ цвѣтомъ волосъ, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. По своему суровому образу жизни они съ ранней молодости привыкали легко переносить холодъ, жаръ и недостатокъ въ пищѣ. Характеръ ихъ, какъ и всѣхъ необразованныхъ народовъ, представлялъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ: съ одной стороны они были храбры, добродушны и гостепріимны (позволялось даже украсть у сосѣда, чтобы угостить странника); съ другой очень неопрятны и склонны къ раздорамъ между собою. Вооруженіе ихъ состояло изъ деревяннаго щита, короткихъ копій и стрѣлъ, намазанныхъ иногда ядомъ; они любили сражаться не дружною толпою, а въ разсыпную*.

* Изъ иностранныхъ писателей, у которыхъ встрѣчаются извѣстія о бытѣ Славянъ, наиболѣе замѣчательны Юрнандъ, готскій историкъ, и Прокопій — византійскій; оба жили въ VI вѣкѣ.

Женщины у Славянъ не пользовались такимъ уваженіемъ, какъ у Германцевъ; на нихъ лежали самыя тяжелыя домашнія работы. Нежѣсту обыкновенно похищали, и потомъ платили за нее родителямъ въ н.о. Существовалъ также обычай многоженства, и послѣ смерти мужа одна изъ его женъ должна была слѣдовать за нимъ въ могилу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца сжигали на кострѣ; пепель его собирали въ сосудъ, и ставили на столбѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ. Погребеніе сопровождалось тризною (поминки), которая состояла въ пиршествахъ и разныхъ воинственныхъ играхъ. Для огражденія личной безопасности существовалъ свойственный необразованнымъ народамъ обычай кровавой мести, т. е. родственники убитаго должны были мстить смертію убійцы. Главнымъ средствомъ пропитанія служила охота: рѣки и озера изобиловали рыбою, а лѣса дикими животными, которыхъ Славяне безъ разбора употребляли въ пищу. Земледѣліе въ IX столѣтіи еще мало было распространено между ними; вѣроятно болѣе успѣховъ имѣло скотоводство. Вообще сѣверные, т. е. новгородскіе, Славяне были образованнѣе южныхъ, и находились въ то время уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними народами.

2. **Литва.** Къ западу отъ Кривичей въ области Западной Двины, Нѣмана и нижней Вислы жило племя Литовское. Языкъ этого племени свидѣтельствуетъ, что оно было родственно Славянамъ.

3. **Финны.** Весь сѣверъ Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ занимало Финское или Чудское поколѣніе. Нѣкогда Финны обитали гораздо южнѣе, но Славянами и другими народами они были отодвинуты далѣе на сѣверъ. Главныя Финскія племена: Чудь, около Финскаго залива; далѣе по верхнему и среднему теченію Волги Весь, Меря, Муромъ и Мордва. По верховьямъ Сѣверной Двины и Камы лежала область народа Пермь (Біармія — въ скандинавскихъ сагахъ). Языкъ Финновъ указываетъ на ихъ общее происхожденіе съ народами Тюркскаго племени, родиной котораго почитаются Алтайскія горы. Разсѣянные небольшими группами, въ

странахъ холодныхъ, лѣсистыхъ и чрезвычайно болотистыхъ, они съ трудомъ доставали себѣ средства пропитанія, употребляя въ пищу даже древесную кору и мясо нечистыхъ животныхъ.

Языческая религія Финновъ представляетъ простое обожаніе предметовъ видимой природы. Ихъ многочисленные боги и богини не составляютъ одного семейства съ верховымъ божествомъ во главѣ (что бываетъ только въ религіяхъ уже значительно развитыхъ); они господствуютъ отдѣльно и самостоятельно каждый въ своей области. Впрочемъ самымъ могущественнымъ и наиболѣе распространеннымъ является Юмала или Укко — божество неба, грома и молніи. Уже въ отдаленныя времена у Финновъ встрѣчаются идолы, сдѣланные изъ дерева или камня и имѣющіе грубое подобіе человѣка. По свидѣтельству скандинавскихъ сагъ, въ древней Біарміи гдѣ-то на берегахъ Сѣверной Двины находился идолъ Юмалы, изображавшій человѣческую фигуру въ сидячемъ положеніи и пользовавшійся общимъ поклоненіемъ у жителей той области. Посредниками между людьми и богами у Финновъ почитались шаманы, имѣвшіе характеръ чародѣевъ или заклинателей — родъ жреческаго сословія, находящагося на первыхъ ступеняхъ развитія (въ русскихъ лѣтописяхъ они извѣстны подъ именемъ волхвовъ). Финны представляются вообще племенемъ очень бѣднымъ, скудно одареннымъ и физическими и духовными силами; они также некрасивы и угрюмы, какъ ихъ сѣверная природа. Пѣсни финскія (или руны) обнаруживаютъ впрочемъ довольно богатую фантазію и склонность этого племени къ тихой, домашней жизни и къ семейнымъ добродѣтелямъ. Замѣчательно, что главные герои ихъ эпическихъ сказаній являются по большей части чародѣями, пѣвцами или искусными кузнецами. (Таковы три героя финскаго эпоса, извѣстнаго подъ именемъ Калевалы: мудрецъ Вейнемейненъ, кузнецъ Ильмариненъ и пѣвецъ Лемминкейненъ). Дѣйствительно, кузнечное ремесло было распространено между Финнами, и финскіе мечи славились по всему сѣверу.

4. Турецко-татарскіе народы. Весь юго-востокъ Россіи занимали народы Тюркскаго племени, родственнаго Финскому. Изъ нихъ

особенно замѣчательны Козары и Болгары. Послѣдніе, получившіе названіе отъ рѣки Волги, съ незапамятныхъ временъ отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ Козаръ, и заняли область нижней Камы. Они приняли магометанскую религію (въ X в.), вошли въ торговыя сношенія съ азіатскими государствами и достигли значительной степени гражданственности; въ ихъ землѣ было много промышленныхъ городовъ, особенно славились Великіе Болгары, на лѣвомъ берегу Волги пониже Камскаго устья. Болѣе обширное и могущественное государство составили Козары, подчиненные одному верховному повелителю или кагану, который вмѣстѣ съ своею фамиліею исповѣдывалъ іудейскую религію. Козары отчасти вели кочевой образъ жизни и располагались въ кибиткахъ, отчасти жили въ городахъ. Главнымъ городомъ у Козаръ былъ Итель или Балангіаръ, на устьяхъ Волги; сюда изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи стекались купцы съ своими товарами *.

Кромѣ того въ степяхъ Приуральскихъ и Прикаспійскихъ обитали разныя кочевыя орды, которыя тѣснили другъ друга и въ послѣдствіи переселялись въ южную Россію или подвигались далѣе на западъ; таковы: Угры, Печенѣги, Половцы и другіе.

Варяги-основатели Русскаго государства. Разъединеніе, взаимная вражда племенъ и другія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали Славянамъ образовать сильное, самобытное государство. Въ IX вѣкѣ они не могли даже отстоять свою независимость въ борьбѣ съ двумя сосѣдними народами: между тѣмъ какъ Приднѣпровскія племена платили дань Козарамъ, сѣверные Славяне должны были подчиниться воинственнымъ Норманнамъ, которые въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ Варяговъ. Въ то время Норманны (вообще народы сѣверныхъ странъ, преимущественно жители Скандинавіи и Ютландіи) почти на всю западную Европу наводили ужасъ морскими набѣгами подъ начальствомъ сво-

* Главныя свѣденія о Болгарахъ и Козарахъ получаемъ мы отъ арабскихъ писателей, преимущественно X вѣка, таковы: Ибнъ-Фоцланъ и Ибнъ-Хаукаль.

ихъ смѣлыхъ викинговъ, и положили тамъ основаніе нѣсколькимъ государствамъ. Точно также стремились они и въ Восточную Европу, стараясь обложить данью туземцевъ и утвердить здѣсь свое господство. Кромѣ того, Варяги по Греческому водному пути на лодкахъ ходили иногда въ богатую Византію, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ занимались торговлею, а большая часть нанималась въ гвардію Византійскаго императора. По Волгѣ они спускались иногда въ Камскую Болгарію или въ Козарію, и, смотря по обстоятельствамъ, или грабили тамъ, или торговали *

Плодомъ такого движенія Варяговъ на Восточную Европу было основаніе Русскаго государства. Лѣтописецъ нашъ рассказываетъ объ этомъ великомъ событіи слѣдующее преданіе:

«Нѣкоторое время Варяги брали дань на сѣверныхъ Славянахъ и сосѣднихъ съ ними Финнахъ; потомъ покоренныя племена общими силами прогнали чужеземцевъ; но у Славянъ произошли сильныя внутренніе раздоры. Тогда, для устроенія порядка и безопасности, они рѣшились призвать князей изъ чужой земли. Въ 862 году послы славянскіе отправились за море къ варяжскому племени Русь, и сказали: Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами. Три брата приняли ихъ предложеніе и явились съ своими дружинами. Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ; второй Синеусъ на Бѣлозерѣ, третій Труворъ въ Изборекѣ. Отъ нихъ и земля наша стала называться Русью».

Различнымъ образомъ пытались рѣшать вопросъ о томъ, кто были Руссы и откуда пришли князья? Одни принимали ихъ за Финновъ, другіе за Славянъ (изъ Помераніи); нѣкоторые выводили ихъ изъ Литвы съ устьевъ Нѣмана и даже изъ Козаръ.

* Греческій или Великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива въ Черное море: р. Невою, Ладожскимъ оз., р. Волховымъ, оз. Ильменемъ и р. Ловатью; отсюда нѣсколько разъ надобно было на рукахъ перетаскивать лодки до верхняго Двѣпра (волоки). Другая дорога изъ Балтики на Двѣпръ шла по Западной Двинѣ. Двѣпромъ выходили въ Черное море, а потомъ держались около морскаго берега, и такимъ образомъ достигали Византіи.

Однако полная достовѣрность остается на сторонѣ скандинавскаго происхожденія. Эта достовѣрность основывается на нѣкоторыхъ географическихъ указаніяхъ Нестора, на скандинавскихъ именахъ первыхъ нашихъ князей и ихъ дружины, на тѣсныхъ связяхъ, которыя долгое время существовали между этими князьями и скандинавскими конунгами, и пр.

Добровольное же призваніе князей подвержено сомнѣнію. Очень можетъ быть, что Варяги-Русь или просто покорили Новгородскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ, или были призваны на помощь противъ сосѣдей и потомъ утвердили здѣсь свое господство *.

ПЕРВЫЕ РУССКІЕ КНЯЗЬЯ—ЗАВОЕВАТЕЛИ **.

Рюрикъ. По смерти своихъ братьевъ Рюрикъ одинъ завладѣлъ всею Новгородскою областю; онъ укрѣпилъ важнѣйшіе ея пункты городами, и размѣстилъ по нимъ свою дружину, которая удерживала въ покорности окрестныхъ жителей. Новгородцы однакоже пытались при немъ свергнуть владычество иноземной дружины, но

* Подобный примѣръ представляетъ начало Англійскаго государства. Монахъ Видукиндъ, жившій въ X вѣкѣ, рассказываетъ въ своей «Исторіи Саксовъ» о томъ, какъ Бритты, тѣсныя Пиктами и Скотами, отправили посольство къ англосаксонскимъ князьямъ и приглашали ихъ придти на помощь. Послы британскіе держали передъ Англосаксами почти такую же рѣчь, какую славянскіе передъ Варягами.

Въ пользу скандинавскаго происхожденія Варяговъ изъ ученыхъ, занимавшихся Русскою исторіей, писали: академикъ Байеръ и Шацеръ въ прошломъ столѣтіи, Карамзинъ, Устряловъ, Погодинъ и Соловьевъ — въ настоящемъ. Особенно это мнѣніе развито Погодинымъ. (Мнѣніе о славянскомъ происхожденіи защищали: Венелинъ, Савельевъ и въ послѣднее время Геденовъ. Отъ Финновъ производилъ Татищевъ, а отъ Козарь Эверсъ).

** Извѣстія Несторовой лѣтописи о первыхъ русскихъ князьяхъ, основанныя болѣею частью на народныхъ преданіяхъ, не во всякъ достовѣрны относительно своихъ подробностей. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ подтверждаются византійскими и западными писателями, какъ: императоръ Константинъ Багрянородный, Левъ Діаконовъ, Лиутпрандъ епископъ Кремонскій, Дитмаръ епископъ Мерзебургскій и др.; а также скандинавскими сагами (напримѣръ, Эймунова сага) и арабскими писателями (напримѣръ, Ибнъ Фозданъ).

неудачно; на эту попытку указывает темное предание о замыслах Вадыма, который палъ отъ руки самого Рюрика.

Около того же времени на югѣ, у днѣпровскихъ Славянъ, основано было другое варяжское княжество. Единоземцы Рюрика Аскольдъ и Диръ, по словамъ преданія, заняли Кіевъ, освободили Полянъ отъ кôзарской дани, и начали господствовать въ ихъ землѣ. По обычаю норманскихъ викинговъ они предпринимали морской набѣгъ на Греческую имперію въ надеждѣ получить большую добычу; но буря разсѣяла ихъ лодки, и князья безъ успѣха воротились въ Кіевъ. *См. Лашанъ 1867 и/онъ Укиаса;*

На берегахъ Западной Двины, въ Полоцкой области, встрѣчается потомъ третье владѣніе (съ княземъ Рогволодомъ), по всей вѣроятности также основанное Варягами.

Олегъ. Рюрику наследовалъ его родственникъ Олегъ (879 г.), князь необыкновенно умный и предприимчивый. Первымъ его дѣломъ было соединеніе варяжскихъ владѣній, находившихся въ землѣ восточныхъ Славянъ. Онъ двинулся на югъ по Великому водному пути, покорилъ встрѣчавшіяся ему племена, захватилъ Кіевъ, и утвердилъ здѣсь столицу своего княжества (назвавъ его матерью русскихъ городовъ). 879

Несторова лѣтопись рассказываетъ, что Олегъ овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ хитрости. Оставивъ позади главную рать, онъ съ небольшою дружиною, скрытою въ лодкахъ, подошелъ къ городу, и послалъ звать Аскольда и Дира на свиданье съ варяжскими купцами, которые отправляются въ Грецію. Довѣрчивые витязи спустились изъ крѣпости на берегъ Днѣпра; но тотчасъ же были окружены непріятелями. „Вы не князья и не княжескаго рода—сказалъ имъ Олегъ;—но я князь“, и, указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ: „а вотъ сынъ Рюрика“. Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на одномъ соседнемъ холму.

Далѣе, онъ подчинилъ себѣ Славянъ жившихъ къ востоку и западу отъ Днѣпра (Сѣверянъ, Радимичей и Древлянъ), наложилъ на

нихъ дань, и построилъ въ ихъ землѣ крѣпости, въ которыхъ посадилъ своихъ мужей съ военными отрядами. Не довольствуясь скудною данью славянскихъ народовъ, Олегъ совершилъ походъ на Византію. Онъ принудилъ Византійскаго императора заплатить большой окупъ; заключилъ съ нимъ договоръ, весьма выгодный для русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Греціи, и воротился въ Кіевъ съ богатою добычею, которая состояла изъ золота, шелковыхъ тканей (паволоки), греческихъ винъ и прочихъ товаровъ. Народъ дивился необыкновенной удачѣ своего князя, и назвалъ его вѣщимъ, т. е. чародѣемъ. Самая смерть его (912 г.) была украшена особымъ преданіемъ: по словамъ этого преданія, Олегъ погибъ отъ своего коня; о чемъ будто бы заранѣе предсказалъ ему одинъ чудесникъ.

См. гл. I Киевск. 1869 г.

Игорь. Мѣсто вѣснаго Олега заступилъ сынъ Рюрика Игорь. Княженіе его не было ознаменовано никакимъ громкимъ подвигомъ. Игорь долженъ былъ съ одной стороны усмирять возмущившіяся славянскія племена, въ особенности Древлянъ, которые упорнѣе другихъ боролись за свою независимость, съ другой отражать хищныя орды Печенѣговъ. Тѣснимые другими кочевыми народами, Печенѣги изъ Уральскихъ степей перешли въ южную Россію; они отличались чрезвычайною дикостію и свирѣпостію. Вооруженные копьями и стрѣлами, ихъ наѣзники стремительно бросались на непріятеля, поднимая страшный крикъ; а въ случаѣ неудачи они тотчасъ показывали ему тылъ, и на своихъ быстрыхъ коняхъ легко спасались отъ преслѣдованія. Не только южные предѣлы Руси, но и самый Кіевъ съ тѣхъ поръ находился въ опасности отъ этого хищнаго народа. Торговыя сношенія съ Греками сдѣлались гораздо затруднительнѣе, потому что печенѣжскія шайки около Днѣпровскихъ пороговъ поджидали обыкновенно купческія суда.

По примѣру своего предшественника Игорь предпринималъ походы на Византію; но онъ не имѣлъ успѣха. (Неудачу свою Русскіе приписали т. наз. греческому огню, т. е. зажигательнымъ снарядамъ,

которыми Греки сожгли большую часть Игорева флота). Новый договоръ, заключенный съ Греками, былъ не такъ выгоденъ, какъ прежній.

Цари Греческіе, подтвердивъ клятвою этотъ договоръ, отправили пословъ въ Кіевъ, чтобы привести къ такой же клятвѣ Игоря и его воиновъ. Дружина княжеская состояла въ то время изъ язычниковъ и христіанъ. Первые вмѣстѣ съ Игоремъ пошли на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ главнаго ихъ бога Перуна. Сложивъ на землю свои щиты, золотыя кольца, обнаженные мечи и остальное оружіе, они въ присутствіи пословъ произнесли слѣдующую клятву: „Пусть мы не будемъ имѣть помощи отъ Перуна и не укроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ разрушить миръ съ Греками; пусть будемъ тогда изрублены своими мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другаго оружія, и да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ“. Между тѣмъ крещеная Русь присягала именемъ христіанскаго Бога въ соборномъ храмѣ Иліи. Дружба и любовь съ Греками, по словамъ договорной грамоты, должны были сохраняться до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и стоитъ миръ.

Зависимость покоренныхъ племенъ отъ Кіевского князя выражалась преимущественно тѣмъ, что они платили ему ежегодную дань. Для сбора этой дани князь посылалъ воеводъ или ходили сами съ своею дружиною. Во время одного изъ такихъ походовъ въ Древянскую землю жители ея возмутились и убили Игоря (945 г.)

Ольга. Послѣ Игоря княжествомъ управляла его супруга Ольга, потому что сынъ Святославъ былъ еще малолѣтенъ. Совершивъ кровавую месть надъ убійцами своего мужа, она усмирила непокорныхъ Древянъ и сожгла ихъ главный городъ Коростень. Потомъ, подобно своимъ предшественникамъ, она объѣзжала съ дружиною подчиненныя племена, творила между ними судъ и болѣе точнымъ образомъ опредѣляла количество ихъ дани. Вообще дѣятельность Ольги украшена многими баснословными преданіями, въ которыхъ она изображается женщиною необыкновенно хитрою, съ

твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ *. Но особенно Ольга прославилась принятіемъ христіанства. Она совершила путешествіе въ Византію, гдѣ и былъ исполненъ надъ нею обрядъ крещенія (957 г.). Воспреемникомъ ея былъ императоръ Константинъ Багрянородный, который самъ описалъ пребываніе Ольги въ Царьградѣ.

Святославъ. На всѣ увѣщанія матери принять новую религію Святославъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ; христіанская вѣра не нравилась воинственному и суровому князю. Получивъ власть въ свои руки, онъ вполне предался страсти къ походамъ и завоеваніямъ. Лѣтописецъ изображаетъ его характеръ и привычки слѣдующими словами: «Онъ ходилъ на непріятелей съ быстротою барса; въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса; но, мелко нарѣзавъ конину, говядину или звѣрину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ; спалъ безъ шатра, подославъ подъ себя конскій потникъ и положивъ въ изголовье сѣдло. Таковы были и всѣ его войны». Послѣ Олега, на востокъ отъ Днѣпра только одно славянское племя не было подвластно Русскому князю, именно Вятичи, платившіе дань Козарамъ; Святославъ побѣдилъ Козаръ и подчинилъ себѣ Вятичей. За тѣмъ, по приглашенію византійскаго императора Никифора Фоки, онъ обратилъ свое оружіе противъ Дунайскихъ Болгаръ, и завоевалъ ихъ землю.

Но между тѣмъ Печенѣги напали на Кіевъ, и едва имъ не овладѣли (по словамъ преданія, смѣлость одного воина, умѣвшаго говорить по печенѣжски, спасаетъ городъ); вѣсть о томъ заставила князя воротиться назадъ. Однако онъ не долго оставался въ Кіевѣ,

* Вотъ что рассказываетъ лѣтопись о ея кровавой мести: Древляне прислали просить Ольгу, чтобы она вышла замужъ за ихъ князя Мала. Первыхъ пословъ Ольга велѣла бросить въ глубокую яму вмѣстѣ съ лодкою, на которой они приплыли; другихъ пословъ сожгла въ банѣ; третьихъ велѣла избить на могилѣ мужа, въ то время какъ они вмѣстѣ съ нею совершали тризну. А Куростень она сожгла посредствомъ воробьевъ и голубей: набравъ ихъ съ каждаго дома вмѣсто дани, она велѣла привязать къ нимъ горячія вещества и пустить опять въ городъ. (Монгольскія лѣтописи рассказываютъ, что войско Чингисхана такимъ же способомъ взяло одинъ непріятельскій городъ).

и вслѣдъ за кончиною Ольги опять поспѣшилъ въ Болгарію. Страна эта такъ понравилась Святославу, что онъ хотѣлъ перенести свою столицу на берега Дуная въ городъ Переяславецъ. «Туда (говорилъ онъ матери) сходитя все хорошее: изъ Греціи золото, паволоки, вина и разные плоды; изъ Чехіи и Венгріи серебро и кони; изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и невольники». Но вторичное завоеваніе Болгаріи повлекло за собою борьбу съ Греками. На византійскомъ престолѣ мѣсто Никифора Фоки занялъ его убійца Іоаннъ Цимисхій, бывший весьма храбрымъ и искуснымъ полководцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Русскій князь удалился изъ Болгаріи, и, получивъ отказъ, самъ повелъ на него многочисленныя войска. Послѣ упорной обороны Святославъ принужденъ былъ уступить, и заключилъ миръ.

Проигравъ главное сраженіе въ открытомъ полѣ, Святославъ заперся въ крѣпости Доростолъ (Силистрія), и здѣсь былъ осажденъ Цимисхіемъ. Русскіе нѣсколько разъ выходили на битву съ Греками, и мужествомъ своимъ удивляли непріятелей. Нерѣдко, побѣжденные превосходными силами, они обращали тылъ; но шли назадъ медленно, закинувъ за плечи свои длинныя щиты. Иногда ночью при свѣтѣ луны они выходили изъ города; сожигали тѣла павшихъ товарищей, убивали надъ ними плѣнниковъ, и съ какими-то священными обрядами погружали въ волны Дуная младенцевъ и пѣтуховъ. Заключивъ миръ, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ императоромъ, и получилъ согласіе. Одинъ изъ византійскихъ историковъ (Левъ Діаконъ) такъ описываетъ это свиданіе:

„Іоаннъ въ блестящихъ латахъ на конѣ подъѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Между тѣмъ Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ казался средняго роста и весьма строенъ; имѣлъ широкую грудь, плоскій носъ, голубые глаза и длинныя косматые усы. Волоса на его головѣ были выстрижены за исключеніемъ одного локона — знакъ благороднаго происхожденія; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная рубиномъ

и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ другихъ Русскихъ. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ“.

Возвращаясь въ Кіевъ съ остатками своей дружины, Русскій князь погибъ въ битвѣ съ Печенѣгами, которые дожидались его у Днѣпровскихъ пороговъ (972.).

Владиміръ. Отправляясь въ Болгарію, Святославъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ: старшему Ярополку онъ предоставилъ Кіевскую область, Олегу Древлянскую и младшему Владимиру Новгородскую. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ раздѣленія были междоусобныя войны. Олегъ погибъ въ борьбѣ съ Ярополкомъ, и Древлянскій удѣлъ перешелъ въ руки старшаго брата, который также хотѣлъ захватить и Новгородскій. Тогда юный Владимиръ бѣжалъ съ своимъ дядею Добрынею за море къ Варягамъ, и привелъ оттуда наемное войско. Сначала онъ пошелъ на полоцкаго князя Рогволода, завоевалъ его княжество, убилъ его самого вмѣстѣ съ сыновьями, и насильно взялъ себѣ въ жены его дочь гордую Рогнеду (которая прежде отказала въ своей рукѣ Владимиру, потому что онъ былъ рожденъ отъ рабыни). Потомъ онъ овладѣлъ Кіевомъ, и, заманивъ къ себѣ Ярополка, приказалъ его умертвить (980 г.). Когда такимъ образомъ единоедержавіе было восстановлено, Владимиръ снова покорилъ нѣкоторыя отложившіяся племена, и совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ на сосѣдей: Поляковъ, Ятвяговъ и Камскихъ Болгаръ. Но этотъ воинственный и жестокій князь сдѣлался знаменитъ въ исторіи не столько своими побѣдами, сколько принятіемъ христіанской религіи и распространеніемъ ея между Славянами.

Введеніе христіанства. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ, древніе Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и отдѣльныя стихіи представлялись ихъ воображенію въ видѣ различныхъ божествъ. Между ними главныя мѣста въ IX

и X вв. занимали: Перунъ, божество грозное и воинственное, олицетворявшее собою вообще огонь, и преимущественно громъ и молнію; Волось, покровитель стадъ; Стрибогъ, повелѣвавшій вѣтрами; солнцу же поклонялись подъ именами Дажбога и Хорса. Впрочемъ эти боги не вездѣ имѣли одинаковое значеніе. За ними слѣдуетъ многочисленный сонмъ низшихъ духовъ, которыми воображеніе народа населяло весь видимый міръ. Такъ въ глубинѣ каждаго озера или рѣки, по его понятію жилъ водяной дѣдушга, а въ чащѣ темнаго лѣса обиталъ лѣсной духъ (лѣшіи). Славяне вѣрили въ загробную жизнь, и почитали тѣни своихъ предковъ; которыя будто бы оставались въ домѣ потомковъ и охраняли его отъ разныхъ бѣдъ (Чуръ, домовой); души умершихъ представлялись имъ также въ образѣ русалокъ. Вообще языческая религія у восточныхъ Славянъ не достигла высокой степени развитія: мы почти не встрѣчаемъ у нихъ ни храмовъ, ни общественнаго богослуженія, ни особаго сословія жрецовъ; въ каждомъ семействѣ старшіе члены сами приносили жертвы богамъ. Однако существовали люди, о которыхъ думали, что они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богами, получаютъ сверхъестественныя силы, могутъ предсказывать будущее, творить заклинанія и пр.; таковы, напримѣръ, кудесники или волхвы (которыхъ вліяніе было особенно сильно на сѣверѣ). Послѣ пришествія варяжскихъ князей упоминаются въ лѣтописи и челоуѣкообразныя кумиры главныхъ боговъ.

Въ первое время своего княженія Владиміръ отличался жестокостію, наклонностію къ многоженству и особенною ревностію къ языческой религіи: онъ приказывалъ ставить идоловъ и приносить имъ кровавыя жертвы. Въ Кіевѣ поставили при немъ деревянный истуканъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами; подобный истуканъ былъ воздвигнутъ въ Новгородѣ на берегу Волхова. Въ Ростовѣ стоялъ идолъ Волоса «скотьяго бога». Народъ въ угоду князю приносилъ идоламъ на закланіе своихъ дѣтей, избираемыхъ по жребію. Разъ, послѣ удачнаго похода на Ятвяговъ, въ Кіевѣ упалъ жребій на христіанскаго мальчика изъ Варяговъ; отецъ

не хотѣлъ выдать сына кіевскимъ старѣйшинамъ, и оба они были убиты разсвирѣпѣвшею толпою язычниковъ.

Но языческая религія не могла долѣе выдержать борьбу съ христіанскою проповѣдью. Уже въ IX вѣкѣ греческая вѣра утвердилась въ Кіевѣ (есть извѣстіе, что Аскольдъ и Диръ приняли крещеніе); при Игорѣ здѣсь былъ храмъ св. Іліи, и часть княжеской дружины состояла изъ христіанъ; при Ольгѣ число ихъ увеличилось еще болѣе. Убѣжденія греческихъ проповѣдниковъ поколебали наконецъ самого Владиміра, и онъ, посовѣтовавшись съ своими боярами и кіевскими старѣйшинами, задумалъ принять новую вѣру. (Посольство, отправленное въ разныя земли для испытанія различныхъ религій, поражено красотой византійскаго богослуженія). Въ то время случилась война съ Греками; Владиміръ предпринялъ походъ на Таврической полуостровъ и осадилъ Корсунъ; граждане защищались мужественно, и князь далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Когда же Корсунцы сдались, онъ послалъ просить у греческихъ императоровъ Василія и Константина руку ихъ сестры Анны, и объявилъ о своемъ намѣреніи креститься. Обрадованные цари поспѣшили прислать сестру и священниковъ, которые немедленно окрестили Русскаго князя, его сыновей и дружину (988 г.).

Въ Кіевѣ Владиміръ приказалъ истреблять языческіе жертвенники (требища) и сокрушать идоловъ. Перунъ по его повелѣнію былъ привязанъ къ конскому хвосту, и осыпaeмый палочными ударами свезенъ въ Днѣпръ; народъ плакалъ, смотря на такое поруганіе. Священники между тѣмъ ходили по городу и проповѣдывали христіанство. Такъ какъ многіе граждане медлили принять новую религію, то князь поступилъ рѣшительно; онъ велѣлъ Кіевлянамъ собраться на берегъ Днѣпра, и здѣсь торжественно былъ совершенъ надъ ними обрядъ крещенія. Послѣ того Владиміръ посылалъ проповѣдниковъ по другимъ русскимъ городамъ и строилъ вездѣ христіанскіе храмы; желая образовать собственное русское духовенство, онъ приказалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ для книжнаго обученія священникамъ, пріѣхавшимъ изъ Греціи и Болга-

рін. Матери этихъ мальчиковъ, по замѣчанію лѣтописца, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, «потому что еще не утвердились въ новой вѣрѣ». Видѣть съ христіанскою вѣрою въ Россію перешли и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ *. Христіанство распространилось сначала по великому водному пути отъ Кіева до Новгорода и вообще по главнымъ городамъ; въ другихъ же мѣстахъ долго еще господствовало язычество. Особенно упорное сопротивленіе новая религія встрѣтила на сѣверѣ по сосѣдству съ Финнами. Въ Новгородѣ язычники подняли мятежъ и были усмирены только силою оружія; послѣ чего, также какъ Кіевлянъ, ихъ собрали на рѣку Волховъ, и окрестили. Идолъ Перуна съ такимъ же поруганіемъ, какъ въ Кіевѣ, брошенъ въ Волховъ**.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ не стремился болѣе къ расширенію русскихъ предѣловъ; а заботился о томъ, чтобъ обезопасить ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, особенно со стороны Печенѣговъ. Съ этою цѣлію князь строилъ по Днѣпру и его притокамъ новые города, и населялъ ихъ военными людьми изъ сѣверныхъ областей. Кромѣ того онъ нерѣдко выходилъ въ поле съ своей храброй дружиной, чтобы отражать набѣги степныхъ варваровъ; или посылалъ воеводъ усмирять мятежи и разбои язычниковъ, которые изъ городовъ бѣжали въ лѣса и степи и тамъ собирались въ многочисленныя шайки. Лѣтописецъ изображаетъ Владиміра — христіанина княземъ набожнымъ и ласковымъ. Онъ созидалъ храмы (напр. Десятинная церковь Богородицы въ Кіевѣ), щедро надѣлялъ духовенство доходами и привилегіями, устраивалъ частыя пиры на княжескомъ дворѣ для народа, раздавалъ большую милостыню нищимъ, а для больныхъ и слабыхъ приказывалъ развозить по горо-

* Письмена Славянскія изобрѣтены въ IX в. свв. братьями Кирилломъ и Меодіемъ для Дунайскихъ Болгаръ и Моравовъ. Есть извѣстіе, что эти братья приходили также въ землю юннорусскихъ Славянъ и проповѣдывали здѣсь христіанство.

** Посадникъ Добрыня дядя Владиміра и тысящій Путята, усмиряя мятежъ, сожгли часть города. Отсюда сохранилась у Новгородцевъ поговорка: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ».

ду медъ и съѣстные припасы. Особенно князь любилъ свою дружину и не жалѣлъ для нея имѣнiя. Съ дружиною, по обычаю того времени, онъ совѣтовался о всѣхъ предпрiятiяхъ, о военныхъ дѣлахъ и земскихъ уставахъ. Его щедрость и слава собрали около него лучшихъ витязей того времени. (Изъ нихъ лѣтописъ упоминаетъ Яна Усмовича, Рогдая богатыря и др.). Народныя русскiя пѣсни до позднѣйшихъ временъ сохранили воспоминанiе о Владимiрѣ «Красное Солнышко» и его «могучихъ богатыряхъ».

Сынъ Владимiра
Сыновья Владимiра. Будучи отцомъ многочисленнаго семейства, Владимiръ, по обычаю того времени, почти всѣ свои области раздалъ въ управленiе сыновьямъ. Замѣчательнѣйшiе изъ нихъ были: Изяславъ (отъ Рогнѣды), получившiй въ удѣлъ Полоцкое княжество, какъ наслѣдiе своего дѣда Рогволда; потомъ Святополкъ Туровскiй, Ярославъ Новгородскiй, Борисъ Ростовскiй и Мстиславъ Тмутараканскiй. Самою нѣжною отцовскою любовью пользовался Борисъ Ростовскiй, кроткiй, благочестивый юноша, подававшiй прекрасныя надежды. Владимiръ отправилъ его съ кiевскою дружиною на Печенѣговъ; а самъ вскорѣ заболѣлъ и скончался въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ (1015 г.). Святополкъ Туровскiй немедленно прискакалъ въ Кiевъ, и объявилъ себя старшимъ, т. е. великимъ княземъ Кiевскимъ. Опасаясь соперничества со стороны Ростовскаго князя, онъ послалъ къ нему убiйцу. Между тѣмъ Борисъ, отпустивъ домой отцовскую дружину, остался съ немногими отроками или воинами въ шатрахъ на берегу рѣки Альты (впадающей въ Трубежь близъ южнаго Переяславля). Здѣсь нашли его клевереты Святополка, и умертвили. Увлеченный успѣхами перваго злодѣянiя, Туровскiй князь замыслилъ истребить всѣхъ братьевъ, чтобы одному владѣть Русскою землею. Ему удалось убитъ еще двоихъ (Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго); но Ярославъ Новгородскiй положилъ конецъ такому злодѣйству.

Ярославъ въ то время находился въ ссорѣ съ Новгородцами. Причиною ссоры была наемная варяжская дружина, позволявшая себѣ обижать гражданъ и ихъ женъ. Новгородцы воз-

стали противъ иноземцевъ и избили большую часть Варяговъ. Раздраженный Ярославъ измѣннически умертвилъ главныхъ зачинщиковъ. Вдругъ изъ Кіева отъ сестры Предславы пришло къ нему извѣстіе объ избіеніи братьевъ и о замыслахъ Святополка. Ярославъ поспѣшилъ помириться съ Новгородцами, и, присоединивъ къ нимъ Варяговъ, пошелъ на Кіевъ. На встрѣчу ему вышелъ Святополкъ съ своею дружиною и наемными толпами Печенѣговъ. Сѣверное и южное ополченіе сошлись на берегахъ Днѣпра подлѣ Любеча, и долго ни одно изъ нихъ не рѣшалось перейти рѣку. Воевода Святополковъ, по прозванію Волчій Хвостъ, по обычаю того времени, началъ осыпать противняковъ насмѣшками и бранью. „Эй вы плотники — кричалъ онъ Новгородцамъ черезъ рѣку — зачѣмъ пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? Вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы“. Новгородцы жестоко оскорбились; они въ ту же ночь перѣехали рѣку, и оттолкнули лодки отъ берега. Ярославъ велѣлъ имъ перевязать головы платками, чтобы въ сѣчѣ различать своихъ. Между тѣмъ Святополкъ, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ съ своею дружиною. Печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не могли помочь ему во-время, и дружина его потерпѣла полное пораженіе.

Побѣжденный Святополкъ нашелъ убѣжище у своего тестя польскаго короля Болеслава Храбраго, и при его помощи снова занялъ Кіевъ. Но когда Болеславъ разсорился съ нимъ и ушелъ къ себѣ въ Польшу, Ярославъ съ Новгородцами и Варягами опять напалъ на Святополка, и поразилъ его на берегу Альты, тамъ, гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ. Святополкъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти; народъ далъ ему прозваніе окаяннаго (подобный Каину). А Борисъ и Глѣбъ приобрѣли въ народѣ славу свв. мучениковъ.

Ярославъ I. Окончивъ трудную борьбу съ свирѣпымъ братоубійцею, Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, и, по выраженію лѣтописи, «утеръ потъ съ своею дружиною». Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми землями умершихъ братьевъ; но нашелъ опаснаго соперника въ Мстиславѣ Тмутараканскомъ, который уже успѣлъ прославить себя разными

недвижими въ странахъ Прикавказскихъ *. Послѣдній побѣдилъ старшаго брата, и заставилъ его раздѣлить земли пополамъ. Только по смерти Мстислава удалось Ярославъ соединить въ своихъ рукахъ всю Русь, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла. Онъ возвратилъ Червенскіе города (Галицію), завоеванные у Поляковъ Владиміромъ Св., но отнятыя потомъ Болеславомъ Храбрымъ; а Печенѣгамъ нанесъ однажды такое сильное пораженіе, что они съ тѣхъ поръ почти прекратили свои набѣги. При немъ былъ послѣдній морской походъ на Византію: за неисполненіе договоровъ великій князь послалъ на Грековъ войско педъ начальствомъ одного изъ своихъ сыновей (Владиміра); но русскій флотъ потерпѣлъ крушеніе отъ бури.

Подобно своему отцу Ярославъ старался заселить пустынные мѣста и укрѣплять границы. На югѣ со стороны степей онъ строилъ еще нѣсколько городовъ, и населялъ ихъ отчасти плѣнными Поляками. Изъ городовъ, основанныхъ имъ на сѣверѣ, замѣчательны Юрьевъ въ землѣ Чуди и Ярославль на берегу Волги; первый названъ христіанскимъ именемъ великаго князя, а второй языческимъ. Ярославъ занимался также устроеніемъ христіанской церкви, любилъ духовенство, особенно монаховъ; прилежно читалъ священныя книги, собиралъ писцовъ, и заставлялъ переписывать рукописи или переводить книги съ греческаго на славянскій языкъ. Онъ любилъ строить и украшать храмы (замѣчательны построенныя при немъ храмы св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ). Какъ и Владиміръ Св., онъ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ въ ученіе къ церковнослужителямъ. Вообще Ярославъ принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи христіанства между подчиненными племенами.

* Лѣтопись рассказываетъ, что Мстиславъ однажды сошеяся на битву съ кочевскими княземъ и богатыремъ Редедю. Они условились рѣшить войну собственнымъ поединкомъ. Противники схватились. Мстиславъ одолѣлъ Редедю, и взялъ его живымъ, жену и дѣтей. Подобные поединки были въ обычаѣ того времени. Такъ при Владимірѣ Св. однажды война съ Печенѣгами была рѣшена единоборствомъ русскаго юноши Яна Усмовича съ печенѣжскимъ богатыремъ, котораго онъ задушилъ въ своихъ объятіяхъ и бросилъ на землю.

Онъ сильно преслѣдовалъ языческихъ волхвовъ, которые часто волновали сѣверныя племена и возбуждали ихъ противъ новой религіи. Такъ въ 1024 г. въ Суздальской области былъ голодъ. Волхвы возмутили народъ, и начали избивать старухъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, будто онѣ скрываютъ у себя хлѣбъ и причиняютъ голодъ. Услыхавъ о мятежѣ, Ярославъ, бывшій тогда въ Новгородѣ, поспѣшилъ въ Суздаль, схватилъ волхвовъ, однихъ казнилъ, другихъ заточилъ и водворилъ тишину. Между тѣмъ многіе жители отправились по Волгѣ въ Камскую Болгарію, привезли оттуда хлѣба, и голодъ прекратился.

Ярославъ много заботился о водвореніи гражданскаго порядка и суда, и пользуется славою перваго русскаго законодателя: ему приписываютъ собраніе постановленій, извѣстное подъ именемъ «Русской Правды». Этотъ князь занималъ почетное мѣсто въ ряду сѣверныхъ ему европейскихъ государей, со многими изъ нихъ находился въ родственныхъ связяхъ *. Онъ умеръ въ 1054 году. (Мраморная гробница его, украшенная изваяніями, уцѣлѣла до нашего времени въ Кіево-Софійскомъ соборѣ).

Въ тѣ времена еще не было понятія о Русской землѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ государствѣ: князья считали ее своею собственностью, и наравнѣ съ прочимъ имуществомъ дѣлили между сыновьями и другими родственниками. У Ярослава оставалось въ живыхъ пять сыновей, и, по словамъ лѣтописца, онъ распорядился о наслѣдствѣ слѣдующимъ образомъ:

«Кіевъ и Новгородъ я поручаю старшему сыну моему Изяславу, котораго вы почитайте также какъ меня, потому что онъ будетъ вамъ вмѣсто отца; Святославу даю волость Черниговскую, Всеволоду Переяславскую, Игорю Владиміро-Волынскую, а Вячеславу Смоленскую». «Если будете жить въ любви и мирѣ, — замѣтилъ отецъ — то Богъ будетъ за васъ и покорить вамъ враговъ вашихъ.

* А именно: съ королями Французскимъ, Венгерскимъ, Шведскимъ, Норвежскимъ, Польскимъ и съ императоромъ Греческимъ. Бракъ Ярославовой дочери Елизаветы съ норвежскимъ принцемъ Гаральдомъ Сильнымъ украшенъ въ сѣверныхъ сагахъ поэтическими подробностями.

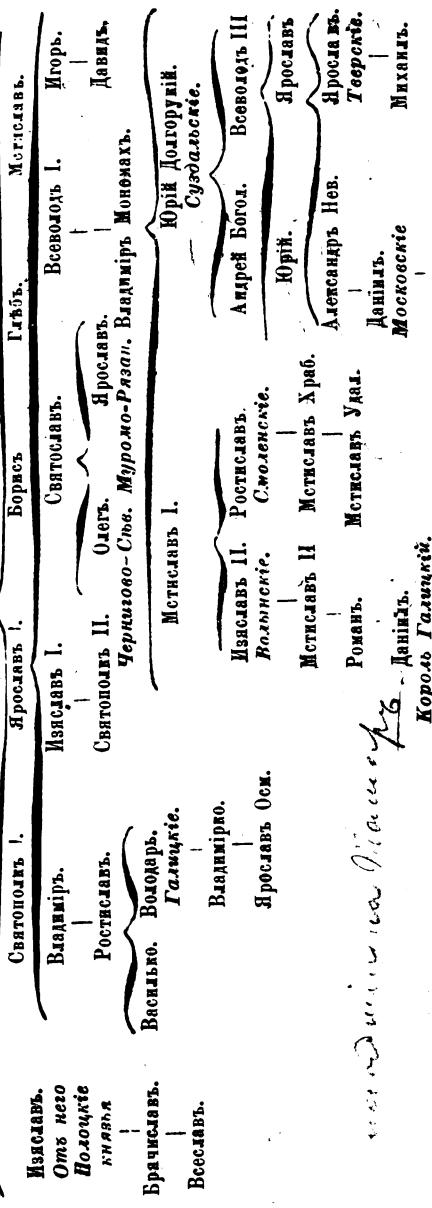
Если же возненавидите другъ друга и начнете жить между собою въ браняхъ и распряхъ, то сами погибнете и погубите землю своихъ отновъ и дѣдовъ, которую они стѣжали великими трудами». Потомъ; запретивъ имъ отнимать волости у братьевъ или изгонять ихъ, онъ обратился къ Изяславу, и прибавилъ: «Если же кто вздумаетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному».

II. РАЗВИТІЕ УДѢЛЬНО-ВЪЧЕВОЙ СИСТЕМЫ.

Сыновья Ярослава I. Нѣсколько лѣтъ они жили въ мирѣ и согласіи и общими силами боролись противъ вышнихъ враговъ. Въ то время на югъ Россіи появился новый кочевой народъ, Половцы. Отчасти истребивъ Печенѣговъ, отчасти смѣшавшись съ ними, они заняли южныя степи, и открыли непрерывные набѣги на русскія области. Изяславъ съ братьями попытался отравить варваровъ, но потерпѣлъ на первый разъ сильное пораженіе.

Прибѣжавъ съ поля битвы, Кіевляне собрались на вѣче, и послали сказать великому князю: „Половцы разстѣялись по Русской землѣ; дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ ними“. Изяславъ отказалъ. Тогда граждане подняли мятежъ, освободили изъ темницы князя полоцкаго Всеслава (который былъ обманомъ захваченъ въ плѣнъ своими дядями Ярославичами), и провозгласили его великимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу къ своему родственнику Болеславу Смѣлому, и, получивъ отъ него помощь, пошелъ на Кіевъ. Всеславъ съ Кіевлянами вышелъ противъ него; но дорогою тайкомъ убѣжалъ въ свой Полоцкъ. Кіевляне воротились въ городъ, и на вѣчѣ рѣшили послать къ братьямъ великаго князя, чтобы они пришли и защитили Кіевъ отъ Поляковъ и отъ мести Изяслава. „Если не можете намъ—говорили они,—то зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю“. Святославъ и Всеволодъ дѣйствительно вступились за нихъ, и велѣли сказать старшему брату: „Не води Ляховъ на Кіевъ; если же хочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола“. Изяславъ послушался, но не вполне. Сынъ его, вошедшій въ городъ съ передовой дружиной,

В Л А Д И М І Р Ь Св.

Король Галицкій.
Даниль.
Мстиславъ Удал.
Романъ.
Мстиславъ Храб.
Мстиславъ II
Мстиславъ Храб.
Волынскіе.
Изяславъ II.
Ростиславъ.
Андрей Богол.
Всеволодъ III

Иванъ I. Калита.

Симеонъ Горд.
Иванъ II.

Дмитрій Донской
 Василій I.
 Юрій.

Веселій II Топя.
 Дмитрій Шемяка.
 Иванъ III.

Василій III.

Иванъ IV Грозный.

Феодоръ.

многихъ гражданъ избилъ, а другихъ ослѣпилъ, мстя за освобожденіе Всеслава Полоцкаго.

Нагонецъ и сами Ярославичи, позабывъ отцовское завѣщаніе, разсорились между собою: Святославъ и Всеволодъ вооружились на старшаго брата, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Германію; а на кievскомъ столѣ сѣлъ Святославъ Черниговскій. Только послѣ смерти соперника Изяславъ помирился со Всеволодомъ и опять занялъ Кіевъ, но не надолго; онъ погибъ въ войнѣ съ собственными племянниками, которымъ не хотѣлъ дать наследственныхъ удѣловъ (1078 г.).

На великокняжескомъ престолѣ, по понятіямъ того времени, долженъ былъ сидѣть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и такъ какъ дяди считались старше своихъ племянниковъ, то Кіевъ перешелъ не къ сыну Изяслава, а къ его брату Всеволоду. Кромѣ продолжавшихся междоусобій, Россія страдала при немъ отъ половецкихъ набѣговъ, отъ голода, мора и корыстолюбія княжескихъ тиуновъ (судей). Только благодаря побѣдамъ своего знаменитаго сына Владиміра Мономаха, Всеволодъ крѣпко держался на престолѣ до самой своей смерти (1093 г.) Изъ сыновей Ярослава I никого уже не было въ живыхъ; поэтому внукъ его Святополкъ Изяславичъ остался теперъ старшимъ въ родѣ.

Событія при внукахъ Ярослава. Святополкъ II, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, не имѣлъ достаточно ни ума, ни твердости характера, чтобы держать въ страхѣ внѣшнихъ враговъ и устранять внутреннія распри. Княженіе его ознаменовалось смутами и бѣдствіями; особенно сильны были междоусобія за Черниговъ и за Волынь.

Изяславъ I и Всеволодъ лишили своихъ племянниковъ Святославичей Черниговской волости, т. е. лучшей части ихъ наследственного удѣла, предоставивъ имъ отдаленную Тмутаракань и бѣдныя Муромо-Рязанскія земли. Та же несправедливость продолжалась и во время Святополка II. Но Святославичи ни за что не хотѣли отказаться отъ Чернигова, и съ помощью наемныхъ половец-

нихъ дружинъ нѣсколько разъ пытались вернуть себѣ отцовскій городъ. Они первые распространили пагубный обычай князей: во время междоусобій призывать на помощь дикихъ Половцевъ, которые жгли, грабили русскія земли и уводили множество плѣнныхъ въ свои станы или вежи. Между Святославичами болѣе всѣхъ прославился смѣлымъ, беззаконнымъ характеромъ Олегъ, прозванный въ народѣ «Гориславичемъ». Наконецъ внуки Ярослава собрались на общій совѣтъ въ Любечѣ, и тутъ положили, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ отцовскимъ достояніемъ. Черниговская область поэтому была возвращена Святославичамъ. Договоръ свой князь по обычаю скрѣпилъ крестнымъ цѣлованіемъ и разѣхались (1097 г.).

Но въ то время, какъ на востокѣ Россіи прекратилась борьба за Черниговъ, на западѣ началось сильное междоусобіе за волости Владиміро-Волынскія. На Любецкомъ съѣздѣ онѣ были раздѣлены между Давидомъ Игоревичемъ и его двоюродными племянниками Ростиславичами. Недовольный тѣмъ, что лучшая часть Волыни досталась на долю Василька и Володаря Ростиславичей и опасаясь имѣть въ сосѣдствѣ этихъ воинственныхъ князей, Давидъ Игоревичъ рѣшился на злодѣйскій поступокъ, и первый нарушилъ крестное цѣлованіе съ братьями. Онъ обвинилъ передъ великимъ княземъ Василька въ разныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, и такъ напугалъ легковѣрнаго Святополка, что тотъ заманилъ къ себѣ несчастнаго Ростиславича и выдалъ Давиду; а послѣдній приказалъ его ослѣпить и посадить въ темницу.

Вотъ какимъ образомъ лѣтописецъ рассказываетъ подробности этого чернаго дѣла:

Василько съ дружиною своею, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева, и остановился ночевать недалеко отъ города. На слѣдующее утро Святополкъ прислалъ ему сказать: „не уходи отъ моихъ имянничъ“. Василько отвѣчалъ, что спѣшить домой. Святополкъ просилъ его захватить хотя на короткое время. Тотъ согласился, и съ нѣсколькими слугами поѣхалъ въ Кіевъ. Дорогою встрѣтилъ его одинъ отрокъ, и сказалъ: „не ходи, князь, тебя хотятъ схватить“. Князь не повѣрилъ отроку,

и продолжалъ путь. Въ деревнѣ у Святополка онъ встрѣтился съ Давидомъ; между тѣмъ какъ хозяинъ разговаривалъ съ гостемъ, Давидъ сидѣлъ молча, потупивъ взоры. Святополкъ вышелъ изъ комнаты подѣ предлогомъ распорядиться о завтракѣ вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василька тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. На другой день (такъ какъ по обычаю князь о всякомъ важномъ дѣлѣ совѣтывался съ дружиною и лучшими людьми) Святополкъ собралъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ кievскими старѣйшинами, и сообщилъ имъ, что, по словамъ Давида, Василько и Владиміръ Мономахъ стговорились убить великаго князя и завладѣть его городами. Совѣтники дали отвѣтъ уклончивый: „Ты, князь долженъ беречь свою голову, и, если это справедливо, Василько подлежитъ наказанію; но, если Давидъ сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ“. Великій князь послѣ нѣкотораго колебанія склонился на увѣщанія Давида, и отдалъ плѣнника въ его руки. Ночью Ростиславича привезли въ Бѣлгородъ, и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Здѣсь Василько увидалъ пастуха, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить, и горько заплакалъ. Дѣйствительно, вошли два конюха, одинъ Святополковъ, другой Давидовъ, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; тотъ отчаянно защищался; позвали еще двоихъ. Василька повалили, положили ему на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; кости несчастнаго захрустѣли. Тогда пастухъ, точившій ножъ (родомъ Торчинъ), съ истинно звѣрскою жестокостью совершилъ ослѣпленіе. Замертво положили князя на телегу, и повезли во Владиміръ. Когда проводники остановились объѣдать въ мѣстечкѣ Здвиженѣ, они сняли съ Василька сорочку и отдали вымыть попадѣ. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадѣ начала плакать по немъ, какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, и, ощупавъ грудь, сказалъ: „зачѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть бы я умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею явился передъ судомъ Всевышняго“. Во Владиміръ Давидъ посадилъ плѣнника въ темницу, и приставилъ къ нему 30 воиновъ. Стараніями Володаря однако Василько былъ освобожденъ, и въ слѣдующихъ за-

тѣмъ междоусобіяхъ, онъ, хотя слѣпой, не разъ выѣхалъ съ братомъ водить на битву свою дружину.

Владиміръ Мономахъ и другіе князья пришли въ сильное негодованіе, когда узнали о вѣроломномъ ослѣпленіи Василька. По требованію ихъ Святополкъ долженъ былъ наказать Давида за клевету. Произошла междоусобная война, которая окончилась новымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ, близъ Кіева. На этомъ сеймѣ Давидъ былъ наказанъ тѣмъ, что у него отняли Владиміръ Волинскій.

Послѣ Витичевского съѣзда князья соединенными силами обратились на Половцевъ, и совершили нѣсколько славныхъ походовъ въ глѣбъ половецкихъ степей. Главнымъ героемъ этихъ походовъ явился Владиміръ Мономахъ. Особенно замѣчательно сраженіе на берегахъ Сала: варвары, «подобно густому бору», со всѣхъ сторонъ окружили русское войско; но были разбиты на голову, и долго потомъ не смѣли тревожить Русскую землю.

По смерти Святополка II (1113 г.) Кіевъ по порядку старшинства долженъ былъ перейти къ одному изъ Святославичей; но такъ какъ отецъ ихъ захватилъ великокняжескій столъ силою и скончался прежде старшаго брата, то не всѣ родичи признавали за ними право старшинства. Къ тому же Кіевское вѣче объявило рѣшительно, что оно никого не хочетъ имѣть своимъ княземъ кромѣ Владиміра Мономаха. Послѣдній дѣйствительно занялъ великое княженіе, и Святославичи на этотъ разъ молчаніемъ подтвердили его избраніе. Не даромъ Кіевляне питали такую любовь къ Мономаху: личными качествами и заслугами онъ рѣзко выдавался изъ толпы своихъ родичей. Лѣтопись изображаетъ его идеаломъ русскаго князя: онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепрѣимства, и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятіе о великокняжеской власти; младшіе родичи повиновались ему какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести междоусобіа, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги приносили, и тишина водворилась при немъ въ Русской землѣ. Мо-

вомахъ впрочемъ не упустилъ изъ виду собственныхъ интересовъ, и умѣлъ искусно воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы большую часть Руси соединить подъ властію своего дома *.

Въ назиданіе сыновьямъ Владиміръ Мономахъ написалъ „Пученіе“, въ которомъ изобразилъ свою неутомимую дѣятельность. Большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ; дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ: до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту и т. д. „Всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ неупомяну. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ двѣхъ коней вдругъ по нѣскольку, два раза буйволъ металъ меня на своихъ рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, волкъ повалилъ коня подо мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ“. Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ даетъ имъ между прочимъ слѣдующія наставленія: „Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни; на войнѣ не полагайтесь на воеводу, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти; стараго человека почитайте какъ отца, а молодого какъ брата; строго соблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ, ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу“.

Мономаховичи и Ольговичи. Владиміру наследовалъ старшій сынъ его Мстиславъ (1125 г.); умомъ и твердостью характера онъ походилъ на отца, и подобно ему умѣлъ держать въ повиновеніи младшихъ князей. Когда полоцкіе князья не хотѣли признать

* Говорятъ, византійскій императоръ Алексѣй Комнень прислалъ Владиміру въ числѣ другихъ даровъ драгоцѣнный вѣнецъ и золотыя бармы (оплечье), принадлежавшія прежде императору Константину Мономаху. (Послѣдній былъ дѣдомъ Владиміра по матери; вѣроятно по немъ и Владиміръ получилъ названіе Мономаха). Эти регалии стали возлагаться потомъ на русскихъ государей при ихъ коронованіи; онѣ хранятся теперь въ Московскои Оружейной палатѣ.

его верховной власти и не послушали его призыва идти на Половецъ, онъ изгналъ ихъ изъ наслѣдственныхъ удѣловъ. Послѣ смерти Мстислава въ самой семьѣ Мономаха произошли раздоры, которыми воспользовались сыновья Олега Святославича; они завладѣли великимъ Кіевскимъ княженіемъ, но не могли долго удерживать его за собою. Кіевляне не любили Ольговичей, и отличались особенною приверженностію къ роду Мономаха. Однажды они призвали къ себѣ на престолъ его внука Изяслава (1146.). Но, исполнивъ желаніе Кіевлянъ, послѣдній нарушилъ права родныхъ дядей. Одинъ изъ нихъ Юрій Суздальскій, прозванный «Долгорукимъ», предъявилъ свои права на старшій столъ; Изяславъ II не хотѣлъ уступить. Тогда между дядею и племянникомъ завязалась упорная борьба, замѣчательная какъ по личности соперниковъ, почти не уступавшихъ другъ другу въ талантахъ и энергіи, такъ и по своимъ размѣрамъ: едва ли не всѣ русскія княжества были увлечены въ эту борьбу; одни стояли за дядю, другіе за племянника; въ ней принимали участіе Венгры и Половцы. Храбрый Изяславъ былъ два раза изгнанъ изъ Кіева; однако при помощи зятя своего, Венгерскаго короля, онъ взялъ наконецъ верхъ, и умеръ великимъ княземъ (1154 г.).

Вотъ нѣкоторыя подробности изъ борьбы Изяслава съ Юріемъ, характеризующія то время (по Кіевской или Ипатьевской лѣтописи):

Въ 1151 году Изяславъ съ помощью Венгровъ вторично отнялъ Кіевъ у Юрія Долгорукаго. Но чувствуя, что право старшинства остается на сторонѣ дяди, племянникъ призвалъ въ Кіевъ другаго своего дядю, Вячеслава; послѣдній былъ старше Юрія Долгорукаго, но по своему добродушію и миролюбію не хотѣлъ оружіемъ добиваться Кіевского княженія. Изяславъ призналъ Вячеслава великимъ княземъ кіевскимъ; а Вячеславъ усыновилъ его, и оставилъ за нимъ дѣйствительную власть, удержавъ за собою только титулъ. Юрій однако не думалъ уступать противнику, соединился съ своими союзниками князьями черниговскими, призвалъ на помощь степныхъ варваровъ, и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева.

Сначала завязалась борьба на рѣкѣ; съ той и другой стороны выѣзжали воины въ ладьяхъ, и бились. Изяславъ искусно устроилъ свои ладьи: гребцы были закрыты сверху досчатой палубой, на которой стояли стрѣлки въ бронеяхъ и метали стрѣлы; а рулевыхъ вездѣ по двое, одинъ на носу, другой на корму, такъ что ладья могла ходить впередъ и назадъ, неповорачивая. Не успѣвъ переправиться подъ самымъ Кіевомъ, Юрій двинулся далѣе на югъ. Изяславъ съ Кіевлянами и союзными князьями слѣдовалъ за нимъ по другому берегу. Наконецъ Юрію удалось переправиться: онъ послалъ одного изъ сыновей съ частію дружины и съ Половцами далѣе, къ Зарубскому броду, у котораго стоялъ воевода Изяславовъ съ небольшимъ отрядомъ. Половцы, поднявъ копыя и щиты, на коняхъ бросились въ бродъ; а Русскіе поплыли въ ладьяхъ. Кіевская стража не стала защищать переправу, и обратилась въ бѣгство, „потому что никого изъ князей съ ней небыло; а боярина не всѣ слушали“. Вслѣдъ за сыномъ переправился Юрій со всѣмъ ополченіемъ. Изяславъ отступилъ къ Кіеву и расположилъ свои силы около города. Въ его войскѣ, также какъ у Юрія, находились кочевые народцы, Торки, Берендѣи и Печенѣги, извѣстные подъ общимъ названіемъ Черныхъ Клобуковъ (вѣроятно отъ своихъ черныхъ бараньихъ шапокъ). Эти народы, тѣснимые Половцами, поселились въ южныхъ кіевскихъ предѣлахъ, и доставляли вспомогательные отряды великому князю. Но, также какъ и Половцы, они отличались хищнымъ характеромъ, и при случаѣ грабили своихъ же союзниковъ.

Вячеславъ послалъ уговаривать Суздальскаго князя, чтобы онъ не проливалъ христіанской крови. „Я уже былъ брадатъ, когда ты родился — велѣлъ онъ сказать Юрію; — хочешь ли опять лишить меня старшинства?“ Юрій оставался непреклоненъ; но, потерпѣвъ нѣсколько неудачъ, онъ отступилъ, и пошелъ на соединеніе съ своимъ союзникомъ сильнымъ галицкимъ княземъ Владиміромъ. Изяславъ его преслѣдовалъ. Къ нему также шла помощь; сынъ Изяслава Мстиславъ прислалъ сказать, что онъ ведетъ многочисленныя полки Венгровъ, которые уже спустились съ Карпатскихъ горъ. Изяславъ однако не сталъ ихъ дожидаться, потому что Владиміръ могъ предупре-

дять. На берегахъ рѣчки Рута Кіевскій князь догналъ Юрія и принудилъ его остановиться. Ударили въ бубны, затрубили въ трубы; полки начали готовиться къ битвѣ. Войска Юрія устроилъ сынъ его Андрей (Боголюбскій), который обнаружилъ большую отвагу во время этой войны. Изяславъ, бывшій очень искуснымъ вождемъ, устроилъ кіевскую рать. Побѣда осталась на его сторонѣ. Половцы, смѣлые наѣзники въ мелкихъ войнахъ, не отличались стойкостію въ правильной битвѣ, и первые бросились бѣжать. Во время бѣгства много Юрьевой дружины потонуло въ тинистомъ Рутѣ. Побѣдитель Изяславъ тяжело раненый упалъ съ коня. Когда онъ поднялся съ земли, нѣкоторые пѣшіе Кіевляне приняли его за непріятеля и хотѣли убить. „Я князь“, сказалъ Изяславъ. „Тѣмъ лучше“, отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ, и ударилъ мечемъ по княжескому шлему, на которомъ блистало золотое изображение св. Пантелеймона. (Это было христіанское имя Изяслава). „И вашъ князь“, сказалъ Изяславъ, и снялъ шлемъ. Обрадованные Кіевляне подняли его на руки, и провозгласили: „киріе элейронъ!“ (обычный молитвенный припѣвъ).

Послѣ смерти Изяслава II Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Когда же онъ достался сыну Изяслава (Мстиславу II), въ потомствѣ Мономаха произошла опять борьба между дядею и племянникомъ; только исходъ ея на этотъ разъ былъ другой. Андрей Боголюбскій (сынъ Долгорукаго) въ свою очередь предъявилъ права на старшинство, и суздальскія войска подступили къ Кіеву. Граждане рѣшились защищать своего князя; но городъ былъ взятъ приступомъ, и преданъ на разграбленіе; чего, по замѣчанію летописца, еще никогда не случалось съ «матерію русскихъ городовъ» (1169 г.). Этимъ однако униженіе не кончилось: завладѣвъ Кіевомъ, Андрей посадилъ тамъ одного изъ младшихъ братьевъ; самъ же, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ на Клязьмѣ. Съ тѣхъ поръ Кіевъ долженъ былъ раздѣлять свое прежнее значеніе первопрестольнаго города съ едва извѣстнымъ дотогѣ Владиміромъ. Между тѣмъ какъ послѣдній сталъ все болѣе и болѣе возвышаться и сдѣлался главою сѣверо-восточной Руси,

первый продолжалъ еще служить яблокомъ раздора для южно-русскихъ князей, и переходилъ во власть то Мономаховичей, то Ольговичей, пока татарскимъ разореніемъ не былъ нанесенъ ему окончательный ударъ *.

Около половины XII столѣтія, вслѣдствіе сильнаго размноженія Рюрикова потомства, Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княжествъ или «земель»; въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ исключительно одна вѣтвь Рюриковичей, въ каждомъ есть свой старшій или великій князь и младшіе или удѣльные. По большей части здѣсь происходятъ тѣ же междоусобія за старшинство и за удѣлы, которыя мы видѣли въ исторіи сыновей и внуковъ Ярослава I. Въ то же время подъ вліяніемъ самостоятельной жизни вырабатываются областныя особенности въ бытѣ и характерѣ населенія, въ связи съ его разнообразнымъ составомъ и географическимъ положеніемъ. Земли эти слѣдующія:

а) **Суздальская.** Она занимала обширныя пространства по верхнему и нижнему теченію Волги и по ея притокамъ. Отличаясь суровымъ климатомъ, населенная бѣдными финскими племенами (Весь и Меря), она считалась самымъ послѣднимъ удѣломъ между волостями Мономаха, и потому досталась младшему его сыну Юрію Долгорукому. Благодаря хозяйственной дѣятельности Юрія, этотъ глухой край вскорѣ оживился. Главною заботою князя было построеніе новыхъ городовъ, которые онъ старался наполнить переселенцами изъ южной Руси. Такимъ образомъ славянская народность вмѣстѣ съ христіанствомъ начала мало-по-малу распространяться на финскомъ Поволжь**. Кромѣ старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля, здѣсь особенно замѣчательны: Ярославль на Волгѣ,

* Въ Киевскомъ княжествѣ послѣ главнаго города заслуживаютъ вниманіе слѣдующіе удѣльные: Переяславль Русскій на р. Трубежѣ, Бѣлгородъ, Вышгородъ, Васильевъ, Овручъ и др.

** Впрочемъ, нѣкоторыя славянскія поселенія встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ еще за долго до времени Юрія. По всей вѣроятности онѣ были основаны Новгородцами.

Владиміръ на Клязьмѣ, Переяславль на Переяславскомъ озерѣ и Юрьевъ Польскій (на Колокшѣ, впадающей въ Клязьму). Юрій Долгорукій, положившій основаніе сильному Суздальскому княжеству, однако предпочиталъ ему Приднѣпровье и постоянно стремился въ Кіевъ. Послѣ смерти своего соперника Изяслава II онъ наконецъ достигъ своей цѣли, и умеръ на югъ (1157 г.).

Андрей Боголюбскій не подражалъ своему отцу въ стремленіи къ югу: извѣстно, что получивъ старшинство въ родѣ Мономаховичей, онъ не поѣхалъ въ Кіевъ, и продолжалъ жить на сѣверѣ, который представлялъ болѣе тишины и безопасности отъ русскихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ. И здѣсь старымъ вѣчевымъ городамъ, Ростову и Суздалью, великій князь предпочелъ молодой Владиміръ. Возвеличенный и украшенный Боголюбскимъ, этотъ городъ сдѣлался столицей Суздальской области.

Андрей былъ первый изъ русскихъ князей, который рѣшился начать борьбу съ удѣльною системою: такъ, въ собственной землѣ онъ не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ ни племянникамъ, ни сыновьямъ, и княжилъ въ ней единодержавно; кромѣ того онъ явно стремился подчинить себѣ и другія русскія области. Когда былъ завоеванъ Кіевъ, Боголюбскій вступилъ въ борьбу съ Новгородцами; походъ его войска на Новгородъ окончился неудачею; но великій князь прекратилъ подвозы хлѣба изъ волжскихъ городовъ, и Новгородцы смирились. Подъ конецъ своей жизни онъ однако утратилъ господство на югѣ: племянники его, смоленскіе Ростиславичи, оскорбленные повелительнымъ тономъ Андрея, не хотѣли болѣе ему повиноваться, и одинъ изъ нихъ Мстиславъ, по прозванію «Храбрый», разбилъ многочисленную суздальскую рать, пришедшую усмирять южныхъ князей. Стремясь возстановить на Руси единодержавіе Владимира Св. или Ярослава I, Андрей въ то же время хотѣлъ быть самодержавнымъ властителемъ въ своемъ собственномъ княжествѣ; онъ не терпѣлъ противорѣчій, гордо и сурово обращался съ своими дружинниками. Ожесточенные его чрезмерною строгостію, бояре наконецъ составили заговоръ, и убили великаго князя въ его любимомъ селѣ Боголюбовѣ, 1174 г.

Въ Суздальской землѣ произошли смуты и междоусобіа: племянники Боголюбскаго поспорили за старшинство съ его братьями. Племянниковъ поддерживало вѣче старинныхъ городовъ, Ростова и Суздаля, которые завидовали возвышенію Владиміра, потому что онъ изъ младшаго или «пригорода» сдѣлался «стольнымъ княжескимъ городомъ». «Владимірцы наши холопы и каменьщики — говорили Ростовцы; — пожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника». Но Владимірцы, желая удержать свою самостоятельность, мужественно защищали братьевъ Андрея, и послѣдніе взяли верхъ. Одинъ изъ нихъ, Всеволодъ III, по прозванію Большое Гнѣздо (т. е. отецъ многочисленнаго семейства), успокоилъ Суздальскую область, и расширилъ ея предѣлы. Онъ предпринималъ удачные походы на Мордву и Камскихъ Болгаръ, подчинилъ себѣ Рязань, имѣлъ вліяніе на Новгородъ и на событія въ южной Руси. Вообще онъ можетъ служить образцомъ сѣвернорусскихъ князей, у которыхъ отличительными свойствами были осторожность, бережливость и постоянство въ достиженіи своихъ цѣлей. Послѣ смерти Всеволода (1212), Суздальское княжество раздробилось и утратило отчасти свое вліяніе на остальную Русь.

Всеволодъ III, недовольный своимъ старшимъ сыномъ Константиномъ Ростовскимъ, отдалъ великокняжескій столичный городъ Владиміръ второму сыну Юрію. Вслѣдствіе этого по смерти отца братья начали междоусобіе, въ которомъ принялъ участіе и Новгородъ Великій. Около того времени Новгородцы призвали къ себѣ на княженіе третьяго сына Всеволода, Ярослава, удѣльнаго князя Переяславля Залѣскаго. Этотъ суровый и корыстолюбивый князь, поссорившись съ гражданами, уѣхалъ въ ихъ пригородъ Торжокъ, захватилъ многихъ новгородскихъ бояръ и купцовъ, и остановилъ подвозъ сѣстныхъ припасовъ изъ волжскихъ областей. Новгородцы начали терпѣть голодъ. Тогда на помощь къ нимъ явился одинъ изъ смоленскихъ князей, Мстиславъ Удалой. „Не быть Торжку выше Новгорода! — сказалъ онъ — или отыщу мужей и волости, или голову свою положу за Новгородъ“. Онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Ростовскимъ; а Ярославъ соединился съ братомъ

Юриемъ. Оба ополченія сошлись въ Суздальской землѣ на берегахъ рѣчки Липицы (близъ Юрьева Польскаго). Мстиславъ и Константинъ предлагали миръ на выгодныхъ условіяхъ. Юрій и Ярославъ, надѣясь на численное превосходство своей рати, отвѣчали гордымъ отказомъ, и велѣли никого не щадить въ битвѣ, убивать даже и тѣхъ, на комъ будетъ шитое золотомъ оплечье (т. е. знатныхъ людей). Новгородцы сошли съ коней, сняли съ себя верхнюю одежду, сапоги, и пѣшіе ударили на суздальскій лагерь, расположенный на холмѣ за дѣбями и плетнями. Мстиславъ съ сѣкирой въ рукѣ сражался во главѣ конной дружины. Суздальцы были разбиты. Во время бѣгства, Юрій сбросилъ съ себя доспѣхи, загналъ трехъ коней и на четвертомъ въ одной рубашкѣ прискакалъ во Владимірь. Видя вдали скачущихъ всадниковъ, граждане подумали, что это гонцы отъ князя съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и съ удивленіемъ узнали между ними самого князя. Онъ уступилъ старшему брату Владимірскій столъ; а Ярославъ отпустилъ задержанныхъ имъ новгородскихъ бояръ и купцовъ (1216 г.). Спустя три года, Константинъ умеръ, и Владимірское великое княженіе опять перешло къ Юрію II.

Ближайшими сосѣдями Суздальцевъ на востокъ было многочисленное финское племя Мордва. Это дикое и довольно воинственное племя управлялось собственными князьями, и долго сохраняло независимость подъ защитою своихъ дремучихъ лѣсовъ. Оно занималось отчасти земледѣліемъ и пчеловодствомъ; главнымъ же его занятіемъ была охота, и потому Мордвины мѣтко стрѣляли изъ лука. При своихъ походахъ на Мордву русскіе князья обыкновенно старались пользоваться междуособіями мѣстныхъ владѣтелей. За Мордовою далѣе на востокъ лежала земля торговаго и богатаго народа Камскихъ Болгаръ. Но мирныя сношенія русскихъ городовъ съ Болгарами не рѣдко нарушались русскими повольниками, которые грабили болгарскихъ купцовъ. Болгары мстили нападеніями на пограничныя области; а владимірскіе великіе князья, собравъ удѣльныхъ князей, предпринимали походы, и осаждали болгарскіе города. Походы на Мордву и Болгаръ совершались обыкновенно

по Овѣ и Волгѣ: пѣшая рать плыла на судахъ, а конница ходила берегошъ. Такovy походы Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и сына его Юрія II. Этотъ послѣдній для защиты сѣверовосточныхъ границъ отъ Мордвы и Болгаръ построилъ крѣпость Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу.

в. **Черниговская и Сѣверская** обнимали почти всю рѣчную область Десны съ Сеймомъ и верхнее теченіе Оки (земли Сѣверянъ, Вятчей и отчасти Радимичей); онѣ принадлежали поколѣнью Ольговичей. Въ первой землѣ замѣчательные города: Черниговъ, Стародубъ и Любечъ; а во второй: Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Курскъ и Брянскъ. Защищенные густыми лѣсами, Вятчи долго оставались дикимъ языческимъ племенемъ, и управлялись собственными князьями. Только въ XII вѣкѣ они начали принимать христіанство, потеряли окончательно свою самостоятельность, и вошли въ составъ сѣверскихъ княжествъ. Между тѣмъ какъ Ольговичи Черниговскіе стремились завладѣть Кіевомъ и не разъ отнимали его у потомковъ Мономаха, Сѣверскіе должны были вести почти постоянную борьбу съ своими южными сосѣдями Половцами.

Половцы занимали въ тѣ времена почти всѣ южнорусскія степи, и дѣлились на орды, находившіяся подъ властію различныхъ хановъ. У нихъ встрѣчаются нѣкоторые города (Шарукань, Сугровъ и др.); но это былъ народъ по преимуществу кочевой и дикій. Они отличались хищнымъ, жестокимъ характеромъ, и, какъ всѣ кочевники, были хорошими наѣздниками. Пользуясь междоусобіями князей, они частыми набѣгами причиняли много разоренія русскимъ областямъ. Впрочемъ русскіе князья нерѣдко сами дружились съ половецкими ханами, вступали съ ними въ родство, а въ случаѣ неудачъ искали у нихъ убѣжища. Но иногда собирались нѣсколько князей, и общими силами предпринимали походы противъ варваровъ. (Одинъ изъ походовъ сѣверскихъ князей воспѣтъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ»).

с. **Муромская и Рязанская** занимали среднее теченіе Оки и верховья Дона, т.е. земли финскихъ племенъ Муромы и Мещеры.

Также какъ въ Суздальской землѣ, славянскій элементъ проникалъ сюда вмѣстѣ съ городами, которые строили русскіе князья. Главныя изъ нихъ были: Муромъ, Рязань и Переяславль Рязанскій— всѣ три на берегахъ Оки, Коломна при впаденіи Москвы въ Оку и Пронскъ на р. Пронѣ. Эта область считалась самою бѣдною въ удѣлѣ Святослава Ярославича, и пришлось на долю его младшаго сына. Рязанскій край, разоряемый Половцами, ослабляемый внутренними междоусобіями, не могъ успѣшно бороться за свою самостоятельность съ великими князьями Владиміро-Суздальскими, и почти постоянно находился отъ нихъ въ зависимости. Не смотря на плодородіе почвы и богатство естественныхъ произведеній, населеніе этого края было очень бѣдно въ сравненіи съ другими русскими областями. Характеръ и нравы Рязанцевъ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и борьбы съ степными сосѣдями, отличались особенною воинственностію и грубостію.

Образцомъ этой грубости и жестокости нравовъ служить слѣдующее событіе. Два рязанскіе князя, Глѣбъ и Константинъ, подобно Святополку Окаянному, задумали истребить своихъ братьевъ, чтобы завладѣть ихъ удѣлами, и съ этою цѣлью пригласили ихъ на съѣздъ. Шестеро князей (родные и двоюродные братья Глѣба и Константина) послѣдовали приглашенію, и расположились въ шатрахъ на берегу Оки, не далеко отъ главнаго города Рязани. Въ то время какъ они беззаботно пировали въ шатрѣ Глѣба, скрытые въ засадѣ слуги и Половцы, по знаку хозяина, бросились на гостей, и умертвили ихъ всѣхъ со многими боярами и слугами (1217 г.). Слѣдствіемъ этого злодѣянія были новыя междоусобія; братья, оставшіеся въ живыхъ, изгнали убійцъ изъ Рязанской земли.

d) Полоцкая или собственно Бривская лежала въ области Западной Двины, Березины и верхняго Нѣмана. Главнымъ или стольнымъ городомъ былъ Полоцкъ; а изъ удѣльныхъ замѣчательны: Минскъ, Витебскъ и Друцкъ. Здѣсь господствовали потомки Рогнѣды. Между ними болѣе всѣхъ извѣстенъ Всеславъ (въ XI в.), князь безпокой-

наго, властолюбиваго характера и весьма хитрый, такъ что въ народныхъ преданіяхъ онъ является какимъ то чародѣемъ*. Потомки Всеслава, изгнанные изъ своихъ удѣловъ великимъ княземъ кievскимъ Мстиславомъ I, во время междоусобія его преемниковъ успѣли снова овладѣть своей наследственной землею. Этотъ родъ болѣе другихъ отдѣлился отъ Рюрикава племени, и мало принималъ участія въ событіяхъ остальной Руси. Будучи раздроблены на мелкіе удѣлы, часто враждебные другъ другу, кривскія княжества не могли воспрепятствовать Ливонскому Ордену утвердиться на берегахъ Двины въ началѣ XIII вѣка; а спустя нѣсколько времени, они сами подвергаются Литовскому владычеству. (Династія Рюрикава прекратилась здѣсь въ концѣ XII вѣка, и Полоцкъ былъ завоеванъ литовскимъ княземъ Мингайломъ; преемники его впрочемъ приняли христіанство и совершенно обрусѣли).

е) Смоленская находилась въ центрѣ всѣхъ русскихъ областей, занимая верховья Днѣпра и западной Двины (т. е. восточную часть Кривичей). Земля эта, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, имѣла довольно густое и зажиточное населеніе; города ея отличались торговымъ, промышленнымъ духомъ; а жители менѣе другихъ страдали отъ внутреннихъ усобицъ и нападенія внѣшнихъ враговъ. Послѣ Смоленска наиболѣе извѣстны: Торопецъ, Можайскъ и Вязьма. Область Смоленская принадлежала дому Мономахова внука

* Слово о полку Игоревѣ характеризуетъ его слѣдующими словами: «Всеславъ знемъ правилъ судъ народу, назначалъ князьямъ города; а ночью рыскалъ волкомъ; изъ Кіева до пѣтуховъ перескакивалъ въ Тмутаракань; волкомъ перебѣгалъ путь великому Хорсу (солнцу). Ему въ Полоцкѣ рано звонили заутреню у св. Софьи въ колокола, а онъ слышалъ звонъ въ Кіевѣ».

Въ XII вѣкѣ Кривскую Землю начали съ запада тѣснить дикіе Литовцы. Авторъ Слова о Полку Игоревѣ поэтически изображаетъ разединенность кривскихъ князей и смерть одного изъ потомковъ Всеславовыхъ, Изяслава «Уже Двина мутно течетъ подъ крикомъ поганой Литвы. Одинъ только Изяславъ позвонилъ своими острыми мечами о шлемы литовскіе и затмилъ славу дѣда своего Всеслава; но и самъ онъ лежитъ на кровавомъ полѣ, изрубленный мечами литовскими; не было тутъ его братьевъ, и одинъ онъ изронилъ жемчужную душу изъ рѣшпаго тѣла черезъ золотое ожерелье».

Ростислава. Изъ его потомковъ особенно прославились: Мстиславъ Храбрый (поразившій рать Андрея Боголюбскаго) и сынъ его Мстиславъ Удалой, князь Туропецкій. Последний считается образцомъ южнорусскаго князя по своему безпокойному, воиственному характеру, по своимъ блестящимъ, но почти бесплоднымъ подвигамъ.

г) **Волынь и Галиція.** Волинская область, въ тѣсномъ смыслѣ, занимала систему р. Припети (Древляне и Бужане). Города: Владимиръ Волинскій, Луцкъ, Туровъ и др. На западѣ крайними пунктами Волинской земли были Берестье (Брестъ) и Люблинъ. Здѣсь княжила старшая линія Мономаховичей, т. е. потомство Изяслава II. Въ XII стол. самымъ замѣчательнымъ княземъ этой линіи былъ внукъ Изяслава Романъ, который соединилъ подъ властію своего дома Волынь и Галицію.

Галиція или Червонная Русь лежитъ на сѣверовосточныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ, по верхнему теченію Днѣстра и Прута (страна Хорватовъ). Она составляла нѣкогда часть Волыни, а на Любецкомъ сеймѣ отдана въ удѣлъ Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Здѣсь находились города: Перемышль, Тереволь и Звенигородъ. Основателемъ собственно Галицкаго княжества считается Владимирко, сынъ Володаря. Онъ построилъ на Днѣстрѣ городъ Галичь, и соединилъ подъ своею властію всю Червонную Русь. Онъ простиралъ властолюбивые замыслы на сосѣднюю Волынь, и потому былъ усерднымъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ Изяславомъ II. Владимирко въ особенности извѣстенъ своею хитростію и коварствомъ.

По окончаніи борьбы между Юріемъ Долгорукимъ и Изяславомъ II, Владимирко былъ стѣсненъ Кіевскимъ княземъ и Венгерскимъ королемъ. Онъ началъ молить о пощадѣ, подкупилъ совѣтниковъ Венгерскаго короля, и добился мира, присягнувъ возвратить Изяславу захваченные волинскіе города. Но лишь только опасность прошла, Владимирко переѣвилъ тонъ и отказался исполнить условіе. Посланный къ нему отъ Изяслава бояринъ напомнилъ о крестномъ цѣлованіи. Князь посмѣялся

надъ легковѣрїемъ своихъ враговъ, и отослалъ боярина назадъ. Едва посоль успѣлъ расположиться на первомъ ночлегѣ по дорогѣ въ Кіевъ, какъ прискакалъ княжескій отрокъ и воротилъ его въ Галичъ. Здѣсь посоль съ удивленіемъ увидалъ сына Владимірова Ярослава, сидящаго на княжескомъ престолѣ въ траурной одеждѣ. Бояре и слуги были также въ траурѣ. Владимірко внезапно скончался ударомъ. Ярославъ принялъ посла съ честью, и призналъ надъ собою старшинство Изяслава (1152 г.); впрочемъ онъ также не сдержалъ своихъ обѣщаній.

Еще сильнѣе сдѣлалась Галиція при сынѣ Владимірка Ярославѣ Осмомыслѣ *. Онъ прославился не столько военными дѣлами, сколько внутреннимъ устройствомъ княжества, заботами объ умноженіи населенія, объ успѣхахъ торговли и промышленности. Однако, не смотря на свое могущество, онъ не могъ укротить своеволіе галицкихъ бояръ. При тѣсномъ сосѣдствѣ съ Венгріей и Польшей (въ которыхъ господствовало сословіе магнатовъ) боярская аристократія усилилась въ Галичѣ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ древней Руси; бояре имѣли вліяніе не только на вѣдѣшнюю политику и внутреннее управленіе, но вмѣшивались и въ семейныя дѣла князя. (Будучи недовольны вліяніемъ княжеской любимицы Анастасьи, бояре сожгли ее живую, избивши ея приверженцевъ, и взяли съ Ярослава клятву въ томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своею женою). Потомство Володаря Ростиславича въ скоромъ времени прекратилось (1198 г.), и тогда Галиція перешла во владѣніе Романа Волынскаго.

Романъ, князь воинственнаго, энергическаго характера, прославился своими побѣдами надъ Половцами и Литвою. Первые были такъ запуганы, что именемъ его страшали своихъ дѣтей; а литов-

* Въ Словѣ о полку Игоревѣ поэтъ такими словами изображаетъ могущество галицкаго князя и его господство на всемъ югозападѣ Руси: «Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ и желѣзными полками своими подираешь горы Карпатскія, затворяешь ворота Дуная, заступаешь путь королю Венгерскому, открываешь по волѣ ворота Кіеву и далеко мечешь своими стрѣлами».

ских плѣнниковъ, до словамъ преданія, онъ приказывалъ запрягать въ плуги и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни; откуда и произошла поговорка: «Романе! худымъ живеши, Литвою ореши». Завладѣвъ Галичемъ, князь началъ борьбу съ боярами, и безпощадно казнилъ непокорныхъ. (Любимая его поговорка была: «Не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть»). Но онъ не успѣлъ окончить этой борьбы, и погибъ во время одного изъ своихъ походовъ на Польшу. Въ Галиціи и Волинѣ начались смуты: въ ихъ дѣла вмѣшивались почти всѣ сосѣди (Венгры, Поляки и Русскіе князья). Переходя изъ рукъ въ руки, Галичъ на нѣкоторое время достался Мстиславу Удалому; а послѣ его смерти (1228 г.) здѣсь утвердился сынъ Романа Данииль. Онъ возобновилъ борьбу съ непокорными боярами, но не былъ такъ жестокъ, какъ его отецъ: съ умомъ и мужествомъ Данииль Романовичъ соединялъ замѣчательное благородство характера.

г) **Новгородская община.** Ей принадлежала великая озерная область которая ограничивалась съ одной стороны, частью Финскаго залива, Чудскимъ озеромъ и верховьями Волги, съ другой Бѣлымъ моремъ и Сѣверною Двиною. Область эта раздѣлялась впоследствии на пять частей, называвшихся пятинами. Населеніе отчасти состояло изъ сѣверной отрасли Кривичей; а главную массу составляли Финны (Чудь, Ижера, Вель). Почва, мѣстами песчаная, мѣстами топкая и очень лѣсистая, неудобна для земледѣлія, и край этотъ нерѣдко былъ посѣщаемъ голодными годами; но обиліе водяныхъ путей и торговый предприимчивый духъ жителей съ избыткомъ вознаграждали бѣдность почвы. Столица области Новгородъ (Голмгардъ скандинавскихъ сагъ) лежалъ на обоихъ берегахъ р. Волхова; одна сторона его называлась Софійскою (отъ соборнаго храма св. Софьи), а другая Торговою; кромѣ того, онъ раздѣлялся на пять главныхъ частей или концовъ*. Замѣча-

* Имена пятины: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская. Имена концовъ: Словенскій, Неревскій, Горничскій, Плотинскій и Загородскій. На Софійской сторонѣ былъ еще дѣтинецъ или кремль, окруженный камен-

тельнѣйшіе пригороды были: Ладога, Руса, Великіе Луки, Торжокъ и Псковъ.

Сначала Новгородъ находился въ полной зависимости отъ великихъ князей кіевскихъ; но, упорно стремясь къ самостоятельности, онъ мало-по-малу прибрѣлъ свободное общинное управленіе. Ярославъ I за услуги, оказанныя ему Новгородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ, даровалъ имъ многія льготы; дальнѣйшему развитію ихъ гражданской свободы помогли соперничество разныхъ линий княжескаго дома и богатства, прибрѣтенныя торговлею. Община стала называть себя: «Господинъ Великій Новгородъ»! Верховная власть сосредоточилась въ рукахъ вѣча, т. е. народнаго собранія. Оно собиралось по звуку вѣчеваго колокола на такъ называемомъ «дворѣ Ярослава», и рѣшало самые важные вопросы; а именно: опредѣляло миръ или войну, избирало и смѣняло высшихъ сановниковъ, судило важнѣйшія преступленія и т. д. На вѣче сходились все новгородскіе граждане, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; когда же меньшинство не хотѣло согласиться, его принуждали къ тому силою. Такое неопредѣленное устройство вѣча часто подавало поводъ къ беспорядкамъ, и нерѣдко доходило дѣло до драки. Иногда собиралось два вѣча: одно на Торговой (на дворѣ Ярослава), другое на Софійской сторонѣ (у собора св. Софьи), и распрю свою онѣ кончали обыкновенно общимъ рукопашнымъ боемъ на Волховскомъ мосту, если архіепископъ съ духовенствомъ во время не успѣвалъ прекратить междоусобіе.

Рядомъ съ вѣчемъ въ Новгородѣ продолжала существовать и княжеская власть; но она должна была уступить вѣчу первое мѣсто и даже находилась отъ него въ зависимости. Граждане принимали князя на условіяхъ: а потомъ, въ случаѣ неудовольствія, «показывали ему путь» изъ Новгорода, говоря: «мы не хотимъ тебя, ступай, куда хочешь», и призывали другаго. Впрочемъ недовольные князя иногда сами покидали городъ, въ которомъ при-

ною стѣною; здѣсь находился Соборный храмъ св. Софьи, и подлѣ него домъ архіепископа.

нуждены были играть второстепенную роль. (Такъ, въ теченіе одного столѣтія ихъ перемѣнилось здѣсь до 30). Главную обязанность князя составляла защита отъ внѣшнихъ враговъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему принадлежалъ верховный судъ надъ гражданами. Вторымъ сановникомъ послѣ него былъ посадникъ, избравшійся изъ богатыхъ, вліятельныхъ фамилій; онъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ, и замѣнялъ его, въ случаѣ отсутствія, въ городѣ и на войнѣ. Находящійся въ должности посадникъ назывался «степеннымъ», въ отличіе отъ прежнихъ или «старыхъ». Между княземъ и посадникомъ нерѣдко происходили споры, которые рѣшалось вѣче.

Послѣ Липецкой битвы Мстиславъ Удалой княжилъ въ Новгородѣ около двухъ лѣтъ (отецъ его также былъ здѣсь княземъ и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ). Не въ его характерѣ было оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Въ 1218 году онъ объявилъ народу на вѣчѣ: „Кланяюсь св. Софѣ, гробу отца моего и вамъ; иду добывать Галичь (отъ Венгровъ), а васъ не забуду“. Не смотря на просьбы гражданъ остаться, Мстиславъ уѣхалъ. Новгородцы призвали къ себѣ родственника его Святослава, одного изъ смоленскихъ князей. Но послѣдній завелъ распрю съ посадникомъ Твердиславомъ. Начались смуты: одна часть гражданъ возстала на посадника, другая вооружилась для его защиты. Цѣлую недѣлю въ городѣ происходили драки и бурныя вѣча. Наконецъ обѣ стороны помирились, и цѣловали крестъ. Но тутъ Святославъ прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать, что не хочетъ быть вмѣстѣ съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество. „Въ чемъ онъ виновать? спросили Новгородцы. „Безъ вины“, отвѣчалъ тысяцкій. „Радуюсь, что на мнѣ нѣтъ никакой вины, замѣтилъ Твердиславъ; а вы братья вольны и въ князьяхъ и въ посадникахъ“. Тогда народъ велѣлъ сказать князю: „Ты цѣловалъ намъ крестъ безъ вины мужа не лишать власти, и потому мы тебѣ кланяемся (то есть можешь уходить, если хочешь), посадникъ нашъ, и по твоему не сдѣлаемъ“. Князь долженъ былъ примириться съ посадникомъ.

Далѣ слѣдовали: тысяцкій, старосты концовъ, сотскіе и другія выборныя власти. Кромѣ того съ раннихъ временъ въ Новгородѣ начали выдѣляться знатные или боярскіе роды, которые возвысились надъ простыми гражданами (смердами) преимущественно своимъ богатствомъ, и сосредоточили въ своихъ рукахъ главные торговые обороты или большія поземельныя владѣнія. Духовная власть принадлежала владыкѣ или архіепископу, который принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ и особенно старался о примиреніи враждебныхъ партій. Во время войны у него былъ свой особый полкъ. Владыка былъ избираемъ по жребію и ѣздилъ на поставленіе къ русскому митрополиту. Сначала къ жребію прибѣгали въ случаѣ разногласія, потомъ онъ обратился въ обычай. Обыкновенно вѣче назначало трехъ кандидатовъ. Записки съ ихъ именами клали на трапезу въ Софійскомъ соборѣ, и посылали туда мальчика или слѣща (впослѣдствіи священника); онъ бралъ два жребія; а чей оставался на трапезѣ, тотъ считался избраннымъ св. Софеею, и становился архіепископомъ.

Около половины XIII столѣтія, когда Новгородъ принялъ дѣятельное участіе въ ганзейской торговлѣ и Ганза учредила въ немъ одну изъ главныхъ торговыхъ конторъ, онъ достигаетъ полного развитія своихъ силъ. Господство его простиралось почти на весь сѣверъ Европейской Россіи; отдаленныя финскія племена (Шермъ, Печора, Юрга) платили ему дань дорогими мѣхами и серебромъ. Новгородскія дружины не ограничивались однимъ взиманіемъ дани съ инородцевъ; въ ихъ землѣ они нерѣдко строили новые города, и такимъ образомъ распространяли славянскую колонизацію на дальнемъ сѣверовостокѣ Россіи. Такъ произошли «земли»: Двинская или Заволочье, Вологодская, Поморская и др. Утверженію русскаго господства въ тѣхъ странахъ помогали особенно походы отважной новгородской молодежи, извѣстной подъ именемъ повольниковъ или «ушкуйниковъ» (ушкуй — лодка). Отряды повольниковъ спускались на лодкахъ внизъ по Волгѣ или поднимались вверхъ по ея притокамъ; грабили прибрежныхъ жителей; а иногда покоряли Новгороду новыя племена или полагали основаніе новымъ

самостоятельнымъ общинамъ. Такую самостоятельную общину образовала Земля Вятская.

Въ 1174 г. дружина новгородскихъ повольниковъ изъ Волги поднялась вверхъ по Камь, потомъ вошла въ рѣку Вятку, и тутъ на высококомъ берегу рѣки увидала селеніе укрѣпленное ровомъ и валомъ. Мѣсто понравилось Новгородцамъ, и они рѣшились имъ овладѣть. Нѣсколько дней они говѣли, молились, потомъ сдѣлали приступъ, и взяли городокъ. Усиленные новыми выходцами, колонисты покорили часть окрестныхъ Вотяковъ и Черемисовъ, и построили городъ Хлыновъ, при впаденіи Хлыновицы въ Вятку. Они составили особую общину, которая имѣла новгородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ. Самостоятельность Вятской общины продолжалась около 300 лѣтъ.

Послѣ главнаго города второе мѣсто по богатству и значенію въ Новгородской области занялъ Псковъ (близь впаденія р. Великой въ Псковское озеро). Сначала, какъ и всѣ пригороды, онъ управлялся посадникомъ, котораго назначало новгородское вѣче; но съ XII столѣтія Псковитяне обнаружили стремленіе завести у себя самостоятельное общинное управленіе и имѣть особаго князя. Впослѣдствіи они достигли своей цѣли, и подобно Новгородцамъ приняли участіе въ ганзейской торговлѣ*. Въ то же время Псковъ является главнымъ оплотомъ русскихъ предѣловъ со стороны Ливонскихъ рыцарей.

Ливонскій орденъ. Прибалтійскій край, заключавшійся между Западною Двиною и Финскимъ заливомъ, былъ населенъ въ сѣверной части Чудскимъ племенемъ (Эсты), а въ южной смѣсью Литвы и Чуди (Латыши и Ливы); въ первой мало по малу распространяли свое господство Новгородцы, а во второй полоцкіе князья. Въ землѣ Чуди находился крѣпкій русскій городъ Юрьевъ; а въ области Латышей

* Замѣчательна поговорка, указывающая на тѣсныя связи древнихъ Новгородцевъ и Псковитянъ: «Душа на Волховѣ, сердце на Великой».

полоцкимъ князьямъ принадлежали два городка на Двинѣ, Кугейность и Герсике. Когда германскіе купцы завели на Двинѣ торговлю съ туземцами, Бременскій архіепископъ во второй половинѣ XII вѣка прислалъ сюда монаха Мейнгарда въ качествѣ миссіонера. Мейнгардъ началъ крестить Ливовъ, строить церкви, и былъ поставленъ первымъ епископомъ Ливоніи. Замѣтивъ наконецъ властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземные обитатели возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и принявшіе христіанство опять возвращались къ язычеству; многіе изъ нихъ погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію *. Тогда Римскій папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонцевъ. Епископъ Альбертъ Буксгевденъ прибылъ съ крестоноснымъ ополченіемъ на берега Двины, построилъ городъ Ригу (1200 г.), и съ разрѣшенія папы основалъ духовный рыцарскій орденъ подъ именемъ «Братства креста Господня» или «Ордена Меченосцевъ». Съ тѣхъ поръ туземцы, не смотря на упорную борьбу, мало-по-малу покорились Нѣмцамъ, и силою оружія обращены были въ христіанскую вѣру. Слабые полоцкіе князья тщетно старались остановить успѣхи рыцарей; а Новгородцы, занятые внутренними дѣлами, вначалѣ не обратили на нихъ должнаго вниманія. Получая постоянныя подкрѣпленія изъ Западной Европы, рыцари взяли города Юрьевъ (Дерптъ), Медвѣжью Голову (по чудски Оденпе) и др.; впоследствии купили у Датчанъ Эстонію съ городомъ Колыванъ (Ревель), и такимъ образомъ завладѣли всѣмъ пространствомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ Балтійскаго или Ость-зейскаго края. Они усѣяли страну крѣпкими замками (Венденъ, Феллинъ, Вейсенштейнъ и др.), которые держали въ страхѣ туземцевъ и надолго утвердили здѣсь суровое владычество Ордена. Туземное литовское и финское населеніе обращено было въ крѣпостное состояніе. Дальнѣйшему распространенію нѣмецкаго владычества на сосѣднія области много мѣшали внутренніе раздоры. Ма*

* Такъ рассказываетъ «Древняя Ливонская Хроника» Генриха Латыша, жившаго въ XIII в.

гистръ или начальникъ Ордена скоро сдѣлался сильнѣе рижскаго архіепископа, и не только не считалъ себя его вассаломъ, а напротивъ хотѣлъ и его подчинить своему вліянію; отсюда возникла между ними долгая и подъ часъ ожесточенная вражда.

III. МОНГОЛЬСКОЕ ИГО.

Битва на Калкѣ. На обширныхъ равнинахъ средней Азіи съ незапамятныхъ временъ кочевали монгольскія и татарскія орды, которыя управлялись своими князьями и ханами и постоянно вели между собою мелкія войны. Во второй половинѣ XII вѣка явился человекъ, который соединилъ многочисленныя орды кочевниковъ и двинулъ ихъ на сосѣдніе народы. Это былъ Темучинъ, прозванный Чингизъ Ханомъ, сынъ одного монгольскаго князя Десу-кая, котораго орда кочевала при истокахъ Амура. Сосѣднія государства подверглись страшному опустошенію, и должны были признать надъ собою власть дикихъ завоевателей. Своею свирѣпостію и непобѣдимостію Монголы навели такой ужасъ, что азіатскіе народы смотрѣли на нихъ какъ на неизбежную кару, посланную самимъ небомъ; жители селеній и городовъ иногда добровольно подставляли подъ удары свою шею, убѣжденные въ томъ, что всякое сопротивление бесполезно.

Въ 1224 году полководцы Чингизъ-Хана, побѣдивъ кавказскіе народы, двинулись далѣе на сѣверъ, и начали громить Половцевъ. Половецкіе ханы обратились съ просьбою о помощи къ русскимъ князьямъ, говоря: «сегодня отняли нашу землю, а завтра возмутъ вашу, если намъ не поможете». Мстиславъ Удалой, владѣвшій тогда Галичемъ, собралъ княжескій сеймъ въ Кіевѣ, и склонилъ своихъ родичей идти вмѣстѣ на невѣдомыхъ пришельцевъ, не дожидаясь, пока они войдутъ въ Русскую землю и начнутъ ее разорять. Составилось сильное ополченіе подъ начальствомъ трехъ главныхъ князей южной Руси, трехъ Мстиславовъ (Галицкаго, Кіевскаго и Черниговскаго). Русскіе перешли за Днѣпръ, разсѣяли передовые та-

тарскіе отряды и углубились въ степи. На берегу рѣчки Калки, впадающей въ Азовское море, они встрѣтили главныя силы Татаръ. Къ несчастію между предводителями не было единодушія, и Мстиславъ Удалой, не предупредивъ союзниковъ, началъ битву. Не смотря на храбрость Русскихъ, особенно Даніила Романовича Вольнскаго, они были разбиты на голову, и немногіе успѣли достигнуть Днѣпра; большая часть князей съ дружинами остались на мѣстѣ *. Такого страшнаго пораженія Русскіе дотолѣ никогда не испытывали. На этотъ разъ Татары однако ограничились одною побѣдою, и ушли назадъ въ Азію.

Прошло 13 лѣтъ. Русскіе князья стали уже забывать о свирѣпыхъ пришельцахъ, и воротились къ своимъ безконечнымъ распрямъ. Россію въ это время посѣтили разныя физическія бѣдствія, волновавшія умы народа, какъ-то: неурожай, породившіе голодъ, сильныя лѣсные пожары, густые туманы и моровое повѣтріе; а появленіе блестящей кометы, съ длиннымъ хвостомъ по обычаю принято было за грозное предзнаменованіе новыхъ несчастій.

Нашествіе Батыя. Когда умеръ Темучинъ, его огромная имперія раздѣлилась между сыновьями, и старшій изъ нихъ Угедей сдѣлался верховнымъ ханомъ надъ всѣми ордами. Страны къ востоку отъ Урала и Каспійскаго моря пришились на долю его племянника Батыя (сынъ Джучи); страны эти надобно было еще завоевать. Батый перешелъ на правый берегъ Урала съ нѣсколькими сотнями тысячъ степнаго народа. Это не было войско, подобное тому, которое сражалось на Калкѣ: за Батыемъ шла цѣлая кочевая орда, медленно подвигавшаяся впередъ съ своими семействами, кибитками и стадами; ей предшествовали многочисленныя отряды татарскихъ

* Мстиславъ Кіевскій, видя бѣгство Половцевъ и Галичанъ, укрѣпился съ своею дружиною на одномъ холмѣ, и три дня защищался отъ непріятелей. Когда Татары предложили ему свободное отступленіе, онъ заключилъ съ ними миръ. Но едва Кіевляне двинулись, какъ были вѣроломно избиты. Князей русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Татары подложили подъ доски, и сѣли на нихъ обѣдать.

наѣздниковъ, которые разоряли всѣ населенныя мѣста встрѣчавшіяся на пути, истребляя или уводя въ плѣнъ жителей. Опустошивъ землю Камскихъ Болгаръ, Татары зимою 1237 года вступили въ предѣлы Рязанскаго княжества. Тщетно рязанскіе князья просили помощи у Юрія Владимірскаго; предоставленные однѣмъ собственнымъ силамъ, они первые подали примѣръ храброй, но бесполезной обороны. («Сказаніе о нашествіи Батыя» описываетъ при этомъ подвиги рязанскаго богатыря Евпатія Коловрата и трогательную кончину княгини Евпраксіи, которая, узнавъ о смерти мужа, съ высокаго своего терема бросилась на землю). Разгромивъ Рязанскую область Татары двинулись въ Суздальскую, и подступили къ Владиміру. Юрій II удалился на сѣверо-западъ собирать войска. Владимірцы подъ начальствомъ его сыновей мужественно оборонялись; но городъ былъ взятъ приступомъ и сожженъ; семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и многими гражданами заперлось въ соборной церкви Богородицы на полатахъ или хорахъ, гдѣ и погбло посреди пламени. Татары разсѣялись по Суздальской землѣ, и разорили въ ней до 14 городовъ. Между тѣмъ великій князь встрѣтилъ Батыя на берегахъ рѣчки Сити (впадающей въ Мологу), былъ побѣжденъ и палъ въ битвѣ. Татары пошли къ Новгороду; но ихъ остановили дремучіе лѣса и непроходимыя болота; въ то время приближалась весна и наступило разлитіе водъ. Батый повернулъ отсюда къ юго-востоку въ Приволжскія степи. На этомъ пути прославился геройскою защитою городокъ Козельскъ, который нѣсколько недѣль выдерживалъ приступы варваровъ, пока не былъ взятъ и разоренъ.

Когда Татары скрылись въ Половецкихъ степяхъ, Русскіе думали, что они опять уйдутъ въ Азію; но эта надежда ихъ обманула. Покоривъ землю Половцевъ, Батый напалъ на Южную Русь, и опустошилъ княжества Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію; здѣсь, также какъ и въ Сѣверной, князья не соединились вмѣстѣ для дружнаго отпора, и каждый городъ защищался отдѣльно.

Когда одинъ изъ монгольскихъ воеводъ посланъ былъ впередъ, чтобы осмотрѣть Кіевъ, онъ долго любовался красотою

и величіемъ города. Кіевъ живописно возвышался передъ нимъ на другомъ холмистомъ берегу Днѣпра посреди зеленыхъ рощъ, блистая на солнцѣ частыми главами церквей, и опоясанный бѣлою каменною стѣною съ высокими башнями, которыя были украшены византійскими художниками. Кіевляне умертвили татарскихъ пословъ, предлагавшихъ сдаться безъ боя, и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Городъ въ то время находился во власти Данила Романовича Галицкаго, который поручилъ его защиту мужественному боярину Дмитрію. Вскорѣ несмѣтная сила Батыя облегла его съ разныхъ сторонъ. Летописецъ говорить, что граждане не могли слышать другъ друга отъ скрыпа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней въ непріятельскомъ лагерѣ. Татары сдѣлали приступъ и начали бревнами („пороками“) разбивать ворота; не смотря на храбрую оборону, къ вечеру они вломились въ городъ. Кіевляне ночью укрѣпились около Десятинной церкви (построенной еще Св. Владиміромъ); на слѣдующій день былъ уничтоженъ и этотъ послѣдній оплотъ. Жители большею частію истреблены, и величественный городъ превратился въ груду развалинъ.

Потомъ Татары перешли въ Венгрію и Польшу; но въ Моравіи они въ первый разъ потерпѣли пораженіе; въ то же время великій ханъ Угедей умеръ, и Батый воротился назадъ (1241 г.).

Золотая Орда. Татары Батыя заняли своими кочевьями всѣ южныя и восточныя степи Россіи, обращенныя ими по большей части въ пустыню; они образовали новое царство, извѣстное подъ именемъ Золотой или Кипчакской Орды и простиравшееся отъ Урала до низовьевъ Дуная. Главныя силы его сосредоточились на берегахъ Волги; на волжскомъ рукавѣ Ахтуба Батый построилъ городъ Сарай; здѣсь стали жить кипчакскіе ханы, окруженные пышнымъ дворомъ и многочисленнымъ войскомъ. Въ прочихъ степяхъ Татары разсѣялись малыми ордами, и кочевали вмѣстѣ съ остатками Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ своихъ предшественниковъ (которыхъ большею частію обратили въ своихъ рабовъ); надъ этими ордами начальствовали темники или воеводы, которые должны были

оберегать предѣлы Бипчака и держать въ повиновеніи покоренные народы.

Одинъ иностранецъ * такъ описываетъ мѣстопробываніе хана и обычаи Татаръ:

„Когда надлежало идти къ двору Батая, то намъ сказали, что мы должны будемъ пройти между двухъ огней. На что мы никакъ не соглашались; но они сказали: „ступайте смѣло; это нужно только для того, что, ежели вы имѣете какой злой умыселъ противъ нашего государя или носите при себѣ ядъ, то огонь истребитъ всякое зло.“ „Если такъ, то мы готовы идти, — отвѣчали мы—чтобы не остаться въ подозрѣніи.“ По врученіи подарковъ, ввели насъ въ ханскую ставку, заставивъ прежде поклониться и выслушать опять предостереженіе не наступать на порогъ. Вошедъ въ ставку, говорили мы нашу рѣчь стоя на колѣняхъ, а потомъ подали грамоту. Батый живетъ великолѣпно; у него есть привратники и всякіе чиновники, какъ у императора, и сидитъ онъ на высокомъ мѣстѣ, какъ будто на престолѣ, съ одною изъ своихъ женъ; всѣ же прочіе, какъ братья его и сыновья, такъ и другіе вельможи, сидятъ ниже на скамьѣ, а остальные люди за ними на полу, мужчины съ правой, женщины съ лѣвой стороны. Кромѣ его семейства никто, какъ бы знатенъ и силенъ ни былъ, не смѣетъ входить въ его шатеръ, исключая когда на это есть его воля. Близъ входа ставятъ столъ, а на него питье въ золотыхъ и серебряныхъ чашахъ. Батый и всѣ татарскіе князья, особенно въ собраніи, не пьютъ иначе, какъ при звукѣ пѣсенъ или струнныхъ инструментовъ. Когда же выѣзжаетъ, то всегда надъ головою его носятъ шить отъ солнца или шатерчикъ на копьѣ. Такъ дѣлаютъ всѣ знатные татарскіе князья и даже ихъ жены. Батый очень ласковъ къ своимъ людямъ; не смотря на то, они чрезвычайно его боятся. Въ сраженіяхъ онъ весьма жестокъ, а на войнѣ очень хитеръ и лукавъ, потому что воевалъ очень долго“.

* Итальянскій монахъ Плато Карпини, отправленный папою Иннокентіемъ IV съ посольствомъ къ монгольскимъ ханамъ для предложенія имъ мира и проповѣданія христіанства.

Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ ѣхать въ Орду для изъявленія покорности; послушникамъ грозила потеря волостей. Многие отказались исполнить ханскую волю. Вслѣдъ за Суздальскими князьями явились Рязанскіе, Черниговскіе, Сѣверскіе, и съ разными унижительными обрядами представились хану. Такъ, они должны были проходить между священными огнями, разложенными подлѣ ханской ставки, кланяться языческимъ кумирамъ, становиться на колѣна, пить кумысъ и пр. Набожный Михаилъ Черниговскій не хотѣлъ поклониться языческимъ идоламъ, и былъ за это преданъ мучительной казни вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ Феодоромъ.

Зависимость Россіи отъ Татаръ главнымъ образомъ состояла въ дани. Она отдавалась сначала на откупъ восточнымъ купцамъ, которые собирали ее съ большою жестокостію подъ покровительствомъ ханскихъ чиновниковъ (баскаковъ) и многочисленныхъ татарскихъ отрядовъ. Такъ было въ первый и самый тяжкій вѣкъ монгольскаго владычества. Но въ XIV столѣтіи великіе князья сами стали собирать русскую дань и отвозить ее въ орду. Кромѣ дани князья обязаны были по первому требованію соединить свои дружины съ войсками хана и идти на его враговъ. Татары не нарушили существовавшаго въ Россіи политическаго порядка; она по прежнему управлялась потомками Рюрика. Послѣдніе однако утвердились въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ ханскими грамотами (ярлыками), за которыми обыкновенно путешествовали въ Орду, гдѣ должны были раздавать многочисленные подарки ханскимъ любимцамъ и женамъ. Греческая религія осталась неприкосновенною, и ханы даже исключили русское духовенство изъ поголовной дани. Татары вообще отличались вѣротерпимостію; въ то время они были еще идолопоклонники; но вскорѣ между ними распространилась религія Магомета.

Династія Джучи господствовала въ Золотой Ордѣ до конца XIV вѣка. Въ началѣ она зависѣла отъ великаго хана, жившаго въ средней Азіи; но огромная имперія Чингиза распалась на отдѣль-

ныя государства, и Кипчакскій ханъ сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ властителей. Послѣ смерти Батыя (1255 г.) недолго существовало согласіе и съ самой семьѣ Джучидовъ; произошли обычные споры за престолъ, которые вполнѣдствіи повели за собою раздробленіе и упадокъ Кипчакскаго царства. Первый примѣръ отпаденія и междоусобной войны подалъ Ногай, который начальствовалъ западными улусами въ концѣ XIII вѣка. Но послѣ его смерти Ногайскіе татары опять соединились съ Сарайскими, и въ царствованіе Узбека (1313—1340) Золотая Орда достигла высшей степени своего блеска и могущества.

Съ паденіемъ Кіева политическая связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ Россіи почти прекращается. Исторія каждой части идетъ послѣ того своимъ особымъ путемъ.

Русь Сѣверо-восточная. Юрію II наследовалъ во Владимірѣ его младшій братъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь дѣятельный и бережливый, въ молодости показавшій себя довольно жестокимъ и корыстолюбивымъ. Онъ нашелъ сѣверныя области въ самомъ печальномъ состояніи: многіе города и села лежали въ развалинахъ, значительная часть населенія скрывалась въ лѣсахъ и дѣбряхъ. Великій князь вызвалъ жителей изъ лѣсовъ и усердно началъ возобновлять города. Онъ смирился передъ ханомъ, и первый подалъ примѣръ покорности, за что и былъ утвержденъ въ своемъ старшинствѣ между русскими князьями. По требованію Батыя онъ предпринялъ потомъ путешествіе въ глубину монгольскихъ степей къ истокамъ Амура, чтобы поклониться великому хану Гаюку, и во время этого труднаго путешествія скончался (1246 г.). Спустя шесть лѣтъ, послѣ нѣкоторыхъ споровъ между родичами, Владимірскій столъ перешелъ въ руки Александра Ярославича.

Александръ Невскій княжилъ въ Новгородѣ въ то время, когда Батый опустошалъ сѣверную Русь. Это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ современныхъ князей: съ блестящею храбростію онъ умѣлъ соединить осторожность и холодную расчетливость. Пер-

вый подвигъ, доставившій ему громкую славу, былъ совершенъ на берегахъ Невы. Распространяя свое господство на сѣверъ отъ Финскаго залива, Новгородцы пришли въ столкновение со Шведами, которые старались утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ и насильно вводили тамъ католическую религію. Подстрекаемые Новгородцами, новообращенные туземцы не разъ возставали противъ своихъ утѣснителей, и возвращались къ язычеству. Римскій папа велѣлъ тогда проповѣдывать въ Швеціи крестовый походъ противъ Русскихъ и Финновъ. Сильное крестовое ополченіе подъ начальствомъ Биргера высадилось на южномъ берегу Невы. Александръ Ярославичъ немедленно собралъ новгородскую дружину, съ необыкновенною быстротою напалъ на Шведовъ, и поразилъ ихъ на голову (1240 г.). Любимый гражданами, онъ однако не могъ ужиться съ ними въ мирѣ, и скоро оставилъ Новгородъ. Но опасность со стороны Ливонскаго Ордена заставила ихъ опять призвать Александра, и рыцари потерпѣли отъ него сильное пораженіе на льду Чудскаго озера («Ледовое побоище» 1241 г.). Также удачны были походы его противъ Литовцевъ, которые около того времени начинаютъ сильно тѣснить русскіе предѣлы на западѣ.

Храбро сражаясь съ западными врагами, Александръ совсѣмъ иначе велъ себя относительно восточныхъ варваровъ. Онъ понималъ, что раздробленная Русь не въ состояніи начать новую борьбу съ монгольскими ордами, и безусловную покорность считалъ единственнымъ средствомъ спасти ее отъ конечнаго разоренія. Неоднократными путешествіями въ Орду съ богатыми дарами онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Батяи и его преемниковъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ особенно старался внушить русскому народу терпѣніе и покорность въ отношеніи къ завоевателямъ. Однако это ему не всегда удавалось. Первый примѣръ неповиновенія подали Новгородцы; они не хотѣли дозволить у себя татарскимъ баскакамъ поголовную перепись, которую ханъ Беркай велѣлъ произвести въ Россіи для того, чтобы опредѣлить количество дани. Когда же Александръ и бояре новгородскіе начали уговаривать гражданъ, чернь подняла мятежъ, убила своего посадника, и

укоряла великаго князя въ томъ, что онъ продаетъ новгородскую вольность и свободныхъ людей хотеть сдѣлать рабами. Только слухи о приближеніи сильнаго татарскаго войска и угрозы Александра покинуть городъ на жертву ханскому гнѣву заставили Новгородцевъ смириться. Велѣдъ за тѣмъ начались волненія въ другихъ мѣстахъ. Восточные или бесерменскіе купцы, взявшіе русскую дань на откупъ, собирали ее съ большою жестокостію и жадностію; тѣхъ, которые не могли заплатить, они уводили въ рабство, а богатыхъ людей принуждали выкупать свою свободу. Угнетенный народъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздаль, Владимірѣ) собрался на вѣче, и возсталъ противъ сборщиковъ дани; одни изъ бесерменовъ были убиты, другіе прогнаны. Послѣ того надобно было ожидать новаго нашествія; но Александръ поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ умиловить Беркаю. Это былъ его послѣдній подвигъ: на возвратномъ пути онъ скончался (1263 г.). Александръ хотя на короткое время умѣлъ доставить сѣверной Руси отдыхъ отъ татарскихъ погромовъ и внутреннихъ междоусобій; поэтому народъ оплакивалъ его смерть непритворными слезами.

По старинному обычаю престолонаслѣдія, Владимірское великое княженіе послѣ Невскаго одинъ за другимъ занимали его младшіе братья (Ярославъ Тверской и Василій Костромской). Потомъ два его сына (Димитрій Переяславскій и Андрей Городецкій) долго спорили за великокняжескій престолъ, и каждый изъ нихъ призывалъ на помощь татарскіе отряды, грабежи которыхъ увеличивали бѣдствія междоусобной войны. Младшій изъ братьевъ наконецъ взялъ верхъ (онъ княжилъ до 1304 г.).

Между тѣмъ на сѣверо-западъ Россіи Новгородцы и Псковитяне продолжали борьбу съ Ливонскими рыцарями. Героємъ этой борьбы послѣ Невскаго является одинъ литовскій выходецъ по имени Довмонтъ, родственникъ знаменитаго литовскаго князя Миндовга. Онъ крестился во Псковѣ, и приобрѣлъ такую любовь гражданъ, что они провозгласили его своимъ княземъ; послѣ того цѣлые тридцать пять лѣтъ Довмонтъ (въ крещеніи Тимошей) мужественно защищалъ Псковъ отъ своихъ единомысленцевъ и Ливонскихъ рыцарей.

Онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ, въ которой ополченіе Ливонскаго Ордена было разбито соединенными силами русскихъ князей (1268 г. Раковоръ названъ у нѣмцевъ Везенбергъ).

Судьба Южной Руси. Положеніе южныхъ областей послѣ татарскаго нашествія было самое плачевное; особенно сильно пострадало Приднѣпровье. Киевъ сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, а окрестности его представляли печальную пустыню. Населеніе уцѣлѣвшее отъ Татаръ, большею частію разсѣялось по другимъ русскимъ областямъ: одни бѣжали на сѣверъ, другіе на западъ въ Галицію. Жители, оставшіеся на мѣстѣ, терпѣли сильное угнетеніе отъ татарскихъ баскаковъ. Въ такомъ же угнетеніи находилась Чернигово-Сѣверская область; послѣ князя Михаила, замученнаго въ Ордѣ, она раздробилась между его потомками на мелкіе удѣлы (Брянскій, Карачевскій, Тарусскій, Курскій и др.), которые во взаимныхъ междоусобіяхъ тратили свои послѣднія силы. Гораздо счастливѣе Приднѣпровья была Галиція, которая успѣла оправиться отъ татарскаго погрома и приобрести даже нѣкоторый блескъ, благодаря уму и дѣятельности своего князя Даниїла Романовича.

Во время Батыева нашествія Даниїлъ спастся въ Венгрію; а по уходѣ Татаръ воротился въ свое княжество, и началъ возобновлять разрушенные города, собирая разбѣжавшихся жителей. Кромѣ того, по примѣру польскихъ королей онъ призывалъ въ свои земли Нѣмцевъ, Евреевъ, Армянъ, и давалъ имъ нѣкоторыя льготы, такъ что въ галицкихъ городахъ скоро начали развиваться промышленность и торговля. Но это пестрое населеніе чуждалось Русской народности, и слабо поддерживало князя въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Даниїлъ долго не хотѣлъ ѣхать въ Орду, и послѣднимъ изъ русскихъ князей представился хану. Тяжко однако показалось ему унижаться передъ варваромъ; онъ началъ хлопотать о сверженіи ига, и завелъ сношенія съ папою, подавая ему надежду на соединеніе своего народа съ католическою церковью, если получатъ по-

мощь противъ Татаръ. Обрадованный папа прислалъ ему королевскій вѣнецъ, и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ на Золотую Орду. Но папскія буллы не произвели никакого дѣйствія, и крестовый походъ не состоялся. Тогда Даниилъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ; впрочемъ королевскій титулъ удержалъ за собою. Онъ попытался было однѣми собственными силами свергнуть иго; но эта попытка окончилась неудачею, и Татары принудили Галицкаго короля разорять укрѣпленія собственныхъ городовъ. За то борьба его съ другими сосѣдями, на примѣръ съ Литовцами, была очень успѣшна, и доставила ему большую славу между современниками. Другой Романовичъ, Василько, владѣлъ Волинскимъ княжествомъ; братья отличались замѣчательнымъ единодушьемъ и дружно дѣйствовали противъ внѣшнихъ враговъ.

По смерти Даниила (1264 г.), Галицкое королевство раздѣлилось на три удѣла между его сыновьями. Они жили довольно согласно, общими силами оборонялись отъ Литовцевъ и Поляковъ, и менѣе другихъ князей раболѣпствовали передъ ханомъ. Внукъ Даниила Юрій успѣлъ даже по наслѣдству соединить подъ своею властью всю Галицію и Волынь но вскорѣ потомъ родъ его пресѣлся. Неустройствами юго-западной Руси воспользовался польскій король Казиміръ III; онъ нечаяннымъ нападеніемъ захватилъ городъ Львовъ, и потомъ завладѣлъ почти всей Галиціей (1340 г.) А Волынь (Володомірія) досталась на долю великимъ князьямъ Литовскимъ.

IV. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЙ РУСИ.

Если исключить отчасти Новгородъ, то главныя черты гражданскаго устройства были одинаковы во всѣхъ русскихъ княжествахъ.

Князь. Верховная власть принадлежала князю. Онъ устраивалъ порядокъ въ своей волости, производилъ судъ и расправу, велъ войну и обыкновенно самъ начальствовалъ надъ войскомъ. Доходы его состояли впервыхъ изъ дани; сначала князья сами съ дру-

жиною объѣзжали свои волости, чтобы собирать дань съ подвластных племенъ и творить между ними судъ; такой обычай назывался полюдьемъ. Но потомъ они стали поручать судъ и сборъ дани въ областяхъ своимъ намѣстникамъ и слугамъ. Эта дань платилась преимущественно естественными произведеніями; одни давали хлѣбъ, другіе мѣха; только нѣкоторые богатые города, напримѣръ Новгородъ, платили серебромъ. Кромѣ даней въ княжескую казну собирались пошлины: торговая — съ провозимыхъ товаровъ и судныя — съ преступниковъ и тяжущихся. Князья получали еще доходы съ деревень, населенныхъ княжескою челядью; тутъ устраивались ихъ загородные дворы и складывалось всякое добро: скирды хлѣба, стоги сѣна, запасы меду, вина и пр.; тутъ же паслись стада рогатаго скота и многочисленные табуны лошадей. Когда не было войны, самымъ любимымъ занятіемъ князей была охота. (Съ какими трудами и опасностями соединялась она, видно изъ Поученія Мономаха). Въ дѣлахъ, касавшихся внутреннихъ междоусобій или внѣшней защиты, добрые князья имѣли обычай собирать родичей для общаго совѣта.

Примѣръ перваго рода съѣздовъ мы видѣли въ Любечѣ. Возьмемъ изъ лѣтописи примѣръ съѣзда по поводу внѣшней защиты. Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ пригласилъ Святополка II выступить весною въ походъ на Половцевъ; но дружина Святополкова отсовѣтывала походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Князья уговорились съѣхаться недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра. Братья сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своею дружиною. Владиміръ первый прервалъ молчаніе: „Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?“ Святополкъ отвѣчалъ: „Братъ! лучше ты начни“. „Какъ же мнѣ говорить? — возразилъ Владиміръ — противъ меня и твоя и моя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ Половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою; лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно зажметъ. Почему же

объ этомъ-то вы не подумаете?“ Дружина единодушно признала справедливость его словъ. „Я готовъ идти съ тобою“, сказалъ Святополкъ. „Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ“, замѣтилъ Владиміръ. Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей.

Населеніе княжествъ распадалось главнымъ образомъ на три части: княжескую дружину, смердовъ и людей несвободныхъ.

Дружину составляли наемные воины, въ началѣ набравшіеся преимущественно изъ Варяговъ; но съ XI вѣка въ ней уже преобладаетъ туземный славянскій элементъ. Впрочемъ князья продолжали принимать въ свою службу всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ. Самое слово дружина указываетъ на ея отношенія къ князю. Онъ жилъ съ нею подружески, по братски, и не скрывалъ отъ нея своихъ намѣреній. Князь почти все время проводилъ съ дружиною: съ нею онъ совѣтовался, пировалъ, судилъ народъ; ходилъ на войну, на охоту, и вообще дорожилъ ея расположеніемъ, потому что она была главною опорою его власти и силы; притомъ же въ случаѣ неудовольствія дружинники, какъ люди вольные, оставляли одного князя, и переходили на службу къ другому. Удѣльная система много способствовала такому переходу, и долго мѣшала военнымъ людямъ пріобрѣсти осѣдность. Дружина дѣлилась на старшую или бояръ (т. е. бѣльшихъ) и младшую. Вторая извѣстна подъ именами: отроковъ; дѣтскихъ, гридней и пр., которые впоследствии получаютъ общее названіе боярскихъ дѣтей. Бояре были по преимуществу совѣтниками (думцами) князя; изъ нихъ назначались воеводы во время войны и посадники или намѣстники княжескіе по городамъ; послѣдніе пользовались частью доходовъ отъ судопроизводства и разныхъ даней. Кромѣ того за свою службу бояре получали обширныя помѣстья; съ XII вѣка, когда нѣкоторыя вѣтви Рюрикава дома основались въ отдѣльныхъ княжествахъ, бояре начали пріобрѣтать осѣдность; они становятся богатыми землевладѣльцами. Образуются знатныя боярскія фамиліи, которыя полагаютъ въ Россіи начало родовой ари-

стократіи. Младшая дружина также съ теченіемъ времени получаетъ осѣдлость: вмѣсто жалованья за службу князя начинаютъ раздавать ей участки земли, и боярскіе дѣти составили классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Изъ княжескихъ слугъ, отправлявшихъ при дворѣ разныя должности, въ послѣдствіи большое значеніе получаютъ дьяки, занимавшіеся письмоводствомъ.

Смерды. Главная масса населенія состояла изъ городскихъ и сельскихъ жителей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ смердовъ; отъ нихъ со временемъ отдѣляются наиболѣе зажиточные, уважаемые граждане, которые получаютъ названіе лучшихъ людей. (Въ Новгородѣ они назывались «житьи люди»). Всѣ они обязаны были платить князю дани или оброки, отправлять разныя повинности и по его требованію выставлять военное ополченіе. Сообразно дѣленію на волости и уѣзды, жители распадались на отдѣльныя общины; имѣли свои земскія власти какъ то: тысяцкихъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ (которыхъ отчасти выбирали сами); а для рѣшенія общихъ дѣлъ собирались на вѣче или сходку. Князья нерѣдко сами созывали на вѣче лучшихъ гражданъ, и совѣтовались съ ними въ затруднительныхъ случаяхъ. Во времена княжескихъ усобицъ и частыхъ перемѣщеній съ одного стола на другой, вѣче главныхъ городовъ приобрѣло большую силу, такъ что иногда само выбирало себѣ князя, и ихъ вѣчевому рѣшенію должно было подчиняться населеніе младшихъ городовъ или пригородовъ. Лѣтописецъ говоритъ, что «Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положить, на томъ пригороды стануть.» Но дальнѣйшее развитіе этого вѣчеваго порядка замедлялось по мѣрѣ того, какъ возрастала осѣдлость князей и дружины; городскія и сельскія общины мало по малу переходятъ въ непосредственное завѣдываніе княжескихъ чиновниковъ, т. е. посадниковъ, волостелей, тиуновъ и т. д.

Между тѣмъ какъ въ селахъ жители по преимуществу обрабатывали землю, въ городахъ стала сосредоточиваться дѣятельность

промышленная и торговая. Но въ древнѣйшую эпоху различіе между ними заключалось только во внѣшнемъ видѣ. Городъ обыкновенно строился на высокомъ холмистомъ берегу рѣки и представлялъ группу бревенчатыхъ домиговъ, огороженную деревянными стѣнами, землянымъ валомъ и ровомъ. Внутри большихъ городовъ встрѣчается еще особая крѣпость или замокъ (дѣтинець, кремль); но вообще размѣры крѣпостей были очень невелики. До нашествія Монголовъ насчитываютъ въ Россіи по лѣтописямъ около трехъ сотъ городовъ.

Князья, по праву завоевателей, считали всю Русскую землю своею собственностію или «отчиною». По мѣрѣ того какъ они раздавали земельные участки своимъ дружинникамъ и духовенству, сельское или крестьянское население все болѣе и болѣе теряло право на полное владѣніе землею, на которой жило и которую обрабатывало; за свою усадьбу и за свое поле оно обязывалось платить разнаго рода оброки и отправлять повинности землевладѣльцу. Но сохраняя пока личную свободу, крестьяне могли покидать невыгодный для себя участокъ и переселяться на другой; отсюда развились крестьянскіе переходы, которые совершались безъ большаго затрудненія, потому что въ тѣ времена даже и внутри Россіи оставалось еще много пустыхъ, незаселенныхъ земель.

Холопы. Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившіе названія холоповъ, челяди и рабовъ. Они употреблялись или для домашней прислуги или для сельскихъ работъ. Главнымъ источникомъ рабства у насъ, какъ и вездѣ, служила война; но, повидимому, только съ пришествіемъ варяжской дружины въ Россію плѣнниковъ начали обращать въ рабовъ и продавать какъ вещь или домашнее животное; иногда впрочемъ князья заселяли плѣнниками пустыя земли. Несостоятельные должники по большей части также обращались въ рабство. Далѣе, въ тѣ грубые вѣка случалось, что во время голода мужья продавали въ неволю своихъ женъ, отцы дѣтей. По Русской Правдѣ полнымъ или обѣльнымъ холопомъ становился

тотъ, кто купленъ при свидѣтеляхъ, кто женится на рабѣ безъ договора (съ ея господиномъ) и кто пойдетъ безъ договора въ «тіуны» или «ключники» (т. е. въ слуги). Потомство рабовъ оставалось въ томъ же несвободномъ состояніи. Кромѣ полныхъ холоповъ, которые совершенно зависѣли отъ воли своего господина и не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ, существовало еще сословіе полусвободное — на ймиты или закупни; это были работники, занимавшіеся на извѣстный срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, убѣгалъ отъ господина, тогда онъ обращался въ полного или обѣльнаго холопа.

Судопроизводство. Мѣстомъ для суда служилъ обыкновенно дворъ князя или его намѣстника; судомъ завѣдывали княжескіе слуги, называвшіеся «тіунами». Древнѣйшее собраніе писанныхъ законовъ у насъ извѣстно подъ именемъ Русской Правды, имѣвшей силу преимущественно въ Новгородѣ и Приднѣпровьѣ. Русская Правда явилась сначала подъ варяжскимъ вліяніемъ и образовалась постепенно; первое ея изданіе приписывается Ярославу; потомъ она дополнялась его преемниками и полный свой составъ получила не ранѣе XIII вѣка. Она заключаетъ въ себѣ статьи о наказаніяхъ за разныя преступленія противъ личности и собственности. О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ «Правдѣ» не упоминается; виновный платитъ за все виру, т. е. денежный штрафъ. За убійство только близкимъ родственникамъ убитаго позволялось совершить кровавую месть; но уже сыновья Ярослава уничтожили это право и замѣнили кровомщеніе также вирою*. Если не было представлено свидѣтелей или ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и водою; а въ послѣдствіи вошло въ обычай поле, т. е. судебные поединки. Въ нѣ-

* За смерть свободнаго челоѣка взыскивалась 40 гривенъ (за боярина вдвое болѣе; а за женщину вдвое менѣе, невели за мужчину), за ударъ палкою 12 гривенъ, за отсѣченіе руки 20 и т. д. Если убійца скроется, то виру платила вервь (община), въ которой найденъ убитый; такая вира называлась «дивая».

которыхъ спискахъ Русской Правды упоминается о судѣ двѣнадцати выборныхъ гражданъ, которые рѣшали запутанныя дѣла.

Торговля. Торговля сношенія значительнѣйшихъ городовъ древней Руси между собою и съ иноземными народами происходили по рѣчнымъ путямъ. Самое важное торговое движеніе совершалось по Великому или Греческому водному пути: съ юга приходили товары изъ Византійской имперіи, съ сѣвера изъ Германіи и Скандинавіи. Кіевъ былъ главнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ въ южной Россіи; сюда привозили изъ Греціи разныя ткани, вина, плоды, церковную утварь и дорогое оружіе. Но торговлѣ съ Греками много мѣшали кочевые орды сначала Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ.

Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный (въ своемъ сочиненіи: „Объ управленіи имперіей“) описываетъ ежегодное путешествіе русскихъ каравановъ въ Грецію слѣдующимъ образомъ: зимою придѣпровскіе Славяне рубили лѣсъ и строили лодки-однодеревки. Въ началѣ весны они пригоняли эти лодки въ Кіевъ; здѣсь купцы, съѣхавшіеся изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и другихъ городовъ, покупали лодки и снаряжали ихъ для морскаго плаванія. Въ апрѣлѣ собирався весь русскій флотъ у Витичева и отсюда шелъ къ Днѣпровскимъ порогамъ. Достигнувъ четвертаго порога, купцы выгружали товары, и на разстояніи 6000 шаговъ слѣдовали берегомъ, ведя за собою скованныхъ невольниковъ. За порогами въ одномъ узкомъ мѣстѣ обыкновенно ихъ дожидались Печенѣги; но Русскіе вступали съ ними въ битву, и отражали разбойниковъ. Миновавъ это опасное мѣсто, купцы приставали къ одному острову, и тутъ подъ огромнымъ дубомъ совершали благодарственное жертвоприношеніе своимъ богамъ. Достигнувъ Днѣпровскаго устья, они отдыхали нѣсколько дней на другомъ островѣ; а потомъ продолжали путь вдоль сѣверо-западныхъ береговъ Чернаго моря.

Въ XII вѣкѣ кіевскіе князья въ извѣстное время года обыкновенно высылали военный отрядъ къ низовьямъ Днѣпра на встрѣчу судамъ, приходившимъ изъ Греціи. Когда же появились въ тѣхъ

мѣстахъ Монголы, непосредственныя торговыя сношенія съ Византіею почти прекратились. Посредниками въ торговлѣ Русскихъ съ Южною Европою сдѣлались Генуэзцы, которые завели колоніи въ Крыму и при устьяхъ Дона; ханы татарскіе ради собственныхъ выгодъ оказывали имъ покровительство. Въ сѣверной Россіи главнымъ торговымъ пунктомъ былъ Новгородъ. Суда новгородскія плавали по Балтійскому морю, а въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы или гости; они имѣли тамъ свои дворы, лавки, храмы и судились по своимъ законамъ. Нѣмцы привозили въ Россію: оружіе, вина, сукна, помотна, соль, сельдей и въ случаѣ неурожаевъ хлѣбъ. Кромѣ Новгорода дѣятельное участіе въ этой торговлѣ принимали Псковъ, Полоцкъ и Смоленскъ *.

Второе мѣсто послѣ Греческаго занималъ водный путь Поволжскій. Волгою производились торговыя сношенія съ Камскою Болгаріею и Хазаріею, а потомъ съ Казанью и Золотою Ордою. Болгарскіе купцы были посредниками въ торговлѣ Россіи съ Востокомъ; они привозили къ намъ металлическія издѣлія, жемчугъ, шелковыя и бумажныя ткани, серебряную монету и иногда хлѣбъ. У сосѣднихъ кочевыхъ народовъ Русскіе вымѣнивали коней, овецъ, воловъ. Князья наши вообще покровительствовали внѣшней торговлѣ, потому что она доставляла имъ разные предметы роскоши; тогда какъ ихъ собственныя земли были богаты только сырыми произведеніями: мѣхами, медомъ, воскомъ, кожами, пенькой и т. п. Но съ другой стороны князья вредили успѣхамъ торговли своими междоусобіями; сюда присоединились еще набѣги сосѣдей и внутренніе разбои, особенно новгородскихъ повольниковъ **.

* До насъ дошла договорная грамота смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригею и Готландомъ (1229). По этому договору Западная Двина признавалась отъ верховья до устья свободною для обоюдной торговли.

** Торговля была вообще мѣновая. Собственной монеты Русскіе почти не имѣли. Вмѣсто монеты служили отчасти мѣха; изъ нихъ произошли *куны* — первоначально шкуры куницъ, соболей и другихъ пушныхъ животныхъ; впоследствии кунями называли вообще разнаго рода деньги. Первая русская монета является въ Новгородѣ; это были куски серебра подъ названіемъ *грибы*, потомъ *рубля*, *полтины* и т. д.

Искусства. Водвореніе искусствъ въ Россіи начинается вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Первая художественная дѣятельность была обращена на построеніе и украшеніе храмовъ. Учителями Русскихъ въ строительномъ искусствѣ и въ иконной живописи были Греки; но въ Сѣверной Россіи преобладали потомъ нѣмецкіе художники. Изъ древнѣйшихъ памятниковъ строительнаго искусства, наиболѣе уцѣлѣвшихъ до нашего времени, замѣчательны: два Софійскіе собора, одинъ въ Кіевѣ, другой въ Новгородѣ, основанные въ XI вѣка, по образцу св. Софіи Константинопольской; потомъ соборный храмъ Богородицы во Владимірѣ, построенный Андреемъ Боголюбскимъ, и Дмитріевскій соборъ, также во Владимірѣ, построенный Всеволодомъ III и отличающійся затѣйливостью наружныхъ украшеній. (Соборы эти сохранились съ разными пердѣлками и поновленіями). Изъ памятниковъ литейнаго искусства заслуживаютъ вниманія бронзовыя Борсунскія врата Новгородскаго Софійскаго собора. Въ Кіевской Софіи сохранились еще замѣчательныя мозаичныя и фресковыя изображенія (работы греческой). Только съ XII вѣка лѣтописи начинаютъ упоминать о русскихъ зодчихъ и живописцахъ. Такъ, описывая обновленіе Суздальскаго храма (1194 г.), лѣтописецъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ какъ о событіи необыкновенномъ, что это обновленіе совершено только русскими мастерами, безъ помощи Нѣмцевъ. Изъ ремесленниковъ того времени упоминаются: оружейники, плотники, каменщики, горшечники и т. п.

Что же касается до жилищъ Русскаго народа, то онѣ отличались вообще простотою постройки, малымъ объемомъ и бѣдностью внутреннихъ украшеній. Это были бревенчатые дома или хоромы, раздѣленные на двѣ половины: теплая зимняя изба (собственно «истопка») и холодный лѣтній покой или клѣть; обѣ половины соединялись между собою сѣнями, къ которымъ придѣлывалось крыльцо на столбахъ (такая постройка и теперь сохраняется въ нашемъ сельскомъ быту). Этой простотѣ жилищъ соотвѣтствовала и вся прочая домашняя обстановка: деревянная и глиняная посуда, столы и лавки грубой работы, закопченный потолокъ съ полатями,

соломенная или тростниковая кровля и пр. Хоромы или терема князей, бояръ, высшаго духовенства и зажиточныхъ горожанъ отличались отъ другихъ большимъ просторомъ, внутренними украшениями и большею опрятностію. Между ними изрѣдка встрѣчаются и каменные зданія. Такая же простота господствовала и въ народной одеждѣ*.

Церковь и борьба съ язычествомъ. Послѣ Владиміра Св. и Ярослава I христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими въ составъ Руси; въ особенности были слабы его успѣхи вдали отъ главныхъ городовъ. Позднѣе другихъ Славянъ обратились къ христіанству Вятичи: только въ XII столѣтіи часть ихъ приняла крещеніе, благодаря усиліямъ св. Букши, который проповѣдь свою запечатлѣлъ смертію мученика. А въ XIV столѣтіи замѣчательны апостольскіе труды св. Стефана Пермскаго, который водворилъ христіанство между Пермьями, избралъ для ихъ языка особыя буквы, и перевелъ на него главныя церковныя книги. Самую упорную борьбу съ язычествомъ должны были выдерживать проповѣдники новой религіи на сѣверѣ; здѣсь финскіе волхвы возмущали противъ нихъ народъ, и жители обращались иногда опять къ язычеству. Такъ было въ Муромской области, въ Ростовской (гдѣ епископъ Леонтій претерпѣлъ мученія отъ язычниковъ) и въ самомъ Новгородѣ. Христіанскому духовенству въ этой борьбѣ усердно помогала свѣтская или княжеская власть; князья не рѣдко силою оружія уничтожали противодѣйствіе волхвовъ и мятежи язычниковъ.

Однажды въ Новгородѣ явился волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіанскую вѣ-

* Въ высшемъ классѣ замѣтна наклонность къ роскоши и украшениямъ изъ драгоценныхъ металловъ. Одинъ изъ лѣтописцевъ, недовольный современными нравами, приводитъ въ примѣръ первыхъ русскихъ князей, «Тѣ князья—замѣчаетъ онъ—не собирали много имѣнія, не утѣшали народъ пениями, и дружинники ихъ не говорили: мало мнѣ князь, двѣсти гривенъ; не надѣвали на своихъ женъ золотыхъ обручей, но ходили ихъ жены въ серебрѣ».

ру (1071 г.). Въ городѣ произошелъ мятежъ; народъ хотѣлъ убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу и сказалъ: „Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ — слѣдуетъ за мною“. Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собрались всѣ граждане. Глѣбъ спряталъ подъ одеждою топоръ; подошелъ къ волхву и спросилъ: „Знаешь ли что будетъ завтра?“ „Знаю отвѣчалъ онъ“. „А знаешь ли, что будетъ сегодня?“ „Я сотворю великія чудеса“. Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ, и толпа разошлась по домамъ.

Около того же времени въ Ростовской области случился неурожай. Вѣруя въ колдуновъ и знахарей, народъ особенно склоненъ приписывать чародѣйственную силу женщинамъ-вѣдьмамъ (мы уже видѣли тому примѣръ при Ярославѣ I въ Суздальской землѣ). Явились два волхва; сказали, что они знаютъ, кто скрываетъ хлѣбъ, и начали указывать на самыхъ домовитыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ; волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами, и показывали видъ, будто вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ или рыбу. Послѣ того они убивали этихъ женщинъ, а имѣнье ихъ брали себѣ. Когда волхвы пришли на Бѣлоозеро, около нихъ собралось уже нѣсколько сотъ послѣдователей. Здѣсь случился въ то время бояринъ Янъ, который пришелъ отъ князя Святослава для сбора дани. Онъ потребовалъ выдачи волхвовъ, и, получивъ отъказъ, объявилъ жителямъ, что не уйдетъ отъ нихъ цѣлое лѣто, если не выдадутъ ему волхвовъ. Бѣлозерцы поймали ихъ и привели къ Яну. На его вопросы они изложили свое ученіе, которое состояло въ томъ, что тѣло человѣческое сотворено дьяволомъ (или подземнымъ богомъ), а душа создана богомъ (небеснымъ). Янъ велѣлъ ихъ бить, выдергать у нихъ бороды и связанныхъ бросить въ лодку. На устьѣ Шексны онъ выдалъ ихъ для мести родственникамъ убитыхъ женщинъ, и тѣ повѣсили волхвовъ на дубу.

Вообще народная масса на Руси, также, какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, по своей необразованности, по своимъ наив-

нымъ, еще дѣтскимъ понятіямъ принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религіи, нежели ея духовную сторону. Въ народѣ рядомъ съ христіанскими вѣрованіями живутъ еще прежнія, языческія преданія, приносятся жертвы языческимъ богамъ и въ честь ихъ совершаются разныя празднества (купала, коляда, семикъ и др.). Впрочемъ подъ вліяніемъ новаго ученія, эти языческія, стихійныя божества мало по-малу измѣняютъ свой прежній характеръ въ понятіяхъ народныхъ: то причисляются они къ разряду демоновъ или злыхъ духовъ, то смѣшиваются съ ангелами и нѣкоторыми лицами святыхъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта *.

Высшее духовенство въ своихъ проповѣдяхъ сильно ратуетъ противъ старинныхъ языческихъ обычаевъ и преслѣдуетъ народныя игрища; нѣкоторые епископы наказываютъ священникамъ отлучать отъ церкви непослушныхъ; запрещаютъ погребать людей, убитыхъ на кулачномъ бою, и т. п. Но и сами грамотные люди раздѣляютъ нѣкоторыя языческія вѣрованія толпы. Такъ лѣтописцы упоминаютъ о кометахъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, какъ о чрезвычайныхъ божественныхъ знаменіяхъ; простодушно рассказываютъ о бѣсахъ, которыхъ изображаютъ существами черными, крылатыми и хвостатыми, живущими въ безднахъ; утверждаютъ, что женщины болѣе мужчинъ способны къ чародѣйству, и пр. (Подобные рассказы встрѣчаемъ у лѣтописцевъ и другихъ странъ Европы).

Кромѣ язычества, укорененнаго въ народной массѣ, Русская церковь уже въ тѣ времена должна была бороться съ новыми ученіями или ересями, возникшими иногда въ средѣ самаго духовенства.

Наиболѣе замѣчательна была ересь Стригольниковъ, которая во второй половинѣ XIV вѣка распространилась въ области Новгородской. (Общинное устройство и постоянныя сношенія съ Западной Европой поддерживали здѣсь большее свобо-

* Напримѣръ, представленіе объ Ильѣ пророкѣ, какъ виновникѣ грома и молніи, напоминаетъ грознаго языческаго Перуна.

домыслие, нежели въ другихъ частяхъ Россіи). Проповѣдникомъ этой ереси былъ нѣкто дьяконъ-разстрига Карпъ, ремесломъ стригольникъ (занимавшійся стрижкою волосъ). Нападая на корыстолюбіе священниковъ и епископовъ, на ихъ поставленіе за деньги, онъ началъ отрицать всю духовную іерархію и таинства. Ученіе его нашло себѣ послѣдователей въ Новгородѣ и Псковѣ. Духовенство усердно вооружилось противъ еретиковъ. Карпъ съ двумя главными товарищами былъ брошенъ народомъ въ Волховъ (1375 г.). Но ересь и послѣ того не прекращалась.

Церковная іерархія въ Россіи устроилась по образцу греческой. Главнымъ духовнымъ лицомъ былъ митрополитъ, который въ первые вѣка нашего христіанства избирался обыкновенно между Греками и ѣздилъ на поставленіе къ Константинопольскому патріарху. Изъ русскихъ первый достигъ митрополичьяго престола Иларіонъ, современникъ Ярослава I. Послѣ татарскаго нашествія митрополитъ оставилъ разоренный Кіевъ, и переѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ; а оттуда его престолъ въ XIV вѣкѣ перенесенъ въ Москву. Вся Русь въ церковномъ отношеніи была раздѣлена на епископіи, границы которыхъ большею частію совпадали съ границами отдѣльныхъ княжествъ. Епископскія каѳедры также долгое время были занимаемы по преимуществу Греками или Болгарами, которые избирались съ согласія князя и ѣздили на поставленіе къ русскому митрополиту. По церковнымъ уставамъ Владиміра св. и Ярослава I духовному суду предоставлены были семейныя тяжбы и преступленія противъ нравственности, каковы: нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женской чести, ссоры между близкими родственниками и пр.; доходы съ этого суда или виры шли въ пользу самихъ судей. Кромѣ того на содержаніе храмовъ и духовенства назначались разныя недвижимыя имущества; а нѣкоторые князья отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть извѣстныхъ доходовъ.

Монашество. вмѣстѣ съ христіанствомъ появилось въ Россіи монашество, устроенное также по образцу греческому. Люди, отли-

чавшіея особенною ревностью въ новой религіи, отрекались отъ міра, уходили въ лѣса, и начинали вести уединенную жизнь, посвящая ее посту и молитвѣ. Около такихъ подвижниковъ собирались ученики и составляли монашескую братію: они строили небольшую церковь, нѣсколько келій, обносили ихъ деревянною стѣною и вводили у себя монастырскій уставъ. Благочестивые князья покровительствовали монастырямъ, дарили ихъ разнымъ имуществомъ, угодьями (рыбными, бортными и др.), и уже съ XI вѣка начали давать имъ населенныя земли, т. е. деревни и села. Примѣру князей слѣдовали ихъ бояре и другіе зажиточные люди, которые дѣлали вклады на молитву о своемъ здоровіи при жизни и на помять души послѣ смерти. Монастыри стали богатѣть, украшаться каменными зданіями и дорогою церковною утварью. Число ихъ особенно увеличилось во время Монгольскаго ига — время частыхъ бѣдствій и разореній, когда монастыри представляли болѣе спокойствія и безопасности, нежели города. Но рядомъ съ благочестивыми подвижниками иногда въ нихъ искали убѣжища люди праздные, желавшіе безъ особеннаго труда жить въ довольствѣ. Самые знаменитые монастыри древней Руси были: Киевопечерская лавра, основанная въ XI в., Троицкая лавра и Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь — въ XIV, и Соловецкая обитель — въ XV в.

Вотъ какимъ образомъ положено было основаніе Киево-печерской лавры:

Одинъ гражданинъ города Любеча, Антоній, ходилъ паломникомъ (странникомъ) въ Грецію на Аѳонскую гору, и постригся тамъ въ монахи. Вернувшись въ Россію, онъ поселился недалеко отъ Кіева, въ пещерѣ на берегу Днѣпра (говорятъ, эту пещеру ископалъ и сюда уединился митрополитъ Иларіонъ, когда былъ еще простымъ священникомъ села Берестова). Слава о святости Антонія привлекла къ нему нѣсколько послѣдователей; онъ образовалъ изъ нихъ монастырскую общину, поставилъ имъ игумена, а самъ затворился въ пещерѣ и не выходилъ изъ нея 50 лѣтъ. Монахи сначала жили также въ ископанныхъ ими пещерахъ (откуда и названіе монастыря „Печерскій“). Великій князь

Изяславъ I отдалъ имъ всю сосѣдную гору. Тогда братія построила тамъ монастырскія зданія.

Настоящимъ устроителемъ этого монастыря явился второй его игуменьъ Θεодосій. Въ молодости своей, снѣдаемый жаждою аскетическихъ подвиговъ, онъ тайно ушелъ отъ матери; приходилъ въ разные монастыри; но тамъ, видя простоту и худыя одежды юноши, не приняли его въ число братіи. Наконецъ онъ поселился въ пещерахъ св. Антонія. Θεодосій былъ человекъ твердой волѣ, дѣятельнаго, энергическаго характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ непрерывныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти: самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи, ходилъ въ ветхой одеждѣ. Отъ братіи онъ требовалъ безусловнаго послушанія, и ввелъ принесенный изъ Греціи общежительный уставъ Студійскаго Цареградскаго монастыря, который предписывалъ очень строгія правила и ежедневныя труды. Изъ Печерской лавры этотъ уставъ распространился потомъ и въ другихъ русскихъ обителяхъ. Трудясь для монастыря, Θεодосій не былъ чуждъ и мірскимъ дѣламъ; своими совѣтами и поученіями онъ дѣйствовалъ на князей и бояръ*.

* Какъ строгій аскетъ, онъ вооружался противъ веселія и мірскихъ забавъ. Однажды — рассказываетъ составитель его житія — Θεодосій пришелъ во дворецъ къ великому князю Святославу Ярославичу въ то время, когда зѣсь всѣ веселились, слушали пѣсни и игру на гусяхъ. Игуменьъ сѣлъ подлѣ князя и понизъ головою. Потомъ онъ спросилъ: «будетъ ли также и на томъ свѣтѣ?» Князь былъ тронутъ этими словами и велѣлъ перестать съ тѣхъ поръ пажыый разъ, слышавъ приходъ святаго мужа, онъ приказывалъ замолчать своимъ пѣвцамъ и гусярамъ.

Первый игуменьъ Печерскаго монастыря назывался Варлаамъ. Онъ былъ сынъ старшаго Изяслава боярина; но оставилъ отцовскій домъ, жену, почести, ушелъ въ пещеры къ Антонію, и постригся; въ то же время постригся и другой бояринъ, одинъ изъ любимцевъ Изяслава. Великій князь разгнѣвался за это на печерскихъ иноковъ, и грозилъ сослать ихъ въ заточеніе, если они не возвратятъ постриженныхъ; но супруга смягчила его гнѣвъ. Тогда отецъ Варлаама отправился самъ съ толпою отроковъ, и насильно привелъ сына въ домъ свой. Варлаамъ въ продолженіи трехъ дней не принималъ пищи; тогда отецъ съжался надъ нимъ, и отпустилъ его въ пещеры. Антоній любившій уединеніе, затворился въ своей пещерѣ, а вмѣсто себя поставилъ надъ братіей игуменомъ Варлаама. Изъ князей первымъ постригшимся въ Печерскомъ монастырѣ былъ внукъ Святослава Ярославича Николай, но проз-

Изъ Киевопечерской лавры вышли многіе знаменитые проповѣдники и епископы древней Руси. Въ числѣ печерскихъ монаховъ были св. Алимпій, считающійся первымъ русскимъ иконописцемъ, и Несторъ — первымъ русскимъ лѣтописцемъ. „Когда мнѣ было 17 лѣтъ — говоритъ Несторъ, — я недостойный пришелъ къ Θεодосію, и онъ принялъ меня въ монастырь“. Кромѣ лѣтописи здѣсь были написаны многія житія святыхъ, монаховъ того же монастыря. Эти житія наполнены рассказами о борьбѣ святыхъ съ разными искушеніями отъ злыхъ бѣсовъ.

Основательницами и игуменьями женскихъ обителей нерѣдко являются благочестивыя княгини и княжны. (Напримѣръ, св. Евфросинія Полоцкая, въ XII в.).

Духовенство въ Россіи кромѣ религіознаго имѣло и политическое значеніе. Князья въ важныхъ случаяхъ совѣтуются не съ одними боярами и лучшими людьми, но и съ духовенствомъ. Во время княжескихъ междоусобій оно не разъ являлось посредникомъ и примирителемъ враждующихъ сторонъ. Находя опору въ княжеской власти, оно въ свою очередь помогало укрѣпленію этой власти и давало ей религіозное освященіе въ глазахъ народа. Далѣе, Православная церковь съ своей стороны не мало способствовала сліянію разрозненныхъ дотолѣ племенъ въ одну Русскую народность. Вообще русское православіе уже съ самыхъ первыхъ вѣковъ своего существованія обнаружило двѣ главныя черты, отличающія его отъ западнаго католицизма: оно чуждо властолюбивыхъ стремленій папства, и не слѣдовало примѣру Латинской церкви, которая силою меча обращала язычниковъ въ христіанство (и создала такое учрежденіе какъ инквизиція).

ванію Святоша (въ первой полов. XII вѣка). Онъ проходилъ разныя послушанія прешде, нешли поселился въ келіи: три года работалъ на братію въ поварнѣ, потомъ три года былъ монастырскимъ привратникомъ. Въ слѣдующемъ XIII столѣтн Симошъ, епископъ Суздальскій и Владиѣрскій, въ посланіи своемъ къ иноку печерскому Поликарпу увѣщаетъ его оставить свои помыслы о приобрѣтеніи епископскаго сана, смириться духомъ и не стремиться вонъ изъ такого благодатнаго, святаго мѣста, каковъ Печерскій монастырь. «Всю свою славу я ни во что виѣнилъ бы, прибавляетъ Симошъ, если бы мнѣ дозволено было хоть коломъ торчать у воротъ Печерскаго монастыря».

Просвѣщеніе. Религія, принятая отъ Грековъ, облегчила путь въ Россію византійскому образованію, которое весьма замѣтно отразилось въ искусствахъ, въ государственномъ устройствѣ и въ литературѣ. Съ запада, при помощи торговли и частыхъ политическихъ сношеній, въ древнюю Русь проникало влияние нѣмецкой образованности; а съ востока, посредствомъ Камскихъ Болгарь, могли приходиться и нѣкоторыя начала арабской цивилизаціи. Но въ XIII вѣкѣ съ двухъ сторонъ Россію облегла дикая Татарская орда, наложила на нее иго, и надолго задержала развитіе русской образованности. Въ слѣдующемъ столѣтіи возникло сильное Литовское государство, которое вмѣстѣ съ Ливонскимъ Орденомъ загородило Россію отъ Западной Европы, и, благодаря только новгородской торговлѣ, не былъ совершенно прекращенъ путь европейскому вліянію.

Духовенство въ древней Руси было почти единственное грамотное сословіе; литературная дѣятельность развилась подъ вліяніемъ церковно-византійской книжности (при помощи болгарскихъ и сербскихъ переводовъ), и сосредоточивалась болѣе всего въ тишинѣ монастырскихъ келій. Памятниками словесности того времени служатъ объясненія разныхъ вопросовъ, относящихся къ вѣрѣ, нравственнымъ правиламъ и религіознымъ обрядамъ, напримѣръ: «сочиненія митрополита Иларіона», «посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху», «проповѣди Кирилла епископа Туровскаго» (въ XII в.), «вопросы Кирика, обращенные къ новгородскому епископу Нифонту», «и посланіе епископа Симона къ иноку Поликарпу». Далѣе до насъ дошли: многочисленныя житія святыхъ (напримѣръ «Житіе Θεодосія игумена Печерскаго»), поученія къ дѣтямъ (Владиміра Мон.), описанія путешествій къ святымъ мѣстамъ («хожденіе Данила паломника въ Іерусалимъ»), загадочное «Слово о Даниилѣ Заточникѣ» и пр.

Какой-то Даниилъ попалъ въ немилость, заточенъ на озеро Лаче, и пишетъ отсюда „Слово“ къ князю (по мнѣнію однихъ къ Юрію Долгорукому, по другимъ къ его внуку Ярославу Всеволодовичу). Онъ превозноситъ мудрость и богатство кня-

зя, выражаетъ свои страданія и скорбь о княжеской немилости; вооружается противъ глупыхъ людей (повидимому виновниковъ его несчастія), противъ монаховъ, принявшихъ духовный санъ не по внутреннему призванію, и особенно противъ злыхъ женъ. „Слово“ обнаруживаетъ большую начитанность въ сочинителѣ. Оно изобилуетъ притчами или пословицами, напримеръ: „лучше лихорадкой болѣть, чѣмъ со злою „женою жить“, „глупаго учить — въ худой мѣхъ воду лить“; „княжаго тиуна бойся какъ огня, а служителей его какъ искръ“, и т. п. Слово Заточника, какъ голосъ страждущаго противъ мірскихъ неправдъ, пользовалось большимъ сочувствіемъ въ древней Руси. Этимъ сочувствіемъ объясняется слѣдующая прибавка (сочиненная позднѣйшими переписчиками): „Посланіе свое Заточникъ запечаталъ въ воскъ и бросилъ въ озеро; рыба проглотила свитокъ; рыбакъ поймалъ рыбу, и принесъ свитокъ князю; князь прочелъ, и велѣлъ освободить Данила изъ горькаго заточенія“.

Наиболѣе видное мѣсто между произведеніями древне-русской словесности занимаютъ лѣтописи, т. е. погодныя записки о событіяхъ. Отцомъ нашихъ лѣтописцевъ считается Несторъ, монахъ Кіевопечерской лавры, жившій во второй половинѣ XI и въ началѣ XII в. Извѣстная подъ его именемъ лѣтопись (временникъ) составлена по образцу византійскихъ лѣтописцевъ, и описываетъ событія Русской исторіи отъ ея начала почти до княженія Мономахова. Народныя преданія служили ей главнымъ источникомъ для исторіи первыхъ русскихъ князей; потому она отличается иногда характеромъ баснословнымъ; но чѣмъ болѣе событія приближаются ко времени самого Нестора, тѣмъ описаніе ихъ становится полнѣе и достовѣрнѣе. Нашлись люди, которые продолжали лѣтописное дѣло и записывали событія въ разныхъ концахъ Россіи; такимъ образомъ явилось нѣсколько мѣстныхъ лѣтописей, именно: Кіевская, Новгородская, Суздальская, Волынская и др. Сюда заносились часто отрывки изъ житія святыхъ и украшенныя цвѣтами краснорѣчія сказанія о какомъ либо знаменитомъ князѣ, или о

важномъ событіи, напр. объ Александрѣ Невскомѣ, о нашествіи Батя на Рязанскую землю, о «Мамаевомъ побоищѣ» и пр.

При нѣкоторыхъ княжескихъ дворахъ развивалась историческая поэзія, предметомъ которой служили: подвиги князей и дружины. Образецъ такой поэзіи представляетъ намъ: «Слово о полку Игоревѣ».

Содержаніе его слѣдующее.

Игорь Святославичъ князь Съверскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеволодомъ Трубчевскимъ отправляется на Половцевъ. Сначала походъ удаченъ, враги разбиты, князья идутъ далѣе. На берегахъ Каялы, впадающей въ Донъ, ихъ встрѣчаютъ ханы Гзакъ и Кончакъ съ многочисленными толпами Половцевъ. Происходитъ упорная битва; русская дружина истреблена, князья взяты въ плѣнъ. Печаль разливается по всей Русской землѣ. Супруга Игоря плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ и обращается съ жалобами на свое горе къ вѣтрамъ, къ солнцу и Днѣпру. Въ заключеніе, князь съ помощью Овлура убѣгаетъ изъ плѣна и благополучно возвращается домой.

Рассказъ поэта почти во всемъ сходенъ съ извѣстіемъ лѣтописца о томъ же походѣ (подъ 1185 г.). „Слово“ написано на древнемъ южно-русскомъ нарѣчій, и дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Оно изобилуетъ поэтическими красотами. Авторъ искусно воспользовался мифологическими вѣрованіями древней Руси, и изобразилъ всю природу существомъ живымъ, которое скорбитъ о несчастіи князя и радуется его удачѣ. Онъ также искусно воспользовался пораженіемъ своего героя, чтобы указать на главный источникъ торжества враговъ — на княжескія междоусобія *.

* Кроме неизвѣстнаго автора Слова о Полку Игоревѣ могутъ быть упомянуты еще два придворно-княжескіе поэта: Боянь, пѣвецъ Святослава Ярославича Черниговскаго, и Митуса, «словутный» пѣвецъ Галицій, современникъ Даніила Романовича.

Изъ рукописей удѣльнаго періода, дошедшихъ до насъ, самыя древнѣйшія это Острожирова Евангеліе и Сборникъ Святослава, относящіеся къ XI вѣку. Первая рукопись названа по имени новгородскаго посадника Остромира, которому она принадлежала, а вторая по имени великаго князя Святослава Ярославича.

Самую богатую эпоху въ отношеніи къ произведеніямъ словесности составляютъ XII вѣкъ и первая половина XIII-го. Эпоха послѣдующая за нашествіемъ Татаръ, напротивъ, очень бѣдна замѣчательными памятниками литературы, что ясно указываетъ на упадокъ просвѣщенія.

Съ XIV вѣка удѣльно-вѣчевой порядокъ начинаетъ мало-помалу уступать мѣсто другому порядку, единодержавному: между тѣмъ какъ Юго-западная Русь, собранная великими князьями литовскими, соединяется съ Польшею въ одно государттво, Москва притягиваетъ къ себѣ удѣлы сѣверо-восточные.

У. ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОДПАДАЕТЪ ВЛАДЫЧЕСТВУ ЛИТОВСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Литва распадалась на слѣдующія главныя племена: собственная Литва и Жмудъ поселились въ области Нѣмана; къ западу отъ нихъ обитали Прусссы, а къ сѣверу Корсы или Куроны, Зимгола или Семгалы и Летгола (Латыши) *. Между тѣмъ, какъ на нижнемъ теченіи Двины основался Ливонскій Орденъ Меченосцевъ, на нижнемъ теченіи Вислы, около половины XIII вѣка, утвердился другой рыцарскій орденъ — Тевтоновъ, которыхъ призвалъ изъ Палестины одинъ польскій князь на помощь противъ Прусссовъ. Послѣ отчаянной борьбы Прусссы, Куроны, Семгаллы и Латыши были завоеваны, и силою оружія обращены въ христіанскую вѣру; но дальнѣйшимъ успѣхамъ Меченосцевъ и Тевтоновъ положили предѣлъ Литовцы, жившіе по Нѣману и его притокамъ.

Живя въ странѣ бѣдной и глухой, покрытой дремучими лѣсами и болотами, Литовское племя могло долго оставаться недоступно чужеземному вліянію. Оно успѣло болѣе развить свою языческую

* На югѣ къ собственной Литвѣ и Прусссамъ примыкали Голядь и Ятвяги (въ нынѣшней Гроднен. губ.), по всей вѣроятности племена также литовскія; въ XIII вѣкѣ они были почти истреблены своими сосѣдями, Полянами и Русскими.

религію, нежели сосѣдніе соплеменные ему Славяне; такъ мы находимъ здѣсь жрецское сословіе весьма важное по своему значенію; жрецы назывались вайделотами; высшіе изъ нихъ, извѣстные подъ именемъ кривитовъ, избирали главнаго жреца или Бриве-Кривейто, который былъ вмѣстѣ и верховный судія. Главнымъ божествомъ почитался Перкунъ, богъ молніи; передъ его идоломъ постоянно пылалъ священный огонь (Зничъ); ему иногда приносились въ жертву знатнѣйшіе плѣнники. Князья же занимались преимущественно военными дѣлами; когда умножились войны съ сосѣдами, то и власть княжеская стала усиливаться. Отъ набѣговъ безпокойной Литвы много страдали сосѣднія русскія княжества, особенно Полоцкое и Волинское. Трубя въ свои длинныя трубы, на крѣпкихъ лѣсныхъ коняхъ они совершали быстрые набѣги, жгли селенія и уводили жителей въ плѣнъ. Пока это племя было раздроблено на мелкія владѣнія, Русскіе съ успѣхомъ отражали его набѣги; а иногда платили ему взаимными опустошеніями и налагали на него дань *.

Въ XIII вѣкѣ въ Литвѣ начало развиваться единодержавіе **.

Хитрый Миндовгъ — сначала одинъ изъ удѣльныхъ литовскихъ князей (или кунигасовъ) — отчасти силою, отчасти коварствомъ успѣлъ подчинить своей верховной власти почти всю Литву, и захватилъ нѣкоторые русскія области, ослабленныя нашествіемъ Монголовъ, напримѣръ землю Городенскую или Гроднен-

* Литовцы были въ то время весьма бѣднымъ народомъ; по сказанію польскаго лѣтописца Длугоша (жившаго въ XV вѣкѣ), они нѣкоторое время платили русскимъ князьямъ дань вѣнинами и лыками.

** Одно изъ литовскихъ преданій рассказываетъ о князѣ Палемонѣ, который съ дружиною прибылъ въ Литву, покорилъ ее, и сдѣлался здѣсь родоначальникомъ княжеской династїи. Нѣкоторые лѣтописцы называли пришельцевъ римскими выходцами. Достовернѣе всего, что Скандинавы въ IX или X вѣкѣ съ моря проникли по Нѣману въ глубь страны, и основали здѣсь княжества, подобно тому какъ въ землѣ русскихъ Славянъ. На скандинавское происхожденіе указываетъ и большая часть княжескихъ именъ (Рингольдъ, Миндовгъ, Гедиминъ, Ольгердъ и др.). Здѣсь мы встрѣчаемъ ту же систему удѣловъ какъ на Руси. Въ XII вѣкѣ главнѣйшія княжества были: Завилейское, Литовско-Полоцкое и Керновское.

скую. (Большая часть земли Бривской еще прежде Миндовга сдѣлалась добычею новыхъ завоевателей). Только побѣды Александра Невскаго и Данила Романовича остановили на время успѣхи Литовцевъ. Угрожаемый въ то же время со стороны Ливонскихъ рыцарей, Миндовгъ притворно принялъ католическую вѣру.

Въ Новогородкѣ, столицу Миндовга, прибыли папскій легатъ и магистръ Нѣмецкаго Ордена съ знатнѣйшими рыцарями. На соседней равнинѣ, при огромномъ стеченіи народа, Миндовгъ вмѣстѣ съ супругою былъ окрещенъ и торжественно помазанъ въ король. Въ тотъ же день крестилось и вѣсколько сотъ Литвиновъ. Но потомъ рыцари все-таки заставили своего новаго союзника уступить имъ часть Жмуди, что возбудило неудовольствіе между языческими подданными Миндовга. Тогда онъ отрекся отъ христіанства, и возстановилъ при своемъ дворѣ языческіе обряды; оставивъ союзъ съ Нѣмцами, онъ сблизился съ Даниломъ Галицкимъ, и выдалъ свою дочь за его сына Шварна.

Жена Миндовга, сохранившая вѣрность христіанству, вскорѣ умерла. На погребеніе къ ней пріѣхала ея сестра, бывшая въ замужствѣ за однимъ удѣльнымъ литовскимъ княземъ, Довмонтъ. Миндовгъ задержалъ ее, и женился на ней. Оскорбленный мужъ подстерегъ Миндовга на дорогѣ, и убилъ его (1263). Послѣ него остался сынъ Войшелгъ. Послѣдній въ молодости отличался большою жестокостію; но потомъ принялъ православіе, и постригся въ одномъ волынскомъ монастырѣ. Смерть отца возбудила въ немъ жажду мести; онъ занялъ литовскій престолъ, и безъ пощады казнилъ всѣхъ замѣшанныхъ въ убійствѣ Миндовга. Однако вскорѣ Войшелгъ опять ушелъ въ монастырь; а княженіе свое отдалъ зятю Шварну, сыну Данила Романовича. Такимъ образомъ Литва мирно соединилась съ юго-западною Русью. Но по смерти Шварна Литовцы отложились отъ Руси, и главнымъ княземъ у нихъ является суровый язычникъ Тройденъ.

Смутный періодъ, наступившій въ Литвѣ послѣ Миндовга, ознаменованъ по преимуществу борьбою великихъ князей литовскихъ съ удѣльными за единоедержавіе. Конецъ этому смутному періоду и

начало новому, быстрому возвышенію Литвы положилъ знаменитый Гедиминъ.

× Гедиминъ (1315 — 1340). Есть преданіе, будто онъ былъ конюшимъ литовскаго князя Витена, умертвилъ своего господина и завладилъ себѣ верховную власть; но по другимъ, болѣе достовѣрнымъ, извѣстіямъ онъ былъ просто сынъ и преемникъ Витена. Необыкновенно умный и предприимчивый, Гедиминъ искусно воспользовался слабостію и неустройствами юго-западной Руси для того, чтобы подчинить ее Литовскому владычеству. Рѣшительною побѣдою надъ соединенными силами южнорусскихъ князей и Монголовъ (на р. Ирпени въ 1321 г.) онъ покорилъ землю Киевскую; потомъ съ помощью родственныхъ связей и договоровъ приобрѣлъ землю Волынскую.

Жители русскихъ областей охотно признавали надъ собою владычество Литвы, потому что оно было для нихъ освобожденіемъ отъ тяжелаго татарскаго ига; притомъ Гедиминъ не нарушалъ ихъ внутренняго, гражданскаго устройства, и оставилъ древнія права православному духовенству. Многие русскіе города сдались ему добровольно. Гедиминъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго, и утвердилъ свою столицу въ городѣ Вильно, который былъ построенъ имъ на холмистыхъ берегахъ Вилии. (До того времени столица была сначала въ Керновѣ, потомъ въ Новогродкѣ и Трокахъ). Онъ много заботился о распространеніи образованности между полудикими Литовцами, даровалъ ганзейскимъ купцамъ право безошлинной торговли въ своихъ владѣніяхъ, и вызывалъ изъ сосѣднихъ земель ремесленниковъ; а завоеванными областями управлялъ довольно кротко. Дальновидный политикъ, Гедиминъ старался родственными союзами связать свой домъ съ потомствомъ св. Владиміра, дозволяя даже своимъ сыновьямъ принимать крещеніе по греческому обряду и строить христіанскіе храмы въ Вильнѣ и Новогродкѣ. Самъ же онъ остался вѣренъ религіи предковъ, и умеръ язычникомъ, смертельно раненый при осадѣ одного рыцарскаго замка; тѣло князя по древнему

литовскому обычаю было сожжено на кострь вмѣстѣ съ его боевымъ конемъ и любимымъ оруженосцемъ*.

У Ольгерда (1345—1377). Слѣдую тому же удѣльному порядку, который господствовалъ въ древней Руси и Польшѣ, Гедиминъ роздалъ волости своимъ семи сыновьямъ; но при этомъ стольный городъ Вильно назначилъ младшему сыну (Явнугу). Самый умный изъ братьевъ Ольгердъ соединился съ самымъ храбрымъ, Кейстутомъ, завладѣлъ Вильною, и присвоилъ себѣ верховную власть надъ всѣмъ Литовскимъ княжествомъ. Кейстуту онъ отдалъ Жмудъ и западную часть Литвы (княжество Трокское); а себѣ взялъ восточную половину (княжество Виленское). Правленіе его ознаменовано необыкновенною воинственною дѣятельностію. Со всѣхъ сторонъ окруженный врагами, Ольгердъ почти все время провелъ въ борьбѣ съ сосѣдями, и большею частію оставался побѣдителемъ. Онъ докончилъ покореніе Южной Руси (т. е. присоединилъ княжества Черниговское, Сѣверское и Подолію); далеко отодвинулъ въ степи татарскія орды, и первый началъ тѣснить Сѣверо-восточную Русь; но борьба на западѣ съ Поляками и двумя

* Борьба Литовцевъ съ западными сосѣдями, Тевтонскими рыцарями, въ это время принимаетъ весьма ожесточенный характеръ. Слѣдующій случай представляетъ замѣчательный примѣръ дикаго героизма Литовцевъ. Въ 1336 г. многіе знатные рыцари прибыли въ Пруссію, чтобы принять участіе въ покореніи и истребленіи язычниковъ. Великій магистръ Ордена устроилъ для своихъ гостей походъ въ Литву. Крестоносцы осадили небольшое укрѣпленіе Пуна, куда укрѣпились нѣсколько тысячъ окрестныхъ жителей съ женами и дѣтьми. Осаждающіе встрѣтили отчаянное сопротивленіе, но своими военными машинами скоро разбили стѣны крѣпости, и осажденные не могли долѣе защищаться. Тогда Литвины рѣшились всѣ погибнуть, но не сдаваться. Они перерубили женъ и дѣт.й, сложили ихъ на огромный костеръ посреди двора, и зажгли; потомъ начали избивать другъ друга; оставшіеся въ живыхъ рубили головы одна старая жрица, которая сама за тѣмъ бросилась въ огонь. Последнимъ палъ начальникъ крѣпости, князь Магеръ; когда Нѣмцы ворвались въ пылающую крѣпость, онъ бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ жену, и тамъ убилъ ее и себя. Крестоносное войско было поражено этимъ героизмомъ язычниковъ, и не рѣшилось идти далѣе въ глубь страны.

рыцарскими орденами (Ливонскимъ и Тевтонскимъ) задержала его стремленіе на востокъ.

По замѣчанію русскихъ лѣтописцевъ, Ольгердъ отличался отъ своихъ единовѣрцевъ большою воздержностію, такъ что не пилъ ни вина, ни меда, и притомъ былъ очень скрытенъ; отправляясь на войну, онъ не говорилъ заранѣе, куда намѣренъ идти, и потому нерѣдко заставлялъ непріятелей врасплохъ.

× **Ягелло (1377—1434) и введеніе католичества.** Подобно отцу, Ольгердъ раздѣлилъ свое княжество и старшій столъ отдалъ младшему сыну Ягелло (рожденному отъ тверской княжны Юліаніи). Последний захватилъ коварнымъ образомъ въ плѣнъ своего престарѣлаго дядю Кейстута, и велѣлъ его умертвить*. Стремясь возстановить единодержавіе, онъ началъ преслѣдовать родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, которые большею частію спаслись въ сосѣднія земли.

Вскорѣ потомъ Ягелло крестилъ Литовскій народъ по католическому обряду и положилъ начало соединенію Литвы съ Польшею, — что имѣло весьма важное вліяніе на дальнѣйшіе судьбы Восточной Европы.

* Въ Ошмянскомъ уѣздѣ (Вилен. губ.) находятся развалины древняго Кревскаго замка. Въ подземельи этого замка былъ задушенъ послѣдній языческій богатырь Литвы. Тѣло его съ торжественными обрядами сожжено въ Вильнѣ на долині Свинторога. Сынъ его Витовтъ также былъ захваченъ въ плѣнъ; но съ помощію своей жены убѣжалъ изъ заключенія въ платѣ ея служанки.

Другія замѣчательныя развалины представляетъ Трокскій замокъ, расположенный въ живописной мѣстности на островѣ озера Гальве; построеніе этого замка приписывается Кейстуту, который имѣлъ здѣсь свою резиденцію.

Близъ мѣстечка Полагена (Курлянд. губ. на границѣ съ Пруссіей), на песчаномъ берегу Балтійскаго моря есть гора, носящая имя Бируты, супруги Кейстута и матери Витовта. Преданіе рассказываетъ, что Бирута въ молодости была вайделотной или жрицей богини Праурины, въ честь которой на той самой горѣ пылалъ огонь, постоянно поддерживаемый жрицами. Однажды князь Кейстутъ, возвращаясь изъ похода на Тевтонскихъ рыцарей увидѣлъ Бируту, плѣнился ея красотою, и насильно увезъ ее съ собою. Когда онъ погибъ, престарѣлая Бирута, говорятъ, была утоплена его врагами; но по другимъ извѣстіямъ, она удалась на свою родину, въ Жмуль, и погребена потомъ на той же горѣ, которая получила ея имя.

Въ Литвѣ уже давно дѣйствовала христіанская проповѣдь съ двухъ сторонъ: изъ католической Польши и православной Руси. Князья литовскіе, вступая въ родственныя связи съ польскими и русскими князьями, допускали въ свою страну проповѣдниковъ католическихъ и православныхъ. Ожесточенная и непрерывная борьба съ Тевтонскимъ орденомъ, ввопившимъ христіанство силою меча, отвращала Литвиновъ отъ католичества и возбуждала въ нихъ языческой фанатизмъ*. Гораздо успѣшнѣе распространялось между ними православіе, такъ какъ большая часть великаго княжества Литовскаго состояла изъ русскихъ областей. Вообще завоеватели западной Руси подверглись сильному вліянію русской образованности (въ отношеніи языка, обычаевъ и религіи). Русскій языкъ сдѣлался господствующимъ при дворѣ великихъ князей литовскихъ и языкомъ государственныхъ актовъ. Въ Вильнѣ было уже нѣсколько православныхъ церквей и много русскихъ жителей (часть города называлась „Русскимъ концомъ“). Династія Гедимина посредствомъ браковъ наиболѣе тѣснымъ образомъ была связана съ домомъ Владиміра св.; многіе изъ его потомковъ и бояръ литовскихъ уже исповѣдывали христіанство по восточному обряду. Есть извѣстіе, что самъ Ольгердъ умеръ православнымъ, благодаря стараніямъ своей супруги Юліаніи Тверской, и что сынъ ея Ягелло былъ воспитанъ ею въ православіи (подъ именемъ Якова). Такимъ образомъ приготовлялось постепенное и мирное сліяніе Литвы съ Русью въ одну Русскую народность; но бракъ Ягелла съ Ядвигою открылъ путь иному направленію въ исторіи Литвы и Западной Руси.

На Польскомъ престолѣ во второй половинѣ XIV вѣка прекратилась династія Пястовъ; корона перешла въ руки венгерскаго ко-

* Католическіе проповѣдники неоднократно дѣлались жертвою этого фанатизма. Напримѣръ, при Ольгердѣ въ Вильнѣ были избиты 14 францисканскихъ монаховъ, которымъ покровительствовалъ любимецъ Ольгерда Гаштольдъ. Около того же времени въ Вильнѣ подверглись мученической смерти три православные Литвина изъ придворныхъ в. князя; на мѣстѣ ихъ кончины великая княгиня построила церковь во имя Троицы. (Имена ихъ Антоній, Іоаннъ и Евстаѳій. Другихъ мучениковъ православія въ Литвѣ въ эту эпоху мы не встрѣчаемъ).

роля Людовика, а потомъ досталась его дочери Ядвига.* Желая обратить опасныхъ сосѣдей въ вѣрныхъ союзниковъ и соединиться съ ними для общей борьбы противъ Нѣмцевъ, польскіе вельможи задумали устроить бракъ своей королевы съ великимъ княземъ Литовскимъ. Юная Ядвига, равнодушная къ австрійскому герцогу, съ которымъ была уже обручена, долго не соглашалась отдать свою руку Ягеллу. Но такъ какъ послѣдній обѣщалъ принять католическую вѣру со всѣмъ своимъ народомъ, то духовенство убѣдило наконецъ королеву согласиться на этотъ бракъ. Въ 1386 г. Ягелло принялъ католичество, и вмѣстѣ съ рукою Ядвиги получилъ королевскую корону. Вслѣдъ затѣмъ по повелѣнію короля окрещена по католическому обряду и большая часть Литовскаго народа. Древній огонь Перкуна въ Виленскомъ замкѣ погасили; башни, съ которыхъ вайделоты возвѣщали народу прорицанія, разрушены; священные змѣи перебиты, и заповѣдныя роши истреблены. Литовцы пришли въ ужасъ; но, видя, что униженные боги безмолствуютъ, они усумнились въ ихъ могущество; многіе приходили креститься по нѣскольку разъ, привлекаемые новою одеждою изъ бѣлаго сукна, которую давали обращеннымъ. Такимъ образомъ христіанство было принято въ Литвѣ только внѣшнимъ образомъ; а въ сущности суевѣрное простонародье оставалось языческимъ и продолжало чтить своихъ прежнихъ боговъ. Попытка новаго короля распространить католичество въ своихъ русскихъ областяхъ произвела здѣсь сильное неудовольствіе. Литовцы также не были довольны королемъ, который поселился въ Краковѣ и окружилъ себя польскою аристократіею; а на соединеніе съ Польшею они начали смотрѣть какъ на потерю своей самостоятельности.

Ягелло оставилъ въ Литвѣ своимъ намѣстникомъ одного изъ братьевъ (Скиргайла); его дурнымъ управленіемъ и неудовольствіемъ Литовцевъ воспользовался умный и чрезвычайно дѣятельный Витовтъ, сынъ Кейстута. Онъ вступилъ въ союзъ съ Тевтон-

Въ 1386 г. Ягелло принялъ католичество, и вмѣстѣ съ рукою Ядвиги получилъ королевскую корону.

* Событія собственной Польши изложены во Всеобщей исторіи. (См. 2-ю часть «Руководства ко Всеобщей Исторіи».)

скими рыцарями, и получалъ отъ нихъ помощь. Два раза Витовтъ осаждалъ Вильно; но не могъ взять Виленскаго замка, защищаемаго польскимъ гарнизономъ. Наконецъ Ягелло, утомленный борьбою, согласился уступить Витовту Литву съ титуломъ великаго князя (1392 г.).

Витовтъ продолжалъ наступательное движеніе Ольгерда на Сѣверо-восточную Русь, и захватилъ Смоленское княжество. Его постигла впрочемъ важная неудача на востокъ: походъ противъ Золотой орды, предпринятый съ большимъ отборнымъ войскомъ, окончился страшнымъ пораженьемъ на берегахъ Ворсклы (1399). Зато на западъ борьба съ Тевтонскимъ орденомъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; Литовскій князь соединился съ Польскимъ королемъ, и общими силами они сокрушили навсегда могущество рыцарей битвою при Танненбергѣ (1410 г.). Въ ней участвовали полки всѣхъ западно-русскихъ княжествъ, и главная честь побѣды принадлежала Смоленскому полку. Этою побѣдою Жмудь была освобождена отъ крестоносцевъ. Спустя три года послѣ того, Ягелло съ польскими панами и Витовтъ съ знатнѣйшими Литвинами съѣхались на сеймъ въ Городлѣ (на р. Бугѣ). Здѣсь Литвины-католики получили права и привилегіи польской шляхты, и положено представителямъ обоихъ народовъ съѣзжаться впередъ на общіе сеймы для выбора королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ и для другихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Сѣверная часть Литвы, т. е. Жмудь или Самогитія, упорнѣе другихъ стоявшая за старую религію и за Литовскую народность, взбунтовалась и прогнала католическихъ монаховъ. Но Витовтъ усмирилъ Жмудиновъ, и силою заставилъ ихъ принять католическое духовенство.

Витовтъ усердно старался утвердить самобытность государства Литовскаго (собственно Западнорусскаго). Его русскія области въ церковномъ отношеніи зависѣли отъ московскаго митрополита. Витовтъ просилъ константинопольскаго патріарха назначить особаго митрополита для Западной Россіи; а когда встрѣтилъ отказъ, то обошелся безъ патріаршаго разрѣшенія, и велѣлъ собору западно-

русскихъ епископовъ поставитъ на Кіевскую митрополию ученаго болгарина Григорія Цамблака (1415). Но старанія Витовта обезопасить свое княжество отъ подчиненія Польшѣ находили постоянное противодѣйствіе со стороны Ягелло и католическаго духовенства. Великій князь Литовскій между прочимъ задумалъ принять королевскій титулъ изъ рукъ германскаго императора Сигизмунда; но Поляки перехватили имперскихъ пословъ, ѣхавшихъ къ нему съ знаками королевскаго достоинства. Осьмидесятилѣтній Витовтъ, уже создавшій многихъ сосѣднихъ владѣтелей праздновать свое коронованіе, былъ очень огорченъ этою неудачею, и вскорѣ умеръ (1430).

Послѣ того великое княжество Литовское иногда существовало отдѣльно, но чаще соединялось съ Польшею подъ властью одного короля.

Когда умеръ Витовтъ, Литовское княженіе захватилъ братъ Ягелла Свитригайло; но онъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ Витовтова брата Сигизмунда. Сторону Свитригайла (православнаго по религіи) преимущественно приняли русскія области, а Сигизмунда (католика) поддерживали собственно литовскіе бояре и Поляки. Побѣда осталась за Сигизмундомъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ навлекъ на себя ненависть чрезвычайною жестокостію и жадностію. Одинъ изъ князей Чарторыйскихъ (внуковъ Ольгерда) на возахъ, прикрытыхъ сѣномъ, ввелъ свою дружину въ Троки, резиденцію Сигизмунда; пробрался въ его спальню, и велѣлъ его убить (1440). На литовскій престолъ вступилъ Казиміръ, братъ польскаго короля Владислава III (сынъ Ягелла). А когда Владиславъ III погибъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ, Казиміръ былъ избранъ и королемъ польскимъ. По смерти Казиміра IV (1492), Польша и Литва еще разъ имѣли отдѣльныхъ государей: одинъ сынъ Казиміра, Іоаннъ Альбрехтъ, былъ выбранъ на польскій престолъ, а другой, Александръ, наследовалъ Литву. (Между тѣмъ старшій сынъ, Владиславъ, былъ королемъ Чехіи и Венгріи). Альбрехтъ скоро умеръ, и Поляки выбрали своимъ королемъ Александра (1501). Съ тѣхъ поръ Польша и Литва имѣли всегда одного государя.

За Александромъ послѣдовалъ его младшій братъ Сигизмундъ I (1506—1548). Но имя общаго государя, объ страны, королевство Польское и великое княжество Литовское, представляли пока отдѣльные государства; литовско-русская аристократія усердно заботилась поддерживать эту отдѣльность*.

Удѣльная система нѣкоторое время продолжала еще существовать въ русскихъ областяхъ присоединенныхъ къ Литвѣ. Послѣ Витовта встрѣчаются еще удѣльные князья мстиславскіе, слущіе, кобринскіе, новосильскіе и др. Но самостоятельныя права этихъ князей мало по малу стѣснялись, а иногда великіе князья литовскіе просто лишали ихъ удѣловъ. Въ началѣ XVI вѣка удѣльная система почти исчезаетъ въ югозападной Руси. Многіе потомки Гедимины и русскихъ удѣльныхъ князей сдѣлались родоначальниками аристократическихъ фамилій Польско-Литовскаго государства (какъ: Острожскіе, Заславскіе, Вишневецкіе, Чарторыйскіе, Сангушки и др.)

VI. СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ СОВИРАЕТСЯ ОКОЛО МОСКВЫ.

Во второй половинѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV на сѣверовостокѣ Россіи появляются три главныя княжества, въ которыхъ утвердилось потомство Всеволода III, и которыя долго спорили между собою за первенство. А именно:

* ГЕДИМИНЦЪ.

Ольгердь.		Кейстуть.		Явнуть
Ягелло.	Сьиргайло.	Свитригайло.	Витовтъ.	Сигизмундъ.
(Владиславъ II).				
Владиславъ III.		Казиміръ IV.		
Владиславъ Богемскій.	Янъ-Альбрехтъ.	Александръ.	Сигизмундъ I.	
Сигизмундъ II.				
Августъ.		Екатерина (супруга Іоанна Вазы Шведскаго).		
Сигизмундъ III.				
Владиславъ IV.		Янъ Казиміръ.		

а) **Тверское**, составленное из волостей лежавших по верхнему течению Волги и частью отнятых великими князьями суздальскими у Новгородцевъ. Небольшое по своему объему, оно было довольно густо населено, и, занимая выгодное положеніе между Новгородомъ и Восточною Россією, изобиловало промышленными городами и селами. Замѣчательные города послѣ Твери: Кашинъ, Микулинъ, Ржевъ и Зубцовъ.

б) **Суздальское** (въ тѣсномъ смыслѣ) или **Нижегородское**, занимавшее среднее теченіе Волги и низовья Оки. Оно было самое обширное между сѣверо-восточными княжествами; но съ населеніемъ довольно рѣдкимъ. Важнѣйшіе города: Нижній Новгородъ, едѣлавшійся столицею княжества, Суздаль, Галичъ, Кострома. Владиміръ на Клязмѣ продолжалъ считаться стольнымъ великокняжескимъ городомъ въ потомствѣ Всеволода III.

с) **Московское.**

Городъ Москва въ первый разъ упоминается лѣтописцемъ во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ II; а именно, въ 1147 г. Юрій угощалъ здѣсь своего союзника, одного изъ князей сѣверскихъ (Святослава Ольговича). Преданіе говоритъ, что тутъ находилось прежде помѣстье боярина Степана Кучка, что Юрій казнилъ боярина за какую-то вину и присвоилъ себѣ помѣстье; ему понравилось красивое мѣстоположеніе деревни Кучковой на берегу Москвы, посреди густыхъ лѣсовъ, и онъ велѣлъ построить здѣсь городокъ, который получилъ свое имя отъ рѣки. Послѣ Юрія Москва долго оставалась незначительнымъ городомъ Суздальской области подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ.

Основателемъ Московскаго княжества былъ младшій сынъ Александра Невскаго Даниилъ, который получилъ себѣ въ удѣлъ Москву съ нѣсколькими селами и деревнями. Этотъ умный, дѣятельный князь изъ небольшого удѣла умѣлъ составить довольно сильное владѣніе. Его возвышенію много способствовалъ племянникъ (Ю-

аннъ Дмитріевичъ), который, умирая бездѣтнымъ, отказалъ Данилу Переяславль Залѣсскій, одинъ изъ старинныхъ и самыхъ значительныхъ городовъ Сѣверной Россіи. Потомъ онъ отнялъ у соседей—Рязанцевъ Коломну; а сынъ его Юрій захватилъ у Смоленянъ Можайскъ. Юрій былъ уже такъ силенъ, что вступилъ въ борьбу съ Тверскимъ княземъ за старшій Владимірскій столъ.

Эта первая борьба Москвы съ Тверью, ознаменованная большою жестокостію, продолжалась 24 года (1304—1328), и была окончена въ пользу Москвы уже братомъ Юрія Іоанномъ Калитою.

Первая борьба между Москвою и Тверью. Великокняжескій Владимірскій столъ по смерти сыновей Александра Невского по праву старшинства долженъ былъ перейти къ его племяннику Михаилу Ярославичу Тверскому; но внукъ Александра, Юрій Даниловичъ Московскій, не обращая вниманія на права дяди, явился ему соперникомъ. Сначала и въ Орду передъ судомъ хана, и на полѣ битвы мужественный Михаилъ одержалъ верхъ. Однако Юрій упорно преслѣдовалъ свою цѣль: онъ нѣсколько лѣтъ хлопоталъ въ Орду, женился между прочимъ на Кончакѣ, сестрѣ хана Узбека; а потомъ при помощи подкупленныхъ ханскихъ вельможъ заставилъ вызвать Михаила въ Орду, обвинивъ его въ отравленіи Кончаки, которая умерла въ плѣну у Тверскаго князя. Михаилъ былъ осужденъ на смерть, и звѣрски замученъ почти на глазахъ своего жестокаго племянника. Юрій получилъ великокняжескій титулъ, но не долго торжествовалъ свою побѣду; онъ погибъ въ Золотой Орду отъ руки сына Михаила Дмитрія по прозванью Грозныя Очи. Последній за такое самоуправство былъ казненъ по повелѣнію Узбека.

Смертью соперниковъ вражда не прекратилась. Борьбу продолжали ихъ преемники: съ одной стороны братъ Дмитрія Александръ, съ другой братъ Юрія Іоаннъ Даниловичъ Калита (т. е. мѣшокъ съ деньгами). Александръ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе; но вскорѣ навлекъ на себя его гнѣвъ по слѣдующему случаю. Въ Тверь пріѣхалъ изъ Орды посолъ Чоханъ (или Шелканъ, какъ его называлъ Русскій народъ). Татары, составлявшіе его многочисленную свиту, по обыкновенію

позволяли себѣ дѣлать гражданамъ разныя обиды и насилія. Тверитяне, подстрекаемые самимъ княземъ, подняли мятежъ, напали на посольскую овицу, зажгли домъ, въ которомъ она оборонялась, и Татары погибли въ пламени. Калита ловко воспользовался гнѣвомъ Узбека, чтобы унижить своего соперника: ханъ далъ ему большое войско и поручилъ наказывать мятежниковъ. Тверское княжество подверглось сильному опустошенію. Александръ удалился въ Псковъ; а великокняжескій титулъ перешелъ къ Іоанну Московскому. Впослѣдствіи Александръ возвратился и получилъ прошеніе отъ хана; но по прояскамъ Калиты былъ вызванъ въ Орду, гдѣ и погибъ подобно своему отцу и брату.

Іоаннъ I Калита (1328—1340) представляетъ собою образецъ сѣверныхъ князей-собирателей Руси; необыкновенно расчетливый и осторожный; онъ пользовался всеми средствами къ достиженію главной цѣли, т. е. возвышенію Москвы насчетъ ея сосѣдей. Особенно замѣчательна его политика въ отношеніи къ Татарамъ. Калита оказывалъ всегда полную покорность Узбеку, часто ѣздилъ въ Орду съ дарами и раболѣпно кланялся хану; заслуживъ его довѣріе, покровительство и помощь въ борьбѣ съ соперниками, онъ самихъ Татаръ сдѣлалъ орудіемъ для усиленія Москвы. Присвоивъ себѣ право собирать дань съ удѣльныхъ князей и доставлять ее въ Орду, Калита искусно пользовался этимъ правомъ, чтобы увеличить свою собственную казну. Во владѣніяхъ Московскаго князя водворилась тишина, и народъ началъ отдыхать послѣ продолжительныхъ смуть и разореній; а безопасность привлекала сюда многихъ жителей изъ сосѣднихъ областей. Княжество свое Іоаннъ увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, которыя совершилъ не силою оружія, а путемъ мирнымъ, преимущественно деньгами: онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города.

Важнымъ событіемъ этого княженія было перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Іоаннъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе митрополита Петра, такъ что Петръ жилъ большею частію въ Москвѣ; а преемникъ его Феогностъ поселился здѣсь окончательно, и

Москва сдѣлалась столицей Россіи въ церковномъ отношеніи. Митрополиты съ своей стороны всѣми силами помогали возвышенію Москвы, и употребляли иногда противъ враговъ московскаго князя духовное оружіе, т. е. церковное запрещеніе. (Напримѣръ, когда Калита потребовалъ; чтобъ Александръ Тверской изъ Пскова ѣхалъ въ орду на судъ къ хану, а Псковитяне хотѣли его защитить, митрополитъ Феогностъ по желанію Калиты послалъ отлученіе отъ церкви Александру и всему Пскову. Тогда Александръ самъ оставилъ Псковъ).

352
Сыновья Калиты (1340—1359). Калитѣ наследовали одинъ за другимъ его сыновья Симеонъ Гордый и Іоаннъ II. Князья Тверской и Суздальскій напрасно пытались оспаривать у нихъ титулъ великаго князя Владимірскаго: ханы каждый разъ рѣшали споръ въ пользу Москвы. (Князья ея были богаче другихъ и покупали ярлыкъ). Симеонъ отличался характеромъ твердымъ, и гордо обращался съ удѣльными князьями, за что и получилъ свое прозваніе. Онъ умеръ отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черной смерти, которая изъ Азіи перешла въ Западную Европу, а оттуда на ганзейскихъ корабляхъ занесена въ Россію и истребила здѣсь множество народу (1353 г.). Іоаннъ II характеромъ не походилъ на своихъ предшественниковъ, потому что былъ кротокъ и миролюбивъ. Ему помогали въ управленіи старые отцовскіе бояре и въ особенности митрополитъ Алексѣй (родомъ изъ черниговскихъ бояръ), который неоднократно ѣздилъ въ Орду и умѣлъ заслужить ханское благоволеніе.

Митрополитъ Алексѣй, по словамъ преданія, приобрѣлъ благоволеніе въ Ордѣ слѣдующимъ образомъ. Тайдула, жена хана Чанибека, была больна глазами. „Мы слышали—писалъ ханъ къ великому князю,—что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; да испросить онъ здравіе моей супруги“. Алексѣй отправился въ Орду, и излечилъ ханшу. Вскорѣ потомъ свирѣпый Бердибекъ, умертвивъ отца и братьевъ, воцарился въ Ордѣ, и началъ грозить нашествіемъ русскимъ зем-

лянь. По просьбѣ Іоанна II, митрополитъ Алексѣй опять отправился въ Орду, и при помощи своей покровительницы Тайдулы, матери Бердибека, укротилъ злобу хана. Алексѣй, подобно своимъ предшественникамъ, выхлопоталъ отъ хана ярлыкъ, которымъ подтверждались льготы русскаго духовенства, т. е. освобожденіе его имѣній отъ татарскихъ даней и поборовъ.

Димитрій Донской (1363—1389). Тѣ же старые бояре и митрополитъ Алексѣй поддерживали сына Іоанна II, юнаго Димитрія, когда его малолѣтствомъ хотѣлъ воспользоваться князь суздальскій Димитрій Константиновичъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачной борьбы съ Москвою Суздальскій князь отказался отъ притязаній на Владимірскій столъ, и потомъ выдалъ собственную дочь Евдокію за своего бывшаго соперника. Молодой Димитрій скоро далъ почувствовать свою силу и другимъ сосѣдямъ. Такъ напримѣръ, когда тотъ же Суздальскій князь поспорилъ съ роднымъ братомъ Борисомъ за Нижній Новгородъ, Димитрій принялъ сторону своего будущаго тестя, и призвалъ на помощь духовное оружіе: св. Сергій, игумень и основатель Троицкой Лавры, по порученію митрополита Алексѣя отправился въ Нижній Новгородъ, заперъ тамъ храмы и прекратилъ богослуженіе. Борисъ принужденъ былъ смириться.

Все княженіе Димитрія наполнено непрерывнымъ рядомъ войнъ: онъ удачно воспользовался тѣми силами, которыя тихо и постепенно были приготовлены его предшественниками. Внукъ Калиты не былъ также расчетливъ и остороженъ, какъ первые Московскіе князья, и, отличаясь болѣе отважнымъ, болѣе открытымъ характеромъ, смѣло вступилъ въ борьбу съ Тверью, Рязанью, Литвою и Ордою.

Тверь и Рязань, самые значительные удѣлы въ то время, съ опасеніемъ смотрѣли на постоянно возрастающую силу Москвы, и, боясь потерять свою самостоятельность, старались помѣшать этому усиленію. Но они сами страдали отъ внутреннихъ смутъ и разединенія: въ первой происходила вражда между князьями Тверскими и Кашинскими, во второй между Рязанскими и Пронскими; а Москва

искусно выѣшивалась въ эти междоусобія, чтобъ и тамъ и здѣсь утвердить свое вліяніе. Случилось такъ, что въ обоихъ княжествахъ современниками Димитрію Московскому явились лица, отличавшіяся дѣятельнымъ, мужественнымъ характеромъ и умѣньемъ приобрести народную любовь; то были: Михаилъ Александровичъ Тверской и Олегъ Ивановичъ Рязанскій. Первый началъ войну съ помощью зятя своего Ольгерда Литовскаго; три раза выступалъ Ольгердъ въ походъ и разорялъ московскія волости; однако рѣшительныхъ битвъ не послѣдовало. Когда же Литовцы прекратили войну, Михаилъ, оставшись одинъ, былъ побѣжденъ; онъ отказался отъ притязаній на старшинство и даже призналъ себя въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы (1375)*. Не такъ рѣшительна была побѣда надъ Рязанскимъ княземъ. Долговременная вражда съ нимъ прекратилась только при помощи духовенства. Тотъ же св. Сергій отправился въ Рязань посломъ отъ великаго князя Московскаго, и, по словамъ лѣтописи, тихими кроткими рѣчами такъ подействовалъ на суроваго Олега, что послѣдній забылъ свою вражду, и заключилъ съ Москвою вѣчный миръ (1386 г.).

Куликовская битва. Между тѣмъ какъ Московское княжество со времени Баяны постоянно усиливалось, Золотая Орда послѣ Узбека начала ослабѣвать вслѣдствіе внутреннихъ смуть и кровавыхъ распрей за ханскій престолъ; а во второй половинѣ XIV вѣка она даже раздѣлилась между нѣсколькими ханами. Димитрій Іоанновичъ думалъ, что пришла наконецъ пора свергнуть ненавистное иго. Онъ не отказался отъ своего замысла даже въ то время, когда вся Орда снова соединилась подъ властью Мамай, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ Татаръ. Чтобы смирить Московскаго князя, Мамай послалъ на него большое войско; но Димитрій встрѣ-

* Сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго Вельяминова, Иванъ, по смерти отца перешелъ на службу къ Тверскому князю, и хлопоталъ за него въ Орду передъ ханомъ. На возвратномъ пути изъ Орды онъ былъ схваченъ и торжественно казненъ въ Москвѣ. Эта публичная казнь знатнаго боярина произвела на народъ сильное впечатлѣніе.

тилъ это войско въ Рязанской области на берегахъ Вожи и разбилъ его на голову (1378 г.). Мамай пришелъ въ ярость; онъ сталъ собирать огромныя силы, чтобы напомнить Россіи времена Батыева нашествія. Ягелло Литовскій обѣщалъ соединиться съ нимъ и вмѣстѣ идти на Москву. Но Димитрій вооружилъ сильную рать, и призвалъ на помощь подручныхъ ему мелкихъ князей сѣверной Россіи (ростовскихъ, бѣлозерскихъ, ярославскихъ, муромскихъ и др.)

Передъ походомъ Димитрій съ князьями и воеводами отправился въ Троицкую лавру принять благословеніе отъ Сергія. По сказанію летописцевъ, Св. игумень предсказалъ В. князю побѣду, но соединенную съ ужаснымъ кровопролитіемъ, и по просьбѣ его отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ своихъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, которые были прежде боярами и отличались воинскимъ мужествомъ. 20 августа русское ополченіе выступило изъ Москвы, блистая свѣтлыми доспѣхами, напутствуемое благословеніями духовенства и окропленное св. водою. Великій князь съ боярами помолился въ соборѣ Успенскомъ, кланялся мощамъ св. Петра митрополита, обошелъ гробы своихъ предковъ въ соборѣ Архангельскомъ; потомъ сѣлъ на коня и выѣхалъ изъ кремлевскихъ воровъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ. Великая княгиня Евдокія и супруга Владиміра съ другими княгинями и боярынями провожали своихъ мужей со слезами и рыданіями. Погода стояла ясная и теплая. Подъ Коломною Димитрій сдѣлалъ смотръ ополченію; сочли воиновъ, и насчитали болѣе 150,000. Въ числѣ подручныхъ князей къ русскому войску присоединились съ своими дружинами два сына Ольгерда, Андрей Полоцкій и Димитрій Брянскій. Войска переправились черезъ Оку и пошли по Рязанской землѣ. Князь рязанскій Олегъ, боясь татарскаго погрома, прикинулся вѣрнымъ подручникомъ Мамай, и обѣщалъ соединиться съ нимъ противъ Димитрія. (Однако онъ уклонился отъ участія въ борьбѣ, и не соединился ни съ той, ни съ другой стороной). Когда ополченіе приблизилось къ Дону, Димитрій собралъ на совѣтъ князей и бояръ, и разсуждалъ съ ними, переходить ли рѣку или ждать Татаръ на этой сторонѣ. Мнѣнія были несогласны: нѣкоторые совѣтовали ждать; но другіе, особенно Ольгердовичи, уговаривали

смѣло идти впередъ и предупредить соединеніе Мамаю съ Ягедломъ, который уже шелъ на помощь Татарамъ. Около того же времени великій князь получилъ грамоту отъ игумена Сергія, который снова благословлялъ его на битву и совѣтовалъ не терять времени („а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица“— писалъ Сергій). Сторожевые отряды дали знать, что Татары уже наступаютъ. Димитрій велѣлъ искать броду для конницы, наводить мосты для пѣхоты, и въ ночь 7 сентября войско начало переправляться черезъ Донъ.*

На полѣ Куликовомъ (при впаденіи рѣчки Непрядвы въ Донъ) 8 сентября 1380 года произошла знаменитая битва съ Татарами. Подобной битвы никогда прежде не бывало на Руси: на пространствахъ десяти верстъ кровь лилась рѣкою; груды труповъ мѣшали движеніямъ конницы; ратники задыхались отъ тѣсноты. Великій князь заранѣе отрядилъ въ засаду часть войска подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата Владиміра Андреевича Храбраго и опытнаго воеводы Волынскаго-Боброва. Спрятавшись въ сосѣднемъ

* «Сказаніе о Мамаевомъ Побойщѣ», украшенное нѣкоторыми поэтическими подробностями, между прочимъ рассказываетъ слѣдующее. Ночь передъ битвою была теплая и тихая. Воевода Димитрій Боброкъ, родомъ Волынецъ, искусный и въ брани и въ гаданіяхъ, предложилъ В. князю показать примѣты, по которымъ напередъ можно узнать судьбу сраженія. Они выѣхали на широкое Куликово поле, стали между двухъ ратей, и начали прислушиваться. Съ татарской стороны имъ были слышны стукъ и кликъ, завываніе волковъ, а надъ рѣкою Непрядвою граяли вороны и клектали орлы. Обратились на русское войско: тамъ была тишина великая, только отъ множества огней какъ будто заря занималась. Боброкъ объявилъ, что это добрыя знаменія. «Есть у меня еще примѣта»— сказалъ онъ, и припалъ къ землѣ правымъ ухомъ; долго лежалъ, потомъ всталъ печальный, потупилъ голову, и ничего не говорилъ. Великій князь едва уприсялъ его рассказать, что онъ слышалъ. «Слышалъ я— сказалъ Боброкъ,— какъ земля горько и страшно плачетъ: на одной сторонѣ какъ будто женщина плачетъ и кричитъ татарскимъ голосомъ о своихъ дѣтяхъ и льетъ слѣзы рѣкой; а на другой сторонѣ будто дѣвица плачетъ тонкимъ свирѣльнымъ голосомъ въ великой скорби и печали. Во многихъ битвахъ я былъ, и тѣ примѣты испыталъ. Уповай на милость Божію: ты одолѣешь Татаръ; но воинства твоего христіанскаго падеетъ многое множество. Димитрій заплакалъ, но потомъ сказалъ: «Да будетъ воля Божія!», и общалъ никому не говорить объ этихъ знаменіяхъ, чтобы не смутить сердца воиновъ.

лѣсу, они наблюдали битву; пылая русская рать уже полегла костью, и Татары начали одолѣвать; тогда князь Владиміръ и воевода Волынскій съ свѣжимъ засаднымъ полкомъ ударили на непріятеля. Разбитыя татарскія полчища обратились въ бѣгство; Русскіе ихъ преслѣдовали и овладѣли ихъ богатымъ станомъ. Димитрій сражался какъ простой воинъ, и отъ сильнаго утомленія лишился чувствъ; въ такомъ состояніи его нашли лежащаго подъ деревомъ.

Какъ ни блистательна была Куликовская побѣда, она не избавила Россію отъ ига. Орда все еще была сильна и многочисленна, наполняясь время отъ времени приливомъ степныхъ варваровъ изъ средней Азіи. Въ Сараѣ, на мѣстѣ низверженнаго Мамаю, воцарился новый ханъ Тохтамышъ, который потребовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда же они не исполнили его требованія, ханъ, спустя два года послѣ Куликовской битвы, внезапно явился въ предѣлахъ Московскаго княжества, жители котораго уже отвыкли отъ татарскихъ погромовъ. Димитрій не имѣлъ наготовѣ войска, потому что народное ополченіе послѣ похода обыкновенно распускалось по домамъ и возвращалось къ мирнымъ занятіямъ; онъ удалился на сѣверъ собирать ратниковъ. Но въ его отсутствіе Тохтамышъ, коварнымъ образомъ захвативъ столицу, предалъ ее грабежу и пламени; тогда Московскій князь снова призналъ себя татарскимъ данникомъ.

Куликовская битва однако имѣла важное историческое значеніе: она возвысила упавшій духъ Русскаго народа, пробудила въ немъ сознаніе своего національнаго единства и надежду на близкое освобожденіе отъ иноземнаго ига; она упрочила уваженіе къ династіи великихъ князей Московскихъ. Гордости и самоувѣренности завоевателей былъ нанесенъ ударъ: ханы поняли что только быстрымъ неожиданнымъ нападеніемъ можно принудить Москву къ уплатѣ дани.

Димитрій съ своимъ духовномъ завѣщаніи благословилъ старшаго сына Василія не только Москвою, но и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, называя послѣднее уже своею отчиною. (Онъ умеръ еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, именно 39. О наружности Димитрія

Эта повѣствованіе сына императора Василия Владимірскаго, будущее императорство и т. д.

лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ былъ «крѣпокъ и мужественъ, тѣломъ великъ и тяжель зѣло, бороною и волосами черенъ, взоромъ же дивенъ зѣло»).

Василій I (1389—1425). Подобно Калитѣ онъ старался не упускать удобнаго случая тамъ, гдѣ представлялась возможность увеличить свою наслѣдственную область. Онъ купилъ у хана Тохтамыша ярлыкъ за княжество Нижегородское и Муромскій удѣлъ. Когда московскіе и татарскіе послы прибыли въ Нижній Новгородъ, главный бояринъ нижегородскій Василій Румянецъ (подкупленный Москвою) уговорилъ своего князя Бориса впустить пословъ въ городъ; а потомъ вмѣстѣ съ товарищами своими выдалъ князя Москвитянамъ. Такимъ образомъ значительная область безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ. Вообще многіе бояре удѣльныхъ князей охотно переходили въ службу болѣе богатаго и сильнаго князя Московскаго.

При Василіѣ Дмитріевичѣ Восточная Россія испытала два татарскія нашествія. Первое было сдѣлано Тамерланомъ, новымъ монгольскимъ завоевателемъ, вышедшимъ изъ глубины Средней Азии: преслѣдуя разбитаго имъ Тохтамыша, Тамерланъ опустошилъ берега Дона; но отъ Ельца воротился назадъ. Другое, болѣе чувствительное для насъ, нашествіе произошло по слѣдующему поводу. Во вторую половину своего княженія Василій поддался вліянію молодыхъ бояръ и попытался оставить прежнюю, осторожную политику: онъ думалъ воспользоваться смутами въ Золотой Ордѣ, и пересталъ платить дань. Но старый мурза Эдигей (побѣдитель Витовта на берегахъ Ворсклы), бывшій полновластнымъ лицомъ въ Ордѣ, подобно Тохтамышу внезапно явился въ Московской области, разорилъ ее и взялъ большой выкупъ съ столицы (1408 г.). Великій князь долженъ былъ смириться.

Послѣ этого нашествія Эдигей прислалъ къ великому князю грамоту, въ которой такъ исчислилъ его вину: «Прежде ваша земля была вѣрнымъ улусомъ хана; а ты совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Ору; пословъ и гостей ордынскихъ у васъ въ Мо-

сквѣ перестали чествовать. Добрый былъ у тебя прежде бояринъ Ѳедоръ Кошка, онъ напоминалъ объ ордынскихъ дѣлахъ; а теперь у тебя любимцемъ сынъ его Иванъ, и ты сталъ слушать молодыхъ людей. Когда какая обида отъ русскихъ князей или отъ Литвы, ты шлешь къ намъ просить помощи; а про выходъ (дань) говоришь, что нечѣмъ платить“.

Кромѣ того, большой опасности подвергалась Восточная Русь во времена Василия I со стороны грознаго Витовта. Онъ покорилъ Смоленскій удѣлъ *; а потомъ обнаружилъ стремленіе подчинить и самую Москву, хотя Василий былъ женатъ на его дочери. Три раза великій князь выступалъ съ войскомъ противъ тестя; впрочемъ до рѣшительной битвы дѣло не дошло, и соперники заключили миръ, по которому рѣка Угра назначена границею между Литовскою и Московскою Русью.

Василій II Темный (1425—1462). Первая половина его княженія ознаменована почти единственнымъ междоусобіемъ въ потомствѣ Калиты. Дядя Василия Васильевича Юрій Галицкій не хотѣлъ уступить великокняжескій престолъ племяннику, основываясь на древнемъ обычаѣ старшинства и на завѣщаніи отца своего Дмитрія Донскаго. Соперники отправились въ Орду, и представили дѣло на судъ Улу-Махмета, который рѣшилъ его въ пользу племянника.

У Василия Московскаго былъ бояринъ Иванъ Всеволожскій, который подкупилъ ордынскихъ вельможъ и очень искусно скло-

* Последний Смоленскій князь былъ Юрій Святославичъ, нелюбимый подданными за свою жестокость. Потерявъ княжество, онъ не измѣнилъ своего буйнаго нрава, и въ особенности заняталъ себя слѣдующимъ злодѣйскимъ поступкомъ. Василій Московскій сдѣлалъ его намістникомъ въ Торжѣ; здѣсь вмѣстѣ съ Юріемъ поселился другъ его, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Симеонъ Визекскій, который имѣлъ супругу Юліанію, отличающуюся красотою и добродѣтелью. Юрій прельстился ею; но, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, пришелъ въ ярость, велѣлъ изрубить ее и бросить въ рѣку, а также убить и ея супруга. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Орду, сѣтился нѣкоторое время по южнымъ степямъ, и кончилъ жизнь въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

нилъ приговоръ хана въ пользу своего князя. Между тѣмъ какъ Юрій доказывалъ свои права древними обычаями и сомылся на отповское завѣщаніе, бояринъ говорилъ, что Василій ищетъ великаго княженія не по завѣщанію, а по милости хана, который воленъ отдать его кому захочетъ. Василій однако заплатилъ Всеволожскому неблагодарностью: онъ обѣщалъ жениться на его дочери, но по волѣ матери своей, гордой Софьи Витовтовны, женился на княжнѣ Боровской; Всеволожскій отъѣхалъ тогда на службу къ Юрію и постарался усилить его вражду съ Василиемъ.

Сюда же присоединилось оскорбленіе, нанесенное сыновьямъ Юрія, Василю Косому и Дмитрію Шемякѣ, на свадебномъ пиру у молодого Московскаго князя. Здѣсь одинъ изъ старыхъ бояръ узналъ на Косомъ поясъ, украшенный золотомъ и дорогими камнями, который нѣкогда былъ отданъ въ приданое за женою Дмитрія Донскаго, но украденъ во время свадьбы тысяцкимъ Вельяминовымъ и подмѣненъ другимъ поясомъ; переходя изъ рукъ въ руки, то по наслѣдству, то вмѣстѣ съ приданнымъ невѣсты, онъ достался наконецъ Василю Юрьевичу. Бояринъ, признавшій поясъ, сказалъ о немъ Софѣ Витовтовнѣ; а та приказала тотчасъ снять его съ Косаго. Братья уѣхали съ пира, поклявшись отомстить за такое оскорбленіе.

Побуждаемый своими безпокойными сыновьями, Юрій вооружился, изгналъ Василя изъ Москвы, и умеръ здѣсь великимъ княземъ. Сыновья его продолжали борьбу. Захвативъ въ плѣнъ Косаго, Василій Васильевичъ приказалъ его ослѣпить; но въ свою очередь онъ самъ попался въ руки Дмитрію Шемякѣ, и также былъ ослѣпленъ.

Василій Васильевичъ однажды былъ взятъ въ плѣнъ Казанскими Татарами, но скоро освободился посредствомъ выкупа. Онъ отправился въ Троицкую Лавру, чтобы тамъ принести благодареніе Богу за свое освобожденіе. Въ это время Шемяка, соединившись съ двоюроднымъ братомъ своимъ Иваномъ Можайскимъ, внезапно ночью явился подъ Москвою, и нѣсколько измѣнниковъ московскихъ отворили ему городскія ворота. Отсюда онъ отрядилъ Ивана Можайскаго въ монастырь, чтобы захва-

тить Василя. Извѣщенный объ опасности, Василій послалъ сторожевой отрядъ занять сосѣдную гору. Иванъ Можайскій скрылъ часть своей дружины въ санихъ подъ рогожами, обманулъ стражу и занялъ монастырь. Тщетно Василій искалъ убѣжища въ церкви, у гроба св. Сергія. Его взяли силою, привезли въ Москву, ослѣпили, и сослали въ Угличъ (1446 г.). При этомъ Василю объявили слѣдующія вины: „зачѣмъ призвалъ Татаръ, роздалъ имъ города и волости въ кормленіе? Татаръ чрезмѣрно любишь, раздаешь имъ золото и сѣребро, а христіанъ чрезмѣру угнетаешь налогами; зачѣмъ ослѣпилъ Василя Косаго?“ Убѣжденный просьбами митрополита Іоны, Шемяка потомъ освободилъ Василя, взялъ съ него присягу не искать великаго княженія и далъ ему въ удѣлъ Вологду.

Между тѣмъ московскіе бояре, оставшіеся вѣрными Василю, (особенно князья Ряполовскіе, Стрига-Оболенскій и Федоръ Басенокъ) и многіе дѣти боярскіе собрались въ Литвѣ, и пошли на помощь къ своему князю; съ ними соединились два преданныхъ ему татарскихъ царевича (Касимъ съ братомъ своимъ). Игумень Кириллова Бѣлозерскаго монастыря разрѣшилъ Василя отъ присяги; а князь Тверской заключилъ съ нимъ союзъ. Шемяка выступилъ противъ непріятелей. Но во время его отсутствія отрядъ Васильевыхъ приверженцевъ, ночью на Рождество Христова, вошелъ въ московскія ворота, которыя были отворены для одной княгини, вѣхавшей къ заутрени. Граждане съ радостью присягнули опять Василю. Шемяка удался въ свой наслѣдственный Галичъ; но не хотѣлъ оставить притязаній на великое княженіе. Тщетно послѣ того пять епископовъ отъ лица всего духовенства написали къ нему увѣщательное посланіе, и грозили церковнымъ проклятіемъ, если онъ не смирится. Наконецъ, разбитый Москвитянами и Татарами въ рѣшительной битвѣ подъ Галичемъ (1450 г.), Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, и тамъ, спустя три года, умеръ вслѣдствіе отравы. Извѣстіе о его смерти привезъ въ Москву одинъ подьячій, который и былъ награжденъ званіемъ дьяка.

Василій, прозванный Темнымъ, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, продолжавшейся цѣлыя 20 лѣтъ. Ему усердно помо-

гали духовенство, бояре и самые Татары. На его сторонѣ было и московское населеніе, которому болѣе нравилось наследованіе по прямой линіи, т. е. отъ отца къ сыну, потому что новый порядокъ доставлялъ болѣе спокойствія, нежели прежнія понятія о старшинствѣ, подававшія поводъ къ частымъ распрямъ.

Изъ событій церковныхъ, въ княженіе Василія Темнаго, замѣчательно слѣдующее. Когда во Флоренціи собрался духовный соборъ для соединенія церквей, западной и восточной, то московскій митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ (преемникъ митрополита Фотія), отправился на этотъ соборъ, и тамъ принялъ так. наз. Флорентійскую унію. По возвращеніи въ Москву онъ началъ поминать папу вмѣстѣ восточныхъ патріарховъ. Василій Темный велѣлъ посадить его подъ стражу и судить (1440). Исидоръ спасся бѣгствомъ, и умеръ въ Римѣ кардиналомъ. Онъ былъ послѣдній русскій митрополитъ изъ Грековъ. Преемникъ его рязанскій епископъ Іона поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ архіереевъ. Василій II снова утвердилъ московское вліяніе на сосѣднія русскія области, которыя во время предыдущихъ смуть пришли въ зависимость отъ Литвы или вступили съ нею въ союзъ. Онъ уничтожилъ раздробленіе Московскаго княжества между потомками Калиты (оставивъ только Верейскій удѣлъ); но передъ смертью, по старому обычаю, надѣлилъ волостями своихъ младшихъ сыновей. Впрочемъ ихъ удѣлы могутъ считаться весьма незначительными въ сравненіи съ тою частію, которую получилъ старшій сынъ Іоаннъ, бывшій въ послѣдніе годы соврателемъ отца. Городъ Владиміръ назначенъ ему въ отцовскомъ завѣщаніи уже безъ всякаго различія съ прочими московскими городами.

И такъ обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы, были слѣдующія:

1. Выгодное географическое положеніе — вдали отъ сильныхъ вѣдшихъ враговъ.

2. Цѣлый рядъ даровитыхъ личностей на Московскомъ столѣ; ихъ искусная, настойчивая политика и расчетливая, хозяйственная дѣятельность.

3. Покровительство и помощь Золотой Орды.

4. Усердное содѣйствіе духовной власти и боярскаго совѣтія.

5. Малочисленность княжеской фамиліи (сравнительно съ другими отраслями Рюриковичей) и отсутствіе внутреннихъ междоусобій до временъ Василія Темнаго.

6. Утвержденіе новаго порядка престолонаслѣдія — отъ отца къ сыну (или старшинство племянника надъ дядею), и сочувствіе населенія къ этому новому порядку.

7. Раздробленіе и слабость сосѣднихъ княжествъ, неустройство и разъединеніе вѣчевыхъ общинъ сѣверной Руси.

Вѣчевыя общины. Почти всѣ великіе князья Сѣверовосточной Руси, начиная съ Андрея Боголюбскаго, тѣснили Новгородскую общину, отнимали у нея земли и старались ограничить ея вольности. Для борьбы съ ними Новгородцы находили себѣ опору въ воинственныхъ князьяхъ Южной Руси (напримѣръ, Мстиславъ Удалой). Но со времени татарскаго завоеванія южная Русь ослабѣла, и скоро вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго. Когда Суздальская область раздробилась, сосѣдями Новгородцевъ явились князья Тверскіе, которые старались подчинить Новгородъ своему вліянію и захватить его пограничныя волости. Противъ Твери Новгородцы ищутъ союза съ Москвою, и помогаютъ Юрію Московскому въ его борьбѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ. Но когда Тверь была унижена, Москва въ свою очередь явилась самымъ опаснымъ врагомъ новгородской свободы. Нуждаясь болѣе всего въ деньгахъ, чтобы покупать покровительство Золотой Орды, почти всѣ московскіе князья со временъ Ивана Калиты предпринимали походы на Новгородъ, заставляли его платить большія суммы за подтвержденіе старинныхъ вольностей, и обязывали ежегодною данью съ новгородскихъ волостей (извѣстною подъ именемъ «чернаго бора»). Для борьбы съ Москвою Новгородцы начали искать союзника въ Литвѣ, которая была наслѣдницею юго-западной Руси и естественною соперницею Москвы. Со временъ Гедимина Новгородцы не рѣдко призывали къ себѣ князей изъ Литвы, и давали

имъ города въ «коррленіе» (т. е. доходы отъ суда и управленія). Но великіе князья Литовскіе не оказывали Новгороду дѣятельной помощи; какъ и Московскіе, они при случаѣ опустошали новгородскія земли, брали съ Новгорода большіе окупы, и стремились наложить на него свое господство (особенно много потерпѣлъ онъ отъ Витовта).

Богатства Новгорода служили приманкою для его сильныхъ сосѣдей. Главными источниками его благосостоянія были выборное или общинное управленіе и обширная торговля. Торговля сношенія съ Западной Европой имѣли благотѣльное вліяніе на развитіе новгородской образованности. Новгородцы ѣздили съ товарами въ Ливонію, Германію и во всѣ русскія области; а въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы и художники. Въ лѣтописяхъ мы часто встрѣчаемъ извѣстія о физическихъ бѣдствіяхъ, посѣщавшихъ Новгородскій край: страшные пожары опустошали Новгородъ; весенній ледъ, шедшій изъ Ильмена въ Волховъ, нерѣдко срывалъ мосты; городъ терпѣлъ отъ наводненій; морозъ побивалъ въ полѣ хлѣбъ, и происходилъ голодъ, отъ котораго гибли тысячи людей; довольно частое моровое повѣтріе (называвшееся «желѣзю») губило ихъ еще болѣе. А между тѣмъ, благодаря своему дѣятельному промышленному характеру, городъ богатѣлъ, и украшался каменными храмами съ искусною стѣнною живописью*. Но общинное устройство, столь много способствовавшее образованности и матеріальному благосостоянію Новгорода, не получило твердыхъ опредѣленныхъ формъ, и оставляло обширное поле для внутреннихъ смуть. Это обстоятельство было главною причиною слабости въ то время; когда Новгородцамъ приходилось отстаивать свою самобытность.

Великіе князья Тверскіе или Московскіе, достигая княженія въ Новгородѣ, обыкновенно сами оставались въ своихъ столицахъ;

* Строительною дѣятельностію особенно отличался архіепископъ Евонкій въ XV в. Между прочимъ нѣмецкіе мастера сдѣлали ему каменную палату и устроили на верху ея боевые часы, 1436 г. (А великому князю Василію Дмитріевичу на его дворѣ Лазарь Сербинъ устроилъ часы «чудны вельми» еще въ 1404 г.)

а въ Новгородѣ посылали бояръ или родственниковъ въ качествѣ своихъ намѣстниковъ. Отсутствие князей способствовало еще большому развитію вѣчеваго, т. е. народнаго правленія. Въ Новгородѣ, какъ и во всѣхъ государствахъ съ народнымъ правленіемъ, существовала неизбѣжная вражда между двумя частями населенія: бояре старались захватить общественныя дѣла исключительно въ свои руки; а простой народъ съ завистью смотрѣлъ на богатство и значеніе бояръ, и во время волнений или дороговизны хлѣба мстилъ имъ грабежомъ ихъ домовъ и житницъ. Поводы къ народнымъ волненіямъ большею частію подавало взаимное соперничество знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, которыя спорили между собою за общественныя должности, преимущественно за высокій санъ посадника. Каждому богатому честолюбивому боярину легко было набрать себѣ толпу кліентовъ изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, которые поддерживали его своими голосами на вѣчѣ. Отсюда частыя смѣны посадниковъ и шумныя вѣча, кончавшіяся иногда открытымъ междоусобіемъ. Неустройства вѣча, подкупы голосовъ и борьба за личные интересы не могли не оказать вреднаго вліянія на народную нравственность. Въ XV вѣкѣ слышатся жалобы лѣтописцевъ на недостатокъ праваго суда въ Новгородѣ, на взятки, частыя поборы и притѣсненія сельскимъ жителямъ.

Безпокойная новгородская молодежь не любила сидѣть дома; время отъ времени собирались вольныя дружины и отправлялись въ дальнія страны за добычей. Хотя эти походы распространили далеко на сѣверо-востокъ владычество Новгорода и его колоніи, но они нерѣдко вредили Новгородской торговлѣ и навлекали месть со стороны сосѣдей. При Димитріѣ Донскомъ новгородскіе повольники ходили на Волгу, разграбили Кострому и Нижній Новгородъ; тогда великій князь съ сильнымъ ополченіемъ явился подъ стѣнами Великаго Новгорода, и заставилъ его заплатить 8000 рублей за разбой вольницы (1386 г.).

Послѣ внутреннихъ смуть второю причиною политической слабости было соперничество и раздоръ между различными общинами Сѣверной Руси. Наиболѣе значительныя пригороды и колоніи Нов-

города стремились къ самостоятельности; а Новгородъ хотѣлъ сохранить надъ ними свое господство.

Особенно важны были несогласія съ богатымъ Псковомъ. Въ половинѣ XIV вѣка Псковитяне достигли цѣли своихъ стремлений: Новгородцы назвали Псковъ своимъ «младшимъ братомъ», и признали его самостоятельность, т. е. отказались отъ права давать ему посадниковъ и требовать его духовенство въ Новгородъ на судъ архіепископскій (1348 г.). Но и послѣ того эти двѣ общины рѣдко находились въ согласіи; а иногда даже воевали другъ съ другомъ. Послѣ Довмонта, въ продолженіи XIV вѣка, Псковитяне призывали князей преимущественно изъ Литвы; но въ XV вѣкѣ они все болѣе и болѣе подчиняются московскому вліянію и обращаются въ Москву за помощію противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ (потому что Новгородцы не помогали). Изъ болѣе значительныхъ колоній новгородскихъ Вятка также не хотѣла признавать зависимости отъ Новгорода, и находилась къ нему во враждебныхъ отношеніяхъ. А Двинская земля, гдѣ новгородскіе бояре владѣли обширными помѣстьями, обнаруживала попытки сдѣлаться самостоятельною. Великіе князья сѣверо-восточной Руси издавна стремились захватить Двинскую землю и Печору; но этотъ край былъ очень важенъ для новгородской торговли (отсюда шли драгоценные мѣха и серебро), и Новгородцы очень заботились, чтобы сохранить его за собою. Въ концѣ XIV вѣка, только благодаря единодушному энергическому образу дѣйствія, имъ удалось отбить Москвитянъ отъ Заволочья.

Въ 1387 году воеводы Василя Дмитріевича склонили двинскіе города отложиться отъ Новгорода и передаться великому князю Московскому. Въ слѣдующемъ году, послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ Москвою, Новгородцы вооружились и цѣловали крестъ „быть за единъ братъ“, говоря: „воротимъ пригороды и волости, наши отчину и дѣдину, или положимъ наши головы за св. Софью и господина своего Великій Новгородъ“. На походѣ они повоевали бѣлозерскія, устюжскія и кубенскія волости великаго князя; потомъ осадили Орелецъ, свой отнавшій пригородъ на Двинѣ. Орелецъ сдался, и Двиняне были че-

ломъ о прошеніи. Новгородцы приняли челобитье, но за вину взяли съ нихъ 2000 рублей и 3000 коней (новгородскаго войска было 3000); а нѣкоторыхъ двинскихъ бояръ-измѣнниковъ казнили смертію: главнаго изъ нихъ привезли скованнаго въ Новгородъ, и здѣсь сбросили его съ Волховскаго моста (обычный способъ новгородской казни).

Когда возвысилась Москва, Новгородъ сдѣлался убѣжищемъ многихъ князей, потерявшихъ удѣлы. Здѣсь умеръ соперникъ Василя Темнаго Димитрій Шемяка. Новгородское вѣче воспользовалось ихъ междоусобіемъ, и присвоило себѣ новыя льготы, напримѣръ, право выдавать грамоты безъ князя. Въ 1456 г. Василій Темный отправилъ воеводу Стригу-Оболенскаго и Федора Басенка; они разбили конное ополченіе Новгородцевъ и заставили ихъ смириться. Новгородъ заплатилъ 8500 рублей; обязался снова платить черный боръ, отмигнуть вѣчевыя грамоты и не принимать враговъ великаго князя. Теперь, когда восточная и западная Русь собрались въ два единоедержавныя государства, Новгородъ не имѣвшій твердой правительственной власти, очевидно не могъ долѣе отстаивать свой самостоятельный общинный бытъ. Ему оставалось выбирать между Москвою и Литвою. На сторонѣ Москвы былъ могущественный союзникъ — греческая вѣра и церковная зависимость отъ московскаго митрополита. Попытки освободиться отъ этой зависимости были неудачны; московскіе великіе князья и митрополиты употребляли всѣ усилія помѣшать сношеніямъ новгородскихъ архіепископовъ съ Кіевскою митрополіей, учрежденною Витовтомъ для западной Руси*.

Казань и Крымъ. При Василю Темномъ произошло окончательное распаденіе Кипчакской монархіи; отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: Казань и Крымъ.

* На сторонѣ великихъ князей московскихъ была также твердая національная политика; тогда какъ династія Гедимина, принявъ католическую вѣру и занявъ польскій престолъ, колебалась между интересами великаго княжества Литовскаго (т. е. Западной Руси) и собственной Польши; а преемники Ягеллоновъ совершенно подчинились вліянію польско-католическихъ интересовъ.

Основателемъ Казанскаго царства былъ тотъ самый Улу-Махметъ, который присудилъ великое княженіе Василю; но, когда онъ былъ изгнанъ изъ Сарая и искалъ убѣжища въ московскихъ предѣлахъ, великій князь послалъ противъ него войско. Ханъ удалился въ древнюю Болгарію; тамъ онъ (а по другимъ извѣстіямъ сынъ его Махмутекъ), возобновилъ на берегахъ Волги разрушенный Русскими городокъ Казань, собралъ вокругъ себя толпы Татаръ, и началъ господствовать надъ окрестными племенами Мордвы, Черемисовъ, Камскихъ Болгаръ и др. (1440 г.). При помощи торговли и выгоднаго положенія Казань вскорѣ сдѣлалась многолюднымъ, богатымъ городомъ; а Татары Казанскіе набѣгами своими часто тревожили сосѣднія русскія области. Во время одного изъ такихъ набѣговъ они захватили въ плѣнъ Василя, вышедшаго противъ нихъ съ малымъ отрядомъ, и только за большую сумму денегъ Улу-Махметъ возвратилъ свободу великому князю.

Еще сильнѣе Казани была Крымская Орда, которая составила изъ татарскихъ улусовъ въ Крыму и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Здѣсь утвердилась династія Гиреевъ; первый ханъ этой династіи Азы-Гирей по нѣкоторымъ извѣстіямъ происходилъ отъ Тохтамыша. Крымскіе татары въ продолженіи трехъ столѣтій терзали Россію внезапными и опустошительными набѣгами.

Кромѣ того изъ Золотой Орды въ XIV и XV вв. нерѣдко выходили знатные мурзы и царевичи; они съ своими дружинами поступали на службу къ русскимъ князьямъ, отъ которыхъ получали большія помѣстья и цѣлые города на свое содержаніе (или «кормленіе»), съ обязанностію защищать предѣлы и по первому призыву являться на помощь. Поселяя эти дружины на юго-восточныхъ границахъ, московское правительство такимъ образомъ самихъ же Татаръ старалось противопоставить набѣгамъ ихъ соплеменниковъ. На берегахъ Оки, напримѣръ, явилось особое ханство Касимовское, которое получило свое названіе отъ Касима, одного изъ татарскихъ служебныхъ царевичей, и находилось въ леной зависимости отъ великаго князя Московскаго.

Казакъ. Во время Василя Темнаго лѣтописи въ первый разъ упоминають о казакахъ (именно Рязанскихъ, подѣ 1444 г.). Такъ назывались легко вооруженные ратники, которые служили въ южныхъ украинскихъ городахъ и употреблялись для пограничной стражи, т. е. для наблюденія въ степи за движеніями Татаръ. Это собственно «казаки городовые»*. Рядомъ съ ними, далѣе въ степяхъ образовался другой родъ казаковъ изъ русскихъ людей, искавшихъ свободнаго образа жизни и простора своему молодечеству. Въ степь убѣгали преимущественно тѣ, которымъ тяжела казалась жизнь на родинѣ, напримѣръ холопы. Мало по малу они составили независимыя военныя общины, которыя рѣшали свои дѣла вѣчемъ или кругомъ и сами выбирали себѣ предводителей (атамановъ). Степные или вольные казаки обыкновенно селились на берегахъ рѣкъ, изобилующихъ рыбою; очень часто они должны были вступать въ отчаянную борьбу съ сосѣдями-кочевниками; а иногда вмѣстѣ съ ними дѣлали набѣги на московскія и польскія владѣнія, и вообще не упускали случая пограбить караваны, шедшіе съ товарами въ Россію или изъ Россіи. По мѣрѣ того какъ монгольскія орды слабѣли и отодвигались отъ русскихъ границъ, усиливалось и размножалось казачество. Въ XVI столѣтіи оно уже занимало всѣ южныя украинскія степи и распадалось на двѣ главныя вѣтви: на Донскую и Днѣпровскую (или Малороссійскую); первая образовалась преимущественно изъ выходцевъ восточной, т. е. Московской Руси, а вторая — изъ югозападной или Литовской.

* Имя свое казаки заимствовали у сосѣдей—Татаръ: въ Ордѣ казаками назывался низшій классъ войска, сословіе благородныхъ составляли уланы а высшее мурзы

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

РУСЬ МОСКОВСКАЯ И ЛИТОВСКАЯ*

УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО ПОРЯДКА ВЪ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ РУСИ И УСПѢХИ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ІОАННЪ III. 1462—1505.

Іоаннъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ пользоваться благоприятными обстоятельствами, и хотя медленнымъ, но твердымъ и неуклоннымъ шагомъ онъ почти всегда достигалъ своихъ цѣлей. Его княженіе ознаменовано многими важными событіями вышней и внутренней политики. Первое мѣсто между ними занимаетъ присоединеніе къ Москвѣ самыхъ значительныхъ удѣловъ сѣверо-восточной Россіи.

Паденіе Великаго Новгорода. Послѣ смерти Василя Темнаго Новгородцы начали нарушать нѣкоторыя условія договора съ Москвою; раздоры боярскихъ партій между тѣмъ усилились. Однажды вѣче оскорбило московскихъ намѣстниковъ; великій князь

* Собственно: Сѣверовосточная и Югозападная. Названія «Москвѣ» и «Литва» въ тѣ времена означали: первое — государство Московское, а второе — все великое княжество Литовское (хотя, за исключеніемъ небольшой части, послѣднее состояло изъ чисто русскихъ областей.)

потребовалъ удовлетворенія. Въ то время одною изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій въ Новгородѣ были Борещкіе; во главѣ этой фамиліи находилась умная, честолюбивая Марѳа, вдова посадника Исаака Борещкаго, которая съ помощію подкупа составила себѣ многочисленную партію приверженцевъ между бѣднѣйшими гражданами, и посредствомъ ихъ приобрѣла вліяніе на рѣшенія вѣча. Увлекаемое ея партіей, вѣче положило отдаться подъ покровительство польскаго короля Казиміра IV, и заключило съ нимъ договоръ на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. Іоаннъ медлил рѣшительными дѣйствіями; а между тѣмъ искусно поддерживалъ несогласія въ самомъ Новгородѣ, гдѣ многіе граждане съ неудовольствіемъ смотрѣли на подданство королю-католику. Наконецъ, дождавшись удобнаго времени, великій князь съ большимъ торжествомъ выступилъ въ походъ. Онъ раздавалъ щедрыя милостыни церквамъ и нищимъ, приказывалъ совершать молебствія, и вообще придавалъ своему походу характеръ религіозный (объявляя Новгородцевъ измѣнниками православію).

Походъ сопровождался опустошеніемъ новгородскихъ областей. Вмѣстѣ съ Москвитянами шли татарскіе отряды, тверская дружина, и даже Псковъ по приказу великаго князя послалъ войско на своего старшаго брата. Новгородцы бодро вышли на встрѣчу; но на берегахъ Шелони потерпѣли пораженіе отъ передовой московской рати, которую начальствовалъ князь Даніилъ Холмскій (въ іюль 1471 г.). При встрѣчѣ съ Москвитянами конный архіепископскій полкъ отказался отъ битвы, по тайному наказу архіепископа Теофила. Вообще разбогатѣвшіе новгородскіе граждане не отличались уже ратнымъ духомъ, и не могли устоять въ открытомъ полѣ противъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ московскихъ и татарскихъ отрядовъ. Въ числѣ шелонскихъ плѣнниковъ находился одинъ изъ сыновей Марѳы Борещкой, котораго Іоаннъ велѣлъ казнить вмѣстѣ съ тремя другими боярами. Между тѣмъ, слабый характеромъ, отвлекаемый иными заботами, Казиміръ не присылалъ никакой помощи; въ самомъ Новгородѣ поднялась партія московскихъ приверженцевъ и людей подкупленныхъ, и стала одолевать на вѣчѣ враж-

дебную ей сторону Борецкихъ. Когда же отъ прекращенія подвозовъ вздорожалъ хлѣбъ, граждане упали духомъ и послали къ Юанну бить челомъ о мирѣ; великій князь согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Новгородцы заплатили ему 15,500 руб. На этотъ разъ онъ не уничтожилъ ихъ вѣчеваго устройства, и укрѣпилъ за собою только право верховнаго суда *.

Но пока Новгородъ сохранилъ свою самостоятельность, его мирныя отношенія къ Москвѣ не могли быть продолжительны. Спустя шесть лѣтъ, Юаннъ разсорился опять съ Новгородцами.

Въ 1477 году новгородскіе послы пріѣхали въ Москву и назвали Юанна „государемъ“, тогда какъ прежде Новгородцы называли его „господиномъ“. Послы поступили такъ безъ вѣдома вѣча (по порученію архіепископа и бояръ приверженныхъ къ Москвѣ). Юаннъ послалъ спросить Новгородцевъ: „какого хотять они государства?“ Новгородцы подняли страшное волненіе, схватили одного боярина, обвиненнаго въ измѣнѣ, изрубили его на вѣчѣ топорами, убили еще двухъ бояръ; а нѣкоторые приверженцы Москвы спаслись бѣгствомъ. Великому князю отвѣчали, что зовуть его по прежнему господиномъ, а не государемъ, и били ему челомъ не нарушать старинны. Но Юаннъ воспользовался этимъ поводомъ, чтобы покончить съ новгородскимъ вѣчемъ.

Зимой 1478 года великій князь предпринялъ второй походъ на Новгородъ съ такимъ же многочисленнымъ войскомъ. На этотъ

* Въ этой войнѣ обстоятельства очевидно покровительствовали Московскому князю. Обыкновенно походы на Новгородъ совершались въ зимнее время, потому что лѣтомъ многочисленныя болота, рѣки и лѣса составляли самую надежную защиту для Новгорода. Лѣтомъ же 1471 года случилась сильная засуха, и московское войско безъ труда прошло къ Ильменю. А Новгородцамъ во всемъ была неудача: войско, посланное для защиты Двинской земли, разбито; многіе жители города Русы, послѣ осады возвращавшіеся изъ Новгорода въ лодкахъ по Ильменю, застигнуты бурей и потонули; въ Новгородѣ начались потомъ сильныя пожары. Лѣтописцы рассказываютъ, будто паденіе Новгорода предвѣщалось разными знаменіями и чудесами (буря сломала крестъ у св. Софій, колокола звонили сами собой въ Хутынскомъ монастырѣ, слезы текли изъ очей отъ иконы Богородицы, и т. п.).

разъ онъ осадилъ городъ безъ битвы. Московская партія, главою которой былъ владыка Теофилъ, опять взяла верхъ, и граждане снова просили мира. Но теперь Іоаннъ не хотѣлъ мириться на прежнихъ условіяхъ. «Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ», сказалъ великій князь; «въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а будетъ только моя государева воля». Послѣ многихъ переговоровъ Новгородцы согласились, и присягнули Іоанну какъ своему полновластному государю. Вѣчевой колоколь и престарѣлая Марѳа посадница были отправлены въ Москву. Однако волненія въ Новгородѣ послѣ того долго не прекращались, потому что граждане не могли скоро забыть о своей прежней вольности. Іоаннъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры: онъ казнилъ зачинщиковъ смуты, перевелъ нѣсколько тысячъ новгородскихъ семей въ восточные города, а на мѣсто ихъ переселилъ купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Московской области; чѣмъ ослабилъ сторону враждебную Москвѣ и усилилъ партію ея приверженцевъ. Кромѣ того, по поводу ссоры съ г. Ревелемъ великій князь велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ до 50 ганзейскихъ купцовъ и бросить ихъ въ тюрьму, а товары ихъ отобрать въ казну; торговля съ Ганзою почти прекратилась, что нанесло окончательный ударъ благосостоянію Новгорода.

Присоединеніе Твери и другихъ областей. Последнимъ тверскимъ княземъ былъ Михаилъ Борисовичъ, родственникъ Іоанна (по женѣ) и нѣкоторое время его союзникъ. Но когда Новгородъ былъ покоренъ, Тверской князь, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ московскими владѣніями, началъ опасаться за свою самостоятельность и думалъ обезпечить ее союзомъ съ Казиміромъ IV. Узнавъ о сношеніяхъ Твери съ Литвою, Іоаннъ объявилъ войну Михаилу Борисовичу; обманутый надеждой на литовскую помощь, послѣдній не рѣшился оружіемъ защищать свои права, и убѣжалъ въ Литву (1485). Такимъ образомъ Тверь безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ; а князья мелкихъ тверскихъ удѣловъ и бояре тверскіе поступили на службу къ Іоанну III. Далѣе, Іоаннъ присоединилъ удѣлъ Верейскій, наследовалъ волости

двух братьевъ своихъ, умершихъ бездѣтными, и отнялъ удѣлъ у третьяго (Андрея Большаго), котораго за непокорность велѣлъ заключить въ темницу гдѣ онъ и умеръ *. Часть Рязанской области также перешла въ руки Іоанна. Такимъ образомъ въ сѣверо-восточной Россіи остались неприсоединенными только Псковъ и другая часть Рязани, которые безусловно покорностью великому князю сохранили еще на нѣкоторое время тѣнь своей самостоятельности. Вообще въ княженіе Іоанна московскіе предѣлы далеко распространились на сѣверъ и востокъ; такъ, окончательно была покорена Вятская община, завоеваны земли Пермская, Печерская и Югорская; московскіе отряды переправлялись за Уральскій хребетъ и на лыжахъ доходили до береговъ Оби.

Уничтоженіе татарскаго ига. Зависимость отъ Золотой Орды существовала уже болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности: она состояла въ томъ, что великій князь посылалъ иногда хану небольшую дань и честилъ его пословъ. Но Іоаннъ задумалъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига. Онъ воспользовался взаимною ненавистію хановъ Крымской и Золотой Орды и заключилъ тѣсный союзъ съ Менгли-Гиреємъ; потомъ прогналъ изъ Москвы пословъ сарайскаго хана Ахмата и навсегда отказалъ ему въ дани. Ахмать выступилъ въ походъ, условившись съ Казиміромъ IV

* Замѣчательнъ слѣдующій поводъ къ столкновенію Ивана III съ своими братьями, удѣльными князьями.

Жители Великихъ Лукъ были челомъ великому князю на ихъ намѣстника, князя Оболенскаго Лыку, за его поборы и обиды. Великій князь велѣлъ ему возратить назадъ взятое несправедливо. Недовольный тѣмъ, Оболенскій отъѣхалъ къ князю волоцкому Борису Васильевичу. Когда Борисъ отказался выдать его Ивану III, то, по приказу великаго князя, московскій воевода Василій Образецъ тайнымъ наѣздомъ захватилъ Оболенскаго въ его селѣ, и въ оковахъ привезъ въ Москву. Тогда Борисъ Волоцкий и другой братъ Ивана III, Андрей Углицкій, сильно оскорбились такимъ нарушеніемъ древняго боярскаго права отъѣзда; припомнили и то, что Иванъ III не далъ имъ части въ удѣлѣ бездѣтно умершаго брата Юрія Дмитровскаго. Они соединили свои дружины, пошли на литовскую границу, и вступили въ сношенія съ Казиміромъ IV. Послѣдній однако не далъ имъ никакой помощи, и братья помирились съ великимъ княземъ, который въ это время собралъ большія силы противъ хана Ахмата.

вмѣстѣ напасть на Московское княжество. Но Іоаннъ заранѣе принялъ всѣ мѣры, чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ: Менгли-Гирей сдѣлалъ набѣгъ на Литву и отвлекъ Казиміра; въ то же время московскій отрядъ соединился съ Крымцами и разорилъ Сарай, оставшійся беззащитнымъ. Самъ великій князь съ многочисленными силами встрѣтилъ Татаръ на берегахъ Угры; ни то, ни другое войско однако не хотѣло перейти рѣку; Іоаннъ въ этомъ случаѣ осторожность свою довелъ до крайности; тщетно народъ изъявлялъ негодованіе. Ростовскій архіепископъ Вассіанъ, духовникъ Іоанна, въ особомъ посланіи къ великому князю уговаривалъ его не внимать совѣтамъ нѣкоторыхъ малодушныхъ бояръ, и приводилъ въ примѣръ предка его Дмитрія Донскаго. (А малодушные бояре напоминали плѣненіе отца его Василія Казанцами). Іоаннъ не рѣшился первый начать битву, и, когда рѣка стала покрываться льдомъ, велѣлъ отступать (1480 г.). Ахмать не преслѣдовалъ Русскихъ, и воротился назадъ; онъ вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ князей. Сыновья его однако не оставляли своихъ притязаній на московскую дань, пока вѣрный союзникъ Іоанна Менгли-Гирей, послѣ кровопролитной борьбы, не разрушилъ окончательно Кипчакскаго царства (1502 г.).

Такимъ образомъ Монгольское иго прекратилось; но вредныя слѣды его долго еще жили въ Русскомъ народѣ. Оно способствовало огрубѣнію нравовъ, порчѣ народнаго характера, угнетенію низшихъ классовъ и распространенію въ Россіи многихъ обычаевъ, свойственныхъ деспотическимъ, азіатскимъ государствамъ.

Борьба съ Литвою. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между Москвою и Литвою подали мелкіе пограничные князья Чернигово-Сѣверской области, которыхъ Іоаннъ умѣлъ привлечь на свою сторону; они стали отдѣляться отъ католической Литвы и переходить съ своими городами въ подданство единовѣрнаго князя Московскаго. Тщетно Казиміръ требовалъ, чтобъ ему воротили назадъ города; онъ умеръ, приговариваясь къ войнѣ съ Москвою. Старшій сынъ его сдѣлался Польскимъ королемъ, а младшій Александръ великимъ княземъ Литовскимъ. Въ надеждѣ отклонить Іоанна III

отъ враждебныхъ замысловъ, Александръ женился на его дочери Еленѣ, и уступилъ ему часть Сѣверскихъ удѣловъ (Новосильскій, Бѣлевскій, Одоевскій, Воротынскій и др.). Неудовольствія однако не прекратились; возобновился и переходъ удѣльныхъ князей къ единовѣрной Москвѣ. Іоаннъ первый объявилъ войну, и воевода его Даниилъ Щеня нанесъ непріятелямъ сильное пораженіе близъ Дорогобужа (1500 г.); начальникъ литовскаго войска гетманъ Константинъ Острожскій попался въ плѣнъ со всею артиллеріею. Въ слѣдующемъ году союзникъ Александра, магистръ Ливонскаго ордена Плеттенбергъ, который счумѣлъ на короткое время воскресить древнюю славу рыцарей, разбилъ псковское ополченіе при Изборскѣ; но пришли московскія войска, и разорили Ливонскую землю. Наконецъ Александръ, по смерти старшаго брата снова соединившій подъ одною короною Литву и Польшу, заключилъ съ Іоанномъ шестилѣтнее перемиріе; Сѣверская область осталась въ рукахъ Москвитянъ (1503 г.).

Бракъ съ Софью Палеологъ и его слѣдствія. Послѣ завоеванія Византіи Турками племянница послѣдняго греческаго императора (дочь морейскаго деспота Θомы), царевна Софья, съ отцомъ и братьями нашла убѣжище въ Римѣ. Папа предложилъ руку Софьи овдовѣвшему Іоанну, надѣясь при ея помощи войти въ дружескія сношенія съ Москвою и подчинить себѣ Русскую церковь. Предложеніе было принято; царевна прибыла въ Москву и вступила въ бракъ съ великимъ княземъ (1472 г.); но папа обманулся въ своихъ видахъ на подчиненіе Русской церкви. Софья обыкновенно приписываютъ важное вліяніе на дальѣйшую московскую политику. Говорятъ, по ея настоянію Іоаннъ отказался платить дань Золотой Ордѣ и окончательно уничтожилъ иго; кромѣ того гордой византійской принцессѣ не понравилась простота, которая господствовала въ образѣ жизни Московскихъ князей, и она побудила супруга окружить себя большимъ блескомъ и величіемъ.

Старые бояре, привыкшіе запросто обходиться съ великимъ княземъ, скоро замѣтили, что онъ началъ держать ихъ въ почтительномъ отдаленіи, сдѣлался строгъ и взыскателенъ; приписавъ такую

перемѣну Софьѣ, они стали питать къ ней сильное нерасположеніе, которое обнаружили особенно по поводу вопроса о престолонаслѣдіи. Отъ первой супруги великаго князя, Маріи Тверской, у него былъ сынъ Іоаннъ Молодой, который считался наслѣдникомъ Московскаго престола и принималъ уже дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія; но вдругъ онъ занемогъ и скончался, къ великому огорченію отца и народа (1490 г.). Отъ его брака съ Еленою, дочерью Молдавскаго государя, остался сынъ Димитрій. Тогда былъ поднятъ вопросъ о томъ, кому наслѣдовать престолъ, Димитрію или Василию (старшему сыну Софьи Ѳоминишны). Бояре, враждебные греческой царевнѣ, приняли сторону перваго; они обвиняли Василія съ матерью въ непріязненныхъ замыслахъ противъ великаго князя, и такъ успѣли настроить Іоанна, что онъ велѣлъ заключить подъ стражу сына, удалилъ отъ себя Софью. и торжественно вѣнчалъ внука Димитрія на великое княженіе (1498 г.). Но, спустя нѣсколько времени, обнаружили происки бояръ; что навлекло на нихъ гнѣвъ великаго князя; особенно пострадали при этомъ случаѣ двѣ знатныя фамиліи, князья Патрикѣевы и Ряполовскіе: первыхъ постригли въ монахи, а одному изъ Ряполовскихъ отрубили голову. Іоаннъ помирился съ Софьею, объявилъ наслѣдникомъ Василія, а внука посадилъ подъ стражу.

Въ связи съ этими семейными раздорами и придворными партіями появилась въ Москвѣ такъ называемая «Жидовская ересь», отвергавшая ученіе о святой Троицѣ, почитаніе иконъ, святыхъ и т. п. Эта ересь сначала обнаружилась въ Новгородѣ (и по нѣкоторымъ извѣстіямъ была привезена съ юга, изъ Кіева, жидомъ Захаріей; впрочемъ реформаціонныя идеи проникали въ Новгородъ преимущественно съ запада, изъ Германіи; около того времени у Славянъ Чешскихъ и Моравскихъ утвердилось ученіе Гусса. Притомъ въ Новгородѣ и прежде существовала подобная же ересь Стригольниковъ). Изъ Новгорода вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными лицами ересь перешла въ Москву. Тутъ въ числѣ ея тайныхъ послѣдователей были: архимандритъ Симонова монастыря Зосимъ, который пользовался благосклонностію Іоанна III и даже былъ возведенъ въ санъ митрополита, потомъ Елена, невѣстка великаго князя, и его

любимый дьякъ Ѳеодоръ Бурицынъ. Архіепископъ новгородскій Геннадій первый открылъ гоненіе на ересь; съ нимъ соединился основатель Волоколамскаго монастыря, краснорѣчивый Іосифъ Санинъ, который написалъ противъ еретиковъ многія обличительныя проповѣди. (Собраніе ихъ извѣстно подъ именемъ «Просвѣтителя»). Между тѣмъ какъ партію еретическую поддерживала при дворѣ Елена, жена Іоанна Молодаго, православная партія нашла опору въ Софѣѣ. Долго великій князь не принималъ рѣшигельныхъ мѣръ противъ ереси, и только въ 1504 г., уже по смерти Софьи, созвалъ духовный соборъ, послѣ котораго одни изъ уличенныхъ въ ереси были всенародно сожжены въ клѣткѣ, другимъ отрѣзали языки, многихъ заключили въ тюрьму или разослали по монастырямъ. Ересь однако не уничтожилась.*

Бракъ съ Софьею способствовалъ возобновенію сношеній между Россією и Западною Европою, прекратившихся (за исключеніемъ Новгорода) во время монгольскаго владычества. Іоаннъ началъ заботиться объ украшеніи своей столицы каменными зданіями и съ этою цѣлью выписывалъ изъ Італіи разнаго рода художниковъ и мастеровъ; самымъ знаменитымъ между ними былъ архитекторъ Аристотель Фиоравенти, строитель московскаго Успенскаго Собора. Въ то же время были построены каменные соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный великокняжескій дворецъ, Грановитая палата (служившая для торжественныхъ придворныхъ церемоній), новыя стѣны съ красивыми башнями около Московскаго Кремля и камен-

* Первый обличитель этой ереси архіепископъ Геннадій сильно настаивалъ на казни еретиковъ; въ посланіи своемъ къ митрополиту Зосиму онъ приводитъ въ примѣръ испанскаго короля Фердинанда Католика, и сообщаетъ рассказы нѣмецкаго посла о томъ, какъ Фердинандъ очистилъ свои земли отъ еретиковъ (посредствомъ ауто-да-фе или сожженія). Геннадій однако не участвовалъ въ соборной приговорѣ 1504 года. Въ предыдущемъ году, на другомъ духовномъ соборѣ, запрещено вдовымъ попомъ и дьяконамъ отправлять богослуженіе, монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ, и кромѣ того запрещено епископамъ брать отъ священниковъ изду (деньги) за ставленіе. Лѣтописъ (Соеійская 2-я) говоритъ, что вслѣдъ за тѣмъ Геннадій былъ лишенъ сана за это издомство. Онъ заслуживаетъ еще вниманія потому, что поднималъ вопросъ о заведеніи училищъ для духовства и вооружался противъ поставленія протыхъ, безграмотныхъ людей.

ныя крѣпости въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Кромѣ того иностранные мастера лили пушки, открыли серебряную руду въ Печерскомъ краѣ, чеканили монету и пр. *. Начались и дипломатическія пересылки московскаго правительства съ европейскими дворами. Такъ Іоаннъ мѣнялся посольствами съ Венгерскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ, которые искали союза Москвы противъ Польши и Турціи; съ Данією завязались сношенія вслѣдствіе общей вражды противъ Швеціи; съ Венеціею и Турецкимъ султаномъ великій князь сносился ради торговыхъ интересовъ. На печатахъ великокняжескихъ Іоаннъ впервые велѣлъ вырѣзать двуглаваго орла—прежній гербъ византійскихъ царей. (А на другой сторонѣ печати оставленъ прежній гербъ московскій, т. е. Георгій Побѣдоносецъ).

Судебникъ. Изъ памятниковъ правительственной дѣятельности Іоанна III замѣчательно изданіе Судебника (1497 г.), который былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ на основаніи Русской Правды, судебныхъ грамотъ и обычаевъ московскаго судопроизводства. По этому судебнику въ областяхъ судъ производятъ намѣстники иволостели (изъ бояръ или дѣтей боярскихъ) въ присутствіи «дворскаго» (княжескій чиновникъ), мѣстнаго старосты и выборныхъ изъ лучшихъ людей. За «лихія дѣла» (т. е. уголовныя преступленія) назначена смертная казнь; за простое воровство и другія менѣе важныя преступленія опредѣляется «торговая казнь», т. е. публичное наказаніе кнутомъ на торгу. Судьямъ опредѣляется отъ каждаго дѣла извѣстная пошлина съ подсудимыхъ; а давать имъ

* Изъ иностранныхъ мастеровъ, вызванныхъ московскимъ правительствомъ, лекариемъ на первое время въ Россіи не посчастливилось.

Когда Іоаннъ Молодой заболѣлъ, его ввѣрили попеченіямъ одного нѣмецкаго доктора Леона; докторъ ручался головою, что вылечитъ больного. Но больной умеръ, и великій князь по истеченіи шести недѣль велѣлъ всенародно казнить несчастнаго Леона. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ такой же участи подвергся другой нѣмецкій докторъ, Антонъ; онъ лечилъ одного татарскаго царевича: когда же послѣдній умеръ, Антонъ былъ выданъ его родственникамъ, и публично зарѣзанъ Татарами. Такая расправа очень напугала иностранцевъ; многіе изъ нихъ хотѣли уѣхать на родину, между прочимъ и художникъ Аристотель; но великій князь насильно удержалъ его въ Москвѣ.

посулы (взятки) запрещено; о чемъ велѣно «прокликать по торгамъ, во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли». Въ тяжбахъ дозволяется рѣшать дѣло по лемъ или поединкомъ *. Изданіе Судебника находилось въ связи съ уничтоженіемъ удѣловъ: присоединяя русскія области, великій князь Московскій мало по малу отмѣняетъ областныя отличія, и вводитъ вездѣ московское судопроизводство и управленіе. На Судебникѣ отразилось вліяніе татарскихъ нравовъ; сюда относятся: пытка, кнутъ и вообще тѣлесныя наказанія, которыя въ Русской Правдѣ не встрѣчаются. Далѣе, великій князь много заботился объ умноженіи военныхъ силъ, принималъ въ свою службу Нѣмцевъ и Литвиновъ, знающихъ военное ремесло, и первый завелъ въ Россіи значительную артиллерію.

Іоаннъ III не рѣшился однако совсѣмъ отмѣнить древній обычай наследованія въ своей семьѣ, и отдѣлилъ младшимъ сыновьямъ особыя волости; но они не имѣли права чеканить монету или входить въ сношенія съ иноземными государями, и по слабости своихъ удѣловъ не могли быть опасными единодержавію, которое все болѣе и болѣе утверждалось въ Московской землѣ.

ВАСИЛІЙ III 1505—1533.

Уступая талантами своему отцу, Василій тѣмъ не менѣе съ успѣхомъ продолжалъ его политику въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, къ сосѣднимъ государствамъ и собственнымъ подданнымъ. Онъ окончилъ начатое его предшественниками собраніе Сѣверо-восточной Руси, присоединивъ къ Москвѣ остальные удѣлы, сохранявшіе еще тѣнь своей самостоятельности, т. е. Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество.

Последніе удѣлы. Въ Псковѣ, также какъ въ Новгородѣ, происходили частыя смуты вслѣдствіе вражды лучшихъ людей съ простыми гражданами; что подавало поводъ великому князю вмѣ-

* Судные поединки не должны быть смертельными: бойцы надѣвали доспѣхъ (броню), и сражались обыкновенно ослопомъ или дубиною. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялось подсудимому (женщинѣ, старину, малолѣтнему, увѣчному, монаху) вмѣсто себя выставить «наймита», т. е. наемнаго бойца.

шиваться въ ихъ внутреннїя дѣла. Сюда со временъ Іоанна III присоединились распри вѣча съ московскими намѣстниками и жалобы великому князю на притѣсненія его чиновниковъ. Василій III воспользовался одною изъ такихъ распрей, и уничтожилъ Псковское вѣче (1510 г.).

Великій князь прїѣхалъ въ Новгородъ, и здѣсь началъ разбирать дѣло своего намѣстника князя Рѣпини-Оболенскаго съ псковскими гражданами; обѣ стороны жаловались другъ на друга. Василій велѣлъ призваннымъ изъ Пскова посадникамъ и лучшимъ людямъ собраться на княжемъ дворѣ для суда съ намѣстникомъ; но тутъ они вдругъ были схвачены и заключены подъ стражу. Одинъ псковскій купецъ въ то время ѣхалъ въ Новгородъ; узнавъ дорогою объ участи посадниковъ, онъ бросилъ товаръ и поскакалъ назадъ извѣстить своихъ согражданъ. Страхъ и тоска овладѣли Псковитянами, когда они поняли, что насталъ конецъ ихъ вольности. Собралось вѣче, и долго разсуждало о томъ, какія мѣры должно принять въ такихъ обстоятельствахъ. Порѣшили однако, что сопротивленіе открытою силою бесполезно, и послали гонца къ Василю бить челомъ, чтобъ онъ смиловался надъ своею отчиною. Въ отвѣтъ на это челобитье прїѣхалъ дьякъ Далматовъ, и объявилъ гражданамъ отъ имени великаго князя два требованія: первое, чтобы вѣча вше-редь не было, и второе, чтобы во всѣхъ псковскихъ городахъ были московскіе намѣстники. Сказавъ свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на вѣчевой степени, и дожидался отвѣта. Псковитяне такъ были поражены горемъ, что отъ слезъ едва могли говорить. Они попросили сроку на размышленіе до слѣдующаго утра; но весь остальной день и всю ночь провели только въ слезахъ, и съ рыданіемъ обнимали другъ друга. На разсвѣтъ слѣдующаго дня въ послѣдній разъ граждане собрались на вѣче; они объявили послу, что не хотятъ принимать на себя грѣхъ кровопролитія и во всемъ покоряются государю своему великому князю. Тогда сняли вѣчевой колоколь у соборной церкви св. Троицы, и Далматовъ повезъ его въ Новгородъ къ Василю.

Послѣ того триста семействъ лучшихъ псковскихъ гражданъ отправлены въ другіе московскіе города; а на ихъ мѣсто прислано

столью же купеческихъ семействъ изъ восточныхъ городовъ. Одною изъ первыхъ мѣръ московскаго правительства было введеніе во Псковъ внутреннихъ пошлинъ (прежде здѣсь была торговля беспошлинная)*.

Точно также безъ борьбы присоединены были и другіе удѣлы. Молодой рязанскій князь Иванъ Ивановичъ задумалъ уничтожить свою зависимость отъ Москвы; онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ и съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I, надѣясь получить отъ нихъ помощь. Узнавъ о его замыслахъ, великій князь подкупилъ главныхъ совѣтниковъ Іоанна и пригласилъ его на свиданіе къ себѣ въ столицу. Лишь только Рязанскій князь явился въ Москву, какъ его отдали подъ стражу, а въ рязанскіе города посланы московскіе намѣстники (1520 г.). Въ слѣдующемъ году, при нашествіи Крымцевъ, Ивану удалось убѣжать къ Сигизмунду въ Литву, куда обыкновенно спасались удѣльные князья, нехотѣвшіе подчиниться Москвѣ, и недовольные московскіе бояре. Съ Рязанскою областью было поступлено также какъ съ Новгородомъ и Псковомъ: многія фамиліи помѣщиковъ переведены изъ Рязани въ Москву; а ихъ помѣстья розданы московскимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Послѣднимъ княземъ Новгорода Сѣверскаго былъ Василій Шемякинъ (внукъ Шемяки); когда, обвиненный въ

* Рассказавъ паденіе Пскова, лѣтопись Псковская поэтически изображаетъ его горе: «О славнѣйшій городъ Псковъ великій! о чемъ ты сѣтуешь и плачешь? Отвѣчаетъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать и не плакать? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, крылья его исполнены львиныхъ когтей; взялъ онъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство и чада мои похитилъ. Земля наша опустошена, градъ разоренъ, торжища разконаны; братьевъ нашихъ увели туда, гдѣ не бывали ни отцы наши, ни дѣды, ни прадѣды». Великій князь прислалъ во Псковъ своихъ намѣстниковъ, тиуновъ, и дьяковъ, чтобы они судъ творили и правду наблюдали. «Правда же ихъ, крестное цѣлованье—замѣчаетъ лѣтопись—вздѣла на небо, и кривда начала по землѣ ходить. А Псковичи бѣдные не вѣдали дотогѣ московской правды». При этомъ лѣтописецъ справедливо указываетъ на главные причины псковскаго паденія, т. е. на внутренніе раздоры: «Всю эту бѣду послалъ на насъ Господь за наше самоволіе и неповореніе другъ другу; за злыя клеветы и лихія дѣла; за неразумное причаніе на вѣчахъ, когда голова не знаетъ, что изымъ говорить».

тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою, онъ пріѣхалъ въ столицу для оправданія, его заключили подѣ стражу, а Сѣверское княжество присоединили къ Москвѣ (1523 г.)^{*}. *Конецъ рѣчи*

Войны съ Литвою и Татарами. Главнымъ виновникомъ войны съ Сигизмундомъ I былъ знатный западнорусскій вельможа Михаилъ Глинскій, который передался на сторону Василя и побудилъ его начать враждебныя дѣйствія (1507 г.). Война, прекратившаяся спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возобновилась черезъ четыре года съ большею силою. Самыя замѣчательныя событія ея были: во-первыхъ, взятіе Смоленска Москвитянами подѣ личнымъ начальствомъ великаго князя (1514 г.); во-вторыхъ, сильное пораженіе, которое московскіе воеводы въ томъ же году потерпѣли близъ города Орши; начальникомъ непріятелей въ этой битвѣ былъ Константинъ Острожскій, успѣвшій спастись бѣгствомъ изъ московскаго плѣна. Наконецъ въ 1522 году заключено перемиріе, и Смоленскъ, боляе ста лѣтъ находившійся подѣ владычествомъ Литвы, остался за Москвою.

Со временъ Василя начинаются опустошительныя набѣги на Россію Крымскихъ Татаръ, которыхъ при Иванѣ III удерживалъ его союзникъ Менгли-Гирей. Сынъ и наследникъ Менгли-Гирея Махметъ, подкупленный польскимъ золотомъ, сдѣлался заклятымъ врагомъ Москвы. Его вражда еще болѣе усилилась по поводу Казанскихъ дѣлъ. Воеводы Ивана III привели Казань въ зависимость отъ Москвы, но зависимость эта была весьма непрочная; при удобномъ случаѣ Казанцы отъ нея отказывались, нападали на русскія области, грабили и убивали пріѣзжавшихъ къ нимъ русскихъ купцовъ. Когда прекратилась въ Казани династія Улу Махмета (1518 г.), Василій назначилъ туда ханомъ Шигъ-Алея, одного изъ служебныхъ татарскихъ царевичей. Но казанскіе вельможи снеслись съ Махметъ-Гиреемъ, и призвали къ себѣ на престолъ его брата. Шигъ-Алей бѣжалъ въ Москву. Вслѣдъ за тѣмъ Махметъ-Гирей съ

* Рассказываютъ, будто бы одинъ юродивый около того времени ходилъ по улицамъ Москвы съ метлою и кричалъ: «пора очистить государство отъ послѣдняго сора» (т. е. отбѣнить послѣдняго удѣльнаго князя).

своими полчищами бросился на Россію, опрокинулъ сторожевыхъ воеводъ, стоявшихъ на Ожѣ, и подступилъ къ столицѣ; съ нимъ соединились Базанцы, Ногаи и Днѣпровскіе казаки (подъ начальствомъ атамана Дашковича). Застигнутый врасплохъ, великій князь удалился въ Волоколамскъ собирать войско. Махметъ-Гирей однако недолго простоялъ подъ Москвой, и воротился въ Крымъ, уводя съ собою множество плѣнниковъ (1521 г.).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Крымскій ханъ только тогда согласился отступить отъ столицы, когда московскіе воеводы выдали ему грамоту, въ которой именемъ великаго князя обязались платить ежегодную дань. На возвратномъ пути Махметъ-Гирей остановился у Переяславля Рязанскаго, гдѣ въ то время начальствовалъ мужественный воевода Хабаръ. Ханъ хотѣлъ захватить городъ хитростію и велѣлъ показать Хабару московскую грамоту; но тотъ, получивъ грамоту, вдругъ приказалъ открыть палубу, и рязанскій пушкаръ Иорданъ, родомъ нѣмецъ, удачнымъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ множество Татаръ. Ханъ успѣшилъ уйти отъ города, а постыдная грамота осталась въ рукахъ Хабарова. Послѣдній былъ награжденъ саномъ боярина, и подвигъ его приказано записать въ государственную лѣтопись.

Махметъ вскорѣ былъ убитъ ногайскими мурзами; а Василій, оправившись отъ нашествія, изгналъ Гиреевъ изъ Казани, и посадилъ тамъ другаго татарскаго царевича, который обязался быть присяжникомъ (т. е. вассаломъ) Московскаго государя. Въ то же время великій князь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на Казанскую ярмарку, и положилъ начало знаменитой Макарьевской (теперь Нижегородской) ярмаркѣ.

Внутренняя политика. Неудовольствія бояръ (на перемѣну въ обхожденіи великаго князя), начавшіяся при Иванѣ III, еще болѣе усилились при Василіѣ, который не терпѣлъ противорѣчій и только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярскаго совѣта или думы. Знатныя лица, слишкомъ явно выражавшія свое неудовольствіе, подверглись строгому наказанію. Такъ князь Василій Холмскій, женатый на сестрѣ государя, отправленъ въ заточеніе. Бояринъ Бер-

сень-Беклемишевъ вздумалъ громко жаловаться на то, что великій князь слѣдуетъ новымъ обычаямъ, привезеннымъ его матерью Софьею, и что онъ рѣшаетъ всё дѣла «запершись самъ третей у постели;» Берсеню за такія рѣчи отрубили голову. (Два лица, съ которыми Василій самъ третей рѣшалъ государственныя дѣла, были: любимый его дворецкій Шигона Поджогинъ и одинъ изъ приближенныхъ дьяковъ). Митрополитъ Варлаамъ, неодобрявшій поступокъ Василя, лишился своего сана, и заточенъ въ монастырь. Баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ отъ Германскаго императора, говоритъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Россіи, что Василій властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ. Пышность великокняжескаго двора, заведенная Иваномъ III, при Василіѣ увеличилась. Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ при приѣмѣ пословъ, онъ являлся на возвышенномъ тронѣ, въ платѣ усыпанномъ драгоценными камнями и въ золотой Мономаховой шапкѣ. У трона его стояли рынды или оруженосцы, выбранные изъ молодыхъ красивыхъ бояръ, одѣтые въ бѣлые атласные кафтаны и вооруженные серебрянными топориками; кругомъ на скамьяхъ сидѣли бояре въ дорогихъ одеждахъ и высокихъ мѣховыхъ шапкахъ.

Супруга великаго князя Соломонида (изъ рода Сабуровыхъ) была бездѣтна, а между тѣмъ Василій не хотѣлъ чтобы престоль послѣ его смерти перешелъ къ кому-либо изъ братьевъ, которыхъ онъ считалъ людьми неспособными, и сильно желалъ имѣть собственное потомство. Поэтому великій князь заключилъ Соломону въ монастырь, и съ разрѣшенія митрополита Даниила женился на Еленѣ, племянницѣ литовскаго выходца князя Михаила Глинскаго (1526 г.). Многіе бояре и духовныя лица были недовольны такимъ поступкомъ; особенно вооружался противъ развода старецъ Вассіанъ Косой (одинъ изъ князей Патрикеевыхъ, постриженный въ монахи); его поддерживалъ другой монахъ, знаменитый своею ученостію, Максимъ Грекъ, который былъ призванъ въ Москву съ Аѳонской горы для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка. Вассіана и Максима обвинили въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ церкви, и заточили въ дальніе монастыри.

Елена и времена боярскаго правленія. Послѣ Василія остались два малолѣтныя сына Іоаннъ и Юрій. Народъ присягнулъ Іоанну; правительницею была объявлена мать его Елена, женщина съ умомъ и очень рѣшительнымъ характеромъ. Наибольшею ея довѣренностію пользовался молодой князь Телешневъ-Оболенскій. Разнаго рода интриги и крамолы не замедлили обнаружиться при Московскомъ дворѣ; жертвою этихъ интригъ, между прочимъ, сдѣлались братья покойнаго государя Юрій и Андрей Старицкій: ихъ обвинили въ честолюбивыхъ замыслахъ, заключили въ темницу, гдѣ они и окончили свою жизнь. Та же участь постигла дядю Елены Михаила Глинскаго, который хотѣлъ играть первую роль при дворѣ и не могъ ужиться въ мирѣ съ Оболенскимъ. Правленіе Елены, неотмѣченное никакими особенно важными событіями внутренней или внѣшней политики, продолжалось пять лѣтъ; говорятъ, ее отравили бояре (1538 г.); Телешнева-Оболенскаго онѣ послѣ того немедленно бросили въ темницу, и тамъ уморили голодомъ.

Наступило десятилѣтнее самовластіе бояръ, ознаменованное взаимною борьбою правителей и угнетеніемъ, которое причиняли народу ихъ клеветы. Первое мѣсто между боярами заняла фамилія князей Шуйскихъ (потомки удѣльныхъ Суздальскихъ), и во главѣ боярскаго думы сталъ Василій Шуйскій, человекъ способный, но весьма жестокій.

Слѣдующій поступокъ даетъ ясное понятіе о его характерѣ. Василій Шуйскій, овладѣвъ Смоленскомъ, поставилъ здѣсь намѣстникомъ князя Шуйскаго. Послѣ пораженія русскаго войска при Оршѣ, многіе лучшіе люди въ Смоленскѣ завели сношенія съ Литовцами, и приглашали ихъ взять назадъ городъ, обѣщая съ своей стороны дѣятельную помощь. Василій Шуйскій, узнавъ о томъ, схватилъ главныхъ заговорщиковъ, и, когда Литовцы явились передъ городомъ, онъ велѣлъ повѣсить арестованныхъ Смольнянъ на городской стѣнѣ съ тѣми самыми подарками, которые они недавно получили отъ великаго князя Московскаго: одни, напримѣръ, висѣли въ дорогихъ собольихъ шубахъ, у дру-

гихъ на шеѣ были привязаны серебряные ковши и пр. Тогда измѣнниковъ въ городъ не оказалось, и литовскій отрядъ долженъ былъ отступить.

Впрочемъ Василій Шуйскій скоро умеръ; а послѣ него власть перешла въ руки князя Ивана Бѣльскаго (изъ потомковъ Гедимина), который управлялъ государствомъ довольно кротко и искусно, но къ сожалѣнію недолго. Шуйскіе, имѣвшіе на своей сторонѣ многочисленную партію, свергли его и опять завладѣли правленіемъ. Они мало заботились о внѣшней безопасности Россіи, расхищали государственную казну; а родственникамъ своимъ и приверженцамъ раздавали главныя правительственныя должности, позволяя имъ грабить и притѣснять народъ.

Между тѣмъ подрасталъ молодой государь. Іоаннъ имѣлъ отъ природы необыкновенно живыя способности и пылкій, впечатлительный характеръ; къ несчастію, никто не позаботился дать ему хорошее воспитаніе. Бояре обходились съ нимъ грубо, дѣлали его свидѣтелемъ позорныхъ сценъ, часто оскорбляли самолюбіе дитяти и тѣмъ ожесточали его сердце. Съ раннихъ лѣтъ уже Іоаннъ началъ обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась и въ самыхъ дѣтскихъ его забавахъ; такъ онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ, или, развѣзжая иногда съ толпою сверстниковъ по улицамъ Москвы, со смѣхомъ давилъ конями встрѣчавшихся людей, и т. п. Бояре нисколько не старались исправлять дурныя наклонности Іоанна; напротивъ, поощряли его къ подобнымъ забавамъ, лишь бы отклонить отъ вмѣшательства въ ихъ управленіе; такимъ образомъ они сами себѣ приготовили грозу. Въ первый разъ Іоаннъ показалъ себя самодержавнымъ государемъ, когда ему было тринадцать лѣтъ: онъ вдругъ велѣлъ схватить гордаго князя-правителя Андрея Шуйскаго, и отдалъ его на растерзаніе своимъ псарямъ. Господство Шуйскихъ кончилось; но ихъ мѣсто заступили дяди государя по матери, князя Глинскіе, и нѣсколько лѣтъ еще продолжались безпорядки боярскаго управленія.

Реформы Іоанна IV. 1547 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ Іоаннова царствованія. Въ январѣ государь торжественно короно-

вался, и принялъ титулъ царя, имѣвшій по понятіямъ того времени высшее значеніе, нежели титулъ великокняжескій. Вслѣдъ за тѣмъ молодой царь вступилъ въ бракъ, и выборъ его палъ на Анастасію Романовну, дочь боярина Романа Юрьевича Захарьина. Умная Анастасія умѣла приобрести благодѣтельное вліяніе на своего супруга, который ее горячо любилъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Москвѣ произошелъ большой пожаръ. Подобное бѣдствіе не считалось рѣдкостью съ столицъ при тѣсной, беспорядочной постройкѣ ея деревянныхъ жилищъ, и обыкновенно скоро забывалось по изобилію въ лѣсѣ и по легкости, съ которою опять воздвигались изъ пепла погорѣвшія улицы. Но пожаръ 1547 года въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ особенно силенъ: сгорѣла большая часть города, при чемъ погибло много народу. Царь съ семействомъ уѣхалъ въ ближнее село Воробьево. А между тѣмъ московская чернь подняла мятежъ, обвиняя въ поджогѣ родственниковъ царя Глинскихъ. Слухъ этотъ вѣроятно былъ распущенъ враждебными имъ боярами. Одинъ изъ братьевъ Глинскихъ думалъ спастись отъ народной ярости въ Успенскомъ храмѣ; но толпа нашла его тамъ и умертвила; слуги его были также перебиты, а домъ разграбленъ. Мятежники явились въ самоѣ Воробьевѣ, и требовали выдачи остальныхъ Глинскихъ. Иоаннъ велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Тогда мятежъ утихъ.

Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на молодого государя. Онъ оставилъ праздный образъ жизни, посвященный забавамъ, и обратилъ свое вниманіе на дѣятельность правительственную. Съ тѣхъ поръ главное мѣсто въ его совѣтѣ заняли два достойные мужа: протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и одинъ изъ царскихъ спальниковъ, Алексѣй Адашевъ, возведенный потомъ въ санъ окольничаго.

Для разсужденія о лучшемъ устройствѣ гражданскихъ дѣлъ Иоаннъ созвалъ въ Москву изъ городовъ выборныхъ людей отъ разныхъ сословій государства (Земскій Соборъ). Передъ началомъ совѣщаній, однажды въ воскресный день царь, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на Красную площадь, покрытую народомъ, и съ лобнаго мѣста произнесъ рѣчь, въ которой опи-

саль безпорядки и бѣдствія, происшедшія во время его малолѣтства отъ самовластиа бояръ; въ заключеніе, онъ просилъ народъ забыть все прошлое, обѣщая ему впередъ правосудіе и защиту отъ притѣснителей. Тогда же былъ составленъ новый судебникъ, болѣе полный и опредѣленный, нежели судебникъ Ивана III (1550 г.). Въ слѣдующемъ году царь созвалъ духовный соборъ, и поручилъ ему обсудить мѣры къ улучшенію духовнаго сословія и къ исправленію народной нравственности. (Статьи, которыя обсуждались на этомъ соборѣ, раздѣлены на сто главъ; а потому онъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Стоглаваго).

Далѣе, Іоаннъ хотѣлъ ограничить злоупотребленія областныхъ правителей (намѣстниковъ и волостелей). На содержаніе ихъ обыкновенно назначались поборы съ самихъ жителей деньгами или разными припасами и доходы съ подсудимыхъ, что называлось вообще кормленіемъ; но корыстолюбивые правители часто переступали предѣлы законныхъ поборовъ и притѣсняли народъ своимъ правосудіемъ, слѣдствіемъ чего были безпрестанныя жалобы. Царь поэтому возобновилъ въ Московскомъ государствѣ древній обычай городскихъ и сельскихъ общинъ самимъ выбирать себѣ судей и правителей; новыя выборныя власти получили названія: губныхъ (или окружныхъ) старость, излюбленныхъ головъ, земскихъ судей и пр.; выборнымъ людямъ отъ самихъ общинъ поручены были раскладка и сборъ податей, поимка и казнь воровъ и разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Іоаннъ даже совѣтъ отмѣнилъ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей. Кромѣ того, онъ старался ограничить власть вельможъ какъ въ областяхъ, такъ и въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ (т. е. въ московскихъ приказахъ) тѣмъ, что поручалъ завѣдываніе гражданскими дѣлами преимущественно дьякамъ.

Потомъ царь сдѣлалъ попытку болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо мѣстничество. Такъ назывался укоренившійся тогда въ Московскомъ государствѣ обычай считаться знатностію рода при занятіи мѣста въ войскѣ, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ церемоніяхъ, за царскимъ столомъ и пр.; подобный обычай подавалъ поводъ къ

безпрестаннымъ спорамъ, и особенно вредилъ военному дѣлу, потому что приходилось назначать главными воеводами людей не самыхъ способныхъ, а самыхъ знатныхъ. Этотъ обычай погучилъ начало съ того времени, какъ удѣльные князья стали вступать въ службу великихъ князей московскихъ. Княжескіе роды старались занимать мѣста выше боярскихъ, а боярскіе старые роды выше молодыхъ.

Взятіе Казани. Въ Казани со времени Василія III боролись двѣ партіи: московская и крымская; вслѣдствіе чего происходила частая перемяна хановъ. Въ правленіе Елены тамъ утвердился ханъ изъ крымской династіи (Сафа-Гирей). Когда онъ умеръ, Казанцы снова признали свою зависимость отъ Москвы; но имъ не понравилось жестокое правленіе московскаго присяжника Шигъ-Алея; партія, враждебная Русскимъ, взяла верхъ, и призвала на престолъ ногайскаго царевича Едигера. Тогда Іоаннъ рѣшился покончить съ Казанью.

Въ 1552 году онъ предпринялъ походъ, и окружилъ городъ 150,000 воиновъ, въ числѣ которыхъ находились стрѣльцы (постоянная пѣхота, впервые появившаяся около того времени въ московскомъ войскѣ). Казанцы, подкрѣпленные многими мусульманскими витязями изъ Крыма, Астрахани, даже изъ отдаленной Турціи и Персіи, защищались съ удивительнымъ мужествомъ, и осада продлилась на шесть недѣль. Изъ московскихъ воеводъ въ этой осадѣ наиболѣе отличились князья: Воротынскій, Курбскій и Горбатый-Шуйскій. Наконецъ 2 октября, послѣ отчаянной обороны, городъ былъ взятъ приступомъ.

Князь Андрей Курбскій, одинъ изъ героевъ осады, въ своихъ запискахъ такъ рассказываетъ о штурмѣ Казани:

Передъ самымъ солнечнымъ восходомъ взорвало большой подкопъ (въ 48 бочекъ пороху), и обрушилась часть городской стѣны. Русское войско, заранѣе приготовленное, со всѣхъ сторонъ ударило на городъ. Татары встрѣтили Русскихъ выстрѣлами изъ пищалей и тучею стрѣлъ; дили на нихъ кипящую воду и скатывали бревна. Однако осаждающіе влѣзли на стѣны и ворвались въ городъ. Но тутъ многіе изъ нихъ, увлеченные

корыстью, оставили битву и принялись грабить дома и лавки. Замѣтивъ это, Казанцы, удвоили усилія и потѣснили осаждающихъ назадъ изъ города. Корыстолюбцы обратились въ бѣгство съ крикомъ: сѣкутъ! сѣкутъ! Но храбрѣйшая часть войска устояла на мѣстѣ. Между тѣмъ опытные мужи, окружавшіе Іоанна, взявъ его коня за узду, поставили его близъ главныхъ городскихъ воротъ и подняли надъ нимъ большую хоругвь, а половинѣ отборнаго царскаго полку велѣли сойдти съ коней и подкрѣпить сражавшихся. Побѣжденные Казанцы отступили на царскій дворъ, и еще нѣсколько времени отчаянно оборонялись. Наконецъ они вывели Едингера на башню, и сказали русскимъ воеводамъ: „Пока наше царство стояло, мы бились на смерть за царя и отечество; теперь отдаемъ вамъ царя живымъ, а сами идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу“. Они спустились со стѣнъ, перешли въ бродъ рѣчку Казанку, и устремились черезъ поле въ сосѣдній лѣсъ; ихъ оставалось еще тысячъ пять и самыхъ храбрѣйшихъ; тутъ они почти всѣ истреблены послѣ мужественнаго сопротивленія.

3 октября Казань была очищена отъ труповъ. На слѣдующій день Іоаннъ торжественно вступилъ въ нее съ духовенствомъ, боярами и войскомъ; вокругъ города совершенъ былъ крестный ходъ; священники окропили улицы и стѣны святою водою. Царь назначилъ мѣста для христіанскихъ храмовъ и заложилъ соборную церковь Благовѣщенія. (Въ слѣдующемъ году игумень Селижарова монастыря, Гурій, назначенъ былъ первымъ архіепископомъ Казанской епархіи).

Государь воротился въ Москву, и народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ это первое завоеваніе ненавистнаго, бусурманскаго царства. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ еще на обѣихъ сторонахъ Волги (нагорной и луговой) продолжалась борьба съ племенами, входившими въ составъ Казанской области (т. е. съ Черемисами, Мордвою, Чувашиами, Вотяками и Башкирами), которыхъ поддерживали Ногайскіе Татары *.

* Въ память завоеванія Казани Іоаннъ соорудилъ въ Москвѣ на Красной площади соборъ Покрова Пресв. Богородицы, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго; онъ отличается своею затѣйливою архитектурою и пестрою краскою.

Спустя четыре года послѣ завоеванія Казани, безъ труда было присоединено и слабое Астраханское царство, возникшее на развалинахъ Золотой Орды. Такимъ образомъ все среднее теченіе Волги до береговъ Каспійскаго моря вошло въ составъ Московскаго государства.

Отношенія къ Крымцамъ были постоянно враждебныя. Будучи не въ состояніи помѣшать завоюванію Казани и Астрахани, крымскій ханъ мстилъ Россіи набѣгами на московскія украины; жегъ, грабилъ города и села, и тысячами уводилъ жителей въ неволю. Іоаннъ съ своей стороны умножилъ на югѣ число крѣпостей и усилилъ сторожевые разбѣзды, наблюдавшіе въ степи за движеніями Татаръ. Кромѣ того царь иногда высылалъ на югъ легкіе московскіе отряды, которые, соединившись съ казаками, спускались внизъ по Дону или по Днѣпру и нападали на Крымцевъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Особенно былъ удаченъ походъ подѣ начальствомъ Даніила Адашева (братъ Алексѣя), который проникъ въ самый Крымъ, разорилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ значительное число русскихъ плѣнниковъ (1559 г.). Приближенные люди совѣтовали Іоанну послать на Крымъ большое войско и завоевать его, также какъ Казань и Астрахань. Царь не рѣшился на такое невѣрное предпріятіе: трудно было покорить, а еще труднѣе удерживать Крымъ, отдѣленный отъ Россіи обширными степями; притомъ же ханъ считался вассаломъ турецкаго султана, слѣдовательно пришлось бы вступить въ борьбу съ Турками, въ то время еще могущественнымъ и грознымъ народомъ. Оправившись отъ удара, нанесеннаго Адашевымъ, крымскій ханъ возобновилъ свои притязанія на Казань и Астрахань; однажды онъ напалъ на Россію врасплохъ и сжегъ самую Москву, причѣмъ погибло огромное количество народу; болѣе 100,000 человекъ были отведены въ неволю (1571 г.). Девлетъ-Гирей повторилъ набѣгъ и въ слѣдующемъ году; но его отразилъ воевода князь Воротынскій на берегахъ Лопатни.

Покореніе Сибири. Въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія русскіе предѣлы на востокъ увеличились новымъ приобрѣтеніемъ:

Донскіе казаки подъ начальствомъ Ермака завоевали Сибирское царство.

Донскіе казаки хотя и признавали надъ собою власть Московскаго царя, однако, нападая на Татаръ, не шадил и Русскихъ; грабили на Волгѣ царскія суда, разбивали персидскіе и бухарскіе караваны, приходившіе съ товарами въ Россію. Царь не разъ посылалъ своихъ воеводъ, которые ловили и казнили разбойниковъ. Одна казацкая шайка, спасаясь отъ преслѣдованія Москвитянъ, бѣжала съ атаманомъ Ермакомъ вверхъ по Волгѣ и явилась на Камѣ.

Въ Пермскомъ краю между русскими поселенцами находились въ то время богатые промышленники Строгановы. Получивъ отъ царя грамоту на пустыя земли между рр. Камой и Чусовой съ тѣмъ, чтобы заселить эти земли, они завели здѣсь соляныя варницы; а для защиты края отъ сосѣднихъ народцевъ получили право строить крѣпости, имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ военные отряды. Последніе составлялись изъ разнаго сброда: изъ Русскихъ и Татаръ, изъ плѣнныхъ Нѣмцевъ и Литовцевъ; но ихъ было недостаточно для того, чтобы перенести войну за Уральскій хребетъ. Тамъ существовало особое татарское владѣніе, столицею котораго былъ городъ Искеръ или Сибирь на берегу Иртыша. Сибирскіе ханы брали дань съ туземныхъ финскихъ племенъ (Вогуловъ и Остяковъ), и, хотя признали свою зависимость отъ московскаго царя (1554 г.), однако не переставали нападать на русскіе восточные предѣлы. Строгановы предложили Ермаку съ товарищами вступить къ нимъ въ службу, и тѣ охотно согласились.

Подкрѣпленный ратными людьми Строгановыхъ, съ отрядомъ въ 840 человекъ Ермакъ пошелъ за Каменный поясъ (т. е. за Уральскій хребетъ), и, плывя по рѣкамъ, углубился въ Сибирскую землю. Много трудностей должны были преодолевать казаки на этомъ долгомъ пути, въ борьбѣ съ естественными препятствіями и туземными племенами. Но, благодаря своему необычайному мужеству и огнестрѣльному оружію, неизвѣстному у туземцевъ, они счастливо окончили свое предпріятіе. Ханъ Кучумъ оставилъ имъ свою столицу и бѣжалъ въ степи; а храбрый его родственникъ, татарскій богатырь Магметкулъ, попал-

ся въ плѣнъ (1582 г.). Товарищъ Ермака атаманъ Кольцо съ нѣсколькими казаками явился въ Москву и ударилъ челомъ Иоанну всемъ Сибирскимъ царствомъ; онъ привезъ и образцы туземныхъ произведеній: драгоцѣнныхъ соболей, черныхъ лисицъ и бобровъ. Царь принялъ его весьма милостиво, послалъ казакамъ подарки и жалованье, а для занятія Сибирской земли отправилъ отрядъ московскаго войска.

Борьба за Ливонію. Подобно своему дѣду, Іоаннъ IV старался завязать торговлю съ западными державами и привлечь въ Россію разнаго рода европейскихъ мастеровъ и ремесленниковъ. Но непосредственныя сношенія съ Западною Европою были въ то время затруднительны; сухимъ путемъ — мѣшала постоянно враждебная Польша, а водою — единственно свободный путь представляли Бѣлое море и сѣверный Ледовитый океанъ. Этимъ отдаленнымъ путемъ Московское государство не замедлило вступить въ торговую связь съ Англичанами.

Торговля эта началась случайно. Три корабля отправились изъ Англіи на сѣверо-востокъ съ тою цѣлью, чтобы мимо береговъ Ледовитаго океана отыскать новый путь въ Китай и Индію. Буря разлучила корабли; два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всею экипажемъ и съ начальникомъ экспедиціи Виллоби. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Виллоби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Между тѣмъ третій корабль, состоявшій подъ начальствомъ капитана Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ къ устью сѣверной Двины, гдѣ находился въ то время монастырь св. Николая и гдѣ былъ основанъ Архангельскъ. Холмогорскій воевода далъ знать Іоанну о прибытіи Англичанъ (1553 г.). Царь пригласилъ Ченслера въ Москву, обласкалъ его и отпустилъ въ отечество, изъявивъ желаніе завести торговлю съ его единосемцами. Въ Англіи немедленно составилось общество купцовъ для посылки товаровъ въ Россію; а Іоаннъ даровалъ имъ грамоту на свободную, безошлинную торговлю въ своемъ государствѣ; въ то же время между московскимъ и англійскимъ дворомъ начались частыя, дружественныя пересылки.

На Балтійскомъ морѣ Русскіе хотя и владѣли еще частью береговъ Финскаго залива, но не имѣли значительныхъ гаваней. Къ тому же ихъ сношеніямъ съ Германіей препятствовали Ливонскіе рыцари, которые поняли опасность, грозившую имъ со стороны могущественнаго сосѣда въ томъ случаѣ, когда онъ воспользуется плодами европейскаго образованія. Орденъ старался не пропускать въ Москву иноземныхъ мастеровъ, а въ особенности военные снаряды и тѣхъ людей, которые могли научить Москвитянъ военному искусству*.

Іоаннъ ждалъ удобнаго случая отомстить Ливонцамъ за ихъ явное недоброжелательство и сильно желалъ возвратить Россіи принадлежавшіе ей нѣкогда берега Балтійскаго моря. Поэтому, едва окончилась борьба съ Татарами на Волгѣ, какъ царь напомнилъ рыцарямъ о дани, которую они обязались платить по старымъ договорамъ съ русскими великими князьями; когда же требованіе его не было исполнено, онъ началъ войну (1558 г.). Ливонскій орденъ находился въ то время уже въ упадкѣ; толпы крестоносцевъ изъ Западной Европы давно перестали поддерживать его, и онъ остался одинъ безъ всякой поддержки посреди своихъ сильныхъ сосѣдей. Къ тому же внутри его происходили раздоры: лютеране враждовали съ католиками, магистры Ордена съ Рижскимъ архіепископомъ. Русскія войска не встрѣтили большаго сопротивленія, взяли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Нарву, Дерптъ, крѣпкій замокъ Феллинь, и жестоко опустошили непріятельскія земли. Молодой магистръ Кетлеръ, видя невозможность защищаться однѣми собственными силами, уступилъ Ливонію польскому королю Сигизмунду II; а себѣ взялъ Бурляндію и Семигалию съ титуломъ герцога, и

* Ливонскій Орденъ очень рѣдко обнаружилъ свою непріязнь къ Москвѣ по слѣдующему поводу. Іоаннъ отбравилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать въ русскую службу людей, знающихъ разныя искусства и ремесла. Шлитте набралъ болѣе 100 человекъ (между ними были: медики, аптекари, цирюльники, архитекторы, каменщики, литейщики, плотники, часовщики, слесари, толмачи, рудокопы, повара, каретники, типографчики, портной и пр.). Но въ Любекѣ, гдѣ они хотѣли сѣсть на корабль, начальство города задержало ихъ по пропискамъ Ливонцевъ; самого Шлитте посадили въ тюрьму, а спутники его разсѣялись (1547 г.).

призналъ свое герцогство въ ленной зависимости отъ Польши (1561 г.). Около того же времени Эстонія поддалась Швеции, а островъ Эзель заняли Датчане; такимъ образомъ Орденскія владѣнія распались. Иоаннъ вступилъ въ войну съ Поляками, и лично отнялъ у нихъ древній русскій городъ Полоцкъ. Въ 1566 г. въ Москвѣ собрался земскій соборъ: царь спрашивалъ у него совѣта, продолжать ли войну или заключить миръ. Рѣшено было добывать Ливонію оружіемъ.

Между тѣмъ со смертію Сигизмунда II въ Польшѣ прекратилась династія Ягеллоновъ (1572 г.), и престолъ сдѣлался избирательнымъ. Послѣ нѣсколькихъ смутъ и колебаній Поляки избрали своимъ королемъ транильванскаго воеводу Стефана Баторія. Стефанъ, бывшій весьма искуснымъ полководцемъ, рѣшился энергически продолжать войну съ Русскими, и лично повелъ на нихъ свои закаленные въ битвахъ войска, которыя состояли изъ наемной венгерской и нѣмецкой пѣхоты, польской конницы и многочисленной артиллеріи. Нестройныя московскія ополченія, предводимыя неискусными воеводами, начали терпѣть вездѣ неудачи; перевѣсъ склонился на сторону Поляковъ. Въ то же время и Шведы открыли военныя дѣйствія; полководецъ ихъ Делагарди оттѣснилъ Русскихъ отъ береговъ Финскаго залива. Баторій отнялъ назадъ Полоцкъ, взялъ нѣсколько русскихъ городовъ и осадилъ Псковъ. Но, сильно укрѣпленный и обороняемый мужественнымъ воеводою (кн. Ив. Петр. Шуйскимъ), Псковъ оказалъ неодолимое сопротивленіе и отбилъ всѣ непріятельскіе приступы. Его геройская оборона много способствовала прекращенію войны. Иоаннъ обратился къ посредничеству римскаго папы, который по этому случаю прислалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина. Переговоры съ Поляками, производившіяся у Запольскаго яма (Порхов. уѣзда), окончились десятилѣтнимъ перемиріемъ (1582 г.); Ливонія и Полоцкъ остались за Польшею. А въ слѣдующемъ году заключено перемиріе со Шведами, которымъ уступлены были русскіе города, лежащіе около Финскаго залива (Ямъ, Ивангородъ и Копорье). Такимъ образомъ попытка Іоанна IV утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря окончилась полною неудачею.

Эпоха казней. Утвержденіе монархической власти. Въ то время, какъ извнѣ Россія вела долгую и трудную Ливонскую войну, внутри ея господствовала мрачная эпоха опалъ и казней. Согласіе между царемъ и его ближайшими совѣтниками, т. е. Сильвестромъ и Адашевымъ, продолжалось недолго: пылкій, властолюбивый Іоаннъ скоро началъ тяготиться вліяніемъ своихъ любимцевъ. Сюда же присоединилось соперничество ихъ съ Захарьиными, родственниками царицы, и нерасположеніе къ нимъ самой Анастасіи.

Начало этого нерасположенія и охлажденія Іоанна къ своимъ совѣтникамъ относятъ къ 1553 г. Вскорѣ послѣ Казанскаго похода царь впалъ въ тяжкую болѣзнь; написалъ духовную, назначилъ наслѣдникомъ своего сына, младенца Дмитрія, и требовалъ, чтобы бояре ему присягнули. Тогда во дворцѣ произошли шумъ и брань: одни дали присягу; другіе отказывались на томъ основаніи, что Дмитрій еще малъ и вмѣсто него будутъ управлять Захарьины, что лучше быть государемъ человеку взрослому; при этомъ они указывали на царскаго двоюроднаго брата Владиміра (сына Андрея Старикаго); послѣдній также не хотѣлъ присягать Дмитрію. Сильвестръ и отецъ Адашева держали сторону непослушныхъ бояръ. Только послѣ настойчивыхъ убѣжденій царя и вѣрныхъ ему вельможъ противная сторона уступила. Іоаннъ выздоровѣлъ; хотя онъ не показалъ на первое время явныхъ знаковъ неудовольствія, однако не могъ забыть этого случая, и подозрительно началъ смотрѣть на людей, его окружавшихъ. Царица также считала себя оскорбленною.

Послѣ выздоровленія Іоаннъ вмѣстѣ съ женою и маленькимъ Дмитріемъ по объѣту поѣхалъ на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Сначала царь заѣхалъ въ Троицкую Лавру. Здѣсь — рассказываетъ князь Курбскій въ своей Исторіи Іоанна Грознаго — съ нимъ бесѣдовалъ знаменитый Максимъ Грекъ, и уговаривалъ его не предпринимать такого дальняго и труднаго путешествія, а лучше заняться облегченіемъ участи вдовъ и сиротъ, которыя остались послѣ воиновъ, павшихъ подъ стѣнами Казани. Но царь поѣхалъ водою въ Кирилловъ, „слушая болѣе рѣчи монаховъ, ожидавшихъ отъ него богатыхъ даровъ для монастыря“. Путешествіе было дѣйствительно несчастливо:

Іоаннъ лишился сына. Дорогою въ одноиъ монастырѣ онъ видѣлся съ бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ, и спрашивалъ его, какъ надобно царствовать, чтобы вельможѣ имѣть въ послушаніи. „Если хочешь самодержцемъ быть — отвѣчалъ Вассіанъ, — то не держи совѣтниковъ умнѣ себя“ (на мекъ на Сильвестра и Адашева).

Въ 1560 году Анастасія скончалась. Около того же времени Адашевъ и Сильвестръ были удалены отъ двора: первый отправленъ воеводою въ Ливонію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ; а второй сосланъ въ Соловецкій монастырь; ихъ родственники и друзья подверглись опаламъ и казнямъ. Нестѣсняемый болѣе присутствіемъ строгихъ совѣтниковъ и любимой супруги, Іоаннъ началъ находить развлеченіе въ шумныхъ пирахъ, порочныхъ забавахъ и давать полную волю своему крутому, необузданному характеру. Съ особенною жестокостію сталъ онъ преслѣдовать боярское сословіе, потому что бояре продолжали отстаивать свои древнія права, которыя могли ограничивать его самодержавіе. Въ этомъ отношеніи царь продолжалъ политику своего отца и дѣда, доводя ее до крайней степени. Еще Иванъ III не хотѣлъ признавать за боярами ихъ старинное право отъѣзда, и тѣхъ, которые переходили въ Литву (т. е. въ Западную Русь) объявлялъ государственными измѣнниками. Съ того времени при московскомъ дворѣ вошло въ обычай брать съ ненадежныхъ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они не измѣнятъ и не отъѣдутъ въ другое государство; подобная запись иногда сопровождалась денежнымъ поручательствомъ со стороны родственниковъ и друзей.

Одинъ изъ лучшихъ московскихъ воеводъ, князь Курбскій, опасаясь царской немилости, бѣжалъ изъ Ливоніи во время войны въ Литву; онъ получилъ отъ Сигизмунда помѣстья, и въ рядахъ непріятельскаго войска началъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Между царемъ и Курбскимъ завязалась знаменитая переписка, въ которой первый изложилъ свои понятія о неограниченной царской власти, а второй старался защитить старинныя боярскія права *. Тогда въ Іоаннѣ еще сильнѣе развилась подо-

* Съ первымъ письмомъ Курбскій прислалъ въ Москву вѣрнаго слугу Шибанова. Онъ подалъ письмо царю на Красномъ крыльцѣ. Рассказываютъ, что

зрительность: его воображенію повсюду представлялись тайныя козни измѣнниковъ и предателей. Въ такомъ настроеніи духа царь неожиданно покинулъ Москву, уѣхалъ съ семействомъ и близкими людьми въ Александровскую Слободу (1564 г.); отсюда онъ написалъ къ митрополиту и народу о своемъ намѣреніи оставить престолъ, потому что не хочетъ сносить болѣе предательства вельможъ, за которыхъ притомъ заступается духовенство. Встревоженный народъ умолялъ его не покидать царства. Іоаннъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ ему не мѣшали казнить измѣнниковъ, и учредилъ опричнину. Такъ назывался новый дворъ царя, составленный изъ людей вполнѣ ему преданныхъ и большею частію незнатныхъ (преимущественно изъ сословія боярскихъ дѣтей). На содержаніе этого двора онъ отдѣлилъ часть Москвы и доходы съ 20 городовъ. Все остальное государство получило названіе земщины, управленіе которою поручено старымъ, земскимъ боярамъ. (Впослѣдствіи царь поставилъ надъ ними главою крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ великаго князя всея Руси). Толпа новыхъ тѣлохранителей сдѣлалась грознымъ и слѣпымъ орудіемъ царской воли; опричники безнаказанно буйствовали и обижали мирныхъ гражданъ; почему они скоро навлекли на себя народную ненависть, и считались наравнѣ съ разбойниками. Изъ нихъ самые приближенные къ Іоанну были Малюта Скуратовъ, Басмановъ отецъ съ сыномъ и князь Вяземскій.

Съ той поры Іоаннъ жилъ большею частію въ укрѣпленной Александровской Слободѣ, и все остальное время его царствованія не прекращались казни людей, подозрѣваемыхъ въ измѣнѣ. Соловецкій игумень Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ), по желанію Іоанна занявшій престолъ митрополита, не хотѣлъ отказаться отъ священнаго обычая ходатайствовать (печаловаться) за опальныхъ; твердый духомъ, онъ смѣло обличалъ недостойное поведеніе царя и буйство его опричниковъ *. Филиппъ былъ отрѣшенъ отъ

Іоаннъ ударилъ его въ ногу желѣзнымъ костьюемъ своимъ, и, опершись на костьюль, слушалъ чтеніе писма. Шибановъ остался неподвижнымъ; а потомъ во время жестокой пытки смѣло говорилъ въ оправданіе своего господина.

* Іоаннъ избѣгалъ свиданія съ митрополитомъ, опасаясь печалованій; но

своего сана и заточенъ въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ его потомъ задушилъ Малюта Скуратовъ (1569 г.). Тогда же погибъ и двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ.

1569
Разгромъ Новгорода. Въ слѣдующемъ году цѣлый Новгородъ сдѣлался жертвою Іоанновой подозрительности. Новгородцы все еще не могли забыть своего прежняго вѣчеваго устройства и по всей вѣроятности явно тяготились суровымъ московскимъ владычествомъ; какъ бы то ни было, ихъ обвинили въ намѣреніи поддаться польскому королю. Іоаннъ, сопровождаемый опричниками и стрѣльцами, явился въ Новгородъ, и тутъ въ теченіи шести недѣль производилъ свою кровавую расправу.

Разгромъ начался съ Тверской области. Пришедши въ Новгородъ, передовой царскій отрядъ устроилъ кругомъ крѣпкія заставы и заперъ окрестные монастыри. Схватили игуменовъ, монаховъ, священниковъ и поставили на правезъ (т. е. били палками каждый день, взыскивая съ нихъ деньги); купцовъ и приказныхъ людей заключили подъ стражу. Приѣхалъ самъ Іоаннъ, и велѣлъ игуменовъ и монаховъ, стоявшихъ на правезъ, побить до смерти. Когда онъ отпратился къ обѣднѣ въ Софійскій соборъ, на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его архіепископъ Пименъ, и хотѣлъ осѣнить крестомъ; Іоаннъ не пошелъ ко кресту, и назвалъ Пимена измѣнникомъ.

Послѣ обѣдни онъ обѣдалъ у архіепископа, и тутъ вдругъ велѣлъ его схватить, а казну и весь дворъ его ограбить. Нача-

нерѣдко долженъ былъ встрѣчаться съ нимъ въ церкви, и здѣсь-то происходили между ними сцены, подобныя слѣдующей:

«Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой! — говорилъ царь, едва сдерживая свой сильный гнѣвъ: молчи и благослови насъ!»

„Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ, отвѣчай Филиппъ.“

„Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла, какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?“

„Я пастырь стада Христова!“

„Филиппъ! не пренословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію!“

„Я не просилъ, не искалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для получения сана, зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни? и т. д.“

лись казни Новгородцевъ, содержавшихся подъ стражей. Ихъ пытали огнемъ, а потомъ бросали въ Волховъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; чтобы никто не могъ спастись, ратные люди ѣздили въ лодкахъ и кололи тѣхъ, которые всплывали на верхъ. Такъ продолжалось пять недѣль. Далѣе, Іоаннъ велѣлъ грабить дома и лавки въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, и послалъ отряды въ новгородскія патины также съ приказаніемъ вездѣ грабить и опустошать. Наконецъ утомившись казнями, онъ велѣлъ изъ уцѣлѣвшихъ гражданъ привести къ себѣ съ каждой улицы по одному человѣку. Они явились блѣдые какъ мертвецы, дрожа отъ страха въ ожиданіи смерти. Іоаннъ объявилъ, чтобъ они ничего не боялись и молились Богу о царскомъ благоденствіи, а пролитая кровь взыщется на измѣнникахъ Пименѣ и его помощникахъ.

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ. Псковитяне, по распоряженію своего воеводы, встрѣтили царя, каждый передъ своимъ домомъ съ женами и дѣтьми, стоя на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью въ рукахъ. Эти знаки покорности смягчили царя, и онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ пограбить имѣнье богатыхъ гражданъ. (Преданіе говорить, что Іоаннъ посѣтилъ здѣсь юродиваго Николу Салоса, и тотъ, не смотря на время великаго поста, будто предложилъ ему кусокъ сыраго мяса, обличая его такимъ образомъ въ кровожадности). По возвращеніи въ Москву началось слѣдствіе о новгородской измѣнѣ. Многіе московскіе бояре и дворяне были обвинены въ соучастіи и казнены. Въ числѣ ихъ погибли прежніе царскіе любимцы, Басмановы и князь Вяземскій.

Такими жестокими мѣрами Іоаннъ IV уничтожилъ всякое сопротивленіе своей самодержавной власти и сдѣлалъ ее вполне неограниченною; но по справедливости заслужилъ въ исторіи славу тирана.*

* Народныя пѣсни и сказанія однако относятся съ уваженіемъ къ Іоанну IV, и называютъ его только Грознымъ (это прозваніе дано было и дѣду его Іоанну III): во время вражды его съ боярствомъ народъ очевидно былъ на сторонѣ царя. Только къ одному изъ бояръ Івана IV пѣсни народныя относятся съ большимъ сочувствіемъ, именно къ Никитѣ Романовичу, брату Анастасія Романовы. По историческимъ извѣстіямъ онъ является также единственнымъ

Іоаннъ умеръ въ 1584 году. Изъ дѣтей Анастасіи достигли совершеннолѣтняго возраста Іоаннъ и Ѳеодоръ; во время войны съ Баторіемъ царь разсердился однажды на старшаго сына за противорѣчіе, и такъ неосторожно ударилъ его своимъ желѣзнымъ ко-
стылемъ, что царевичъ черезъ нѣсколько дней скончался. Въ живыхъ послѣ того остались только Ѳеодоръ и малолѣтній Димитрій (рожденный отъ седьмой жены Іоанна Маріи Нагой). Престоль долженъ былъ перейти къ Ѳеодору.

ѲЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ. 1584—1598.

Тотчасъ послѣ кончины Іоанна, въ Москвѣ составила партія, которая хотѣла возвести на престоль юнаго царевича Димитрія. Предводителями этой партіи были Нагіе, родственники царицы, и особенно воспитатель его Богданъ Бѣльскій. Но попытка ихъ не имѣла никакого успѣха; Димитрія съ матерью и братьями ея отравили въ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ отцомъ; а Бѣльскаго послали воеводою въ Нижній-Новгородъ.

Годуновъ-Правитель. Ѳеодоръ былъ человекъ кроткій, слабый здоровьемъ и характеромъ, болѣе склонный къ иноческой жизни, нежели къ занятіямъ государственными дѣлами. Время свое онъ проводилъ преимущественно въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, а заботы правленія возложилъ на членовъ верховной, боярской думы. Ближе всѣхъ къ царю сталъ хитрый Борисъ Годуновъ, братъ супруги Ѳеодоровой Ирины; онъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, вступившаго въ московскую службу (въ XIV в.). Но у Бориса были соперники, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ, которые старались помѣшать его возвышенію. Душою враждебной партіи сдѣлались князья Шуйскіе. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ они отъ лица всего народа составили челобитную грамоту къ царю о томъ, чтобъ онъ развелся съ своею

лицомъ, которому Грозный до конца своей жизни оказывалъ неизмѣнное уваженіе. Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ умеръ въ 1585 г. Сыновья его стали называться просто Романовы.

бездѣтною супругой и женился на другой. Годуновъ успѣшилъ предупредить опасность: онъ уговорилъ Діонисія не подавать челобитной; потомъ устроилъ такъ, что Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и вмѣстѣ съ своими друзьями отправлены въ дальніе города на заточеніе. Митрополитъ Діонисій вскорѣ низверженъ, а на мѣсто его поставленъ преданный Годунову ростовскій архіепископъ Іовъ. Такимъ образомъ Борисъ удалилъ всѣхъ соперниковъ, и, величавъ саномъ «ближняго великаго боярина», одинъ остался правителемъ государства.

Царствованіе Θεодора отличается вообще мирнымъ характеромъ. Осторожный правитель, не имѣя самъ талантовъ полководца, избѣгалъ большихъ войнъ и заботился только о цѣлости русскихъ предѣловъ. При немъ была незначительная война со Шведами, которая окончилась возвращеніемъ отнятыхъ ими городовъ (Яма, Копорья, Ивангорода). Крымскій ханъ Казы Гирей попытался однажды напасть на Москву врасплохъ; но встрѣтилъ подъ ея стѣнами сильное войско, и послѣ неудачной битвы ушелъ назадъ (1591 г.). На южныхъ окраинахъ Борисъ усилилъ оборонительную линію рядомъ новыхъ засѣкъ и крѣпостей (напр. Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки). За Ураломъ въ первый годъ Θεодорова царствованія Ермакъ погибъ при нечаянномъ нападеніи Кучума; покоренныя племена возстали, а казаки ушли назадъ въ Россію; но тутъ они соединились съ царскими воеводами, воротились и снова взяли Искеръ. Русскіе потомъ утвердили свое государство въ Сибири построеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей (Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ и др.). Борисъ старался также поддерживать и распространять сношенія съ европейскими народами, особенно покровительствовалъ торговлѣ съ Англичанами, и для иностранныхъ купеческихъ кораблей заложилъ на Бѣломъ морѣ Архангельскую пристань.

Прикрѣпленіе крестьянъ. Изъ правительственныхъ распоряженій Годунова самую важную мѣрою почитается прикрѣпленіе къ землѣ крестьянскаго сословія. Мы знаемъ, что во времена удѣльно-вѣчевой Россіи крестьяне не сдѣлались поземельными собственниками; по крайней мѣрѣ они оставались сословіемъ вольныхъ земле-

дѣльцевъ, т. е. имѣли право переходить съ одного мѣста на другое и селиться тамъ, гдѣ находили для себя болѣе выгоды. Уничтоженіе удѣловъ благопріятствовало переходу, потому что границы княжествъ служили для него главнымъ препятствіемъ. Но правительство мало-по-малу начало стѣснять подобные переходы: въ первыхъ, они были ограничены извѣстнымъ срокомъ въ году, именно по Судебнику для этого назначается время около Юрьева осенняго дня (т. е. послѣ уборки хлѣба); во вторыхъ, монастыри получали иногда право не отпускать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ. (Напримѣръ, такое право на одно село пожаловалъ Василій Темный Троицкому монастырю). Вообще землевладѣльцы всѣми средствами (и нерѣдко насиліемъ) старались удерживать поселенцевъ на своихъ земляхъ; богатые же помѣщики и монастыри обыкновенно разными льготами переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ владѣльцевъ; а мелкіе помѣщики (дѣти боярскіе), составлявшіе главную военную силу государства и обязанные по первому требованію выступать въ походъ на конѣ съ нѣкоторымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, часто жаловались, что не могутъ исправно нести военную службу, потому что земли ихъ остаются безъ крестьянъ. Подати государственныя, которыя раскладывались не по числу душъ, а по количеству земли, принадлежавшей волости, также не могли исправно собираться по причинѣ неосѣдности крестьянскаго населенія. Московское правительство, что бы уничтожить эту неосѣдность, продолжало стѣснять переходы сельскихъ жителей, и наконецъ рядомъ указовъ, запрещавшихъ эти переходы, прикрѣпило крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они находились. Первый изъ такихъ указовъ, дошедшихъ до насъ, относится къ 1597 году *.

Въ царствованіе Феодора глава нашего духовенства перемѣнилъ санъ митрополита на высшій санъ патріарха. Съ тѣхъ поръ какъ

* При господствѣ дружиннаго элемента (т. е. военнаго или служиваго сословія) въ государствѣ, при извѣстномъ состояніи образованности въ то время правительство еще не могло придти къ мысли уничтожить неосѣдность крестьянъ улучшеніемъ ихъ быта, т. е. раздачею имъ поземельныхъ участковъ въ полную собственность и расширеніемъ ихъ гражданскихъ правъ.

Византия была завоевана Турками и сношения съ греческою церковью сдѣлались весьма затруднительны, зависимость русскаго духовенства отъ константинопольскаго патріарха прекратилась. Когда патріархъ Іеремія случайно пріѣхалъ въ Москву, ему предложили остаться въ Россіи, быть патріархомъ всероссійскимъ и жить во Владимірѣ. Іеремія отказался, и по желанію Годунова посвятилъ въ этотъ санъ московскаго митрополита Іова (1589 г.).

Между тѣмъ царевичъ Димитрій воспитывался въ Угличѣ подъ надзоромъ своей матери Маріи Нагой, и народъ уже привыкъ смотрѣть на него какъ на преемника бездѣтному Теодору. Но вдругъ разнеслась вѣсть, что девятилѣтній царевичъ погибъ отъ руки убійцъ (Битяговскаго, Качалова и Волохова), которые немедленно были растерзаны народомъ, сбѣжавшимися по звуку набатнаго колокола (1591 г.). Для изслѣдованія этого дѣла царь, или собственно Годуновъ, послалъ въ Угличъ крутицкаго митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешинина. Слѣдователи воротились, и донесли царю, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни самъ закололъ себя ножомъ. Тогда жителей Углича жестоко наказали за самоуправство: нѣкоторыхъ казнили и многихъ сослали въ Сибирь; а царицу Марью постригли въ монахини. Немногіе однако повѣрили донесенію слѣдователей, и молва народная приписала смерть царевича Годунову, который по всей вѣроятности сильно желалъ устранить Димитрія отъ престола.

Въ январѣ 1598 года скончался послѣдній царь изъ династіи Рюрика. Рассказываютъ, что на вопросъ патріарха и бояръ, кому онъ поручаетъ царство умирающей Теодоръ отвѣчалъ: «предоставляю все на волю Божию».

II. СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

1598—1613.

Борисъ Годуновъ — царь. По кончинѣ Теодора Москва немедленно присягнула его супругѣ Иринѣ; но она уѣхала въ Новодевичій монастырь и тамъ постриглась въ монахини. Когда же дум-

ный дьякъ Щелкаловъ вышелъ къ народу и предложилъ присягнуть на имя боярской думы, народъ не хотѣлъ и слышать о боярскомъ правленіи. Годуновъ вслѣдъ за сестрою также удалился въ Ново-дѣвичій монастырь; а между тѣмъ многочисленныя приверженцы и клеветы усердно дѣйствовали въ его пользу. Патріархъ Іовъ, оставшійся тогда главнымъ лицомъ въ государствѣ, прямо указалъ народу на Бориса, какъ мужа самаго достойнаго занять престолъ; вмѣстѣ съ духовенствомъ, боярами и московскими гражданами онъ отправился къ Годунову и предложилъ ему корону. Но дальновидный Борисъ отказался: онъ ожидалъ выборныхъ людей изъ другихъ городовъ, которые должны были съѣхаться въ столицу для избранія царя. Земскій Соборъ подтвердилъ избраніе патріарха. Послѣ торжественныхъ, неоднократныхъ просьбъ духовенства и народа правитель наконецъ согласился возложить на свою голову вѣнецъ Мономаха.

Когда Годуновъ во второй разъ отказался отъ престола, патріархъ отправился опять въ монастырь уже съ крестнымъ ходомъ въ сопровожденіи огромной толпы народа. Іовъ, высшее духовенство и бояре вошли въ шалью царицы-вдовины, и долго со слезами и земными поклонами умоляли ее благословить на царство брата; а между тѣмъ толпа стоявшая около монастыря, плакала, водела и безпрестанно кланялась въ землю. Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, чиновники-клеветы Годунова большею частію насильно пригнали народъ къ монастырю, грозя взыскивать штрафъ съ того, кто не пойдетъ*.

Не безъ умысла также преувеличены были слухи объ угрожавшемъ нашествіи крымскаго хана. Послѣ своего избранія Борисъ немедленно вооружилъ многочисленное войско и высту-

* Есть извѣстіе, что бояре хотѣли взять съ Годунова запись, ограничивающую его власть; потому то Годуновъ поднималъ, пока соберутся въ Москву земскіе люди. Онъ надѣялся, что земскіе люди выберутъ его безъ записи, и не ошибся. Возможно большая торжественность при избраніи нужна была Годунову и потому, что по знатности рода многие бояре болѣе его имѣли права на престолъ, дажъ прямые потомки Рюриковичей или Гедиминовичей назови: князья Мстиславскіе, Шуйскіе, Голицыны и др. А по близкому родству съ послѣдними царями Рюрикова дома и по любви народной болѣе всѣхъ выдвигалась фамилія Романовыхъ.

пиль къ южнымъ границамъ государства; но вмѣсто татарскихъ полчищъ его встрѣтили послы отъ хана съ мирными предложеніями. Угостивъ войско великолѣпными пирами, новый царь воротился въ Москву, и тогда только совершилъ обрядъ коронаванія. Во время этой церемоніи онъ умилился душою, и, обратясь къ патриарху, воскликнулъ: „Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нишаго или сираго; послѣднюю рубашку раздѣлю съ народомъ!“

Первые годы Борисова царствованія характеромъ своимъ почти не отличались отъ временъ Θεодора, потому что правитель былъ тотъ же самый. Въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ онъ выказывалъ большую осторожность и даже нерѣшительность: такъ напримѣръ, не воспользовался раздорами между Швеціею и Польшею, чтобы приобрести Ливонію и стать твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря. Въ Сибири, гдѣ Русскіе окончательно утвердились послѣ смерти Бучума, московское правительство продолжало строить города, переводить туда ратныхъ людей и земледѣльцевъ; а разныя льготы, объявленныя переселенцамъ, привлекали въ Сибирь купцовъ, ремесленниковъ и другихъ свободныхъ людей. На югѣ, Борисъ умѣлъ предупредить набѣги Крымскихъ Татаръ. Только предпріятіе на Кавказъ окончилось неудачно. Грузинскій царь Александръ, тѣснимый своими мусульманскими сосѣдями, Персами и Турками, отдался подъ покровительство единовѣрной Москвы, и на помощь къ нему отправленъ отрядъ войска, который занялъ нѣкоторые пункты въ Дагестанѣ; но Турки вытѣснили его оттуда, и 7000 русскихъ воиновъ на возвратномъ пути погибли въ сѣтъ съ горными племенами.

Бъ иностранцамъ Борисъ питалъ особенное расположеніе; онъ учредилъ при своемъ дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей, которымъ давалъ богатое содержаніе; вызывалъ въ Россію художниковъ и ремесленниковъ, думалъ даже вызвать ученыхъ людей и завести школы для обученія иностраннымъ языкамъ; но духовенство этому воспротивилось. Тогда царь отправилъ для образованія за границу 18 молодыхъ людей, которые однако не воротились послѣ въ отечество. Годуновъ сдѣлалъ попытку породнить

ся съ однимъ изъ европейскихъ дворовъ: онъ пригласилъ въ Москву датскаго принца Іоанна, и помолвилъ за него свою дочь Ксенію; но принцъ вскорѣ послѣ пріѣзда скончался.

Не смотря на свои неуспыпныя правительственныя заботы, Борисъ все болѣе и болѣе терялъ народное расположеніе; главною причиною того были его мелочность и подозрительность. Первою жертвою его подозрительности сдѣлался Богданъ Бѣльскій, нѣкогда воспитатель царевича Димитрія; его обвинили въ злыхъ умыслахъ противъ царя, и сослали въ Сибирь. Недостойные любимцы и слуги воспользовались этою слабостью Бориса, и наступило время доносовъ; хотя явныхъ казней не было, за то свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Повсюду распространилось уныніе. Въ числѣ знатныхъ фамилій, подвергшихся преслѣдованію Бориса, находились братья Романовы (сыновья Никиты Романовича Юрьева-Захарына, т. е. племянники царицы Анастасіи): ихъ обвинили въ намѣреніи отравить царя, и заточили по дальнимъ мѣстамъ; при чемъ старшаго изъ пяти братьевъ Θεодора Никитича неволю постригли въ монахи, подъ именемъ Филарета*.

Между тѣмъ Россію въ продолженіи трехъ лѣтъ терзала страшная голодь, который въ соединеніи съ моровымъ повѣтріемъ истребилъ огромное количество народу. Въ это печальное время Борисъ всѣми силами старался облегчить народныя страданія и затѣвалъ каменные постройки, чтобы доставить работу бѣднымъ людямъ (около того времени окончена колокольня Івана Великаго въ Кремлѣ). Онъ также щедро раздавалъ милостыню; но подобная задача способствовала только умноженію нищихъ и бродягъ. Кромѣ

* Θεодоръ Никитичъ болѣе всѣхъ братьевъ отличался своимъ умомъ начтанныю, привѣтливымъ обхожденіемъ и красивою наружностію. Онъ былъ сосланъ на отдаленный сѣверъ въ Сійскій Антоніевъ монастырь (Холмогор. округа), и содержался здѣсь подъ строгимъ присмотромъ. Впослѣдствіи заключеніе было смягчено, и онъ поставленъ въ архимандриты.

Іоаннъ Дмитрій І. возвратилъ фамиліи Романовыхъ ея прежнее значеніе. Но трое братьевъ умерли въ заточеніи; остались въ живыхъ Филаретъ и бояринъ Иванъ Никитичъ. Архимандритъ Филаретъ былъ посвященъ въ санъ Ростовскаго митрополита. Его супруга Ксенія, постриженная въ монахини подъ именемъ Марыи, вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ Михаиломъ поселилась въ ростромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, который принадлежалъ въ Ростовской епархіи.

того государство страдало отъ многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя составлялись изъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ, недовольныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ; такихъ шаекъ особенно много появилось на юго-западной или Сѣверской украинѣ. Смѣлый атаманъ ихъ Хлопка Косолапъ явился даже подъ самою Москвою, и вступилъ въ сраженіе съ царскими войсками, но проигралъ битву и казнень со многими товарищами. Всѣ эти бѣдствія были только началомъ Смутной эпохи. Въ народѣ стала ходить молва о томъ, что царевичъ Димитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдіе.

Лжедимитрій I. Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, по словамъ его нѣкоторыхъ современниковъ, былъ Григорій Отрепьевъ, бѣдный сирота, родомъ изъ галицкихъ служилыхъ людей.

Вотъ что рассказываютъ о первомъ самозванцѣ:

Это былъ юноша даровитый, необыкновенно смѣлый, но легкомысленный и наклонный къ мечтательности. Съ дѣтства онъ велъ скитальческую жизнь, сдѣлался монахомъ, побывалъ въ разныхъ монастыряхъ, и нашелъ наконецъ пріютъ въ московской Чудовской обители. Своею грамотностію онъ понравился патриарху Іову; но смѣлые намеки о мнимомъ происхожденіи навлекли на него опасность со стороны Бориса; уже отданъ былъ царскій приказъ заточить его въ Бѣлозерскій монастырь: но Отрепьевъ спасся бѣгствомъ въ Литовскую Русь. Нѣкоторое время онъ учился здѣсь въ одной школѣ; побывалъ у казаковъ въ Запорожѣ, гдѣ привыкъ хорошо владѣть оружіемъ и отличился своею отвагою. Потомъ Отрепьевъ является въ службѣ у знатнаго западнорусскаго пана, князя Адама Вишневецкаго, при удобномъ случаѣ открываетъ князю, будто слуга его никто иной, какъ сынъ Ивана Грознаго, спасшійся отъ клеветовъ Годунова, которые вмѣсто Димитрія убили другаго ребенка. Вишневецкій, его родственники и друзья приняли участіе въ судьбѣ мнимаго царевича. Самую дѣятельную помощь оказалъ ему воевода сендомирскій Юрій Мнишекъ, который обѣщалъ выдать свою дочь, красавицу Марину, за будущаго

царя Московскаго: этимъ бракомъ старый воевода надѣялся поправить свое разстроенное состояніе. Іезуиты также начали содѣйствовать самозванцу, надѣясь съ его помощью потомъ подчинить папѣ Русскую церковь; самъ же Отрепьевъ тайнымъ образомъ уже принялъ католицизмъ. Папскій нунцій Рагони доставилъ ему свиданье съ королемъ Сигизмундомъ III. Король призналъ Лжедмитрія истиннымъ царевичемъ, но не хотѣлъ вступить за него въ открытую войну съ Борисомъ; а назначилъ Отрепьеву денежное вспоможеніе, и позволилъ ему набирать армію изъ празднои, воинственной шляхты, чтобы отнять московскій престолъ у похитителя*.

Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 польскихъ и западно-русскихъ шляхтичей, жадныхъ искателей приключеній и золота; къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ казаковъ, которые также рассчитывали на богатую добычу. Въ октябрѣ 1604 года Лжедмитрій перешелъ за Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота; сопротивленіе оказалъ только Новгородъ Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Вслѣдъ за тѣмъ самозванецъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Сѣвскомъ; но московскіе воеводы не воспользовались своею побѣдою, и дали ему время опять усилиться. Вдругъ распространилась вѣсть, что царь Борисъ внезапно скончался (13 апрѣля 1605 года). Народъ присягнулъ юному сыну его Феодору; главнымъ начальникомъ войска Феодоръ назначилъ Басманова. Видя кругомъ себя колебаніе и неохоту сражаться противъ Лжедмитрія, Басмановъ измѣнилъ молодому Годунову и перешелъ на сторону его соперника; примѣру вождя послѣдовало и все войско. Нѣсколько измѣнниковъ отправились въ столицу, возмутили ея жителей, и Годуновы были низвержены. Нашлись злодѣи, которые потомъ задушили Феодора Борисовича вмѣстѣ съ матерью. Самозванецъ съ торжествомъ всту-

* Нѣкоторые предполагаютъ, что мысль объявить себя царевичемъ родилась у Самозванца не сама собою, и что бояре употребили его какъ орудіе для низверженія ненавистнаго Годунова; другіе считаютъ его лицомъ приготовленнымъ іезуитами. Во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, кто былъ первый Лжедмитрій, еще не можетъ быть рѣшенъ положительно.

пиль въ Москву; мать царевича Димитрія, монахиня Марѳа, послѣ тайныхъ переговоровъ съ клеветами Отрепьева признала его своимъ сыномъ; а на мѣсто низверженнаго патриарха Іова былъ поставленъ грекъ Игнатій, угонщикъ самозванца.

Новый царь ознаменовалъ милостями начало своего правленія, и возвратилъ изъ заточенія большую часть бояръ, сосланныхъ Годуновымъ. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, при чемъ во многихъ случаяхъ обнаружилъ свою находчивость и добродушіе. Съ свойственною ему живостію самозванецъ составлялъ обширныя планы, задумывалъ разныя преобразованія; но его погубила легкомысленная самоувѣренность, презрѣніе къ старымъ русскимъ обычаямъ, дружба съ Поляками и іезуитами. Къ великому неудовольствію народа и духовенства царь вступилъ въ бракъ съ католичкою Мариною Мнишекъ, которая прѣѣхала въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и отлично вооруженной польской свиты; гордые, неосторожные шляхтичи своимъ буйнымъ поведеніемъ не замедлили возбудить противъ себя сильную ненависть въ московскихъ жителяхъ. Бояре между тѣмъ тайнѣ начали распускать слухи о самозванствѣ царя. Противъ него составилъ обширный заговоръ, во главѣ котораго сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, незадолго передъ тѣмъ осужденный Отрепьевымъ на смерть и получившій прошеніе уже на мѣстѣ казни.

Царствованіе пераго Лжедимитрія продолжалось не болѣе одиннадцати мѣсяцевъ. 17 мая 1606 года рано поутру въ Москвѣ зазвонили набатъ, и Шуйскій съ боярами, предводительствуя большою толпою народа, вступилъ въ Кремль. Первою жертвою заговорщиковъ палъ любимецъ царя Петръ Басмановъ; вслѣдъ за тѣмъ иностранныя тѣлохранители были обезоружены; а самъ Лжедимитрій, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, прыгнулъ изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Караульные стрѣльцы окружили его, и хотѣли его защищать; но, когда бояре угрозили имъ разорить Стрѣлецкую слободу, они оробѣли; въ то же время одинъ изъ бояръ принесъ извѣстіе, что инокиня Марѳа отрекается отъ самозванца и сознается въ обманѣ. Тогда стрѣльцы разступились; Лжедимитрій былъ немедленно застрѣленъ, и трупъ его подвергся поруганію.

Между тѣмъ неразумная чернь бросилась на квартиры Поляковъ, и, какъ говорятъ, истребила ихъ въ тотъ день болѣе тысячи чело-вѣкъ. Царемъ былъ объявленъ Шуйскій; а мѣсто патриарха занялъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, ревностный защитникъ право-славія и мужъ непреклоннаго, суроваго характера.

Василій Ивановичъ Шуйскій. Возведенный на престолъ тол-пою своихъ приверженцевъ, а не великою земскою думою, Шуй-скій сдѣлалъ многія уступки боярамъ, и далъ клятву не предпри-нимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта; это обязательство огра-ничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблаго-приятное впечатлѣніе. Скупой, нерѣшительный и неискусный въ управленіи государствомъ, онъ скоро заслужилъ общее нерасполо-женіе. Уже въ слѣдующемъ году распространился слухъ, будто бы Дзедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Лит-вѣ. Василій велѣлъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича; но эта мѣра не подѣйствовала. Народъ, все-гда склонный вѣрить всему чудесному, началъ волноваться, и об-наружилъ сильное недовѣріе къ Шуйскому, который уже не разъ кривилъ душою по поводу смерти маленькаго Димитрія.

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произо-шло опять въ Сѣверской украинѣ, которую на этотъ разъ возму-тилъ путивльскій воевода князь Шаховской. Однимъ изъ началь-никовъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человекъ отважный и даровитый, бывший прежде холопомъ, а въ то время только что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Онъ набралъ войско изъ ка-заковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холопей, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ. Съ нимъ соединились рязанскіе мятеж-ки подъ начальствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро помирились съ царемъ и получили награды, а Болотниковъ, побѣжденный царскимъ пле-мянникомъ Михаиломъ Скопинымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, который назвалъ себя сыномъ Феодора Іоанновича Петромъ. Шуйскій со-бралъ многочисленное войско, и лично осадилъ Тулу. Осажденные

защищались отчаянно. Царь, по совѣту одного боярскаго сына, велѣлъ запрудить р. Упу, вода затопила окрестности Тулы и проникла въ самый городъ. Угрожаемые голодною смертію, мятежники сдались. Болотниковъ явился въ царскій станъ, положивъ саблю на шею, и сказалъ, что царь, если хочетъ, пусть велитъ отсѣчь ему голову; но что, если онъ получитъ пощаду, то будетъ царю самымъ вѣрнымъ слугою. Болотниковъ и Лжепетръ подверглись казни; а главный зачинщикъ Сѣверскаго возстанія Шаховскій, какъ бояринъ, былъ только сосланъ. Царь послѣ того воротился въ Москву торжествовать свою побѣду. Событія показали, что это торжество было слишкомъ поспѣшное.

Лжедмитрій II. Въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился человекъ, который принялъ на себя имя убитаго Лжедмитрія. Происхождение его до сихъ поръ остается загадочнымъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ поповичъ); во всякомъ случаѣ онъ былъ хитрый и смѣлый самозванецъ. Подъ знаменами Лжедмитрія II скоро собрались сѣверскіе мятежники; многіе польскіе и западно-русскіе паны явились къ нему на помощь съ своими дружинами; не замедлили придти и, казаки. Гетманомъ своимъ, т. е. главнымъ начальникомъ войска, Поляки выбрали пана Рожинскаго. Самозванецъ двинулся къ столицѣ, и въ 12 верстахъ отъ нея расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозваніе «Тушинскаго вора». Несчастливая Марина Мнишекъ, возвращаясь въ Польшу изъ московскаго плѣна, была перехвачена на дорогѣ, и признала Тушинскаго вора своимъ мужемъ. Между тѣмъ какъ самозванецъ и Рожинскій старались овладѣть Москвою, самые знаменитые изъ литовскихъ наѣздниковъ, Янъ Сапѣга и Лисовскій, занялись осадю Троицкой Лавры въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами; но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ цѣлые 16 мѣсяцевъ оборонялись отъ непріятелей, и успѣли отстоять крѣпкую Лавру. Въ то же время отряды Тушинцевъ разсѣялись по московскимъ областямъ, жгли, грабили ихъ, и города одинъ за другимъ переходили на сторону самозванца. Тушинскій лагерь скоро превратился въ цѣлый городъ; сюда пріѣхали польскіе купцы съ товарами; изъ городовъ,

признавшихъ Лжедмитрія, потянулись къ Тушину обозы, и Поляки во всемъ имѣли изобиліе. Между тѣмъ въ самой Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность ратныхъ людей. здѣсь нашлось много даже такихъ, которые, ради жалованья или высшаго титула, переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ возвращались къ царю Василію съ изъясненіемъ мнѣшаго раскаянія, и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну (они получили названіе «перелѣтовъ»).

Когда въ осажденной Москвѣ обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, многіе недовольные изъ служивыхъ людей попытались свергнуть Шуйскаго. Они собрались въ Кремль, вывели изъ Успенскаго собора патріарха Гермогена, и начали кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, потому что его избрала одна Москва безъ вѣдома другихъ городовъ. Патріархъ увѣщевалъ ихъ, и сказалъ между прочимъ: „Доголъ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города Москвѣ не указывали; а указывала Москва всѣмъ городамъ“. Заговорщики бросились во дворецъ. Но, царь, видя, что бояре и московскіе жители остаются спокойны, съ твердостью сказалъ мятежникамъ, что они могутъ его убить, но свести съ престола безъ согласія бояръ и всей земли не могутъ. Тогда заговорщики ушли въ Тушино.

Въ такомъ критическомъ положеніи Шуйскій рѣшился искать иноземной помощи, и послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ для переговоровъ со Шведами. Король шведскій Карлъ IX былъ врагомъ Поляковъ и опасался ихъ владычества въ Россіи; поэтому онъ охотно подалъ помощь Шуйскому. Наемный шведскій отрядъ въ 5000 человекъ подъ начальствомъ генерала Делагарди соединился съ Скопинымъ, который повелъ изъ Новгорода олочненіе, набранное въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Вскорѣ дѣла приняли оборотъ благоприятный для Шуйскаго: отпавшіе города начали опять признавать его царемъ; а попытки Тушинцевъ остановить движеніе къ Москвѣ сѣверо-западной рати окончились неудачею; особенно замѣчательно пораженіе, которое Скопинъ нанесъ Сапѣгѣ подъ Колязиннымъ монастыремъ. Столица оживилась

надеждою на близкое освобожденіе отъ осады; этому освобожденію помогъ самъ Польскій король.

Узнавъ о союзѣ Шуйскаго съ Карломъ IX, Сигизмундъ III вторгнулся въ московскіе предѣлы, и осадилъ Смоленскъ. Въ Тушино пріѣхали послы отъ Сигизмунда; они пригласили Поляковъ оставить самозванца и соединиться съ королевскимъ войскомъ. Въ лагерь произошло волненіе. Тушинскій воръ не считая себя безопаснымъ посреди буйныхъ, презрительно обращавшихся съ нимъ шляхтичей, въ крестьянскомъ платьѣ убѣжалъ изъ лагеря, и нашелъ радушный приѣмъ въ Калугѣ; вслѣдъ за нимъ ускакала и Марина, переодѣтая гусаромъ. Тогда Рожинскій зажегъ лагерь и удалился съ Поляками на западъ; а казаки и часть русскихъ измѣнниковъ опять пристали къ самозванцу. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій теперь безпрепятственно вступилъ въ столицу, и Москвитяне съ восторгомъ привѣтствовали его какъ своего освободителя

Въ эту печальную эпоху юноша Скопинъ обнаружилъ многія прекрасныя качества, и приобрѣлъ любовь народа, который не скрывалъ своей надежды видѣть его на престолѣ по смерти бездѣтнаго Василія. Еще во время похода къ Москвѣ пылкій Ляпуновъ съ своими Рязанцами предложилъ корону Михаилу; но послѣдній съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе. Недоброжелатели его поспѣшили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и дядя началъ подозрительно смотрѣть на племянника. Къ тому же родной братъ царя, Димитрій Шуйскій, возненавидѣлъ Скопина, какъ своего счастливаго соперника, потому что самъ питалъ надежду послѣ Василія наследовать московскій престолъ. Скопинъ началъ готовиться къ новому походу противъ Поляковъ, подъ Смоленскъ; другъ его Делагарди совѣтовалъ спѣшить, потому что слышалъ о козняхъ бояръ, враждебныхъ Михаилу. Но приготовленія замедлились, и однажды на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго Скопинъ заимогъ кровотеченіемъ изъ носа; а спустя нѣсколько дней, онъ уже скончался; народъ приписалъ внезапную смерть своего любимца отравленной чащѣ, которую будто бы поднесла ему жена Димитрія Шуйскаго. Царское войско, отправленное къ Смоленску подъ начальствомъ неискуснаго Димитрія, потерпѣло рѣшительное

пораженіе отъ гетмана Жолкѣвскаго, при деревнѣ Клушино. Тогда Захарій Ляпунувъ (братъ Прокопія) возмутилъ Москвитянъ противъ Василія; его низвергли съ престола и насильно постригли въ монахи (1610 г.).

Междоцарствіе. Управление государствомъ перешло въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (семибоярщина), между которыми первое мѣсто занималъ князь Мстиславскій. Немедленно поднялся вопросъ объ избраніи царя; но тутъ обнаружилось сильное разногласіе. Многіе еще держались Тушинскаго вора; патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобы царь былъ избранъ изъ русскихъ вельможъ; а бояре, составлявшіе думу, пожелали возвести на престолъ Сигизмундова сына Владислава. Когда гетманъ Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ, партія польскаго принца одержала верхъ; бояре вступили съ гетманомъ въ переговоры, и согласились присягнуть Владиславу, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ правленіе, а царская власть была бы ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для окончательныхъ переговоровъ отправилось къ Сигизмунду торжественное посольство, во главѣ котораго находились князь Василій Васильевичъ Голицынъ и митрополитъ ростовскій Филаретъ (бывшій бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ). Вслѣдъ за тѣмъ, по приглашенію самихъ бояръ, Жолкѣвскій ввелъ въ столицу польское войско. Онъ былъ человекъ умный, ловкій, устранялъ враждебныя столкновенія Поляковъ съ Москвитянами, и даже умѣлъ заслужить довѣренность Гермогена. Но когда гетманъ узналъ, что король не соглашается отпустить сына и желаетъ московской короны для себя, онъ поспѣшилъ уѣхать подъ Смоленскъ, поручивъ начальство надъ польскимъ гарнизономъ въ Москвѣ пану Гонсѣвскому.

Между тѣмъ въ королевскомъ лагерѣ русское посольство вело бесполезныя переговоры съ польскими панами; послѣдніе прежде всего требовали сдачи Смоленска; но послы отказывались и вообще твердо стояли на своихъ условіяхъ. Наскучивъ непреклонностью пословъ, Сигизмундъ отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшего царя Василія Шуйскаго съ братьями. Ту-

шинскій Лжедмитрій около того времени палъ отъ руки одного изъ своихъ приближенныхъ (крещенаго татарина Урусова). Смерть его развязала руки тѣмъ противникамъ польской партіи, которые только изъ страха къ самозванцу соглашались признать царемъ Владислава; къ тому же вѣсть о замыслахъ Сигизмунда, извѣстнаго своею приверженностію къ католицизму, возбуждала въ Москвѣ общій ропотъ. Гермогенъ началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ вооружаться на защиту православія. Тогда въ областяхъ поднялись служилые люди, и дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова; съ нимъ соединились бывшіе прежде въ службѣ у Тушинскаго вора казацкіе отряды, предводимые Трубецкимъ, Заруцкимъ, Просовецкимъ и другими атаманами.

Прежде нежели подослѣло это ополченіе, Москвитяне уже завязали битву и начали тѣснить Поляковъ. Непріатели спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ, и пожаръ обратилъ въ пепелъ почти всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, въ которыхъ потомъ крѣпко засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступившаго въ числѣ 100,000 человекъ. Начальство надъ русскимъ войскомъ и управленіе государственными дѣлами по общему приговору вручено было тремъ вождямъ: князю Дмитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и думному дворянину Прокопію Ляпунову. Но между предводителями скоро обнаружились сильная ненависть и распря. Ляпуновъ, человекъ весьма даровитый и энергичный, возбудилъ противъ себя неудовольствіе своею гордостью и неуступчивостію: особенно ненавистенъ сдѣлался онъ казакамъ, которыхъ преслѣдовалъ за буйства и грабежи. Этой ненавистью воспользовался Гонсѣвскій, и переслалъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. По своему обычаю казаки собрались въ кругъ, призвали Ляпунова, и, когда онъ въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

Со смертію главнаго вождя ополченіе разстроилось; дворяне разѣхались по домамъ; а казаки хотя и продолжали осаду, но за-

нялись преимущественно грабежемъ сосѣднихъ областей. Между тѣмъ Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ; а нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины Мнишекъ; во Псковѣ явился третій Лжедмитрій (какой то дьяконъ Исидоръ); а Новгородъ захваченъ Шведами*.

Въ Смутную эпоху вполне проявилась разрозненность областей, изъ которыхъ составилось Московское государство. Когда Москва была занята Поляками, унижена и обезсилена, въ областяхъ — еще помнившихъ о своей самостоятельной жизни и предоставленныхъ теперь самимъ себѣ — пробудилась сильная политическая дѣятельность. Снова обнаружили себя древніе вѣчевыя общины и удѣльные княжества: Владиміръ, Новгородъ, Псковъ, Рязань, Вятка и др. По всѣмъ главнымъ городамъ открылись шумныя вѣча; горожане и сосѣдніе крестьяне собираются на площадяхъ для земскихъ совѣтовъ; города посылаютъ другъ къ другу гонцовъ съ грамотами, которыя читаются всенародно. Въ этихъ грамотахъ они приглашаютъ другъ друга въ случаѣ опасности дѣйствовать единодушно, просятъ о присылкѣ ратныхъ людей и денегъ. Но единодушія было мало. Тогда вспомнились старая взаимная вражда нѣкоторыхъ областей и неприязнь простыхъ людей къ высшимъ богатымъ классамъ, вскрылась нелюбовь вѣчевыхъ общинъ къ Москвѣ и особенно къ московскому боярству. Еще съ большею силою эта нелюбовь выразилась въ восточныхъ областяхъ, составлявшихъ некогда Казанское и Сибирское царства. Восточные иноподданы (Татары, Черемисы, Мордва) были раздражены притѣсненіями отъ московскихъ чиновниковъ, насильственнымъ переселеніемъ во внутреннія области, обращеніемъ въ служилыхъ людей и въ православіе. Во многихъ мѣстахъ они открыто возстали, убивали

* Одинъ измѣнникъ ночью отворилъ Шведамъ новгородскія ворота, и они вошли на Софійскую сторону. Сопротивленіе было оказано очень слабое. Въ одномъ мѣстѣ стрѣлцѣй голова Голютинъ, дьякъ Голенищевъ и казачій атаманъ Шаровъ съ 40 казаками защищались, пока не были всѣ нарублены; въ другомъ софійскій протопопъ Аммосъ заперся въ своемъ дворѣ, и долго отбивался отъ Шведовъ, пока они не сожгли его вѣстѣ съ дворомъ. Между тѣмъ воевода Бутурлинъ, стоявшій съ ратными людьми на Торговой сторонѣ, ограбилъ жителей и ушелъ изъ города.

въ своемъ краю русскихъ поселенцевъ и грабили сосѣднія русскія земли.

Но, когда движеніе рязанскихъ и сѣверскихъ городовъ подъ начальствомъ Дяпунова окончилось неудачею, опасность чужеземнаго Польскаго ига и ненависть къ Латинской вѣрѣ (угрожавшей вмѣстѣ съ польскимъ игомъ) пробудили въ народѣ потребность болѣе единодушнаго дѣйствія, и не допустили до окончательнаго разьединенія. Духовенство и важнѣйшіе монастыри (которые въ то же время были и крѣпости) явились сильною опорою для поддержанія единства и для спасенія Московскаго государства. Въ особенности Троицкая лавра обнаружила въ это бѣдственное время необыкновенную дѣятельность. Архимандритъ Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всѣми силами старались поддержать упавшій духъ народа, и неутомимо рассылали увѣщательныя грамоты по областямъ, призывая ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества. Грамоты эти передавались изъ города въ городъ, и возбуждали въ народѣ сильное религиозное воодушевленіе, особенно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи, которыя менѣе другихъ пострадали отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ. По голосу нижегородскаго гражданина Козьмы Минина тамъ собралось новое ополченіе; начальство надъ нимъ принялъ князь Пожарскій.

Въ октябрь 1611 года одна изъ троицкихъ грамотъ явилась въ Нижнемъ Новгородѣ. Протопопъ прочелъ ее въ соборной церкви передъ всѣмъ народомъ; слушая ее, народъ пришелъ въ умиленіе. Тогда земскій староста Козьма Мининъ Сухорукій (промышлявшій мясною торговлею) началъ уговаривать согражданъ вступить за православную вѣру и помочь Московскому государству. „Не пожалѣемъ ничего—говорилъ онъ: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ“. Рѣчи его понравились Нижегородцамъ. Но прежде всего надобно было найти искуснаго воеводу; Мининъ указалъ на князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, который въ то время жилъ въ своемъ помѣстьѣ Суздальскаго уѣзда, и лѣчился тамъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвахъ съ Поляками. Пожарскій согласился на просьбу Нижегородцевъ; но потребовалъ, чтобъ они выбрали достойнаго человека завѣ-

дывать общественной казною, и въ свою очередь указалъ на Минина, который и былъ дѣйствительно выбранъ.

Какъ скоро разнеслась вѣсть о движеніи въ Нижнемъ Новгородѣ, со всѣхъ сторонъ начали сходиться служилые люди, т. е. дворяне и дѣти боярскіе: многіе города присылали и ратниковъ и деньги; составилось многочисленное ополченіе, которое наконецъ двинулось на освобожденіе столицы. Походъ Пожарскаго встревожилъ находившихся въ Москвѣ Поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Послѣдніе потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобъ онъ уговорилъ нижегородское ополченіе воротиться назадъ. Гермогенъ отвѣчалъ благословеніемъ русской рати и проклятіемъ измѣнниковъ. Тогда оскорбленные враги, какъ говорятъ, уморили старца голодомъ. Казаки, оставшіеся подъ Москвою и успѣвшіе уже присягнуть псковскому Лжедмитрію, сдѣлали нѣсколько попытокъ открытою силою помѣшать походу восточнаго ополченія. Когда же эти попытки не удались, Заруцкій подослалъ убійцъ, и въ Ярославлѣ, гдѣ Пожарскій нѣкоторое время промедлилъ съ главнымъ войскомъ, одинъ казакъ хотѣлъ ударить князя ножомъ, но промахнулся и ранилъ другаго. Заруцкій послѣ того удалился съ своими шайками на юго-востокъ.

Подъ стѣнами Москвы Пожарскій вступилъ въ битву съ гетманомъ Ходкѣвичемъ, который привелъ значительныя подкрѣпленія польскому гарнизону. Цѣлые три дня возобновлялось упорное сраженіе. Казаки Трубецкаго отказались соединиться съ Нижегородскимъ ополченіемъ; но въ рѣшительную минуту келарь Авраамій Палицынъ уговорилъ ихъ помочь Русскимъ; тогда Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ отъ Москвы. За тѣмъ послѣдовала осада польскаго гарнизона, который заперся въ Кремлѣ подъ начальствомъ полковника Струся. Страшный голодъ заставилъ наконецъ Поляковъ сдаться. Король Сигизмундъ, шедшій къ нимъ на помощь, дорогою узналъ объ этой сдачѣ, и воротился назадъ.

Итакъ, усиліями сѣверо-восточнаго населенія государство было спасено отъ внѣшнихъ враговъ. Оставалось теперь избраніемъ царя положить конецъ тягостному для всѣхъ безначалію. Для этого въ Москву собрались выборные люди отъ разныхъ сословій со

всего государства на Великую Земскую Думу. Послѣ трехдневнаго поста и молебствій приступили къ совѣщаніямъ. Въ началѣ обнаружались разногласіе и происки партій. Наконецъ всѣ партіи примирились на одномъ имени: 21 февраля 1613 года единодушный выборъ народа палъ на шестнадцатилѣтняго Михаила Феодоровича Романова. Во время пребыванія Поляковъ въ Москвѣ онъ находился въ ихъ рукахъ, и переносилъ съ ними всѣ бѣдствія осады отъ Нижегородскаго ополченія. Послѣ своего освобожденія Михаилъ опять поселился съ своею матерью инокинею Марою въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ; между тѣмъ какъ отецъ его, митрополитъ Филаретъ, томился въ плѣну у Поляковъ. Въ Кострому прибыли послы изъ столицы и объявили Марѣ рѣшеніе Земскаго собора. Мать сначала не соглашалась отпустить сына въ Москву, ссылаясь на его молодость, крайне разстроенное состояніе государства, и на измѣны русскихъ людей своимъ послѣднимъ государямъ. Но послы и духовенство упростили наконецъ Марѣ благословить Михаила на царство. (Преданіе о Сусанинѣ).

III. ЗАПАДНАЯ РУСЬ ВЪ XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Русскія земли, вошедшія въ составъ Польско-литовскаго государства, распадалась на слѣдующія области:

На сѣверѣ, въ бассейнѣ верхняго Днѣпра, верхняго Нѣмана и Западной Двины, лежала Бѣлая Русь (древнія княжества Полоцкое, Минское и часть Смоленскаго); южная половина Приднѣпровья получила названіе Украины или Малой Руси (княжества: Кіевское, Черниговское и часть Сѣверскаго). Потомъ слѣдуютъ: Полѣсье — вдоль р. Припети, Волынь, Подолія — по верхнему Бугу, а далѣе къ западу Червонная Русь или Галиція. Восточные уѣзды настоящей Гродненской губерніи и сосѣдніе Минской носили названіе Черной Руси; а западная часть Гродненской называлась Подляхіей (страна древнихъ Ятвяговъ)*.

* Въ административномъ отношеніи Западная Русь во времена соединенія съ Польшою дѣлилась на слѣдующія воеводства: Витебское, Полоцкое, Ин-

Польское вліяніе. Когда Западная Русь была завоевана Литвою, завоеватели начали перенимать у покореннаго народа его образованность; русскій языкъ и православіе уже сдѣлались господствующими при дворѣ великихъ князей литовскихъ. Но послѣ соединенія съ Польшею и Литва и Русь подверглись вліянію польской гражданственности. Въ юго-западной Руси, также какъ и въ Польшѣ, образовалось высшее сословіе изъ магнатовъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями, и изъ шляхты или мелкопомѣстныхъ дворянъ. Сюда начали проникать польскіе нравы и обычаи, возникли дворянскіе сеймы и сеймики. Вліяніе польское проникало прежде всего конечно при посредствѣ двора. Ягелло еще не говорилъ иначе какъ по русски, а сыновья его употребляли уже польскій языкъ. Впрочемъ въ судебныхъ и административныхъ актахъ русскій языкъ господствуетъ въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ *.

Древнія русскія княжества были раздѣлены на воеводства и повѣты; прежнихъ княжескихъ наместниковъ, городничихъ и тиуновъ замѣнили королевскіе воеводы, каштеляны и старосты. Многіе русскіе города получили распространенное въ Польшѣ нѣмецкое городовое устройство, извѣстное подъ именемъ Магдебургскаго права.

Обыкновенно великіе князья литовскіе и короли польскіе давали наиболѣе значительнымъ западнорусскимъ городамъ (Вильно, Кіеву, Полоцку, Минску, Витебску и др.) жалованныя грамоты на Магдебургскія привилегіи. Сущность этихъ привилегій заключалась въ томъ, что горожане („мѣщане“) освобождались отъ подсудности королевскимъ воеводамъ, старо-

лянтское, Мстиславское, Минское, Новгородское, Подляшское, Брестъ-Литовское, Кіевское, Волынское, Бельзское, Люблинское, Брацлавское, Подольское, Русское (т. е. Червонорусское) и Черниговское. Собственно Литовскія земли составляли воеводства: Виленское, Троцкое и княжество Жмудское.

* Съ теченіемъ времени много польскихъ словъ вошло въ письменный и разговорный языкъ Западной Россіи, распадающійся на два нарѣчія: бѣлорусское и малорусское. Но отъ этого языкъ не пересталъ быть русскимъ: такъ, къ нему не привились польскіе носовые звуки, польское удареніе на предпоследнемъ слогѣ; сохранились формы русскихъ склоненій и спряженій, и проч.

стамъ, судьямъ и подсудкамъ. Они получали своего войта, который былъ назначаемъ королемъ изъ дворянскаго сословія; войтъ производилъ судъ вмѣстѣ съ бурмистрами и райцами (т. е. ратманами), выбранными изъ самихъ жителей. Городу давался особый гербъ, печать, знамя (или хоругвь); каждый ремесленный цѣхъ также получалъ свое знамя. Ремесленники освобождались отъ нѣкоторыхъ повинностей, напримѣръ, отъ обязанностей починивать королевскіе замки и давать подводы королевскимъ чиновникамъ. Чужіе купцы могли торговать въ такомъ городѣ только оптомъ, а не въ розницу.

Въ судопроизводство Западной Россіи вошли нѣкоторыя статьи изъ польскаго права; вмѣстѣ съ старыми мѣстными законами они были собраны въ одинъ сводъ подъ именемъ Литовскаго статута.

Первое собраніе этихъ законовъ было сдѣлано по порученію Сигизмунда I. При сынѣ его Сигизмундѣ Августѣ оно было дополнено и утверждено на Виленскомъ сеймѣ 1566 года. Но послѣ Люблинской уніи явилась потребность въ новыхъ дополненіяхъ и въ соглашеніи съ польскимъ законодательствомъ. По порученію Стефана Баторія это дѣло было исполнено по преимуществу трудами литовскаго канцлера Льва Сапѣги; въ такомъ видѣ Статутъ получилъ окончательное утвержденіе при Сигизмундѣ III, въ 1588 г. Послѣ того онъ былъ впервые напечатанъ, именно на русскомъ языкѣ. Здѣсь главнымъ образомъ опредѣляются права и привилегіи шляхты и порядокъ судопроизводства. Сельское населеніе по большей части утверждается статутомъ въ крѣпостномъ состояніи. Судъ учреждается обвинительный, т. е. открытый, гласный. Въ уголовномъ процессѣ встрѣчаются еще средневѣковыя суевѣрія; напримѣръ, наказанія за чародѣйство; убійцу предписано для уличенія подводить къ трупѣ убитаго, на основаніи стариннаго повѣрья, что у послѣдняго въ такомъ случаѣ должна выступить кровь, и т. п.

Виленскій трибуналъ, т. е. высшее судебное мѣсто для великаго княжества Литовскаго, засѣдалъ извѣстную часть времени въ году въ Вильно, а другую часть въ Минскѣ или Новогродкѣ; для югозападной Руси высшимъ судебнымъ мѣстомъ сначала былъ трибуналъ Луцкій, а потомъ онъ соединенъ съ

Люблинскимъ трибуналомъ, общимъ для всей Малой Польши. (Трибуналъ великопольскій находился въ Пётрковѣ).

Люблинская унія. Польскіе короли изъ династіи Ягелло много заботились о развитіи торговли, земледѣлія и промышленности въ своемъ государствѣ, и для Польши эпоха Ягеллоновъ была временемъ наибольшаго внутренняго благосостоянія и внѣшняго блеска. Королевское правительство притомъ постоянно стремилось соединить Польшу и Литву съ юго-западной Русью въ одно политическое цѣлое. Окончательное соединеніе было утверждено въ царствованіе Сигизмунда II Августа, послѣдняго короля изъ династіи Ягелло. На Люблинскомъ сеймѣ 1569 года Литва и Польша соединились на равныхъ правахъ и составили одну Рѣчь Посполитую (республику).

Полное соединеніе Литвы съ Польшею было обѣщано Ягелломъ при его коронованіи въ Краковѣ. Съ тѣхъ поръ польскіе вельможи и католическое духовенство постоянно хлопотали объ этомъ соединеніи. Но имъ противодѣйствовала сильная литовская аристократія, которая опасалась потерять свое вліяніе съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго равенства между всѣми членами дворянскаго сословія. Сюда присоединилась старая вражда двухъ народностей и религіозные интересы: значительная часть литовской аристократіи приняла протестантизмъ, и потому еще сильнѣе противодѣйствовала польско-католической партіи. Послѣ Сигизмунда I королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ сдѣлался сынъ его Сигизмундъ II Августъ. Мать Августа королева Бона, родомъ итальянская принцеса, своимъ властолюбіемъ, жадностію и интригами оставила по себѣ дурную память въ Польшѣ. Она дала сыну очень изыѣженное воспитаніе. Это былъ король мягкій характеромъ, любившій праздность и забавы. По его бездѣтности вмѣстѣ съ нимъ прекращалась династія Ягеллоновъ, служившая политическою связью Литвы съ Польшею; слѣдовательно грозила опасность ихъ разъединенія. Польско-католическая партія удвоила свои старанія о формальномъ соединеніи этихъ двухъ государствъ; но встрѣтила главное препятствіе со стороны литовскаго канцлера Николая Чернаго Радзивилла, усерд-

наго протестанта. По личнымъ достоинствамъ и по родству онъ имѣлъ большое вліяніе на короля. (Сигизмундъ Августъ тайно вступилъ въ бракъ съ прекрасною Варварою, двоюродною сестрою Радивила, и потомъ, не смотря на интриги матери Боны, на требованія сената и сейма, не хотѣлъ ни за что развестись съ нѣжно любимою супругою; но она вскорѣ умерла). По смерти Николая Радивилла литовско-протестантская партія лишилась своего вождя; а Сигизмундъ Августъ подпалъ вліянію партіи польско-католической.

Вопросъ объ уніи Литвы съ Польшею былъ рѣшенъ на Люблинскомъ сеймѣ, который собрался въ генварѣ 1569 года и протянулся до іюля. Представители великаго княжества Литовскаго долго и упорно противились этой уніи; между тѣмъ король грозилъ непослушнымъ лишеніемъ пожизненныхъ помѣстій (староствъ); а Поляки отказывались помогать Литовско-русскому государству въ предстоявшей войнѣ съ Іоанномъ Грознымъ. Большинство литовскихъ пословъ даже самовольно разъѣхалось съ сейма, думая тѣмъ помѣшать дѣлу уніи; но безъ успѣха. Король склонилъ на сторону уніи двухъ самыхъ значительныхъ вельможъ западнорусскихъ, именно кіевскаго воеводу Константина Острожскаго и волынскаго воеводу Александра Чарторыйскаго; они въ свою очередь увлекли за собою шляхту югозападной Руси, которая и вообще была менѣе враждебна уніи, нежели представители собственно литовскихъ провинцій (въ особенности протестанты). Последніе, видя что дѣло рѣшается и безъ нихъ, принуждены были снова пріѣхать на сеймъ, наконецъ подписали актъ соединенія. По условіямъ этого акта Польская корона и великое княжество Литовское соединились другъ съ другомъ на равныхъ правахъ; они получали общій генеральный сеймъ (въ мазовецкомъ городѣ Варшавѣ) и общій сенатъ; но каждое сохраняло свои особыя правительственныя лица (канцлера, подканцлера, маршаловъ, гетмановъ и пр.), особое войско и законы. Большая часть югозападной Руси (Подляхія, Волинь, Украина и Брацлавское воеводство) была отдѣлена отъ Литвы и включена въ составъ земель Польской короны, а именно присоединена къ Малой или южной Польшѣ. Такъ называемые Инфлянты (те-

перь сѣверо-западная часть Витебской губерніи) признаны въ общемъ владѣніи Литвы и Польши.

Со времени Люблинской уніи началось болѣе широкое вліяніе Польши въ Западной Руси. Особенно важны въ этомъ отношеніи тѣ статьи уніи, которыя разрѣшали Полякамъ пріобрѣтать имѣнія въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и занимать тамъ государственныя должности. Еще успѣшнѣе начала распространяться колонизація высшихъ классовъ собственно въ юго-западной Руси, которая была непосредственно присоединена къ Польшѣ.

Вторженіе католичества. Братства. Но соединенію западной Руси съ Польшею недоставало внутренней, болѣе прочной основы. Главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію обѣихъ народностей, польской и русской, послужило различіе вѣроисповѣданій; католическое духовенство никакъ не хотѣло отказаться отъ попытокъ вытѣснить греческую религію изъ русскихъ областей: что въ послѣднихъ возбуждало неудовольствіе противъ правительства и вообще мѣшало дѣлу соединенія. Въ правленіе Ягеллоновъ попытки эти были довольно слабы, а при послѣднихъ государяхъ этого дома почти прекратились; однимъ изъ главныхъ условій Люблинской уніи было поставлено сохраненіе греческой религіи въ Западной Россіи. Но въ концѣ XVI вѣка, когда въ Польшѣ утвердились иезуиты, вражда между католиками и православными возгорѣлась съ новою силою.

Въ то время религиозное движеніе, возбужденное успѣхами реформации, охватило всю западную Европу, и иезуитскій орденъ былъ призванъ въ Польшу собственно для борьбы съ протестантизмомъ.

Изъ Германіи реформація въ первой половинѣ XVI вѣка проникла въ Польшу и Литву, и сдѣлала здѣсь быстрые успѣхи; чему много способствовали вѣротерпимость двухъ послѣднихъ Ягеллоновъ и обычай богатыхъ дворянъ ѣздить за границу для своего образованія. Во второй половинѣ XVI вѣка большинство сенаторовъ состояло изъ диссидентовъ (т. е. изъ протестантовъ и православныхъ). Епископъ виленскій Валерьянъ Протасевичъ первый призвалъ въ Литву иезуитовъ для борьбы съ реформа-

цій (1569 г.); они учредили въ Вильно свое общество или коллегію и при ней школу. Спустя десять лѣтъ, изъ этой школы образована Виленская академія, т. е. высшее училище, имѣвшее право выдавать своимъ воспитанникамъ ученые степени: бакалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ философіи и теологіи. Первымъ ректоромъ ея былъ знаменитый польскій іезуитъ Петръ Скарга. Между тѣмъ іезуитскія коллегіи съ ихъ школами распространились уже по многимъ городамъ Западной Руси; епископы и католическіе магнаты щедро надѣляли ихъ богатыми имѣніями и капиталами. Своими сочиненіями, проповѣдями, публичными диспутами и частными бесѣдами іезуиты, искусные въ діалектикѣ, скоро взяли верхъ надъ диссидентскимъ духовенствомъ. Протестанство не имѣло здѣсь глубокихъ корней въ народѣ; притомъ оно распалось на разныя враждебныя другъ другу секты (лютеранъ, кальвинистовъ, аріанъ и пр.). Главныя усилія іезуиты, по своему обычаю, обратили на знатныя и вліятельныя фамиліи, и эти усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Такъ напримѣръ, Николай Черный Радивиллъ былъ самымъ дѣятельнымъ вождемъ протестантизма въ Литвѣ; а сынъ его Николай Стротка является уже усерднымъ католикомъ.

Ослабивъ протестантскую партію, іезуиты немедленно обратились противъ греческаго исповѣданія; они привлекали въ свои школы русскую молодежь и воспитывали ее въ духѣ католическаго ученія; а духовенство русское старались унижить, и мѣшали его образованію. Правительство оказывало дѣятельную помощь іезуитамъ; съ особенною ревностію помогалъ имъ преемникъ Стефана Баторія недалековидный Сигизмундъ III (1587—1632; изъ шведской династіи Ваза), у котораго преданность католической церкви доходила до фанатизма. Католицизмъ началъ мало-по-малу распространяться въ русскихъ областяхъ, подчиняя себѣ преимущественно вышій классъ населенія. Русскіе вельможи долгое время служили главною опорю православія; но потомки ихъ, усвоивъ нравы и обычаи польской аристократіи, довольно легко оставили религію своихъ предковъ, такъ что въ концѣ XVI вѣка уже значительная часть ихъ исповѣдывала католицизмъ. Но еще большинство западно-

русской шляхты, горожане и весь низшій классъ населенія упорно держались своей старой религiи.*

Значительную помощь греческой церкви въ борьбѣ съ ея врагами оказали братства; такъ назывались издавна существовавшія въ Западной Россiи общества, основанныя съ цѣлями благотворительными и религiозными. Они составлялись преимущественно горожанами, и во второй половинѣ XVI вѣка получили опредѣленное устройство; а именно: члены братства выбирали себѣ старшинъ, вносили деньги въ общую казну, собирались въ извѣстное время и пр.; въ церковномъ отношенiи восточные патрiархи предоставили имъ многiя права и привилегiи (напр. право обличать уклонявшихся отъ уставовъ православiя и даже право отлучать отъ церкви). Они заводили на свой счетъ школы для православныхъ дѣтей всякаго званiя, госпитали для больныхъ и типографiи для печатанiя книгъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Самыя знаменитыя братства были: Львовское въ Галиции, Виленское въ Литвѣ, Луцкое на Волыни и Богоявленское въ Кiевѣ.

Церковная Унiя. Брестскiй соборъ. Недовольные медленными успѣхами католицизма въ русскихъ областяхъ, иезуиты для средняго и низшаго класса возобновили мысль о церковной унiи, т. е. о соединенiи греческой и латинской церкви подъ верховною властью римскаго папы, при чемъ первая сохраняла свои обряды и богослуженiе на славянскомъ языкѣ. Попытка къ этому соединенiю была

* Книжки притѣсненiямъ подвергалось православiе, показывается, напримѣръ, жалоба русскихъ дворянъ на обиды православнымъ жителямъ города Львова отъ ихъ согражданъ «папистовъ» (1595 г.). А именно: Православнымъ священникамъ, отправлявшимся съ дарами къ больнымъ, паписты запрещаютъ проходить черезъ рынокъ въ облаченiи и съ зажженными свѣчами; запрещаютъ праздничныя процессiи съ крестами изъ городскихъ церквей въ предмѣстья. Учениковъ православныхъ школъ бьютъ и насильно таскаютъ ихъ въ свои училища; слугъ своихъ принуждаютъ ходить не въ церковь, а въ костель; запрещаютъ колокольный звонъ, который будто бы мѣшаетъ говорить католическимъ проповѣдникамъ, и т. д. Замѣчательно, что эта жалоба, поданная въ Львовскiй судъ, заявлена княземъ Адамомъ Вишневецкимъ и княземъ Рожискинымъ. («Дополненiя къ Агтамъ Историческимъ», изд. Археограф. Коммиссiи).

произведена еще въ XV вѣкѣ (на Флорентійскомъ соборѣ 1439 г.), но не имѣла успѣха.

Между иезуитами съ особенною ревностію начали хлопотать объ уніи Петръ Скарга и знаменитый Антоній Поссевинъ*. Они нашли себѣ сочувствіе даже въ нѣкоторыхъ православныхъ епископахъ. Послѣдніе уже давно тяготились своимъ невыгоднымъ положеніемъ въ Польскомъ государствѣ, и добивались тѣхъ же правъ, которыми пользовалось высшее католическое духовенство (напримѣръ, права засѣдать въ польскомъ сенатѣ на ряду съ свѣтскими магнатами).

Дѣлу уніи много содѣйствовало разстроенное состояніе западнорусской іерархіи, послѣ ея отдѣленія отъ московской. Короли раздавали высшія духовныя должности по своему произволу; въ епископы и настоятели монастырей назначались большею частію лица свѣтскія изъ дворянскихъ семействъ, неприготовленные къ исполненію духовныхъ обязанностей и желавшія только пользоваться богатыми церковными имѣніями. Еще при жизни стараго епископа знатный шляхтичъ испрашивалъ у короля грамоту на будущую вакантную кафедру, и носилъ пока титулъ „нареченнаго епископа“; иногда король давалъ такую грамоту двумъ лицамъ; отсюда происходили споры, жалобы и даже открытое междоусобіе. Нареченные епископы не покидали своихъ свѣтскихъ привычекъ, и обыкновенно продолжали вести разсѣянный образъ жизни. Раздоры между братствами и высшимъ духовенствомъ еще болѣе увеличивали неуройства западнорусской церкви.

Однимъ изъ замѣчательныхъ іерарховъ западной Руси въ концѣ XVI вѣка былъ Кирилль Терлецкій, епископъ Луцкій и Острожскій; потомокъ знатной фамиліи и человекъ честолюбивый.

* Антоній Поссевинъ, бывшій посредникомъ при заключеніи мира между Иваномъ Грознымъ и Баторіемъ, пытался склонить Иоанна, къ соединенію церквей, и имѣлъ съ нимъ продолжительное преніе о вѣрѣ. Потерявъ полную надежду въ Москвѣ, онъ обратился къ мысли о воссоединеніи западнорусской церкви. Скарга былъ придворный проповѣдникъ Сигизмунда III, и славился своимъ краснорѣчіемъ. Въ своихъ проповѣдяхъ, говоренныхъ на сеймахъ, Скарга рѣзко обличалъ неуройства Польши; а изъ его сочиненій самое извѣстное: «О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастырствомъ»; тутъ онъ предлагаетъ способы къ соединенію или къ уніи церквей.

вый, онъ привыкъ окружать себя роскошью и жить настоящимъ магнатомъ. Въ началъ своей епископской дѣятельности Терлецкій явился усерднымъ защитникомъ православнаго духовенства отъ свѣтскихъ властей; патриархъ константинопольскій Іеремія, посѣтившій югозападную Русь въ 1589 г., возвелъ его въ санъ экзарха. Тогда же Іеремія отрѣшилъ кievскаго митрополита Онисифора (потому что онъ былъ изъ двоеженцевъ), а на его мѣсто посвятилъ Михаила Рагозу; кромѣ того патриархъ постановилъ, чтобы православное духовенство съѣзжалось на помѣстные соборы для совѣщанія о церковномъ благоустройствѣ. Эти соборы были враждебно встрѣчены польскимъ правительствомъ. Луцкій староста Семашко (перешедшій изъ православія въ католичество) началъ ревностно преслѣдовать Терлецкаго: подвергъ его заключенію, морилъ голодомъ, наносилъ разныя оскорбленія. Униженный епископъ не могъ нигдѣ добиться правосудія. Тогда его привычка къ роскошной жизни и любовь къ почестямъ не устояли противъ испытаній: онъ заключилъ мировую съ Симашко; преслѣдованія прекратились; но съ этихъ поръ Кириллъ является дѣятельнымъ поборникомъ униі. Уніатской партіи удалось сначала привлечь на свою сторону и львовскаго епископа Гедеона Балабана, пользуясь его распріею съ Львовскимъ братствомъ; но Балабанъ вскорѣ отступился отъ униі. Самый усердный защитникъ православія князь Константинъ Острожскій въ началѣ думалъ, что покровительство папы можетъ избавить православную церковь отъ польскихъ притѣсненій и прекратить безпорядки въ іерархіи. Такъ думали и многіе другіе, пока надѣялись сохранить въ чистотѣ греческіе обряды и пока не убѣдились въ истинномъ значеніи униі (какъ переходной ступени къ латинству).

Душою уніатской партіи въ Западной Россіи сдѣлался Кириллъ Терлецкій, епископъ Луцкій, и Ипатій Поцѣй, епископъ Владиміро-Волынскій. Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рагоза, недовольный своей зависимоістю отъ константинопольскаго патриарха, также склонился на сторону униі; а Сигизмундъ III съ радостію принялъ ее подъ свое покровительство. Терлецкій съ Поцѣемъ отправились въ Римъ, и здѣсь отъ имени всѣхъ епископовъ просили папу Климента VIII принять русскую церковь подъ свою верховную власть

(1595 г.). Въ Римѣ торжествовали присоединеніе западно-русской церкви. Но между тѣмъ большинство русскаго духовенства, дворянство и нѣкоторые изъ вельможъ горячо возстали противъ подчиненія папѣ. Для рѣшенія этого вопроса въ слѣдующемъ году собрался соборъ въ Брестѣ.

На этотъ соборъ съѣхались западнорусскіе епископы со многими игумнами и священниками, а также и многіе свѣтскіе вельможи. Соборъ тотчасъ раздѣлился на двѣ половины: православную и униатскую. Душою православной партіи изъ свѣтскихъ вельможъ былъ престарѣлый князь Константинъ Острожскій, воевода кievскій, а изъ духовныхъ львовскій епископъ Гedeонъ Балабанъ. Такъ какъ вельможи по обычаю пріѣхали въ сопровожденіи многочисленной и вооруженной свиты, то окрестности Бреста покрылись шатрами и пушками; униатская партія, гораздо меньшая числомъ, показала безпокойство; но Константинъ Острожскій увѣрилъ ее въ томъ, что со стороны его партіи спокойствіе не будетъ нарушено, и сдержалъ свое слово. Брестъ принадлежалъ къ епархіи Поцѣя, и онъ велѣлъ запереть храмы, чтобы лишить православныхъ возможности собираться въ церкви. Они открыли свои засѣданія въ частномъ домѣ; предѣлательство на этомъ соборѣ предоставлено было экзарху Никифору, уполномоченному константинопольскаго патріарха. Три раза Никифоръ посылалъ звать на совѣщаніе митрополита Рагозу и его соумышленниковъ, но тѣ отказались. Тогда православный соборъ присудилъ митрополита и униатскихъ епископовъ къ лишенію сана, и составилъ протестъ противъ уніи. Униатская партія въ это время имѣла свои особыя засѣданія въ кафедральномъ храмѣ, и съ своей стороны предавала проклятію духовенство, оставшееся вѣрнымъ православію.

Церковная унія была встрѣчена сильнымъ народнымъ недовольствіемъ въ Вильнѣ (гдѣ была тогда резиденція западнорусскихъ митрополитовъ), въ Кіевѣ, Полоцкѣ и другихъ значительныхъ городахъ Западной Руси. Михайлъ Рагоза вскорѣ умеръ; преемникомъ его на митрополичей кафедрѣ былъ Ипатій Поцѣй, который ревностно подвигалъ впередъ дѣло уніи, за что едва не былъ убитъ виленскими гражданами. (Въ Вильнѣ около того времени замѣчательнымъ поборникомъ православія

является краснорѣчивый проповѣдникъ Стефанъ Зизаній). Слѣдующій за Поцѣмъ митрополитъ Веніаминъ Рутскій, человекъ хитрый и дѣятельный, много способствовалъ распространенію уніи въ трудную для нея эпоху, когда православное населеніе повсюду встрѣчало ее враждебно, а большинство русскаго дворянства и казаки готовы были оружіемъ защищать свою старую церковь. Рутскій преобразовалъ уніатское монашество по образцу латинскихъ орденовъ, и назвалъ его орденомъ Василія Великаго (Базиліанскимъ). Между тѣмъ православная церковь оставалась безъ митрополита и епископовъ: старые померли, а новыхъ король не назначалъ. Въ 1620 году іерусалимскій патріархъ Теофанъ на обратномъ пути изъ Москвы пріѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь, по просьбѣ малороссійскаго гетмана Конашевича Сагайдачнаго, онъ посвятилъ Іова Борецкаго на митрополию Кіевскую, Мелетія Смотрицкаго на епископію Полоцкую и также нѣкоторыхъ другихъ епископовъ. Рутскій обратился съ жалобой на то къ королю и папѣ. Король началъ преслѣдовать православныхъ іерарховъ.

Такимъ образомъ въ Западной Руси произошло распаденіе церкви на православную и уніатскую (рядомъ съ третьей—католической). Польское правительство помогало послѣдней и воздвигло открытое гоненіе на первую, въ надеждѣ водворить въ своихъ областяхъ единую вѣру и тѣмъ усилить, укрѣпить государство.

Особою ревностію къ распространенію уніи отличился Іоасафъ Кунцевичъ. Онъ назначенъ былъ уніатскимъ епископомъ въ Полоцкую епархію, и здѣсь встрѣтилъ себя опаснаго соперника въ лицѣ православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго, который своими краснорѣчивыми посланіями сильно противодействовалъ проповѣди Кунцевича. Послѣдній отправился въ городъ Витебскъ; тамъ съ помощью военныхъ людей произвѣдлъ разныя насилія православнымъ, и отнималъ у нихъ церкви, которыя обращалъ въ уніатскія. Православные отказывались посѣщать эти церкви, а ставили за городомъ палатки, и въ нихъ совершали богослуженіе. Наконецъ раздраженная витебская чернь возмутилась, умертвила Кунцевича, и трупъ его бросила въ Западную Двину (1623). За это преступленіе жители помесли тяжкое наказаніе отъ польскаго правительства:

многіе граждане были казнены, и городъ Вытебскъ лишился магдебургскаго права. Тѣло Кунцевича было вынуто изъ рѣки, и погребено съ большою торжественностію; его прославили святымъ мученикомъ, и появились легенды о чудесахъ, совершавшихся надъ его гробомъ. Самъ бывший врагъ его, Мелетій Смотрицкій, потомъ измѣнилъ православію и обратился въ унию; это обращеніе католики и униаты причислили также къ чудесамъ Кунцевича.

Православная партія вступила въ дѣятельную борьбу съ католиками и униатами, стараясь дѣйствовать ихъ же оружіемъ, т. е. проповѣдями, богословскими сочиненіями и основаніемъ школъ для воспитанія юношества въ правилахъ греческой религіи. Изъ такихъ, школъ особенно прославилась въ послѣдствіи Кіевская академія. Самымъ знаменитымъ ректоромъ этой академіи былъ архимандритъ Кіево-печерской лавры Петръ Могила, возведенный потомъ въ санъ кіевского митрополита.

Кіевская академія возникла изъ школы, которая въ концѣ XVI вѣка была основана братствомъ Богоявленской церкви. Въ 1614 году эта школа сгорѣла; но въ слѣдующемъ году одна богатая женщина (Анна Гугулевичевна) возобновила ее на свой счетъ. Процвѣтаніе ея начинается со времени Петра Могила. Фамилія Могиловъ принадлежала къ молдавской аристократіи, и считала между своими членами нѣсколько молдавскихъ и валахскихъ господарей. Въ молодости Петръ Могила служилъ въ польской военной службѣ. Потомъ онъ вступилъ въ Кіево-печерскую лавру, и, благодаря своимъ родственнымъ связямъ съ польскою аристократіей, прямо былъ назначенъ архимандритомъ лавры. Отличаясь усердіемъ къ православію, Петръ Могила немедленно обратилъ вниманіе на просвѣщеніе, какъ на главное средство для борьбы съ унией. Онъ на собственный счетъ отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ иностранныя академіи, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ наставниковъ, и задумалъ устроить особое училище при своемъ монастырѣ; но по просьбѣ Богоявленскаго братства, оставилъ этотъ планъ, и принялъ въ свое завѣдываніе братскую школу. Вскорѣ Могила сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ (1633 г.), и тогда преобразовалъ эту школу въ коллегію, которая устроилась по образ-

цу иезуитскихъ коллегій и академій въ Польшѣ и Западной Европѣ. (Классы шли въ томъ же порядкѣ, какъ и тамъ: нѣмецкая, грамматика, синтаксисъ, логика, риторика, философія и богословіе). Здѣсь также дано было преобладаніе латинскому языку, на которомъ излагалась тогда большая часть наукъ; воспитанники должны были писать латинскія сочиненія и говорить между собою не иначе какъ по латынѣ. (Впослѣдствіи по тому же образцу устроены духовныя училища въ цѣлой Россіи). Важное значеніе Кіевской академіи въ исторіи нашего просвѣщенія видно изъ того, что къ ея воспитанникамъ принадлежали почти всѣ лучшіе духовные писатели и епископы русскіе во второй половинѣ XVII и въ большей части XVIII вѣка.

Западнорусское дворянство при появленіи церковной Уніи довольно усердно заботилось о сохраненіи православія. На Варшавскомъ сеймѣ и въ сенатѣ часто раздавались протесты русскихъ пословъ противъ нарушенія правъ и привилегій, утвержденныхъ прежними королями за русскимъ населеніемъ. Въ царствованіе Сигизмунда III эти протесты по большей части оставались безплодными*. Послѣ его смерти на избирательномъ сеймѣ 1632 года русскимъ посламъ удалось выхлопотать новыя постановленія о свободѣ греческой

* Вотъ что говорить русская шляхта въ своей жалобѣ, поданной сенату на сеймѣ 1623 года:

«Въ теченіе 24 лѣтъ мы, народъ русскій на каждомъ сеймѣ докладывали вамъ о великихъ неправдахъ и притѣвленіяхъ, которыя терпимъ отъ нашихъ отщепенцевъ митрополита и епископовъ (уніатскихъ). Со слезами просили вашу вельможность ходатайствовать передъ его милостію королемъ объ освобожденіи русскаго народа отъ помянутаго угнетенія. Но и донныи не получили просимаго». «Теперь, если русскому шляхтичу старой греческой вѣры приходится хлопотать о должности, то его спрашиваютъ, уніатъ онъ или нѣтъ. Русскому греческой религіи трудно получить не только сенаторское кресло подлѣ короля (прежде на этомъ мѣстѣ мы выдали многихъ такихъ, а теперь ни одного), но и какой бы то ни было земскій или городской урядъ». «Наши отщепенцы во многихъ городахъ отобрали у насъ церкви, а въ другихъ запечатали; духовенству нашему не позволяютъ ни крестить, ни погребать публично. Все это надобно совершать тайномъ, ночью, потому что захваченныхъ при томъ мѣщанъ жестоко наказываютъ, а священниковъ арестуютъ и выгоняютъ изъ города».

церкви. Новый король, Владислав IV, утвердил эти сеймовыя постановленія («конституція»). Но папа Урбанъ VIII объявилъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ; по обыкновению онѣ остались неисполненными; притѣсненія отъ католиковъ и униатовъ продолжались. Между тѣмъ наступившія казацкія и крестьянскія возстанія противъ паневъ пробудили большую часть западно-русскаго дворянства тѣснѣ сблизиться съ польскою шляхтою; а воспитаніе въ иезуитскихъ академіяхъ и коллегіяхъ и желаніе пользоваться всеми шляхетскими привилегіями подготовили переходъ въ католичество. Во второй половинѣ XVII вѣка большинство дворянъ югозападной Руси является уже вполне ополяченнымъ, забывшимъ языкъ и религію своихъ предковъ. Тогда они сдѣлались чуждыми простому народу, который находился у нихъ въ полномъ подчиненіи, но оставался русскимъ и православнымъ*

Такимъ образомъ рушились естественныя связи между высшимъ сословіемъ (аристократіей) и низшими классами въ Западной Россіи.

Положеніе крестьянъ. Послѣ религіи, вторая причина вражды русскаго населенія къ Полякамъ заключалась въ угнетеніи низшаго класса. Въ древнѣйшую эпоху крестьянское или земледѣльческое сословіе («поспольство») пользовалось личною свободою; но по мѣрѣ того какъ аристократія пріобрѣтала болѣе и болѣе политическихъ правъ и шляхетскіе сеймы забирали въ свои руки судьбу государства, крестьяне теряли прежнія вольности. Въ Польшѣ еще ранѣе, нежели въ Россіи, они лишились права свободнаго перехода; когда же прекратилась династія Ягелла и престолъ сдѣлался избирательнымъ, дворянство окончательно закрѣпило ихъ за собою, и къ концу XVI вѣка крестьянское сословіе (получившее общее названіе «хлоповъ») уже находилось въ состояніи рабства. Изъ соб-

* Значительнѣйшія фамиліи Западной Руси, происходившія отъ древнерусскихъ боярскихъ и дворянскихъ родовъ, перемѣнивъ вѣру и языкъ, впоследствии считали себя уже чистыми Поляками. Таковы фамиліи: Огинскихъ, Пачевъ, Хрептовичей, Воловичей, Ходкевичей, Тышкевичей и др. Между прочимъ сынъ знаменитаго ревнителя православія, Константина Острожскаго, еще при жизни отца перешелъ въ латинство

ственной Польши это рабское состояніе перешло и въ западно-русскія области, гдѣ оно была подтверждено юридически Литовскимъ статутомъ. Польскіе паны и ополчившіеся русскіе вельможи, если не уѣзжали за границу или въ главные города королевства, то жили въ своихъ помѣстьяхъ и окружали себя чрезвычайною роскошью; каждый изъ нихъ держалъ въ своемъ замкѣ большое количество слугъ и надворной милиціи—набранныхъ отчасти изъ мелкихъ дворянъ или шляхтичей, такъ что свита знатнаго пана походила на королевскій дворъ въ меньшихъ размѣрахъ. Вся тяжесть огромныхъ панскихъ расходовъ падала на бѣдныхъ хлоповъ, которые были облагаемы множествомъ разнаго рода оброковъ и повинностей. «Крестьяне украинскіе мучились какъ въ чистилищѣ, а помѣщики между тѣмъ блаженствовали какъ въ раю»*. Притомъ же помѣщики обыкновенно не занимались сами управленіемъ своихъ имѣній; а отдавали ихъ въ аренду Евреямъ, которые старались выжнать изъ крестьянъ какъ можно болѣе доходовъ, и притѣсненіями своими доводили ихъ до того, что цѣлыя села иногда пустѣли отъ побѣговъ; одни изъ хлоповъ переселялись въ сѣднее Московское государство, другіе приставали къ казакамъ. Притѣсненія эти особенно усилились съ появленіемъ католицизма и униі, когда между простолюдиномъ и вельможею исчезла религиозная связь, и паны стали смотрѣть на своихъ крестьянъ какъ на еретиковъ. Евреи не замедлили воспользоваться униєю для своего обогащенія; вмѣстѣ съ имѣніями они начали брать на откупъ у помѣщиковъ даже церкви православныхъ, и облагали пошлинами какъ богослуженіе, такъ и разныя церковныя требы.

Евреи встрѣчаются въ югозападной Руси еще въ XI и XII вѣкахъ впрочемъ въ небольшомъ числѣ. Съ XIV вѣка началось сильное переселеніе ихъ въ Польшу и великое княжество Литовское изъ Германіи, гдѣ они терпѣли угнетеніе. Такому переселенію способствовали иѣтогоры гражданскія права, данныя имъ въ Польшѣ королемъ Казиміромъ Великимъ, а въ Ли-

* Это замѣтилъ въ своемъ «Описаніи Украины» французскій инженеръ Болланъ, служившій польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV.

твѣ Витовтомъ. (Говорятъ, побужденіемъ Казимира въ этомъ случаѣ послужила его привязанность къ одной Еврейкѣ). Права ихъ подтвердилъ и расширилъ потомъ Сигизмундъ I; Евреи получили разрѣшеніе свободно заниматься ремеслами и торговлею. Это даровитое племя (историческими судьбами поставленное въ неблагопріятныя отношенія къ другимъ народамъ) мало по малу распространилось по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ Западной Россіи; оно захватило въ свои руки значительную часть торговыхъ оборотовъ. Размноженіе Евреевъ вмѣстѣ съ преобладаніемъ шляхетства и религіозными гоненіями подорвало благосостояніе западно-русскихъ городовъ и привело въ совершенный упадокъ русское мѣщанство, т. е. средній классъ кореннаго населенія. Въ качествѣ ростовщиковъ, арендаторовъ имѣній и содержателей корчмы, Евреи не мало способствовали также объединенію и угнетенію низшихъ классовъ. На сеймахъ противъ нихъ не разъ поднимались жалобы и издавались ограниченія кругу ихъ дѣятельности; но польская аристократія оказывала имъ покровительство. Она постоянно нуждалась въ деньгахъ на свою роскошь, и находила ихъ у Евреевъ; а послѣднимъ предоставляла выжимать доходы изъ своихъ крестьянъ *.

Къ страшному гнету отъ крѣпостнаго состоянія присоединились еще для Русскаго народа обиды и насилія отъ буйныхъ жолнеровъ (наемныя польскія войска), которые разставлены были по областямъ и содержались на счетъ мѣстныхъ жителей.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ религіознаго и политическаго угнетенія было чрезвычайное объединеніе низшаго класса и упадокъ его нравственныхъ силъ, особенно въ Бѣлоруссіи. Но въ Малой Руси это угнетеніе вызвало энергическій отпоръ и кровавую месть со стороны Малороссійскаго казачества.

Малороссійскіе или украинскіе казаки жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (и населяли земли, занимаемыя теперь губерніями:

* Между тѣмъ, не пользуясь правами настоящихъ гражданъ, живя въ отчужденіи отъ народа и въ презрѣніи у шляхты, Евреи сохраняли свой отдѣльный бытъ и свою особую рѣчь (испорченную вѣмецкую); патриотическія стремленія не могли развиваться въ нихъ средѣ, и они невольны получили характеръ чужаднаго растенія въ странѣ, которая сдѣлалась для нихъ новымъ отечествомъ.

Кіевскою, Полтавскою и южною частью Подольской). Польское правительство рано оцѣнило важность этого воинственнаго сословія, которое могло служить государству твёрдымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ; уже Сигизмундъ I старался подчинить казаковъ военной дисциплинѣ и дать имъ опредѣленное устройство. Это устройство было окончено Стефаномъ Баторіемъ, и послѣ него имѣло слѣдующій видъ. Поселенія казаковъ дѣлились на округи или полки, носившіе названія по городамъ (Переяславскій, Черкасскій, Миргородскій и др.), числомъ до 20. Начальникъ или гетманъ всего казацкаго сословія утверждался въ своемъ санѣ королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала войсковая старшина, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ. Стефанъ Баторій однако успѣлъ убѣдиться, что казацкое войско трудно подчинить непосредственной королевской власти и что оно становится опаснымъ для самой Польши; тогда онъ попытался ослабить казачество и задержать его дальнѣйшее развитие учрежденіемъ особаго сословія «реестровыхъ» казаковъ, которыхъ число было опредѣлено сначала въ 6000 человекъ. Реестровые получали отъ правительства жалованье, и составляли отдѣльную дружину, устроенную по образцу венгерской пограничной стражи, называвшейся «гайдуками»; а прочіе казаки по плану короля должны были войти въ сословіе посполитыхъ, т. е. крестьянъ. Но эта мѣра не принесла желанныхъ результатовъ: число казаковъ все болѣе и болѣе возрастало отъ прилива лучшихъ людей изъ сосѣдняго посполства, которое не могло помириться съ своимъ рабскимъ состояніемъ; а казацкіе гетманы, признавая верховную власть короля, часто въ важныхъ дѣлахъ обходились безъ его согласія и даже поступали вопреки его повелѣніямъ.

Отъ украинскихъ или «городовыхъ» казаковъ, проводившихъ жизнь оскѣдную и семейную, надобно отличать тѣхъ, которые обитали далѣе къ югу въ низовьяхъ Днѣпра и носили названіе «низовыхъ» или «Запорожскихъ». Последніе хотя и причислялись къ Польскому государству, но въ сущности составляли сословіе со-

вершенно вольное и не подчинялись никакой посторонней власти. Это была колыбель и расадникъ настоящаго казачества.

Къ югу отъ самарскаго устья, посреди глухихъ степей, Днѣпръ, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней (пороговъ), которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью, отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменныхъ острововъ. Пробившись сквозь каменная тѣснины, рѣка вступаетъ въ широкое русло съ ровными, отлогими берегами, и плавно, тихо течетъ потомъ до самаго лимана; на этомъ теченіи она усѣяна архипелагомъ низменныхъ острововъ, покрытыхъ густымъ высокимъ камышомъ. Эти-то косматые, тинистые острова служили для казацкой вольницы самымъ лучшимъ убѣжищемъ; одни только плоскодонные челны Запорожцевъ могли ходить по неглубокимъ протокамъ между островами, гдѣ они скрывали награбленную добычу. Запорожцы мало по малу образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои оригинальные уставы и обычаи. На одномъ изъ острововъ обыкновенно располагался главный притонъ Запорожцевъ или *Сѣчь* (особенно на островѣ Хортица). Она имѣла видъ укрѣпленнаго лагеря. Верховная власть находилась въ рукахъ казацкаго вѣча или *рады*. Рада избирала главнаго („кошеваго“) атамана, который во время похода пользовался неограниченною властью надъ войскомъ. Сѣчь раздѣлялась „на курени“, которые выбирали себѣ куренныхъ атамановъ. Запорожцы жили въ шалашахъ („коливахъ“), сплетенныхъ изъ хвороста, и сходились обѣдать за общественные столы. Число Запорожскихъ казаковъ не было опредѣлено: въ Сѣчь принимался всякій пришлецъ православной вѣры; онъ оставался здѣсь столько времени, сколько хотѣлъ. Запорожцы вели жизнь холостую, и женщины въ Сѣчь не допускались подъ страхомъ смертной казни.

Запорожье наполнялось обыкновенно людьми самаго безпокойнаго, воинственнаго характера; сюда уходили изъ сосѣднихъ польскихъ и московскихъ областей тѣ, которые не хотѣли сносить угнетеніе въ отечествѣ или отыскивали простора для своей дѣятельности. Запорожцы находились въ тѣсной связи съ Донскими и Ма-

малороссійскими казаками. Вмѣстѣ съ тѣми и другими они нерѣдко на своихъ легкихъ челнахъ («чайкахъ») выплывали на Черное море и грабили турецкіе берега; а въ сосѣднихъ степяхъ происходили постоянныя стычки запорожскихъ отрядовъ съ татарскими наѣздниками*.

Польское правительство, побуждаемое угрозами турецкаго султана, старалось силою удерживать казаковъ отъ походовъ въ Черное море и строило крѣпости около пороговъ; но такія мѣры только усиливали духъ неудовольствія въ казацкомъ сословіи. Когда же къ этимъ мѣрамъ присоединились введеніе Уніи въ Западной Россіи, гоненіе на православіе и угнетеніе народа отъ пановъ, тогда открылся цѣлый рядъ казацкихъ возстаній на Украинѣ. Изъ вождей казацкихъ (въ эпоху отъ 1593 г. до 1638) особенно прославились борьбою съ Поляками: Наливайко, Тарась, Павлюкъ и Острица. Только одинъ изъ малороссійскихъ гетмановъ этой эпохи, Конашевичъ Сагайдачный, оставаясь усерднымъ приверженцемъ православія, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе польскаго правительства и ужиться въ мирѣ съ дворянскою партіей. (Онъ умеръ въ 1622 г.). Возстанія казаковъ сопровождались страшною жестокостію съ обѣихъ сторонъ; при чемъ во владѣніяхъ польскихъ пановъ преимущественно свирѣпствовали мелкія шайки такъ называемыхъ гайдамакъ. Но мало по малу дворянская партія обыкновенно, при помощи наемныхъ регулярныхъ войскъ, брала верхъ надъ толпами мятежниковъ; начальники возстаній подвергались

* Вотъ какимъ образомъ Боплянъ описываетъ степные походы казаковъ и ихъ встрѣчи съ Татарами: „Казакъ, зная, какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ по нимъ въ таборѣ или караванѣ, т. е. между двумя рядами телегъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же, съ дротиками, пиццалими и косами на длинныхъ ратовищахъ, идутъ посреди табора, а вокругъ его ѣдутъ лучшіе наѣзтники. Сверхъ того во всѣ четыре стороны высылаютъ по одному казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается“. „Случалось и мнѣ—прибавляетъ авторъ—съ 50 или 60 казаками переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 человекъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, потому что Татары, только издали грозили нападеніемъ, не подѣзжая однако на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ черезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались“.

лютымъ казнямъ, и Малороссія подпадала еще болѣе тяжкому гнету, чѣмъ прежде. Послѣ неудачнаго возстанія подъ начальствомъ Гуни и Острицы, въ 1638 г., казалось, силы казаковъ были сломлены, и Украина затихла; но, спустя десять лѣтъ, чрезмѣрный гнетъ вызвалъ уже возстаніе всего народа (при Хмѣльницкомъ).

Итакъ объ уни, политическая и религіозная, совершенно не достигли своей цѣли, т. е. окончательнаго отдѣленія Западной Руси отъ Восточной и сліянія съ Польшею въ одно государство, въ одну націю. Напротивъ онѣ породили жестокую борьбу между двумя народами и двумя религіями. Эта борьба пробудила въ югозападной Руси стремленіе къ воссоединенію съ сѣверовосточною, и приготовила паденіе Польши.

IV. ЭПОХА ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ ИЗЪ ДОМУ РОМАНОВЫХЪ.

МИХАИЛЪ ФЕОДОРОВИЧЪ 1613—1645.

Очищеніе государства отъ неприятелей. Въ іюль 1613 года совершилось въ Москвѣ царское вѣнчаніе Михаила Феодоровича. Во время этого торжества, по обычаю, объявлены разныя милости; князь Пожарскій, бывшій прежде стольникомъ, получилъ санъ боярина, а Козьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне и награжденъ помѣстьемъ. Но правительство не могло наградить жалованьемъ ратныхъ людей или предоставить народу льготы отъ податей, потому что казна была совершенно пуста. Отъ имени царя, духовенства и всего земскаго собора посланы были въ главные города (между прочимъ къ богатымъ купцамъ Строгановымъ) грамоты съ просьбою о присылкѣ въ Москву денегъ, хлѣба и разныхъ запасовъ на жалованье войску. Послѣднему предстояло еще много дѣла, потому что внѣшніе и внутренніе враги продолжали пользоваться разстроенымъ состояніемъ государства. Новгородская область находилась въ рукахъ Шведовъ, Смоленскую занимали Поляки, Псковскую разоряли наѣзники Лисовскаго, на юго-востокѣ

господствовалъ атаманъ Заруцкій; а внутри, на всемъ протяженіи государства отъ южныхъ предѣловъ и до самыхъ сѣверныхъ, свирѣпствовали казацкія шайки. Казанскіе, Ногайскіе Татары и волжскіе Черемисы также бунтовали и грабили русскихъ жителей

Первыя усилія правительства были обращены противъ Заруцкаго, который вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ засѣлъ въ Астрахани, и заставлялъ народъ присягать ея маленькому сыну (отъ Лжедмитрія II), объявляя себя правителемъ государства. Онъ созывалъ къ себѣ на службу казаковъ, Ногайскихъ Татаръ, и просилъ помощи у персидскаго шаха. Но еще прежде, нежели подоспѣлъ съ войскомъ князь Одоевскій, отправленный изъ Москвы, астраханскіе жители возстали противъ Заруцкаго, и на помощь къ нимъ явился отрядъ Терскихъ казаковъ подъ начальствомъ Хохлова Заруцкій вышелъ изъ Астрахани, потерпѣлъ пораженіе отъ Хохлова, и съ остатками своего войска бѣжалъ на Яикъ (Ураль); но здѣсь настigli его стрѣльцы, посланные Одоевскимъ, и взяли въ плѣнъ (1614 г.). Заруцкій и сынъ Марины подверглись позорной казни, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ *. Въ концѣ того же года и сѣверная часть государства была очищена отъ казацкихъ шаекъ; успѣшнымъ преслѣдованіемъ этихъ шаекъ отличился князь Лыковъ; недалеко отъ Москвы онъ разбилъ главныя толпы казаковъ, и взялъ въ плѣнъ наиболѣе свирѣпаго изъ ихъ атамановъ, Баловня.

Между тѣмъ самый знаменитый изъ московскихъ воеводъ, князь Пожарскій, напрягалъ свои силы, чтобы уничтожить хищную дружину Лисовскаго, составленную изъ отчаянныхъ удалцовъ разныхъ націй. Необыкновенно быстрыми переходами Лисовскій долго спасался отъ преслѣдованія князя; когда Пожарскій заболѣлъ, дѣло его продолжали другіе воеводы; но они также не могли настичь неутомимаго наѣзника, который описывалъ круги по всему государству, обозначая свой путь грабежемъ и опустошеніемъ. Наконецъ онъ перешолъ за литовскую границу, и только внезапная смерть избавила Россію отъ ея злѣйшаго непріятеля (1616 г.).

* Вслѣдствіи въ Польшѣ нѣкто шляхтичъ Луба былъ выдаваемъ за сына Марины, будто бы спасагося отъ смерти.

Рассказъ одного изъ голландскихъ пословъ (проѣзжавшихъ по сѣверо-западному краю Россіи въ ноябрѣ 1645 г.) даетъ намъ нѣкоторое понятіе о бѣдственномъ состояніи, въ какомъ находились области государства, опустошенныя лисовчниками и казаками. На пути изъ Ревеля въ Новгородъ Голландцы нигдѣ не находили селеній; почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, и только изрѣдка попадался имъ гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. Въ Новгородѣ посольство немного отдохнуло и продолжало путь черезъ Старую Русу; на этомъ пути оно подвергалось самымъ жестокимъ лишеніямъ. Нѣсколько разъ при перѣздѣ черезъ рѣку ломался ледъ, люди и вещи падали въ воду, и путешественники, чтобы просушить платье, должны были зажигать на берегу необитаемыя хижинны. Ночевали они въ опустѣлыхъ деревняхъ, и прежде, нежели войти въ избу, вытаскивали изъ нея трупы жителей, убитыхъ казаками; но скоро невыносимый смрадъ выгонялъ путниковъ изъ избы, и заставлялъ ихъ ночевать на морозѣ. Далѣе Голландцы находились въ постоянномъ безпокойствѣ отъ медвѣдей, волковъ и наѣзтниковъ Лисовскаго.

Борьба съ сосѣдями. Одновременно съ очищеніемъ государства отъ казаковъ шла борьба съ двумя западными сосѣдями Россіи, Швеціею и Польшею, которыя не хотѣли ни оставить своихъ притязаній на московскую корону, ни возвратить захваченныя ими русскія области.

Делагарди, завладѣвъ Новгородомъ, взялъ съ жителей обѣщаніе, что они признаютъ московскимъ государемъ одного изъ сыновей Карла IX. Преемникъ Карла, Густавъ Адольфъ, пригласилъ въ Выборгъ уполномоченныхъ отъ Новгорода и всего русскаго государства, предлагая избрать въ цари своего младшаго брата Филиппа. Но въ Москвѣ въ то время уже царствовалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ; московскіе послы не явились въ Выборгъ, и избраніе Филиппа не состоялось. Тогда Шведы принудили Новгородцевъ присягнуть на подданство самому королю. Московское войско, отправленное подъ начальствомъ князя Трубецкаго, потерпѣло пораженіе отъ Делагарди подъ Бронницами. Самъ Густавъ Адольфъ явилъ

ся на мѣстѣ военныхъ дѣйствій и лично осадилъ Псковъ; но Псковитяне и на этотъ разъ прославили себя мужественною обороною противъ одного изъ величайшихъ полководцевъ своего времени; чѣмъ и способствовали скорѣйшему прекращенію войны. Переговоры со Шведами производились при содѣйствіи Англій и Голландій, которыя хлопотали о мирѣ, имѣя въ виду свои торговые интересы. Посредничествомъ англійскаго посла Джона Мерика наконецъ заключенъ былъ миръ въ селѣ Столбовѣ (недалеко отъ Ладоги, 1617 г.): Шведы возвратили Москвѣ Новгородъ, Ладогу и нѣкоторые другіе города, но обязали ее заплатить 20,000 рублей и удержали за собою все захваченное ими побережье Финскаго залива. Такимъ образомъ Русскіе были совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря *. Впрочемъ московское правительство считало Столбовскій миръ довольно выгоднымъ, потому что оно получало теперь возможность обратить все свои силы противъ врага еще болѣе опаснаго — противъ Польши.

Война съ Поляками шла съ переменнымъ счастьемъ; Русскіе по обыкновенію терпѣли поражение въ открытомъ полѣ, но мужественно отстаивали города; попытки отнять у непріятелей Смоленскъ оставались безъ успѣха. Между тѣмъ московскіе и польскіе уполномоченные сѣхались на литовской границѣ и вели долгіе, но безплодные переговоры о мирѣ при посредничествѣ императорскаго посла (Ганделиуса). Наконецъ война приняла рѣшительный оборотъ, когда королевичъ Владиславъ вмѣстѣ съ гетманомъ Ходкевичемъ двинулся на самую столицу, чтобы здѣсь возложить на себя московскую корону. Во время его похода города Дорогобужъ и Вязьма измѣнили Михаилу и сдались Полякамъ **; но подѣ

* Густавъ Адольфъ очень хорошо понималъ важность этого обстоятельства. Въ своей рѣчи къ шведскимъ государственнымъ чинамъ, по поводу Столбовскаго мира, онъ выразилъ удовольствіе, что Россія болѣе неопасный сосѣдь для Шведовъ. «Теперь — замѣтилъ король — насъ отдѣляютъ отъ нея великія озера Ладожское и Пейпусъ, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильная крѣпости. Слава Богу, Россія отрѣзана отъ Балтійскаго моря, и есть надежда, что Русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

** Малодушные воеводы, бѣжавшіе изъ Вязьмы въ Москву, были строго наказаны: ихъ высѣли вѣнцомъ, лишили недвижимаго имущества и сослали въ Сибирь.

Калугою, гдѣ воеводою былъ князь Пожарскій, Поляки потерпѣли неудачу. На помощь къ Владиславу пришелъ малороссійскій гетманъ Сагайдачный, и они соединенными силами подступили къ Москвѣ. Въ виду такой опасности царь созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и «всякихъ чиновъ людей»; всѣ они единодушно дали ему обѣтъ крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего государя. Приступы Поляковъ къ воротамъ столицы были отбиты; попытка овладѣть Троицею лаврою также не удалась. Тогда Владиславъ вступилъ въ переговоры, и въ селѣ Деулинѣ (подлѣ Троицы) было заключено перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (1618 г.). По этому перемирію Смоленскъ и часть Сѣверской области остались за Польшею. Въ числѣ плѣнныхъ, которыхъ Поляки разбѣжали на Струся и его товарищей, возвратился въ Россію отецъ государя митрополитъ Филаретъ.

Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. По смерти Гермогена патріаршій престолъ оставался незанятымъ, потому что въ Москвѣ дожидались отца государева, и, когда митрополитъ воротился изъ плѣна, ему немедленно предложили санъ патріарха. Послѣ обычныхъ отрицаній Филаретъ согласился и былъ посвященъ (1619 г.). Опытный въ дѣлахъ политическихъ, Филаретъ скоро приобрѣлъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ: онъ укрѣпилъ московское самодержавіе, ослабленное въ эпоху смуты, и до самой смерти своей (1633 г.) оставался полнымъ руководителемъ Михаила, отличавшагося мягкостію характера и великою сыновнею преданностію. Въ государственныхъ грамотахъ писались рядомъ имена отца и сына («Государь царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи»).

Главныя заботы царя и патріарха обратились на приведеніе въ порядокъ хозяйственной части, которая послѣ Смутнаго времени находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Собраніе податей представляло большія затрудненія, потому что очень многіе города и села были разорены, а жители ихъ разбѣжались. Изъ дальнихъ областей многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, пере-

ѣхали въ Москву и въ ближайшіе города, и укрывались здѣсь у своихъ родственниковъ или друзей. Нѣкоторые тяглые люди избавляли себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что записывались за боярами, духовенствомъ или монастырями; остальные же, указывая на свое разореніе, безпрестанно просили царя о дарованіи имъ разныхъ льготъ. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ присылались въ Москву жалобы на обиды и насилія отъ воеводъ и приказныхъ людей. Для обсужденія мѣръ противъ такой безурядицы государи неоднократно созывали земскую думу. Рѣшено было составить по областямъ точныя росписи (или «писцовыя книги») и распредѣлить подати сообразно съ имуществомъ жителей. Съ этою цѣлью во всѣ города посылались писцы и дозорщики. Но они по большей части недобросовѣстно исполняли свое дѣло, и ради посуловъ накладывали подати на кого легче, на кого тяжеле (хотя воеводамъ и приказнымъ людямъ подъ страхомъ жестокаго наказанія запрещалось брать посулы, а жителямъ давать ихъ). Тяглыхъ людей, уклонявшихся отъ налоговъ, велѣно было возвращать на свои мѣста. Замѣчательна также слѣдующая мѣра правительства: приказано было изъ каждаго города взять въ Москву по одному человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по два изъ посадскихъ людей, которые могли бы сообщить правительству точныя свѣденія о состояніи областей и о способахъ помочь разореннымъ жителямъ. Выборные начальники въ областяхъ по большей части были отмѣнены, и мѣсто ихъ заступили царскіе воеводы.

Съ воцареніемъ Михаила возобновились и прерванныя въ Смутную эпоху дружественныя сношенія съ иностранными державами. Такъ во время Польской войны персидскій шахъ Аббасъ и англійскій король Іаковъ I помогли Михаилу деньгами. Но когда посольство Іакова Джонъ Мерикъ попросилъ для англійскихъ купцовъ свободнаго безпошлиннаго пути по Волгѣ въ Персію, царь, отобравъ мнѣніе московскихъ купцовъ, не согласился дать Англичанамъ безпошлинный путь. При Михаилѣ московское правительство въ первый разъ обмѣнялось посольствами съ Французскимъ дворомъ.

Смоленскъ и Азовъ. Деулинское перемиріе не прекратило враждебныхъ отношеній между Москвою и Польшею; они скоро возобновились, потому что Поляки все еще не хотѣли признать Михаила, а Владиславъ продолжалъ носить титулъ царя и великаго князя Московскаго. Къ тому же потеря Смоленска и другихъ русскихъ городовъ была очень чувствительна для московскаго правительства, и оно ожидало только удобнаго случая къ новой войнѣ. Спустя три года послѣ перемирія, турецкій султанъ предложилъ союзъ противъ Польши; царь и патріархъ созвали земскій соборъ, на которомъ рѣшено было принять предложеніе султана. Но Турки помирились съ Поляками, и Москва отложила войну до болѣе благоприятнаго времени, а между тѣмъ постепенно приготавливала для нея средства. Видя, какъ далеко Русскіе уступаютъ западнымъ сосѣдямъ въ военномъ искусствѣ, правительство наняло въ свою службу нѣсколько тысячъ иноземныхъ солдатъ, выписало изъ-за границы большіе запасы огнестрѣльнаго оружія, и поручило даже иностраннымъ офицерамъ учить русскихъ ратныхъ людей европейскому строю.

Въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III (1632 г.). Пока собирався сеймъ, чтобы избрать ему преемника, Москва воспользовалась временемъ междуцарствія и двинула свои войска на западныя границы. Главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ Шейнъ, прославившій себя въ Смутную эпоху защитою Смоленскѣ и вмѣстѣ съ Филаретомъ освобожденный изъ польскаго плѣна. Война началась удачно: болѣе 20 городовъ и мѣстечекъ перешли въ руки Москвитянъ; Шейнъ осадилъ Смоленскъ. Городъ едва держался отъ голода, и уже готовъ былъ сдаться, когда на помощь гарнизону пришелъ Владиславъ, избранный сеймомъ на польскій престолъ. Съ приходомъ короля обстоятельства перемѣнились: Русскіе, отбитые отъ Смоленска, заперлись въ окопахъ, и въ свою очередь были осаждены Поляками. Между тѣмъ Крымцы сдѣлали набѣгъ на московскую крайну; услыхавъ о томъ, многіе украинскіе помѣщики уѣхали изъ русскаго лагеря. Въ самомъ лагерѣ происходили смуты; иностранные полковники и генералы не скрывали своего презрѣнія къ московскому войску, и нерѣдко отка-

зывали въ повиновеніи главному воеводѣ; къ тому же въ лагерѣ начался голодъ и сильная смертность. Наконецъ Шейнъ, оказавшійся неискуснымъ предводителемъ въ открытомъ полѣ, вошелъ въ переговоры, согласился оставить Полякамъ весь свой обозъ и артиллерію, и отступилъ, преклонивъ знамена передъ королемъ. По возвращеніи въ столицу несчастные московскіе воеводы были обвинены въ измѣнѣ; Шейну и нѣкоторымъ изъ его товарищей отрубили головы, другихъ сослали въ Сибирь *. По слѣдамъ отступившаго войска король двинулся въ Россію, но подъ стѣнами крѣпости Бѣлой потерпѣлъ неудачу. Угрожаемый въ то же время со стороны Турціи, онъ предложилъ миръ, который и былъ заключенъ на рѣкѣ Полянковѣ (1634 г.). Этимъ миромъ подтверждены были статьи Деулинскаго договора; кромѣ того Русскіе заплатили 20,000 рублей, а Владиславъ отказался отъ своихъ правъ на московскій престолъ.

Въ концѣ Михайлова царствованія Россія едва не вступила въ борьбу съ Турками. Поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ служили съ одной стороны непрерывные набѣги Крымскихъ Татаръ на московскія украины, откуда они уводили множество плѣнныхъ и продавали ихъ потомъ на азіатскихъ рынкахъ. Напрасно московское правительство старалось удержать Крымцевъ подарками («поминками»), которые почти ежегодно посылало хану и его главнымъ мурзамъ; тщетно просило оно и турецкаго султана, чтобъ онъ запретилъ Татарамъ набѣги. Съ другой стороны и султанъ также тщетно требовалъ отъ московскаго правительства, чтобъ оно не допускало Донскихъ казаковъ выходить въ Черное море и грабить турецкіе берега.

Недовольствуясь одною мелкою войною, казаки взяли сильную турецкую крѣпость Азовъ, и геройски отразили войска, пришед-

* Обвиненіе въ измѣнѣ по всей вѣроятности ложное; бояре ненавидѣли Шейна за его надмѣнность и воспользовались случаемъ ему отомстить. Надмѣнность свою онъ вполне выказалъ передъ смоленскимъ походомъ. Когда государь отпускалъ его въ походъ и давалъ ему цѣловать руку, Шейнъ съ большою гордостью высчитывалъ свои заслуги, и говорилъ, что прежнюю службою онъ выше всей своей братьи-бояръ; что въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре «по запечью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя».

шія на выручку крѣпости. Предвидя, что непріятель возвратится еще съ большими силами и что имъ однимъ невозможно будетъ бороться долгое время, казаки отправили посольство въ Москву бить челомъ государю, чтобъ онъ принялъ Азовъ «подъ свою высокую руку» и прислалъ бы имъ помощь. Москва понимала, что, владѣя Азовомъ, она легче могла удерживать Татаръ отъ набѣговъ; но занятіе этого города вело за собою неизбѣжную и трудную войну съ могущественнымъ турецкимъ султаномъ, для чего потребны были большія военныя силы и огромныя издержки. Чтобы рѣшить этотъ важный вопросъ, царь созвалъ великую земскую думу (1642 г.).

Великая земская дума состояла изъ высшаго духовенства, думныхъ людей и выборныхъ отъ разныхъ сословій государства; число выборныхъ на этотъ разъ простиралось до 192 (тутъ были: стольники, московскіе дворяне, дьяки, стрѣлцкіе головы, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ 42 провинціальныхъ городовъ, торговыя сотни и посадскіе люди). 3 января они собрались въ „Столовой избѣ“, и здѣсь думный дьякъ Лихачевъ отъ имени царя предложилъ имъ на обсужденіе азовскій вопросъ раздѣленный на два пункта: 1) принять ли Азовъ отъ казаковъ? и 2) если принять, будетъ война съ Турками, въ такомъ случаѣ гдѣ взять для нея запасовъ и денегъ? На этотъ вопросъ потомъ каждое сословіе отдѣльно давало письменные отвѣты. Предоставляя рѣшеніе дѣла на государеву волю, всѣ сословія изъявили готовность по мѣрѣ своихъ средствъ жертвовать на военныя издержки. Служилые люди охотно вызывались идти противъ „дечестивыхъ бусурманъ“, и предлагали государю сдѣлать чрезвычайный сборъ денегъ съ духовенства, монастырскихъ вотчинъ, съ торговыхъ и приказныхъ людей; но въ то же время они жаловались на свою бѣдность и на разные государственные безпорядки. Такъ дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ указывали на лихоимство дьяковъ и подъячихъ: по ихъ словамъ, приказные люди, разбогатѣвъ взятками, накупили себѣ много вотчинъ, и построили прекрасные каменные дома („палаты каменныя такія, что неудобъ сказаемыя“), которыхъ въ прежнее время и у знатныхъ людей не было. Дворяне и дѣти боярскіе южныхъ городовъ жаловались, что они, хуже нежели отъ турецкихъ и крымскихъ бусурманъ,

разорены отъ московскихъ несправедливыхъ судовъ (отъ „московской волокиты“). Торговые люди указывали на свое разореніе, причиненное многочисленными поборами въ прежнее военное время, соперничествомъ (въ торговлѣ) Нѣмцевъ и Персіянъ и воеводскими притѣсненіями. Сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ говорили, что тяглые люди „обнишали“ отъ великихъ пожаровъ, отъ царской службы (въ цѣловальникахъ), отъ тяжкихъ податей и повинностей*.

Изъ отвѣтовъ выборныхъ людей ясно было, что государство все еще находится въ разстроенномъ состояніи и имѣеть слишкомъ мало средствъ для борьбы съ Турками; притомъ же посланные осматривать Азовъ донесли, что укрѣпленія его всѣ разбиты. Тогда царь велѣлъ казакамъ его оставить; казаки послушались, и, уходя, окончательно разорили городъ.

Михаиль Феодоровичъ былъ женатъ два раза, и отъ второй его супруги Евдокіи Стрѣшневой онъ имѣлъ сына Алексѣя. 12 іюня 1645 года государь скончался; одинъ приближенный бояринъ (Никита Ивановичъ Романовъ), вышедъ изъ царской спальни, возвѣстилъ о его кончинѣ, и первый присягнулъ шестнадцатилѣтнему царевичу Алексѣю; примѣру боярина послѣдовали всѣ придворные чины, потомъ присягнула Москва, за ней вся Россія.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ 1645—1676 г.

Морозовъ и внутреннія смуты. Характеромъ своимъ молодой государь во многомъ напоминалъ добродушнаго отца, и подобно ему почти всегда нуждался въ руководителяхъ. Воспитатель Алексѣя, бояринъ Морозовъ, пользуясь привязанностію и полною довѣренностію своего воспитанника, не замедлилъ приобрести исключительное вліяніе на управленіе государствомъ. Спустя три года послѣ своего воцаренія, Алексѣй вступилъ въ бракъ съ дочерью стольника Милославскаго; а Морозовъ вслѣдъ за тѣмъ женился на ея сестрѣ**.

* Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ, изданныхъ графомъ Румянцевымъ. Часть 3.

** Выборъ царской невѣсты между дочерью боярскими и дворянскими былъ всегда важнымъ вопросомъ при московскомъ дворѣ, потому что вѣстѣ съ

Внутреннее состояніе Московскаго государства все еще носило на себѣ слѣды Смутной эпохи, и бѣдствія, на которыя жаловались выборные люди 1642 года, продолжались: народъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ и повинностей, все болѣе и болѣе возраставшихъ; такъ между прочимъ наложена была новая пошлина на соль — одинъ изъ предметовъ первой необходимости. Налоги эти вмѣстѣ съ притѣсненіями приказныхъ людей произвели сильное народное неудовольствіе, которое разрѣшилось наконецъ открытымъ мятежемъ московской черни (лѣтомъ 1648 года).

Царскій тестъ Милославскій, опираясь на расположеніе Морозова, спѣшилъ замѣстить важнѣйшія государственныя должности своими корыстолюбивыми родственниками. Между послѣдними особенную ненависть народа навлекли на себя непомѣрнымъ лихоимствомъ окольнічіе Плещеевъ и Траханиотовъ; первый начальствовалъ въ Земскомъ приказѣ, второй въ Пушкарскомъ. Обиженные нѣсколько разъ подавали боярамъ жалобы для передачи царю; но жалобы ихъ до царя не достигали. Выведенный изъ терпѣнія, народъ поднялъ мятежь, умертвилъ Плещеева, думнаго дьяка Чистаго, разграбилъ домъ правителя Морозова и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ. На другой день въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ; за нимъ послѣдовало опять возмущеніе. Мятежники потребовали выдачи Траханиотова и сего правителя, который скрылся во дворецѣ. Пришелъ наемный нѣмецкій отрядъ и расположился стражею вокругъ дворца; тогда на площадь выѣхалъ двоюродный царскій дядя Никита

невѣстою приближался къ престолу и весь ея родъ, часто весьма незначительный до того времени. Поэтому женитьба царя рѣдко обходилась безъ разныхъ происковъ и хитростей. Такъ, первая невѣста Михаила Теодоровича, дѣвица Хлопова, будучи уже взята во дворецъ, вдругъ послѣ одного желудочнаго припадка, объявлена неизлечимо больною, за что ее вмѣстѣ съ родными сослали въ Сибирь. Въ послѣдствіи патриархъ Филаретъ изслѣдовалъ это дѣло, и тутъ обнаружались проски приближенныхъ къ царю бояръ Саалтыковыхъ. То же несчастіе случилось и съ первою невѣстою Алексѣя; изъ 200 дѣвицъ выборъ его палъ на дочь дворянина Всеволожскаго; узнавъ о своемъ счастьи, дѣвушка отъ сильнаго волненія упала въ обморокъ; ее обвинили въ падучей болѣзни, и вмѣстѣ съ родными отправили въ Сибирь. По другому извѣстію, Всеволожскую испортили изъ зависти жившія во дворцѣ боярыни.

Ивановичъ Романовъ, болѣе другихъ вельможъ любимый народомъ; держа въ рукахъ свою боярскую шапку, онъ уговаривалъ толпу разойтись, общая отъ имени царя исполненіе народныхъ желаній. Толпа послушалась. Траханиотовъ дѣйствительно былъ казненъ; но Морозова царь поспѣшилъ спасти, отославъ его тайно на сохраненіе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

Когда волненіе успокоилось и мѣста ненавистныхъ чиновниковъ заняли люди, слывшіе добрыми и угодными народу, царь однажды во время крестнаго хода, обратился къ толпѣ съ рѣчью. Онъ изъявилъ сожалѣніе о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались его именьемъ, но безъ его вѣдома; обѣщалъ понизить цѣну на соль, уничтожить монополіи; а въ заключеніе, со слезами на глазахъ просилъ не требовать выдачи Морозова, его воспитателя и втораго отца. Умиленный народъ отвѣчалъ восклицаніями: „да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!“ Морозовъ воротился въ Москву; не занимая болѣе мѣсто правителя, онъ продолжалъ еще нѣкоторое время быть главнымъ совѣтникомъ Алексѣя, и, говоря, успѣлъ даже заслужить народное расположеніе.

Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ (Сольвычегодскѣ и Устюгѣ) около того же времени произошло возмущеніе противъ нелюбимыхъ чиновниковъ: а спустя два года послѣ московскихъ событій, вспыхнулъ мятежъ въ древнихъ вѣчевыхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Новгородцы бросились на нѣмецкихъ купцовъ, ограбили ихъ и заключили въ тюрьму; однако здѣсь мятежъ скоро былъ укрощенъ твердостью митрополита Никона. Митрополитъ при этомъ случаѣ подвергся даже побоямъ и поруганію; но до тѣхъ поръ не переставалъ уговаривать мятежниковъ, пока они не смирились и не выдали главныхъ зачинщиковъ. Возмущеніе въ Псковѣ продолжалось долѣе, и было усмирено только при помощи военной силы*.

* Во Псковѣ поводомъ къ мятежу послужило слѣдующее обстоятельство. Москва обязалась заплатить Шведамъ значительную сумму денегъ (191,000 рубл.) за тѣхъ переселенцевъ, которые перешли въ Россію изъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру. Часть суммы положено было уплатить хлѣбомъ, и когда правительство велѣло отпустить Шведамъ 11,000 четвертей хлѣба изъ псковскихъ житницъ, граждане возмущались и умертвляли многихъ нелюбимыхъ чиновниковъ.

Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затру-
денія. Когда затихъ мятежъ московской черни, вызванный дур-
нымъ управленіемъ Морозова и притѣсненіями приказныхъ людей,
государь, по совѣту съ высшимъ духовенствомъ и думными людьми
приступилъ къ слѣдующей законодательной мѣрѣ. Онъ велѣлъ вы-
писать разныя статьи изъ отцевъ церкви, законовъ греческихъ
царей и изъ Литовскаго Статута; потомъ собрать указы русскихъ
государей и боярскіе приговоры, и, свѣривъ съ ними прежніе су-
дебники, исправить ихъ и дополнить недостающими статьями. Но-
вый сводъ статей названъ Соборнымъ Уложеніемъ: для
утвержденія его былъ созванъ царемъ земскій соборъ изъ выборныхъ
людей отъ разныхъ сословій. Выборные люди собрались въ «От-
вѣтной палатѣ» подъ предсѣдательствомъ князя Юрія Долгорукаго.
Здѣсь имъ прочли Уложеніе, составленное московскими боярами и
дьяками, и дали всѣмъ подписать (1649 г.)*. Впрочемъ законода-
тельная дѣятельность Алексѣя Михайловича не ограничилась од-
нимъ Уложеніемъ; впоследствии имъ изданы были еще многіе указы
(напр. о татевныхъ дѣлахъ, о разбойныхъ, о фальшивой монетѣ)
и уставы (ратный, торговый, писцовый, и др.).

Въ одинъ годъ съ изданіемъ Уложенія совершилась важная мѣра
относительно внѣшней торговли. Еще при Михаилѣ Феодоровичѣ
русскіе купцы жаловались на привилегіи, данныя Англичанамъ:
последніе, владѣя правомъ беспошлинной торговли и огромными
капиталами, захватили въ свои руки почти всѣ главные коммерче-

* Составленіе этого свода поручено было тремъ боярамъ (князьямъ: Одоев-
скому, Прозоровскому, Волконскому) и двумъ дьякамъ (Леонтьеву и Грибоѣ-
дову). Подлинный списокъ Уложенія подписанъ 315 членами собора. Оно раз-
дѣлено на 26 главъ и на 967 статей. Вотъ нѣкоторыя заглавія: о богохуль-
ныхъ и о церковныхъ мятежникахъ, о государственной чести и какъ его госу-
дарское здравіе оберегати, о службѣ всякихъ ратныхъ людей, о судѣ, о по-
мѣстныхъ земляхъ, о вотчинахъ и т. д.

Уложеніе сравнительно съ судебниками представляетъ дальнѣйшее развитіе
московскаго самодержавія и государственнаго значенія греческой церкви. Здѣсь
также отразилась современная грубость и жестокость нравовъ: въ судопроиз-
водствѣ господствуютъ лютыя казни, пытки и беспощадные батоги (палки).
Самыя тяжкія наказанія назначены за оскорбленіе церкви, за оскорбленіе цар-
скаго имени и за умыселъ противъ государя (государево слово и дѣло).

скіе обороты, такъ что русскимъ купцамъ оставалась только мелочная торговля. Алексѣй Михайловичъ наконецъ внялъ этимъ жалобамъ; онъ воспользовался смутнымъ временемъ въ Англіи (гдѣ происходила тогда революція), и выдалъ указъ, по которому англійскіе купцы высылались изъ внутреннихъ областей государства; имъ позволено было приставать только въ Архангельскѣ и тамъ производить торговлю съ платою обыкновенной пошлины. Въ числѣ причинъ, побудившихъ къ такому указу, упомянуты слѣдующія злоупотребленія: тайный привозъ въ Россію табаку и другихъ запрещенныхъ товаровъ, равно вывозъ изъ Россіи заповѣдныхъ товаровъ (напр. шелку сырцу), и наконецъ уголовное преступленіе всѣхъ Англичанъ, которые «учинили большое злое дѣло: короля своего Карлуса убили до смерти».

Этотъ указъ не остался безъ нѣкотораго вліянія на послѣдующія за тѣмъ финансовыя затрудненія. Съ удаленіемъ Англичанъ изъ внутреннихъ городовъ приливъ иностраннаго серебра въ Россію значительно уменьшился; а начавшіяся вскорѣ войны съ Польшею потребовали большихъ усилій и огромныхъ издержекъ со стороны государства *. Когда недостатокъ серебряной монеты сдѣлался весьма ощутителенъ, царь, по совѣту окольничаго Ртищева, приказалъ чеканить мѣдныя копейки, которыя должны были ходить въ равной цѣнѣ съ серебряными (1655 г.). Сначала эта мѣра удалась: мѣдная и серебряная монета ходила въ равной цѣнѣ, потому что обменъ одной на другую совершался безпрепятственно. Но монетнымъ дѣломъ завѣдывали люди невѣжественные и корыстолюбивые, именно тесть царя Милославскій съ своими родственниками; они начали собирать всѣ серебрянныя деньги въ казну, а въ выпускѣ мѣд-

* Московское государство почти не имѣло собственныхъ драгоцѣнныхъ металловъ, потому что не было людей, которые умѣли бы отыскивать и разрабатывать руды: главный матеріалъ для выпуска звонкой монеты доставляла торговля съ иностранцами. Иноземные купцы (англійскіе, голландскіе, ганзейскіе) вхѣстѣ съ товарами обязывались привозить и серебро въ разныхъ видахъ, т. е. монетою и слитками; пошлина съ товаровъ собиралась также серебряными деньгами. Все это серебро московское правительство перечеканивало въ русскую монету съ значительною для себя выгодой: напримѣръ, голландскій ефимокъ принимался въ казну за 42 копейки; а перечеканный ходилъ 64 копейки.

ныхъ не соблюдали никакой умѣренности; сюда не замедлило присоединиться и большое количество поддѣльной монеты. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ безпорядковъ было весьма быстрое пониженіе въ цѣнѣ мѣдныхъ копейекъ сравнительно съ серебряными, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ первыя сдѣлались въ пятнадцать разъ дешевле послѣднихъ. Зло не прекращалось, не смотря на строгія наказанія фальшивыхъ монетчиковъ (имъ заливали горло растопленнымъ металломъ); при томъ же главные виновники зла оставались безнаказанными, потому что давали взятки начальникамъ монетнаго дѣла. Необходимые припасы и всѣ товары сдѣлались страшно дороги; отъ этой дороговизны болѣе всего терпѣли люди служилые, которые получали жалованье монетою по ея номинальной цѣнѣ; государству угрожало всеобщее разореніе. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ, который перешедъ наконецъ въ открытый мятежъ. Московская чернь бросилась въ село Коломенское (любимое лѣтнее мѣстопробываніе Алексѣя Михайловича), и потребовала отъ царя выдачи нѣкоторыхъ ненавистныхъ бояръ (Милославскихъ, Ртищева и др.). Царь велѣлъ окружавшимъ его стольникамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и подоспѣвшему отряду стрѣльцовъ ударить на толпы мятежниковъ; часть ихъ была избита или захвачена, остальные разсѣялись въ бѣгствѣ (1662 г.). Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ указъ, которымъ мѣдныя деньги отмѣнялись, и всѣ уплаты приказано производить прежнею серебряною монетою. Но государство не скоро могло оправиться отъ сильнаго финансоваго разстройства; множество людей погибло въ это несчастное время отъ казней и ссылки; многія семейства подверглись совершенному разоренію.

Разияъ, казацкое и крестьянское движеніе. Вообще царствованіе Алексѣя Михайловича кромѣ внѣшнихъ войнъ обильно разными мятежами внутри государства. Правительство легко усмиряло отдѣльныя попытки нѣкоторыхъ городовъ; побѣда же надъ казацкимъ движеніемъ требовала значительныхъ усилій *.

* Мятежи XVII столѣтія считаются нѣкоторыми за отголосокъ Смутной эпохи; но въ сущности они были продолженіемъ борьбы между старыми удѣль-

Въ XVII столѣтїи казачество охватило уже всю юго-восточную полосу Россїи отъ береговъ южнаго Буга до Яика, перешло за Яикъ и проникло въ отдаленную Сибирь; центромъ его въ Московской Руси была равнина рѣки Дона. Въ царствованіе Михаила Феодоровича Донскіе казаки окончательно признали надъ собою власть Москвы, обѣщая прекратить свои разбои и нападенія на сосѣдей; но подобныя обѣщанія исполнялись весьма рѣдко. На Дону, какъ и въ Малой Россїи, казачье сословіе распадалось на двѣ главныя партїи: казачковъ зажиточныхъ или «домовитыхъ» и бѣдныхъ или «голутвенныхъ» (голь). Между тѣмъ какъ первые были наклонны болѣе къ сохраненію порядка и къ повиновенію московскому правительству, вторые составляли толпу людей безпокойныхъ, всегда искавшихъ случая погулять на чужой счетъ («добыть себѣ зипунъ», какъ они выражались). Число голутвенныхъ постоянно увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холопей, крестьянъ и посадскихъ людей изъ Московскаго государства. Донъ не выдавалъ назадъ подобныхъ бѣглецовъ, и, приставши къ какой нибудь станицѣ, они считались уже вольными казаками. Вся эта голутвенная вольница ожидала только достойнаго предводителя, чтобы собраться вокругъ него для разбоя и для войны съ государствомъ. Такой предводитель явился въ лицѣ простаго казака Степана Разина.

Говорятъ, ненависть къ московскому правительству и жажда мести зародились въ душѣ Разина во время второй Польской войны, когда старшій его братъ за нарушеніе военной дисциплины погибъ на висѣлицѣ по приказанію воеводы Долгорукаго. Своею дикою, неукротимою энергіею и физическою силою Стенька Разинъ рѣзко выдавался изъ толпы товарищей, и ему не трудно было собрать шайку изъ нѣсколькихъ сотъ подобныхъ себѣ удалцовъ. Онъ бросился на Волгу, разграбилъ караванъ судовъ, плившихъ въ Астрахань съ разными припасами и товарами, и пробрался на Яикъ, гдѣ шайка его быстро увеличилась новыми охотниками (1667 г.). Отсюда казаки Каспійскимъ

но-вѣчевыми обычаями и московскимъ государственнымъ порядкомъ который все болѣе и болѣе проникалъ въ народную жизнь и закрѣплялъ за собою народныя силы.

морем поплыли на югъ, разгромили берега Персїи, и съ богатою добычею пришли къ устью Волги. Астраханскій воевода объявилъ атаману, что государь прощаетъ казаковъ и позволяетъ имъ спокойно воротиться назадъ, если они выдадутъ персидскихъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ служилыми людьми и пушками, захваченными по городамъ и царскимъ судамъ. Разинъ принялъ это предложеніе и принесъ повинную; впрочемъ далеко не выполнилъ всѣхъ условій. Когда же онъ воротился на Донъ, слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, со всѣхъ сторонъ привлекала къ нему голутвенныхъ людей; въ числѣ другихъ явились и многіе Запорожцы. Своимъ привѣтливымъ обращеніемъ атаманъ умѣлъ снискать чрезвычайное расположеніе толпы, и скоро увидѣлъ себя во главѣ значительнаго войска.

Разглашая повсюду, что идетъ противъ нелюбимыхъ московскихъ бояръ, Разинъ лѣтомъ 1670 года опять появился на Волгѣ, взялъ Царицынъ и двинулся на Астрахань. Здѣсь стрѣльцы и чернь перешли на сторону казаковъ, такъ что этотъ важный городъ былъ взятъ почти безъ бою. Начальники и лучшіе люди большею частію перебиты, имущество ихъ и купеческія лавки разграблены; а жители астраханскіе присоединились къ войску Разина и получили казацкое устройство. Отсюда атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару, и пошелъ далѣе, распуская слухъ, будто при немъ находится царица Алексѣя (незадолго умершій) и патриархъ Никонъ (лишенный сана). Приверженцы Разина разсѣялись по областямъ Московскаго государства, и подстрекали простой народъ къ возстанію противъ бояръ и приказныхъ людей. обѣщая всѣмъ казацкую вольность. Мятежъ быстро охватилъ все пространство между Окою и Волгою; крестьяне убивали помѣщиковъ, въ городахъ чернь свирѣпствовала противъ лучшихъ людей; возмутились и приволжскіе инородцы (Черемисы, Чуваши, Мордва, Татары). Силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ. Но достаточно было одной неудачи, чтобы исчезло довѣріе народа къ дѣлу казаковъ, чтобы обнаружилась для нихъ вся невозможность побѣдить окрѣпшій государственный порядокъ. Подъ Симбирскомъ Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ князя Бяратинскаго, у котораго

часть войска была обучена европейскому строю; тогда Разинъ, оставивъ крестьянъ на жертву воеводамъ, бѣжалъ съ казаками на родину, и попытался поднять весь Донъ. Но здѣсь главный атаманъ Донскаго войска Яковлевъ, съ помощью домовитыхъ казаковъ, схватилъ Разина, и отослалъ его въ Москву для казни (1671 г.).

Между тѣмъ царскіе воеводы, послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ толпами крестьянъ и инородцевъ, успѣли подавить возстаніе внутри государства. Только въ Астрахани нѣкоторое время еще свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, который, въ числѣ другихъ злодѣйствъ, подвергъ пыткѣ астраханскаго митрополита Юсифа и велѣлъ сбросить его съ колокольни. Но вскорѣ Астрахань также сдалась московскимъ воеводамъ, и главные мятежники были казнены. Во время мятежа, произведеннаго Разинымъ, какъ говорятъ, погибло до 100,000 человекъ. (Атаманъ и его удалые товарищи сдѣлались героями многочисленныхъ пѣсень, и воспоминаніе о Разинѣ до сихъ поръ еще живетъ въ Русскомъ народѣ).

Патріархъ Никонъ и дѣла церковныя. Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ одного крестьянина Нижегородской области (мордовскаго происхожденія), и родился въ началѣ Смутнаго времени. Съ дѣтства онъ уже показывалъ присутствіе сильной воли, необыкновенныя способности и наклонность къ монашеской жизни. Мальчикъ выучился грамотѣ, что было рѣдкостью въ крестьянскомъ быту; но гоненія, которыя онъ терпѣлъ въ своей семьѣ отъ мачихи, не остались безъ дурнаго вліянія на его характеръ. По просьбѣ родственниковъ Никита женился, а грамотность доставила ему мѣсто священника. Проживъ 10 лѣтъ съ женою и потерявъ всѣхъ дѣтей, Никита убѣдилъ жену вступить въ монастырь, а самъ ушелъ въ скиты на Бѣлое море и тамъ постригся. Слава о его умѣ и строгой иноческой жизни скоро достигла Москвы; набожный Алексѣй Михайловичъ перевелъ Никона архимандритомъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей, часто призывалъ его во дворецъ для бесѣды, и вообще началъ оказывать ему большое довѣріе. Скоро Ни-

конъ былъ посвященъ митрополитомъ въ Новгородъ, гдѣ неограничился церковнымъ управленіемъ, но приобрѣлъ вліяніе и на дѣла гражданскія; а уваженіе къ нему царя еще болѣе усилилось послѣ извѣстнаго новгородскаго мятежа, который былъ усмирень твердостію митрополита. Когда же въ Москвѣ скончался патриархъ Іосифъ, престолъ патриаршій предложили Никону; онъ отвѣчалъ отказомъ на это предложеніе. Въ Успенскомъ соборѣ царь и окружавшіе его со слезами умоляли митрополита не отказываться. Послѣдній, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: «будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ согласился, и былъ посвященъ (1652 г.).

Царь вполне подчинился вліянію новаго патриарха, оказывалъ ему неограниченное довѣріе, а во время своихъ отлучекъ поручалъ управленіе почти всѣмъ государствомъ. Подобно отцу Михаила Ѳеодоровича, Никонъ въ грамотахъ сталъ писаться «великимъ государемъ». Изъ церковныхъ его дѣлъ самое важное по своимъ послѣдствіямъ было исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Съ теченіемъ времени отъ невѣжественныхъ переписчиковъ въ церковныя рукописи вкралось множество ошибокъ. Когда же въ Московскомъ государствѣ появилось книгопечатаніе, то ошибки рукописей перешли и въ печатныя книги; а вмѣстѣ съ ошибками вкрались въ нихъ и разныя мнѣнія, несогласныя съ церковными уставами *. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича приступили къ

* Напримѣръ: Іисусъ надобно писать Іеусъ; служить обѣдню на семи просорахъ, а не на пяти; складывать два пальца, а не три при крестномъ знаменіи; не брить бороды и усовъ, и т. п. Впрочемъ эти мелкія несогласія для многихъ служили не главною цѣлю, а только поводомъ выразить свое недовольство противъ московской духовной іерархіи, и вообще противъ начинавшагося вліянія западной или латинской цивилизаціи.

Начало книгопечатанія въ Московскомъ государствѣ относится къ царствованію Іоанна IV. Именно, два мастера изъ западной Россіи, Иванъ Ѳеодоровъ и Петръ Мстиславецъ, завели въ Москвѣ первую типографію въ 1553 г., и первая книга, которую они напечатали, была «Дѣянія апостольскія». Въ 1565 г. Ѳеодоровъ и Мстиславецъ, обвиненные въ ереси, должны были спастись бѣгствомъ; обвинителями были преимущественно переписчики, очень недоволь-

исправленію ошибокъ, и поручили это дѣло сначала Діонисію, знаменитому архимандриту Троицкой лавры, съ нѣсколькими монахами. Но за свои исправленія онъ былъ обвиненъ въ ереси, подвергнутъ истязаніямъ вмѣстѣ съ товарищами, и заточенъ. А дѣло исправленія перешло въ руки другихъ людей, которые сами держались упомянутыхъ мнѣній и вносили ихъ въ новыя печатныя изданія. Для обсужденія возникшаго отсюда вопроса Никонъ созвалъ духовный соборъ (1654 г.). Рѣшено было исправить книги по старымъ русскимъ и по греческимъ рукописямъ, которыя съ этою цѣлію были собраны въ Москвѣ въ большомъ количествѣ. Исправленныя и вновь изданныя богослужебныя книги разсылались по церквамъ; а книги прежнихъ изданій Никонъ приказывалъ вездѣ отбирать. Противъ этой мѣры возсталъ часть духовенства, нелюбившая Никона за его строгость, и начала смущать народъ разказами о томъ, будто бы патріархъ вводитъ разныя еретическія новости и нарушаетъ вѣру. Люди приверженные къ буквѣ устава, къ внѣшнимъ обрядамъ стали сильно роптать на патріарха; а жестокія наказанія, которымъ суровый, вспыльчивый Никонъ подвергалъ непослушныхъ ему священнослужителей, дѣлали ихъ мучениками въ глазахъ толпы. Съ того времени книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ или старыя, получили священное значеніе для людей, недовольныхъ исправленіемъ (они тщательно сохраняли эти книги, и думали, что только по нимъ надобно молиться, а Никона уподобляли антихристу). Такіе люди получили названіе старовѣровъ или раскольниковъ. Главными двигателями раскола были попы Лазарь и Никита Пустосвятъ, дьяконъ Федоръ и въ особенности протопопъ Аввакумъ, отличавшійся большою начитанностію и смѣлымъ, энергическимъ характеромъ. Его многочисленныя сочиненія, написанныя живымъ, сильнымъ языкомъ, имѣли большой успѣхъ въ народѣ.

ныя подрывомъ ихъ промысла. Но книгопечатаніе уже успѣло утвердиться въ Москвѣ.

Упомянутые два мастера удалились въ западную Россію и нѣкоторое время печатали церковныя книги въ мѣстечкѣ Заблудовѣ (теперь Гродн. губ.) у пана Ходзьвича; потомъ Метиславецъ работалъ въ Вильно въ русской типографіи Мамоничей, а Федоровъ въ Острогѣ у Константина Острожскаго.

Вооружая противъ себя многочисленную партію въ духовенствѣ и народѣ, патріархъ скоро возбудилъ къ себѣ вражду и въ боярскомъ сословіи. Онъ слишкомъ неумѣренно пользовался вліяніемъ на царя, и хотѣлъ обратить въ свое неотъемлемое право то государственное значеніе, которымъ былъ обязанъ только личному расположенію Алексѣя Михайловича; онъ стремился, повидимому, самую свѣтскую власть поставить въ зависимость отъ духовной. Но такое стремленіе не могло имѣть успѣха въ Московскомъ государствѣ при полномъ развитіи царскаго самодержавія. Раздраженные высокоумѣреннымъ обращеніемъ и требованіемъ совершенной покорности, многіе бояре возненавидѣли Никона, и старались ослабить расположеніе къ нему царя. Усилія бояръ увѣнчались успѣхомъ тѣмъ скорѣе, что Никонъ пренебрегалъ ихъ мелкими интригами; а главное, царь самъ началъ уже тяготиться своею зависимоцію отъ неуступчиваго патріарха. Въ отношеніяхъ Алексѣя Михайловича къ Никону не замедлило обнаружиться охлажденіе; за нимъ послѣдовалъ открытый разрывъ, вслѣдствіе котораго патріархъ самовольно оставилъ свою паству.

Однажды при дворѣ угощали грузинскаго царя Теймураза, и противъ обыкновенія не пригласили Никона (1658 г.). Послѣдній послалъ спросить о причинѣ; бояринъ Хитрово выгналъ посланнаго изъ дворца и ударилъ его палкою. Раздраженный патріархъ сначала потребовалъ удовлетворенія письменно, но не могъ добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ хотѣлъ лично объясниться съ царемъ во время выхода къ обѣднѣ; но пришелъ бояринъ Ромодановскій и объявилъ, что государь не будетъ; при этомъ случаѣ патріархъ побранился съ бояриномъ, который упрекнулъ его въ гордости. Тогда Никонъ далъ полную волю своему гнѣву. Послѣ обѣдни онъ громко объявилъ народу, что больше не патріархъ Московскій; поставилъ свой посохъ къ иконѣ Владимірской Богоматери, надѣлъ простое монашеское платье, и тутъ же, въ ризницѣ, написалъ къ царю письмо, въ которомъ просилъ назначить ему келію для жительства. Въ ожиданіи отвѣта онъ сѣлъ на ступени амвона. Два раза приходилъ отъ царя бояринъ Трубецкой увѣщевать патріарха, но напрасно; бояринъ пришелъ въ третій разъ, и объя-

виль Никону, что государь предоставляет на его собственную волю избрать себѣ мѣсто для жительства. Никонъ, повидимому, надѣялся, что Алексѣй Михайловичъ самъ придетъ уговаривать своего друга, и никакъ не ожидалъ, подобнаго отвѣта. Въ сопровожденіи большой толпы народа, онъ отправился пѣшкомъ изъ собора на Воскресенское подворье; а оттуда уѣхалъ медленно въ свой любимый монастырь, извѣстный подъ именемъ Новаго Иерусалима.

Государь однако нескоро рѣшился покончить съ своимъ бывшимъ другомъ, и нѣсколько лѣтъ еще продолжалась ихъ распря, которую бояре усердно старались поддерживать; а Никонъ имъ помогалъ своимъ упрямствомъ. Наконецъ состоялся духовный соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ (Александрійскаго и Антиохійскаго): Никонъ былъ осужденъ, его лишили сана и сослали въ заточеніе, въ Бѣлозерскій Терапонтовъ монастырь (1666 г.). Послѣ своего паденія онъ однако не смирился духомъ, и до самой смерти остался вѣренъ своему характеру.

Книги, исправленныя Никономъ, были одобрены на томъ же соборѣ, который низложилъ его съ патріаршаго престола. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ священники и монахи не хотѣли принимать этихъ книгъ; а въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Противъ мятежныхъ монаховъ отправленъ былъ отрядъ стрѣльцовъ; но правительство, занятое въ то время на югъ борьбою съ Разинимъ, не могло употребить большія силы на сѣверѣ; благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, раскольники цѣлыя восемь лѣтъ выдерживали осаду. Только въ 1676 г. воевода Мещериновъ взялъ монастырь приступомъ, и перевѣшалъ мятежниковъ.

МАЛОРОССІЙСКІЙ ВОПРОСЪ.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малой Россіи. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича произошло новое и самое знаменитое возстаніе Украинскихъ казаковъ противъ польской аристократіи, которое окончилось отложеніемъ Малой Россіи

отъ Польши и присоединеніемъ къ Москвѣ. Вождемъ этого возстанія явился Богданъ Хмельницкій, вызванный на отчаянную борьбу съ Поляками жаждою личной мести.

Зиновій Хмельницкій (извѣстный болѣе подъ именемъ Богдана) былъ сынъ казацкаго сотника, получилъ отличное по тому времени образованіе, и рано началъ выдвигаться изъ среды товарищей, городовыхъ казаковъ, своею храбростію и даровитостію. Онъ отличился въ битвахъ съ Татарами, Турками, Москвитянами, и занялъ мѣсто войсковаго писаря. Хотя Хмельницкій по наружности оказывалъ полную преданность Рѣчи Посполитой однако нѣкоторые изъ пановъ, угнетавшихъ Украйну, наученные опытами прежнихъ казацкихъ мятежей, стали подозрительно смотрѣть на умнаго писаря; особенно возненавидѣлъ его чигиринскій подстароста Чаплинскій. Недалеко отъ Чигирина у Хмельницкаго былъ хуторъ Суботово, на который подстароста объявилъ свои притязанія. Однажды Чаплинскій съ толпою слугъ напалъ на хуторъ, пожегъ на гумнѣ хлѣбъ, завладѣлъ женою Богдана, и такъ жестоко высѣкъ его сына, что тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Онъ обратился съ жалобою къ чигиринскому старостѣ (Концепольскому), и, не получивъ отъ него никакой защиты, поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у польскаго сената; но судьи въ тяжбѣ шляхтича съ казакомъ по обыкновенію приняли сторону перваго. Хмельницкій обратился къ королю, который лично зналъ Богдана, и покровительствовалъ ему *. Сознавая свое безсиліе передъ сеймомъ, Владиславъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ; а на жалобы Хмельницкаго противъ утѣсненія Украйны, какъ говорятъ, замѣтилъ, что у казаковъ есть сабли. Тогда Хмельницкій ушелъ на Запорожье, подготовилъ тамъ возстаніе и получилъ помощь отъ крымскаго хана. Казацкая рада

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Владиславъ IV замышлялъ произвести въ Польшѣ политическій переворотъ въ пользу королевской власти: въ борьбѣ съ аристократіею онъ думалъ опереться на Малороссійское войско, почему и вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми казацкими старшинами, между прочимъ и съ Хмельницкимъ. Но Владиславъ не отличался твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ, и сеймъ успѣлъ принять свои мѣры противъ его замысловъ. Притомъ онъ скоро умеръ.

выбрала Хмельницкаго гетманомъ и рѣшила объявить войну Полякамъ. По всей Украинѣ началось сильное волненіе народа, который ждалъ только удобнаго случая, чтобы снова поднять оружіе противъ своихъ притѣснителей.

1648
 Первые битвы Хмельницкаго съ польскими войсками: при Желтыхъ водахъ и при Корсунѣ, 1648 г.) окончились полнымъ поражениемъ Поляковъ. Этотъ успѣхъ поднялъ всю Украину; хлопцы, составивъ множество гайдамацкихъ отрядовъ («загоновъ»), бросились грабить и разрушать господскіе зѣмки, жечь католическія церкви и предавать мучительной смерти жидовъ-арендаторовъ. Паны принуждены были бѣгствомъ спасаться отъ ярости черни; а наиболѣе сильные и храбрые изъ нихъ, собравъ вокругъ себя вооруженные отряды, били нестройныя толпы хлопцевъ, и въ свою очередь лютыми казнями отплачивали за ихъ неистовства. (Между такими вождами особенно прославился воинственный князь Іеремія Вишневецкій, одинъ изъ отступившихъ отъ православія и ополчившихся русскихъ вельможъ). Въ это время скончался король Владиславъ, и наступившія смуты междуцарствія еще болѣе способствовали успѣхамъ возстанія. Когда же на престолъ былъ избранъ братъ покойнаго короля Янъ Казиміръ, онъ лично принялъ начальство надъ войскомъ; но подѣ Зборовымъ (въ Галиціи) Поляки со всѣхъ сторонъ были окружены казаками и Татарами; тогда король согласился на миръ, по которому возвращались казакамъ ихъ старыя права и дарованы нѣкоторыя новыя привилегіи.

Непрочность Зборовскаго трактата скоро обнаружилась. По трактату число реестровыхъ казаковъ ограничено въ 40.000; всѣ же остальные хлопцы, приставшіе къ войску, должны были воротиться въ крѣпостное состояніе, и опять работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ они только что прогнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался строгими мѣрами привести въ исполненіе эту статью, на Украинѣ обнаружилось противъ него сильное неудовольствіе черни, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки. Съ другой стороны и Поляки не исполнили нѣкоторыхъ условій договора; такъ, напримѣръ, они не дали кievскому митрополиту мѣста въ сенатѣ. Хмельницкій опять призвалъ на помощь крымскаго хана,

и началъ новую войну; на этотъ разъ она была для него неудачна. Янъ Казиміръ собралъ поголовное шляхетское ополченіе («поспоилитое рушенье»), и въ сраженіи подъ Берестечкомъ казаки, внезапно оставленные ханомъ, потерпѣли совершенное пораженіе. При Бѣлой Церкви заключенъ былъ новый миръ, по которому число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20,000. Положеніе Малой Россіи опять сдѣлалось такое же, какое было до возстанія. Казаки и въ особенности крестьяне цѣлыми толпами устремились въ сосѣднюю Московскую Украину, гдѣ пустынные дотолѣ пространства въ скоромъ времени заселены были малороссійскими колоніями и слободами, каковы: Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др. (Слободская Украина).

Видя невозможность одними собственными силами бороться съ Польшею, Хмельницкій еще въ началѣ возстанія вошелъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять Малороссію подъ свое покровительство. Послѣ Бѣлоцерковскаго трактата онъ съ большею настойчивостію возобновилъ свои просьбы, говоря, что въ крайнемъ случаѣ готовъ даже поддаться турецкому султану. Московское правительство сначала приняло на себя роль посредника между казаками и Польшею, и потребовало подтвержденія Зборовскаго договора; но Поляки отвергли это требованіе. Кромѣ того, постояннымъ поводомъ къ неудовольствію между Москвою и Польшею служило «умаленіе» царскаго титула со стороны польскихъ пограничныхъ начальниковъ. Для обсужденія Польскаго и Малороссійскаго вопроса Алексѣй Михайловичъ собралъ земскую думу (1653 г.). На соборѣ рѣшено было принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ. Въ слѣдующемъ году торжественное московское посольство, во главѣ котораго стоялъ бояринъ Бутурлинъ, пріѣхало въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада, и по предложенію своего гетмана присягнула на подданство московскому царю (8 января). Вслѣдъ затѣмъ московскіе чиновники отправились по украинскимъ городамъ, и привели къ присягѣ всѣ малороссійскіе полки на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Главныя условія присоединенія были слѣдующія: число постоянного войска назначено въ 60,000; казаки сами выбираютъ себѣ

XVII

2

1653

2/1

гетмана, который имѣеть право принимать иностранныхъ пословъ;
права городовъ и шляхты остаются прежнія; въ городахъ правители
должны быть изъ Малороссіянь, они же и собирають доходы,
и проч., *выборъ шляхты изъ Малорос.*

и еще под. мод. напад. 9 у еи

Борьба съ сосѣдями за Малороссію. Открывшаяся война съ
Польшею была весьма удачна для Москвитянъ. Алексѣй Михайло-
вичъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично
осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Изъ Бѣлоруссии Мо-
сквитяне перешли въ Литву, взяли Вильно, Ковно и Гродно; въ
тоже время Хмельницкій подвѣрженный царскими воеводами, на-
палъ на Поляковъ съ юговостока и дошелъ до Вислы. Къ довер-
шенію своихъ бѣдствій Польша подверглась еще нападенію съ съ-
вера, со стороны воинственнаго шведскаго короля Карла X, кото-
рый завладѣлъ Познанью, взялъ самую Варшаву и Краковъ. Въ
такое критическое положеніи Польша была спасена заступле-
ніемъ австрійскаго двора и соперничествомъ, которое возникло ме-
жду Русскими и Шведами. Послы императора (Фердинанда III) по-
дали Алексѣю Михайловичу надежду, что Поляки по смерти бездѣт-
наго Казимира изберутъ московскаго царя на свой престоль, и тогда
Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою. Царь согласился
на перемиріе, удержавъ за собою Малую и Бѣлую Россію (1656 г.).
Теперь онъ обратилъ свое оружіе на Шведовъ, которые станови-
лись болѣе сильными и опасными сосѣдями, нежели Поляки.

Думая, что настало время пробиться къ берегамъ Балтійскаго
моря, Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ Ливонію, завоевалъ нѣ-
сколько городовъ и осадилъ Ригу; но здѣсь Русскіе потерпѣли не-
удачу. Война продолжалась потомъ съ перемѣннымъ счастіемъ.
Между тѣмъ завязались переговоры; они окончились миромъ въ
Кардисѣ (1661 г.), по которому Русскіе возвратили Шведамъ все
завоеванные города. Къ такой уступкѣ принудили Москву смуты
въ Малороссіи и возобновившаяся Польская война.

Богданъ Хмельницкій съ неудовольствіемъ узналъ о прекраще-
ніи войны между Москвою и Польшею; онъ скончался, спустя нѣ-
сколько мѣсяцовъ послѣ перемирія. Въ Малороссіи немедленно на-

ступили смуты. Главнымъ поводомъ для нихъ служило гетманское достоинство, которое зависѣло отъ свободнаго выбора казаковъ, и на которое всегда являлось нѣсколько претендентовъ, каждый съ своею партией. Да и самое соединеніе Малой Россіи съ Великою было еще непрочно: между тѣмъ какъ простые казаки и чернь тянули къ единодержавной Москвѣ, старшины казацкіе и вообще люди чиновные оказывали предпочтеніе аристократической Польшѣ.

Еще при жизни Богдана казаки выбрали ему преемникомъ молодого сына его Юрія; но вскорѣ послѣ кончины стараго гетмана генеральный писарь Виговскій (происходившій изъ ополяченной русской фамиліи) съ помощію преданныхъ себѣ полковниковъ захватилъ въ свои руки гетманскую булаву.

Объ этомъ рассказываютъ такимъ образомъ:

Подъ видомъ дружбы съ покойнымъ гетманомъ, Виговскій научилъ Юрія Хмельницкаго сначала отказаться отъ гетманства и принять его только послѣ усиленныхъ просьбъ; этотъ поступокъ долженъ былъ очень понравиться казакамъ. Съ своей стороны Виговскій обѣщалъ сложить съ себя должность генеральнаго писаря, если Юрія не оставятъ гетманомъ. Назначена была казацкая рада въ Чигиринѣ; сюда съѣхались полковники, каждый съ нѣсколькими казаками отъ своего полка. Виговскій щедро угощалъ казаковъ обѣдами и горьлкой, и расположилъ ихъ къ себѣ ласковымъ обращеніемъ. Рада происходила въ этотъ разъ на дворѣ у Хмельницкаго. Когда набралось довольно народу, ворота заперли, и большая толпа осталась еще за воротами. Юрій дѣйствительно отказался отъ прежняго избранія, положилъ на столъ знаки гетманскаго достоинства, бунчукъ и булаву, и ушелъ въ домъ. Вслѣдъ за тѣмъ Виговскій отказался отъ генеральнаго писарства, поставилъ на столъ чернилицу — знакъ своей должности, и также ушелъ. Казаки закричали, что опять выбираютъ Хмельницкаго. Юрій продолжалъ отрекаться, ссылаясь на свою молодость и неопытность; тогда нѣкоторые доброты генеральнаго писаря предложили, чтобы гетманомъ оставался Хмельникій, а, пока онъ будетъ находиться въ школѣ, войскомъ пусть командуетъ Виговскій. Послѣдній попросилъ сроку для размысленія. Спустя три дня, рада возобновилась, и выбрала Виговскаго „временнымъ“ гетманомъ.

Виговскій измѣнилъ Москвѣ, и тайнымъ договоромъ съ Поляками (въ Гадячѣ) обязался возвратить Польшѣ Малую Россію. Противъ него возстала значительная часть казаковъ, которые соединились съ московскими воеводами; гетманъ съ помощью крымскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ (1659); но потомъ, оставленный ханомъ, принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Послѣ него гетманы быстро смѣняли одинъ другаго (Юрій Хмельницкій, Тетера и Брюховецкій); при чемъ ясно обнаружилось раздвоеніе Малой Россіи на лѣвую и правую сторону Днѣпра; въ первой брали верхъ приверженцы Москвы, вторая тянула къ Польшѣ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе несоблюденія Поляками мирнаго договора, Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ возобновить съ ними войну. Эта вторая Польская война была для него неудачна; большая часть завоеваній въ Литвѣ и Бѣлоруссіи перешла опять въ руки непріятелей. Утомленные долговременною борьбою, оба государства вступили въ переговоры, и наконецъ бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, знаменитый московскій дипломатъ, заключилъ съ Польшею перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ (близъ Смоленска) на 13 лѣтъ (1667 г.). По этому перемирію за Москвою остались Смоленскъ, лѣвый берегъ Днѣпра въ Малороссіи, и кромѣ того городъ Кіевъ — на два года (но онъ послѣ не былъ возвращенъ); западная часть Украины снова отошла къ Полякамъ.

Съ окончаніемъ Польской войны малороссійскія смуты не прекратились. Гетманъ западной стороны, смѣлый и честолюбивый Дорошенко, захватилъ въ свои руки и восточную сторону (гдѣ жители были недовольны новыми московскими налогами); онъ задумалъ изъ Малой Россіи составить особое владѣніе, и отдался подъ покровительство турецкаго султана. Впрочемъ на лѣвомъ берегу приверженцы Москвы вскорѣ опять взяли верхъ; они выбрали своимъ гетманомъ Самойловича; а общая опасность со стороны Турціи заставила московское и польское правительство сблизиться между собою и заключить оборонительный союзъ противъ сильнаго непріятели. Западная сторона Днѣпра, куда султанъ два раза приходилъ съ большими силами, подверглась страшному опустошенію; только побѣды польскаго полководца Яна Собѣскаго

(избраннаго на престолъ въ ~~1674~~ г.) спасли Польшу отъ совершеннаго униженія. Борьба съ Турками и Малороссійскій вопросъ еще не были рѣшены въ то время, когда скончался Алексѣй Михайловичъ.

Въ послѣдніе годы Алексѣя Михайловича личнымъ расположеніемъ царя и наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностію къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда понемногу начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына-Нащокина онъ завѣдывалъ посольскимъ приказомъ. Его значеніе еще болѣе увеличилось съ того времени, когда царь, потерявъ первую супругу, женился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая была родственница Матвѣеву и воспитывалась въ его домѣ.

Умирая, Алексѣй Михайловичъ оставилъ послѣ себя довольно многочисленное семейство; отъ первой супруги (Милославской) у него были два сына, Феодоръ и Іоаннъ, и нѣсколько дочерей; отъ второй—маленькій царевичъ Петръ, родившійся въ маѣ 1672 года.

ФЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ 1676—1682 г.

Новый царь былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, монаха известнаго своею ученостію и своими стихотворными сочиненіями или виршами. При вступленіи на престолъ Феодоръ имѣлъ только 14 лѣтъ отъ роду; онъ отличался весьма слабымъ здоровьемъ, и скоро подпалъ вліянію людей приближенныхъ. Родственники царя Милославскіе спѣшили воспользоваться своею силою при дворѣ, чтобы погубить Матвѣева: за приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи, лишенъ имѣнія, боярскаго сана и сосланъ въ Пустозерскій острогъ. Впрочемъ главное вліяніе на государственныя дѣла изъ рукъ Милославскихъ скоро перешло къ любимцу царя боярину Языкову.

Окончаніе малороссійскаго вопроса и приговоръ о мѣстничествѣ составляютъ самыя важныя событія этого кратковременнаго царствованія.

Въ южной части Малой Россіи продолжалъ еще держаться Дорошенко. Противъ него выступили московскій воевода князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ; они такъ стѣснили Дорошенко, что онъ сдалъ Чигиринъ Русскимъ и оставилъ свои притязанія на гетманское достоинство. Турецкій султанъ однако не хотѣлъ отказаться отъ Украйны, и войска его вмѣстѣ съ Крымскими Татарами два раза приходили подъ Чигиринъ. Въ первый разъ Турки были отбиты Ромодановскимъ и воротились безъ успѣха; въ слѣдующій походъ они овладѣли Чигириномъ, но не могли здѣсь утвердиться. Наконецъ султанъ заключилъ въ Бахчисараѣ двадцатилѣтнее перемиріе, вслѣдствіе котораго Украйна и Запорожье навсегда утвердились за Москвою (1681 г.) *.

Немедленно послѣ Турецкой войны при московскомъ дворѣ поднятъ былъ вопросъ о вредномъ обычаѣ воеводъ считаться между собою знатностію рода. Напрасно московскіе цари со времени Іоанна IV старались ограничить мѣстничество, и, отправляя войска въ походъ, строго запрещали начальникамъ входить въ родовые счеты; такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены «безъ мѣстъ». Подобныя запрещенія мало приносили пользы, потому что зло укоренилось слишкомъ глубоко.

* Продолжительныя войны за Украйну чрезвычайно разорили и обезлюдили югозападную Русь. Самойлъ Величко, въ началѣ XVIII вѣка, т. е. во время войны Петра I съ Карломъ XII, проходившій съ казацкимъ войскомъ Волынь и «тогочную» Украйну (лежавшую на западной сторонѣ Днѣпра), говорить въ своей Лѣтописи слѣдующее:

«Я видѣлъ многіе города и замки безлюдные и пустыя валы, нѣкогда трудами людскими какъ горы и холмы насыпанные, а теперь только приютомъ дикимъ звѣрямъ служащіе. Стѣны г. Константинова, Бердичева, Збаража, Сокола и др., которые встрѣтились на нашемъ походѣ, одні бѣдны жителями, другія пусты, развалились, заплѣснели и поросли травой: только змѣи и разныя гады гнѣздятся въ нихъ. Я видѣлъ пространныя поля тогочной Украйны, широкія долины, лѣса, обширные сады, красивыя дубравы, рѣки, пруды и озера запустѣвшія, поросшія мхомъ и тростникомъ. Не всю Поляни въ своихъ универсалахъ называли тогочною Украйну раишъ Польскаго свѣта; передъ войной Хмельницкаго она была какъ вторая земля обѣтованная, медомъ и млекою кипящая. Я видѣлъ тамъ по разнымъ мѣстамъ много костей чловѣческихъ, усохшихъ, обнаженныхъ и только небо покровомъ себѣ имѣющихъ».

При Московскомъ дворѣ счетъ мѣстами подавалъ поводъ къ частымъ спорамъ. Напримѣръ, когда у царя давался обѣдъ думнымъ людямъ, то они разсаживались по степени своей знатности. Но тутъ иногда кто-либо изъ бояръ не захочетъ садиться ниже другаго, и начнетъ о томъ бить челомъ царю. Царь прикажетъ посадить его насильно; бояринъ бранить своего соперника, и кричить, что „хотя царь ему велить голову отсѣчь, а подъ такимъ-то онъ сидѣть не станетъ“, и спустится подъ столъ. Тогда царь приказываетъ его взять и отвести въ тюрьму. Кромѣ тюрьмы за такую вину бывало наказаніе батогами или кнутомъ, или спорившій бояринъ по приговору царской думы выдавался своему сопернику головою. Обрядъ выдачи головою состоялъ въ слѣдующемъ. Приставы брали подъ руки осужденнаго за неправо мѣстничество, отводили его на дворъ счастливаго соперника въ сопровожденіи дьяка или подъячаго, и ставили тамъ у нижняго крыльца. Когда хозяинъ выходилъ на крыльцо, то дьякъ или подъячій говорилъ, что великій государь указалъ, а бояре приговорили такого-то выдать ему головою. Хозяинъ благодарилъ за царскую милость и отпускалъ униженнаго соперника; дьяку или подъячему давалъ при этомъ подарки; а на другой день ѣздилъ къ царю бить челомъ за его милость. Такъ, во время Михаила Феодоровича знаменитый князь Пожарскій былъ выданъ головою за мѣстничество боярину Салтыкову. Въ дѣлѣ мѣстническихъ счетовъ бояре отличались особымъ упорствомъ потому, что это не было только ихъ личное дѣло: уступая высшее мѣсто другому лицу, бояринъ тѣмъ уже цѣлый свой родъ ставилъ ниже рода своего соперника.

Феодоръ Алексѣевичъ поручилъ выборнымъ людямъ изъ военныхъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, обсудить, какія мѣры надобно принять для улучшенія военнаго дѣла въ Россіи. Выборные люди въ числѣ другихъ преобразованій указали на необходимость уничтожить мѣстничество. Государь созвалъ соборъ изъ высшаго духовенства и членовъ боярской думы, объявилъ ему мнѣніе выборныхъ людей и предложилъ вопросъ: отмѣнить ли мѣстничество или оставить его по прежнему? Соборъ единогласно приговорилъ, что мѣстничество, какъ источникъ многихъ

воль, должно быть отмѣнено. Государь велѣлъ принести тяжбныя дѣла по мѣстничеству и предать ихъ огню въ присутствіи духовенства и бояръ. Виновнымъ противъ соборнаго приговора назначено лишеніе званія и имущества.

У. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Царь. Во главѣ государства находился царь, самодержавный и неограниченный властитель надъ своими подданными. Московское самодержавіе имѣетъ важное историческое значеніе: оно сообщило политическое единство раздробленнымъ дотолѣ русскимъ областямъ, и связало въ одну плотную массу племена, разсѣянные на равнинахъ Восточной Европы; оно дало Русскому народу государственное устройство, которое помогло ему выдти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими Русь удѣльно-вѣчевую. Замянивъ собою древнія вѣчевыя начала и развитіе областной самостоятельной жизни, это устройство направило народныя силы на служеніе одной цѣли — государству.*

Вотъ какимъ образомъ иностранцы, посѣщавшіе Россію (напримѣръ Герберштейнъ и Антоній Поссевинъ), описываютъ неограниченную власть московскаго государя: „Русскіе увѣрены, что онъ исполнитель небесной воли; такъ угодно Богу и государю, вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они. Царь считаетъ своею собственностію не только области, но и все что въ нихъ находится; онъ даже хочетъ быть властителемъ надъ мыслями своихъ подданныхъ“ и т. п. **. Послѣ Ивана Грознаго бояре

* Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ только Русскіе сохранили свое самобытное развитіе и выработали могущественную націю.

** Замѣчательно свидѣтельство барона Герберштейна объ усердіи, съ которыми отправлялась государева служба. «Я видѣлъ — говорить онъ — одного изъ знатныхъ великобняжескихъ чиновниковъ, бывшаго посломъ въ Испанію, съдаго старца, который, встрѣтивъ насъ при вѣздѣ въ Москву, скакалъ верхомъ, суетился, бѣгалъ, какъ молодой человѣкъ; потъ градомъ лилъ съ его лица. Когда я изъявилъ ему свое удивленіе, онъ громко отвѣчалъ: ахъ, господни баронъ! мы служимъ государю не по вашему».

и высшее духовенство хотѣли воспользоваться Смутнымъ временемъ, чтобы ограничить въ свою пользу царскую власть; они руководили Василиемъ Шуйскимъ, и предписали условія при избраніи польскаго королевича Владислава. По нѣкоторымъ несовсѣмъ достовѣрнымъ извѣстіямъ (напримѣръ Кошихина), Михаилъ Теодоровичъ былъ также выбранъ на условіяхъ и ничего не дѣлалъ безъ боярскаго совѣта; во время управления отца его патриарха Филарета условія эти пришли въ забвеніе (вслѣдствіе нелюбви народа къ боярской аристократіи и предпочтенія монархическаго начала). Алексѣй Михайловичъ правилъ уже неограниченно; онъ писался царемъ и самодержцемъ „всѣя Великія и Малыя и Бѣлыя Руси“. Въ сношеніяхъ съ иностранными государствами московское правительство усердно заботилось о томъ, чтобы въ переговорахъ и грамотахъ вполнѣ соблюдался царскій титулъ съ подробнымъ перечисленіемъ областей. Отсюда происходили частые и долгіе споры пословъ, особенно въ сношеніяхъ съ Польшею.

Московскаго царя окружалъ многочисленный дворъ, составленный изъ людей высшихъ классовъ, которыхъ чинъ и честь зависѣли отъ большей или меньшей близости къ царской особѣ. Дворъ этотъ отличался восточною пышностію и строгимъ исполненіемъ разныхъ обрядовъ и церемоній.

„Особенный почетъ, воздаваемый царскому величеству, требовалъ, чтобы ко дворцу подходили пѣшкомъ, оставляя лошадей и экипажи въ извѣстномъ разстояніи. Правомъ свободнаго входа во дворецъ пользовались одни только придворные чины; но и для тѣхъ, смотря по значенію каждаго, существовали извѣстныя границы. Не во всякое отдѣленіе дворца могли свободно входить всѣ пріѣзжавшіе на государевъ дворъ. Бояре, окольные, думные и ближніе люди пользовались въ этомъ отношеніи бѣльшими преимуществами: они могли прямо входить даже въ Верхъ, т. е. покоевые или жилые хоромы государя. Здѣсь по обыкновенію они собирались всякій день въ Передней (палатѣ), и ожидали царскаго выхода изъ внутреннихъ комнатъ. Ближніе бояре, „уждавъ время“, входили даже въ Комнату или кабинетъ царскій. Для прочихъ же чиновниковъ, государевъ Верхъ былъ совершенно недоступенъ. Стольники, стряп-

чіе, дворяне, стрѣльцкіе полковники и головы, дьяки и иные служилые чины собирались обыкновенно на Постельномъ Крыльцѣ, которое было единственнымъ мѣстомъ во дворцѣ, куда они могли приходять во всякое время съ полною свободою. (Домашній бытъ русскихъ царей—Забѣлина).

Сословія. Раздробленіе народа на сословія и ихъ подраздѣленія, уже довольно значительное въ эпоху удѣльно-вѣчевую, при Московскомъ владычествѣ увеличилось еще болѣе. Господствующее сословіе въ государствѣ было служилое, которое образовалось изъ прежней княжеской дружины и раздѣлялось на разныя степени. Верхнюю степень составляла родовая боярская аристократія, сильная своимъ числомъ и значеніемъ. Въ составъ ея, кромѣ древнихъ боярскихъ родовъ, вошли потомки удѣльныхъ князей, вступившихъ въ службу московскихъ государей; они сохранили свой княжескій титулъ. Далѣе, значительная часть нашихъ боярскихъ фамилій вела свое происхожденіе отъ иноземныхъ выходцевъ, именно: литовскихъ, нѣмецкихъ и болѣе всего отъ татарскихъ мурзъ и царевичей. Въ XVI и XVII вв. эта аристократія представляетъ довольно замкнутое сословіе или касту почти недоступную для людей низшихъ классовъ. По своей знатности боярскіе роды раздѣлялись на нѣсколько «статей»; сообразно съ такимъ дѣленіемъ они занимали разныя должности при дворѣ, въ гражданскомъ управленіи и въ войскѣ. Бояре незанятые войною или службою въ городахъ, постоянно жили въ Москвѣ, и каждый день съѣзжались во дворецъ на поклонъ къ государю. Въ грамотахъ писались они государевыми «холопами» и называли себя уменьшительными именами.*

Среднюю ступень служилаго сословія составляли дворяне, а низшую многочисленный классъ боярскихъ дѣтей. И тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣлялись на разныя статьи.

* «Бояринъ» (въ тѣсномъ смыслѣ) означалъ высшій придворный чинъ; за нимъ слѣдовалъ «овольничій», потомъ «думный дворянинъ». Эти три статьи засѣдали въ царской думѣ. Далѣе слѣдовали чиновники отправлявшіе службу при царской особѣ, именно: спальники, стольники, стряпчіе, жильцы и пр. Въ такія должности обыкновенно поступали дѣти знатныхъ людей, пока не переходили на высшую степень. Происхожденіе московскихъ придворныхъ чиновъ болѣею частію относится къ удѣльному, княжескому періоду.

Всѣ эти люди должны были служить всю жизнь тамъ, гдѣ укажетъ государь; главною же ихъ обязанностію по прежнему оставалась военная служба. За свою службу, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, они получали помѣстья и вотчины. Первые давались въ пожизненное владѣніе, вторыя составляли полную, наследственную собственность; различіе это потомъ уничтожилось, и помѣстья сравнивались съ вотчинами. Между тѣмъ какъ дѣти боярскіе образовали классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, бояре и нѣкоторые изъ дворянскихъ фамилій сосредоточили въ своихъ рукахъ обширныя владѣнія, и имѣли по нѣскольку тысячъ крѣпостныхъ людей.

Сословіе людей «тягловыхъ» или податныхъ (земщину) составляли посадскіе и крестьяне. Подъ именемъ посадскихъ разумѣлось вообще городское и пригородное населеніе, занимавшееся торговлею, промыслами и платившее подати въ царскую казну. Въ видахъ постоянного исправнаго сбора государственныхъ доходовъ, посадскіе люди были прикрѣплены къ своимъ посадкамъ, какъ крестьяне къ землѣ. Болѣе зажиточные изъ посадскихъ носили древнее названіе «лучшихъ людей», остальные назывались «меньшими»; въ правительственномъ отношеніи они раздѣлены были по сотнямъ и слободамъ*. Кромѣ податей посадскіе люди обязаны были отправлять царскую службу въ качествѣ разнаго рода приставовъ или цѣловальниковъ.

Крестьяне, по отношенію къ землѣ, распались на три главные разряда: во-первыхъ тѣ, которые жили на земляхъ, принадлежащихъ государю; во вторыхъ, поселенные въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей; въ третьихъ, жившіе на земляхъ мона-

* Въ столицѣ существовали особые, высшіе разряды торговыхъ людей, именно: гости, гостинная сотня и суконная сотня; изъ нихъ назначались смотрители («головы») при разныхъ казенныхъ сборахъ, напр. при таможенныхъ, питейныхъ дожахъ, при соборной казнѣ и пр. Въ случаѣ убытковъ или недоборовъ они отвѣчали собственнымъ имуществомъ; поэтому служба ихъ иногда была разорительна; за то имъ предоставляли нѣкоторыя права и привилегіи, напр. гости могли владѣть населенною землею. Эти высшіе торговые разряды пополнялись самыми богатыми людьми изъ черныхъ сотенъ, московскихъ и иногородныхъ.

стырскихъ и вообще духовенства. Первый разрядъ подраздѣлялся на двѣ части; именно: дворцовые, доходы съ которыхъ исключительно шли на содержаніе двора, и крестьяне черныхъ волостей или черносошные, платившіе подати въ государственную казну.

Въ концѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, крестьяне лишились права свободного перехода и были прикрѣплены къ землѣ. Но они не скоро могли примириться съ этимъ лишеніемъ, а въ дѣйствительности переходы еще долго продолжались. Самое приврѣпленіе не было полное и безусловное; въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдующими указами переходъ дозволялся (напр. отъ мелкаго владѣльца къ мелкому). Для бѣглыхъ сначала была назначена пятилѣтняя давность, т. е. спустя пять лѣтъ послѣ ухода крестьянина, землевладѣлецъ не имѣлъ права отыскивать его и возвращать на свою землю. Потомъ крѣпостное право получило дальнѣйшее развитіе. Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣсто пятилѣтняго назначилъ десятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ къ прежнему владѣльцу; а Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича срокъ совершенно отмѣненъ: крестьяне съ своими семействами и со всѣмъ потомствомъ должны были принадлежать къ той землѣ, за которою они записаны въ писцовыхъ книгахъ 1626 года.

Крестьяне по видимому лишены были только права перехода и сдѣлались крѣпкими землѣ, а сами они не составляли такой же собственности землевладѣльца, какъ его холопы или рабы. Но помѣщики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина, которому трудно было отыскивать управу за обиды и насилія отъ помѣщиковъ. Во второй половинѣ XVII вѣка дворяне уже продаютъ крестьянъ и отдаютъ ихъ въ приданое, безъ земли; а къ концу того же вѣка крестьяне въ своихъ отношеніяхъ къ помѣщику весьма мало отличались отъ его холопей. Впрочемъ и сами они иногда давали на себя кабалу, т. е. шли въ холопы, чтобы избавиться отъ казенныхъ повинностей (такъ какъ съ холоповъ подати въ государственную казну не собирались).

Безпрерывные побѣги, при малолюдномъ населеніи, были весьма чувствительнымъ зломъ для Московскаго государства. Бѣглые крестьяне, холопы и посадскіе отчасти уходили на Донъ или въ

Запорожье, отчасти укрывались въ лѣсахъ и составляли разбойничьи шайки. Въ теченіе всего XVII вѣка правительство должно было вести неутомимую борьбу съ этимъ явленіемъ; оно отправляло во всѣ стороны отряды сыщиковъ, которые отыскивали бѣглыхъ и возвращали ихъ на прежнія мѣста, ловили и вѣшали разбойниковъ. Но подобное средство мало способствовало уничтоженію зла, корень котораго заключался въ тяжеломъ положеніи чернаго народа.

Управленіе. Высшимъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіемъ была боярская дума, которая вела свое происхожденіе отъ древняго обычая князей совѣтоваться о дѣлахъ съ старшею дружиною. Когда усилилась въ Московскомъ государствѣ боярская аристократія, то дума не разъ дѣлала попытки ограничить самодержавіе и пріобрѣсти большую самостоятельность. Но это удавалось ей только или въ малолѣтство государя, или при царяхъ слабыхъ характеромъ. Въ думѣ обсуждались мѣры, касавшіяся всего государства, рѣшались вопросы внѣшней политики и тѣ дѣла, которыя немогли быть рѣшены низшими учрежденіями. Въ отношеніи къ царю дума имѣла только совѣщательное значеніе, хотя на грамотахъ ея обыкновенно писалось: «царь указалъ и бояре приговорили». Въ ней засѣдали бояре, окольничіе и думные дворяне; иногда призывались патріархъ и другіе архіереи.

Московскій подъячій въ XVII вѣкѣ Кошкинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ засѣданіе думы:

Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми и разсуждать о своихъ или иноземныхъ дѣлахъ, то думные люди садятся поодаль отъ царя, на лавкахъ; размѣщаются они по степени своей знатности: сначала бояре, потомъ окольничіе, потомъ думные дворяне; а думные дьяки стоятъ, иногда впрочемъ царь приказываетъ имъ сидѣть. Когда государь объявитъ свою мысль и спрашиваетъ совѣта у думныхъ людей, тогда кто изъ нихъ поумнѣе говоритъ свое мнѣніе; а иные бояре, брады своя уставя, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь многихъ жалуеетъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые. Когда же дѣло

послѣ обсуждения бываетъ рѣшено, царь приказываетъ думнымъ дьякамъ записать приговоръ.

Кромѣ боярской думы, въ XVI и XVII вв. московскіе цари въ самыхъ важныхъ дѣлахъ имѣли обыкновеніе созывать выборныхъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій своего государства, что называлось «земскимъ соборомъ» или «великою земскою думою». Это было также продолженіемъ древняго обычая князей собирать иногда на совѣтъ не одну дружину, но и лучшихъ людей города; когда же Русь объединилась, то лучшіе люди собирались уже со всей земли. Первые соборы упоминаются при Иванѣ IV; значеніе ихъ поднялось въ Смутное время, особенно въ эпоху Междоусарствія. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда отъ народа требовались большія жертвы для устроенія государства, мы видѣли частые земскіе соборы; они встрѣчаются и при Алексѣѣ Михайловичѣ; но послѣ него уже переходятъ изъ употребленія. На соборѣ мнѣнія выборныхъ людей отбирались не поголовно, а по сословіямъ (дворяне, дѣти боярскіе, гости, торговые и посадскіе люди).

Далѣе, изъ постоянныхъ правительственныхъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ слѣдуютъ указы. Происхожденіе указовъ относится еще ко временамъ удѣльнымъ; они развились преимущественно изъ домашняго или хозяйственнаго княжескаго управленія; когда же удѣлы были уничтожены, всѣ указы сосредоточились въ Москвѣ, и здѣсь подраздѣлились на многія отрасли, такъ что въ XVII в. число ихъ простиралось до 40*. Письменная

* Важнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: 1) указъ большаго дворца, который завѣдывалъ приходами и расходами царскаго двора; 2) указъ большой казны—вообще государственными доходами; 3) помѣстный—дѣлами о помѣстьяхъ и вотчинахъ; 4) посольскій—сношеніями съ иностранцами; стрѣлецкій, пушкарскій, судный, разбойный и т. д. Вѣдомости указовъ вообще не были строго опредѣлены и разграничены между собою; иногда дѣла одного рода производились въ разныхъ приказахъ, и наоборотъ. Для разныхъ областей существовали особые указы, напримѣръ: Новгородская четверть, Казанскаго дворца, Сибирскій, Малыя Россіи, и др. Приказы, смотря по ихъ важности, поручались боярину или дьяку, иногда съ товарищами; иногда одинъ и тотъ же бояринъ или дьякъ завѣдывалъ нѣсколькими приказами. Для наблюденія за управленіемъ вообще и за точнымъ исполненіемъ царскихъ повелѣній Алексѣй Михайловичъ учредилъ еще «приказъ тайныхъ дѣлъ», гдѣ засѣдалъ дьякъ съ подьячими и куда бояре не допускались.

часть въ приказахъ находилась въ рукахъ дьяковъ и подъячихъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «приказныхъ людей», они назначались изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій, преимущественно изъ духовнаго званія.

Въ отношеніи областного управления земли Московскаго государства главнымъ образомъ дѣлились на уѣзды. Величина уѣздовъ была весьма неравная; она опредѣлялась историческими условіями; обыкновенно древніе удѣлы или части удѣловъ, по мѣрѣ того какъ присоединялись къ Московскому государству, составляли особый уѣздъ. Подраздѣленіе уѣздовъ составляли: станы, погосты, губы; а наиболѣе распространенною единицею дѣленія служили волости, которыя, также какъ уѣзды, по объему своему были весьма различны.

Областные правители, перешедшіе въ Московское государство изъ удѣльно-вѣчевой Руси, т. е. великокняжескіе намѣстники и волостели, въ XVI столѣтіи были замѣнены отчасти другими лицами. При Іоаннѣ IV мы встрѣчаемъ правителей, выбираемыхъ изъ служилаго сословія самими общинами, какъ-то: губныхъ старостъ, любимыхъ головъ и пр. Въ XVII вѣкѣ выборныя власти опять уступаютъ мѣсто лицамъ, назначеннымъ отъ правительства; во главѣ областного управления становятся воеводы. Прежде воеводы встрѣчались только въ пограничныхъ городахъ; но при Михаилѣ Феодоровичѣ они являются почти повсюду, и только въ нѣкоторыхъ областяхъ потомъ упоминаются губные старосты въ значеніи правителей *. Воеводы смѣнялись весьма часто, такъ что рѣдко оставались въ одномъ городѣ болѣе 3 лѣтъ. Кругъ воеводской дѣятельности не былъ строго опредѣленъ; большею частию въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась власть военная, гражданская и судебная. Воеводство давалось какъ награда за военную службу,

* Вѣдомство губныхъ старостъ въ тѣсномъ смыслѣ простиралось только на дѣла губныя или уголовныя, т. е. душегубство, разбой и воровство съ поличнымъ. Имъ предоставлена была пойма и судъ разбойниковъ и воровъ. Губные старосты вели себя не лучше другихъ чиновниковъ, и притѣсняли жителей, такъ что послѣдніе иногда просили царя поручить губныя дѣла воеводамъ.

потому что оно представляло служилому человѣку возможность увеличить свое состояніе («покориться»).

Хотя взятки были запрещены, но кромѣ царскаго жалованья воевода могъ получать отъ жителей добровольныя приношенія, которыя тогда не считались взятками въ строгомъ смыслѣ этого слова. Напримѣръ: „Одинъ дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ. Царь послалъ справиться въ Разрядъ (вѣдавшій назначеніемъ областныхъ правителей), есть ли свободный городъ, въ которомъ можно нажить пять или шесть сотъ рублей. Такой городъ нашелся, именно Кострома. Царь назначилъ туда челобитчика, и велѣлъ ему, наживъ деньги, купить себѣ деревню. Отслуживъ урочные годы, воевода донесъ государю, что нажилъ только 400 рублей. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тайно развѣдать, правду ли сказалъ воевода; оказалось, что дѣйствительно онъ бралъ только то, что ему приносили; тогда царь приказалъ этому доброму человѣку дать другой болѣе нажиточный городъ“. Но подобныя воеводы были рѣдки, и правители обыкновенно не ограничивались добровольными приношеніями. Отъ воеводскихъ притѣсненій особенно страдали жители областей отдаленныхъ отъ столицы, напримѣръ въ Сибири, гдѣ имъ предоставлялась власть еще болѣе обширная, нежели въ областяхъ ближайшихъ къ Москвѣ.

Дѣла, подлежащія воеводскому управленію, производились въ такъ называемой съѣзжей или приказной избѣ. Въ Московскомъ государствѣ кромѣ того существовали многія земскія должности, на которыя посадскіе и крестьяне выбирали людей изъ своей среды. Таковы земскіе старосты, заправлявшіе раскладкою податей и городскимъ хозяйствомъ; они засѣдали въ земской избѣ. Потомъ слѣдуютъ разнаго рода головы и цѣловальники; имъ поручались сборы въ казну пошлинъ торговыхъ, питейныхъ, судныхъ и др. Выборы въ головы и цѣловальники производились ежегодно. Эта земская служба была вообще обременительна для выборныхъ людей; за убытки и недоимки они отвѣчали собственнымъ имуществомъ. Низшіе чиновники назывались: приставы, недѣльщики, доводчики и др.

Судопроизводство и доходы. Формы судопроизводства первоначально были довольно просты и несложны. Въ XV и XVI вв. на судѣ намѣстниковъ и волостелей встрѣчаются «староста и цѣловальники», выбранные отъ городскихъ и сельскихъ общинъ и извѣстные подъ общими именемъ «судныхъ мужей». При Иванѣ Грозномъ многія общины даже получили право собственного суда, т. е. судились только своими выборными людьми; но послѣ онѣ теряютъ это право, и судъ сосредоточивается въ рукахъ областныхъ начальниковъ. Судопроизводство было по преимуществу словесное. Главными доказательствами на судѣ служили: письменные акты, свидѣтели и присяга. Въ уголовныхъ дѣлахъ употреблялся повальный обыскъ, т. е. допросъ мѣстныхъ жителей о самомъ преступленіи или о поведеніи заподозрѣннаго человѣка. Древній обычай испытанія водою и желѣзомъ уже не встрѣчается; мѣсто его при изслѣдованіи дѣла заступилъ жестокой обычай судебной пытки*. По судебникамъ царей Ивана III и Ивана IV, въ случаяхъ тяжбы, между истцомъ и отвѣтчикомъ допускали поле; но къ концу XVI вѣка поле уже выходитъ изъ употребленія.

Съ теченіемъ времени судебный процессъ болѣе и болѣе усложняется, письменное судопроизводство беретъ перевѣсъ надъ словеснымъ, число инстанцій увеличивается; а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ медленность въ рѣшеніяхъ и издержки подсудимыхъ. Тѣ дѣла, которыя почему либо не могли быть рѣшены простыми судьями, переносились въ высшія инстанціи: т. е. сначала къ намѣстнику или воеводѣ главнаго города, потомъ въ одинъ изъ приказовъ, наконецъ подавался доклада дѣлу царю, который или самъ рѣшалъ дѣло, или поручалъ его боярской думѣ. По окончаніи тяжбы тому, кто ее выигрывалъ, выдавалась правая грамота. Право суда надъ крѣпостными людьми, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій, принадлежало самому владѣльцу. Въ пыткахъ и казняхъ того времени вполнѣ выражается грубость и жестокость нравовъ; наиболѣе употребительныя казни были: висѣлица, четвертованіе, колесова-

* Вотъ нѣкоторые способы пытки: обвиненному вбивали за ногти желѣзные иглы, вѣшали надъ зажженнымъ костромъ, били по обнаженной спинѣ плетью, падали холодную воду на бритую голову, и пр.

ніе и сажаніе на коль; а самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ за проступки служили плети и палки, отъ которыхъ не было изъято и боярское сословіе. Несостоятельнаго должника вимодавецъ имѣлъ право поставить на правезъ, который состоялъ въ томъ, что несчастнаго должника ежедневно по нѣскольку часовъ били палками, пока онъ не заплатитъ долга. (Помѣщики обыкновенно ставили вмѣсто себя на правезъ крѣпостныхъ людей).

Главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ въ Московскомъ государствѣ были подати (тягло); онѣ налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя общины, которыя уже сами раскладывали ихъ между своими членами. Крестьянскія общины облагались податями по количеству сохъ, т. е. извѣстныхъ участковъ земли, которою они владѣли, а посадскія по количеству тягловыхъ дворовъ, означенныхъ въ писцовыхъ книгахъ за каждымъ посадомъ. Почти всѣ ремесла и торговыя статьи были обложены пошлиной. Кромѣ обыкновенныхъ податей существовали постоянные сборы на нѣкоторыя потребности государства, напримѣръ полонянничныя деньги — для выкупа плѣнныхъ у Татаръ; по временамъ производились и чрезвычайные сборы на военныя издержки. Изъ повинностей наиболѣе значительныя были: ратная (поставка ратныхъ людей и продовольствія во время войны), ямская гоньба (для провоза пословъ и царскихъ чиновниковъ), постройка и починка крѣпостей, казенныхъ зданій, мостовъ и пр. Вообще финансовая система въ Московскомъ государствѣ представляла много запутанности, и тяжесть налоговъ падала весьма неравномѣрно на разныя сословія и на разныя мѣстности государства*.

*Закладываясь за частными владѣльцами, или переходя въ стрѣльцы и казаки, многіе посадскіе и черносошныя крестьяне уклонялись отъ государственныхъ податей; а между тѣмъ городскія и сельскія общины должны были платить и за этихъ «выбылыхъ» людей, отъ чего онѣ разорялись еще болѣе. И казенныя недоимки возрастали. Съ другой стороны, вслѣдствіе древняго обычая великихъ князей давать монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ разныя льготныя грамоты (тарханныя, обѣльныя и др.), многія деревни и села были изъяты отъ нѣкоторыхъ казенныхъ сборовъ и повинностей; что еще болѣе увеличивало неравномѣрность податнаго бремени.

Естественныя произведенія, торговля и промышленность. Европейскіе путешественники XV, XVI и XVII вѣновъ изображаютъ Московское государство обширною равниною, которую покрываютъ огромныя сосновые и березовыя лѣса, и во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ большія судоходныя рѣки. Почва этой страны мѣстами песчана, но вообще плодородна, и въ изобиліи производитъ растенія свойственныя умѣренному поясу. Климатъ Московіи по ея большому протяженію не одинаковъ; области, прилегающія къ столицѣ государства, отличаются чистымъ и здоровымъ воздухомъ. Что особенно поражало вниманіе иностранцевъ, это рѣзкая противоположность между зимнею и лѣтнею природою. Зимомъ господствуетъ страшный холодъ и вся страна задернута сплошной пеленою снѣга; напротивъ лѣтомъ, послѣ разлитія водъ, лѣса, луга, нивы оживаютъ и быстро покрываются роскошною зеленью, а лѣтніе жары бывають также сильны какъ и зимніе морозы.

Главныя произведенія страны слѣдующія. Земледѣліе доставляетъ разнаго рода хлѣбныя растенія, какъ-то: рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и др.; пчеловодство, весьма распространенное въ лѣсистой Московіи, доставляло значительное количество меду и воску; рѣки изобиловали рыбою, особенно Волжская система (бѣлуга, осетръ, стерлядь); въ лѣсахъ водилось множество дичи. Звѣроловный промыселъ занималъ важное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ по количеству ежегодно добываемыхъ мѣховъ (чернобурыя и другія лисицы, соболи, горностаи, бобры, бѣлки); лучшіе мѣха привозились изъ Сибири, Печерской и Пермской области. Но все это богатство естественныхъ произведеній оставалось весьма мало разработаннымъ, и едва доставляло народу предметы первой необходимости. Земледѣльческая промышленность находилась на довольно низкой ступени развитія; успѣхамъ ея препятствовали отчасти рѣдкость населенія, а главнымъ образомъ утвержденіе крѣпостнаго права, уничтожившаго свободу крестьянскаго труда. Цѣны на хлѣбъ по замѣчанію иностранцевъ, хотя были низки, но непостоянны: по безопасности сельскихъ хозяевъ, въ неурожайныя годы происходилъ голодъ, и богатые люди, имѣвшіе большіе запасы, обыкновенно пользовались этимъ временемъ, чтобы продавать хлѣбъ какъ можно дороже.

Средоточіемъ торговой дѣятельности въ Московскомъ государствѣ была столица, которая по самой наружности своей отличалась весьма промышленнымъ характеромъ; она была наполнена рынками, гостинными дворами, рядами и лавками; здѣсь всегда можно было встрѣтить купцовъ и ремесленниковъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ націй. Самъ царь принималъ непосредственное участіе въ торговлѣ. Изъ Москвы торговое движеніе распространялось въ разныя стороны, преимущественно: по Волгѣ, въ Литву, къ Новгороду и къ Бѣлому морю.

На востокъ по Окѣ и Волгѣ шель путь въ Астрахань, гдѣ постоянно жили купцы персидскіе, бухарскіе и армянскіе, торговавшіе преимущественно шелковымъ товаромъ и бумажными тканями. На этомъ пути лежали важныя пристани Нижній и Казань. Отъ Нижняго до Астрахани ежегодно весною и осенью ходили караваны казенныхъ и купеческихъ судовъ. Но плаваніе ихъ было небезопасно: все нижнее теченіе Волги представляло пустынную страну, въ которой караваны часто подвергались нападенію разбойничьихъ шаекъ, и дѣлались ихъ добычею, не смотря на конвойные стрѣлцкіе отряды. Отъ Волги вверхъ по Камѣ отдѣлялась главная сибирская дорога. По ней отвозили въ Сибирь хлѣбные и военные запасы для служилыхъ людей, а изъ Сибири привозили драгоценныя мѣха. Главными торговыми пунктами въ Западной Сибири были Верхотурье и Тобольскъ. Во второй половинѣ XVII вѣка служилые люди вмѣстѣ съ русскими промышленниками углублялись все далѣе и далѣе на востокъ; налагая дань (ясакъ) на мелкія туземныя племена и мѣстами воздвигая свои острожки, они расширили московскіе предѣлы до береговъ Восточнаго океана и нижняго теченія Амура. Тогда завязалась торговля съ Китаемъ, и Нерчинскъ сдѣлался важнымъ пунктомъ этой торговли.

На западъ отъ Москвы, въ Литву и Польшу главная дорога шла черезъ Смоленскъ. Изъ Польши приводились лучшія лошади для царскихъ конюшенъ. Съ юго-запада, изъ турецкихъ владѣній, иногда пріѣзжали въ Москву греческіе купцы съ женскими украшеніями, конскимъ приборомъ, жемчугомъ, фруктами и пр. Прямой путь въ Москву былъ для нихъ небезопасенъ отъ Запорожскихъ казаковъ; поэтому купцы обѣзжали дру-

гою дорогою, черезъ польскія владѣнія. Самые торговые города на юго-западной украинѣ были Кіевъ и Путивль. Южные кочевые народы, особенно Ногайскіе Татары, пригоняли въ Московское государство огромные конскіе табуны, которые покупались большею частію для царской конницы.

На сѣверо-западъ пролежала дорога къ Новгороду и Пскову. Торговля Новгорода съ ганзейскими городами при Иванѣ III почти прекратилась; она возобновилась при Василіѣ III, но уже не въ такихъ размѣрахъ какъ прежде. Открытіе Бѣломорскаго пути Англичанами, погромъ Ивана Грознаго, Смутное время, потеря Балтійскихъ береговъ—одно за другимъ подрывали благосостояніе Новгорода; однако въ XVII вѣкѣ Новгородъ и Псковъ все еще были въ числѣ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ русскихъ городовъ. Сюда пріѣзжали преимущественно Шведы и Нѣмцы; отсюда шли пути за границу: къ Нарвской пристани и къ Ригѣ.

Самый важный путь, Бѣломорскій, шелъ отъ Москвы на торговые города Ярославль и Вологду, потомъ р. Сухоною на Устюгъ, и далѣе Сѣверною Двиною до Архангельской пристани. Къ этой пристани со второй половины XVI вѣка каждое лѣто пріѣзжали европейскіе корабли съ товарами. Сначала исключительными привилегіями пользовались Англичане, которые завели свои факторіи во многихъ внутреннихъ городахъ Россіи; но мало-по-малу ихъ соперниками на этомъ пути явились и другіе купцы, именно голландскіе, нѣмецкіе и французскіе; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ извѣстно, Англичане лишились права на повсемѣстную, беспошлинную торговлю и ограничены однимъ Архангельскомъ.

Изъ Западной Европы въ Россію привозились: металлическія издѣлія, сукна, полотно, вина, сельди, сахаръ, бумага, огнестрѣльные снаряды, золотая и серебрянная монета, разныя пряности и пр. Таможенные чиновники обыкновенно отбирали самые лучшіе товары и покупали ихъ для государя (товары эти шли отчасти на потребности царскаго двора, отчасти назначались въ продажу). Изъ Россіи иностранцы вывозили сырыя произведенія; самую важную статью отпуска составляли мѣха; потомъ слѣдовали: воскъ, медь, кожи, сало, икра, ленъ, пенька и отчасти хлѣбъ. Русскіе торговые

люди почти не ѣздили съ своими товарами въ Западную Европу; на такія поѣздки неблагопріятно смотрѣли какъ самое московское правительство, такъ и иностранные купцы *.

Торговля съ иностранцами составляла незначительную часть всей промышленной дѣятельности народа, и подвержена была многимъ случайностямъ. Она доставляла преимущественно предметы роскоши, которые были доступны только высшимъ сословіямъ; между тѣмъ какъ первымъ и повседневнымъ потребностямъ народной жизни удовлетворяла постоянная торговая и промышленная дѣятельность внутри государства. Почти каждый посадъ служилъ рынкомъ для своихъ окрестностей; посадскіе жители, хотя во многихъ мѣстахъ занимались обработкою полей, но по преимуществу были люди промышленные. Въ извѣстные дни недѣли въ городъ съѣзжались крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, и обмѣнивали произведенія сельскаго хозяйства (хлѣбъ, сѣно, дрова) на посуду, платье, земледѣльческія орудія и другіе товары. Большія разстоянія между городами и неудобство путей сообщенія условливали обычай торговцевъ ежегодно въ извѣстное время собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ; такимъ образомъ произошли ярмарки. Онѣ соединялись обыкновенно съ храмовыми праздниками и помѣщались около церкви. Особенно замѣчательны ярмарки въ монастырскихъ имѣніяхъ; сюда купцы съѣзжались охотнѣе, потому что крестьяне монастырскихъ земель были болѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и самые торги менѣе стѣснялись вмѣшательствомъ таможенныхъ чиновниковъ. Изъ такихъ ярмарокъ наиболѣе знаменита Макарьевская, около монастыря св. Макарія Желтоводскаго **.

* Одинъ ярославецъ поѣхалъ съ пушнымъ товаромъ въ Амстердамъ; но голландскіе купцы, сговорясь между собою, ничего не купили у русскаго, такъ что онъ съ своимъ грузомъ долженъ былъ воротиться въ Архангельскъ. Здѣсь тѣ же самые купцы разобрали у него весь товаръ по высокой цѣнѣ; они поступили такъ, по собственному признанію, съ тою цѣлю, чтобы русскіе торговцы не ѣздили за границу.

** Между русскими торговыми людьми XVII в. встрѣчаются уже товарищества или компаніи, т. е. нѣсколько человѣкъ складывали свои капиталы для торговыхъ предпріятій; на такія складчины по преимуществу велась тор-

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, отзываются о ея жителяхъ какъ о народѣ весьма склонномъ къ торговой и промышленной дѣятельности. Они удивлялись изворотливости и смѣтливости русскихъ купцовъ; но замѣтили и другую черту, которая приносила большой вредъ торговлѣ — это отсутствіе честности. Обычай запрашивать въ нѣсколько кратъ дороже настоящей цѣны, горячо божиться и въ то же время обманывать покупателя былъ весьма распространенъ между московскими торговцами. Подобная черта является прямымъ слѣдствіемъ необразованности и порчи народнаго характера.

Далѣе, на торговлю имѣли неблагоприятное вліяніе слѣдующія обстоятельства. На всѣхъ главныхъ рынкахъ русской купецъ встрѣчалъ подрывъ со стороны царскихъ товаровъ; напримѣръ, являясь на ярмарку въ Архангельскъ, онъ не смѣлъ торговать прежде, нежели окончится торговля царская, для которой отбирались всегда лучшіе товары. Нѣкоторыя вѣтви торговли находились исключительно въ рукахъ казны; напр. дорогіе мѣха, продажа хлѣбнаго вина и пр. Вообще, по малому развитію здравыхъ экономическихъ понятій, торговая дѣятельность въ Московскомъ государствѣ пользовалась весьма ограниченою свободою; товары при всякомъ движеніи подвергались подробной оцѣнкѣ и должны были оплачиваться многочисленными пошлинами. Сюда же присоединялись обиды отъ воеводъ и приказныхъ людей; таможенные головы и цѣловальники, хотя назначались изъ торговыхъ сотенъ, однако притѣсняли и брали взятки не менѣе приказныхъ *. Пути сообще-

говля въ Сибири. Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне изъ уѣздовъ Суздальскаго, Шуйскаго и другихъ, прилегающихъ къ р. Клязьмѣ, составляли пѣшеходныя компаніи для разноски товаровъ; напримѣръ, они отправляли своихъ ходобещиковъ въ украинскіе города съ иконами.

* Флетчеръ, англійскій посолъ при дворѣ Θεодора Иоанновича, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ о Россіи, что русской купецъ, раскладывая товары, боязливо осматривается на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобы взять у него что получше, и притомъ даромъ. (Впрочемъ записки Флетчера отличаются слишкомъ мрачными красками).

Пошлинные сборы были слѣдующіе: мытъ, мостовщина, привальное, свальное, грузовое, амбарное, отъѣзжее и пр. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича эти мелкіе сборы частію были уничтожены, частію замѣнены другими.

нія — необходимое условие для торговой дѣятельности — находились еще въ первобытномъ состояніи. Самое обычное время для путешествія была зима; тогда на дорогѣ между главными торговыми пунктами тянулись огромные обозы съ товарами (такъ между Москвою и Ярославлемъ можно было встрѣтить обозы въ 700 и 800 саней). Лѣтомъ главнымъ средствомъ сообщенія служили рѣки; но плаваніе по нимъ было соединено съ препятствіями отъ мелководья и волоковъ, которые требовали довольно частой перегрузки; а каналы въ то время еще не были извѣстны въ Россіи. Наконецъ, торговля и вообще народное благосостояніе много страдали отъ разбоевъ.

Что касается до заводской и фабричной промышленности, то она была еще весьма мало распространена въ Московскомъ государствѣ, и находилась большею частію въ рукахъ иностранцевъ. Первые желѣзоплавильные заводы устроены въ царствованіе Михаила Теодоровича голландскимъ купцомъ Виніусомъ около Тулы. Вслѣдъ за нимъ гамбургскій купецъ Марселіусъ устроилъ заводы на рр. Костромѣ, Шекснѣ и Вагѣ; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича основаны Олонекіе желѣзные заводы. На этихъ заводахъ отливали для правительства пушки, ядра, дѣлали ружья и другія желѣзные вещи; мастерами были иностранцы; заводчики однако обязывались научать своему мастерству присылаемыхъ къ нимъ русскихъ работниковъ. Кромѣ того въ XVII в. встрѣчаются нѣкоторыя суконныя и полотняныя фабрики, впрочемъ назначенныя только для царскаго двора.

Искусства и домашній бытъ. Художественная дѣятельность въ Россіи по прежнему сосредоточивалась главнымъ образомъ на строеніи и украшеніи храмовъ. (Храмы и ихъ украшенія, кромѣ своего религіознаго значенія, служили единственнымъ и весьма нагляднымъ проводникомъ изящнаго вкуса въ народную массу). Почти всѣ важныя постройки совершались подъ руководствомъ иностранныхъ художниковъ, которые со временъ Ивана III постоянно выписывались изъ Италіи и Германіи; напр. этими художниками построены стѣны Московскаго Кремля, соборы Успенскій и Архангельскій.

Вотъ что сообщаютъ лѣтописи о построеніи Успенскаго собора—этой главной Московской святыни.

Митрополитъ Петръ, переселясь изъ Владиміра въ Москву, просилъ великаго князя Ивана Даниловича Калиту построить каменный соборный храмъ въ честь Успенія Пресв. Богородицы. „Если послушаешь меня—говорилъ Петръ,—то будешь славнѣ всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится, градъ сей будетъ славнѣ всѣхъ градовъ русскихъ, святители будутъ обитать въ немъ, руки его взыдутъ на плеча враговъ, и кости мои будутъ положены въ немъ“. Храмъ былъ заложенъ въ 1326 году; а въ слѣдующемъ году оконченъ. Св. Петръ не дожилъ до его окончанія; онъ былъ погребенъ въ одномъ изъ придѣловъ этого храма. Около полутораста лѣтъ спустя, когда храмъ пришелъ въ ветхость и притомъ оказался тѣсенъ для возрастающаго населенія Москвы, великій князь Иванъ III велѣлъ разобрать и построить его вновь, въ большихъ размѣрахъ, по образцу Владимірскаго собора Богородицы, основаннаго Андреемъ Боголюбскимъ. Стѣны новаго храма уже доведены были до сводовъ, какъ вдругъ обрушились, по непрочности матеріала и неискусству строителей. Тогда великій князь послалъ въ Италію искать хорошаго архитектора; таковой нашелся въ лицѣ Аристотеля Фіоравенти, болонскаго уроженца; каменщики для новаго собора были вызваны изъ Пскова; а кровлю дѣлали новгородскіе мастера, и покрыли ее „нѣмецкимъ“ желѣзомъ. Успенскій соборъ, построенный Аристотелемъ въ теченіе трехъ лѣтъ, въ 1479 году былъ оконченъ, и освященъ митрополитомъ Геронтіемъ. Внутреннее иконное расписаніе стѣнъ (альфреско) было довершено при слѣдующемъ великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ. Иванъ Грозный, послѣ извѣстнаго Московскаго пожара, главы собора покрылъ мѣдными вызолоченными листами. Михаилъ Феодоровичъ, возстановляя Москву, разоренную Поляками, между прочимъ велѣлъ вновь расписать стѣны собора по накладному листовому золоту; при этомъ со стараго письма предварительно свимались рисунки, которые потомъ воспроизводились на тѣхъ же мѣстахъ. (Иконопись и украшенія храма поновлялись еще при Екатеринѣ II и послѣ французскаго разоренія при Александрѣ I). *

* Въ Успенскомъ соборѣ покоятся прахъ московскихъ митрополитовъ и патріарховъ. Вторая послѣ Успенія святыня московскаго Кремля, Архангель-

Въ столицѣ уже находилось много разнаго рода мастеровъ, своихъ и иностранныхъ. Псковъ славился каменщиками, Новгородъ рѣщиками и живописцами; однако этого было недостаточно: Иванъ IV даже запрещалъ продавать въ Литву ливонскихъ плѣнниковъ, знающихъ какое-либо мастерство, и велѣлъ присылать ихъ въ Москву. Относительно архитектурнаго искусства вліяніе византійское въ XV вѣкѣ замѣнилось вліяніемъ западно-европейскимъ. Но въ живописи византійскіе образцы удержались гораздо долѣе: памятниками ея кромѣ иконъ служатъ еще мишьятурные рисунки въ рукописныхъ житіяхъ святыхъ, которыя переписывались и раскрашивались монахами въ монастыряхъ.

Иконопись на Руси считалась священнымъ занятіемъ и находилась подъ непосредственнымъ надзоромъ церковныхъ властей. Такъ Стоглавъ излагаетъ правила, которыхъ должны держаться иконописцы, и между прочимъ предписываетъ имъ не отступать отъ древнихъ образцевъ. Подробныя свѣденія о томъ, какъ изображать священныя лица и событія, соотвѣтственно преданіямъ и обычаямъ церкви, тщательно передавались отъ мастеровъ ученикамъ, отъ одного поколѣнія къ другому. (Рукописные сборники такихъ свѣденій извѣстны подъ именемъ „подлинниковъ“). Такимъ образомъ русская иконопись должна была ограничиться однимъ подражаніемъ или т. наз. „переводами“; но за то она сохранила строгій, византійскій стиль, т. е. древнѣйшій стиль христіанскаго искусства. По нѣкоторымъ различіямъ во внѣшнихъ приемахъ („пошибахъ“) она раздѣлилась на три главные письма или школы: Новгородское, Строгановское и Московское. Иконы Новгородскаго письма сохраняются преимущественно въ старинныхъ церквахъ Новгородской области; до XVI вѣка онѣ ближе другихъ удержали византійскій стиль. Строгановская школа, получившая названіе отъ своихъ покровителей богатыхъ купцовъ Строгановыхъ, распространилась въ сѣверовосточныхъ городахъ; иконы этой школы, сравнительно съ другими, отличаются красотою отдѣлки и бѣльшею живостью

скій соборъ также первоначально былъ построенъ Иваномъ Калитою, а потомъ разобранъ и вновь сооруженъ Иваномъ III. Здѣсь находятся гробы великихъ князей и царей московскихъ

красокъ. Московское письмо ведетъ свое начало еще съ XIV вѣка, отъ Петра митрополита (бывшаго родомъ изъ Воьны), который, по преданію, писалъ иконы. Въ слѣдующемъ XV вѣкѣ представителемъ этой старой школы является монахъ Троицкой Лавры Андрей Рублевъ. Впослѣдствіи въ Москвѣ образуется школа „царскихъ“ иконописцевъ, состоявшихъ въ вѣденіи Оружейнаго приказа. Во второй половинѣ XVII вѣка начальнымъ лицомъ этой школы былъ извѣстный Симонъ Ушаковъ. Такъ какъ въ Москву постоянно вызывались лучшіе иконники и изъ другихъ русскихъ городовъ, то здѣсь постепенно сглаживалось различіе между пошибами; при томъ московская иконопись подверглась нѣкоторому вліянію иностранныхъ мастеровъ, которыхъ выписывали изъ заграницы цари Михаилъ и Алексѣй. (Появляется т. наз. „Фряжское“ письмо, составляющее переходъ отъ иконописи къ живописи). *

Вообще русское искусство находилось далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Въ Москвѣ при царскомъ дворѣ постоянно жили многіе художники, вызванные изъ заграницы: литейщики, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера и пр. (мало по малу они населили въ Москвѣ цѣлую Нѣмецкую Слободу). Но русскіе люди, поступавшіе къ нимъ въ ученье, никогда почти не достигали званія настоящихъ мастеровъ и оставались на степені ремесленниковъ: иностранцы, съ намѣреніемъ не открывали Русскимъ всѣхъ тайнъ своего мастерства, чтобы удержать за собою монополію искусства въ Россіи. Главная же причина, неблагопріятная развитію художественной дѣятельности, заключалась въ печальномъ состояніи образованности и въ бѣдности государства. Роскошь и великолѣпіе встрѣчались только въ столицѣ, особенно при царскомъ дворѣ, куда собиралось все лучшее изъ иностранныхъ и туземныхъ произведеній;

* Раскольниковы старой вѣры, видѣвъ съ «новыми» или исправленными книгами, отвергли и «новыя» иконы, т. е. писанныя не по старымъ образцамъ. Точно также при своемъ богослуженіи они не хотѣли подражать обычному церковному пѣнію, которое было заимствовано изъ Греціи (осьмигласное), но потомъ подверглось перемѣнамъ. Раскольниковы приняли монотонное пѣніе съ носовыми звуками, считая его за старое греческое и называя «демественнымъ».

между тѣмъ какъ столичныя храмы и царскія палаты изобиловали золотомъ и серебряною утварью съ драгоценными каменьями, въ простыхъ сельскихъ храмахъ церковныя сосуды были отчасти оловянные, отчасти сдѣланные изъ дерева.

Русскій городъ раздѣлялся обыкновенно на три части: внутри лежалъ замокъ или кремль; поселеніе около кремля называлось посадомъ, который иногда былъ также окруженъ стѣнами или валомъ; къ посаду примыкали еще слободы (названныя такъ по льготамъ, которыми онѣ пользовались сравнительно съ простыми селами). Слободы носили имена по занятіямъ своихъ жителей, напр. рыбная, ямская, стрѣлецкая, казацкая и пр. Городскія стѣны были деревянныя и только въ самыхъ значительныхъ городахъ каменная съ высокими зубцами; по стѣнамъ возвышались двухъ или трехъярусныя башни съ отверстіями для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Кругомъ стѣнъ иногда ставились двойными или тройными рядами столбы изъ толстыхъ бревенъ (на долбы), которые должны были затруднять подступы къ городу. Кромѣ того, на южныхъ границахъ, постоянно угрожаемыхъ Татарами, окрестности городовъ и «остроговъ» были въ разныхъ направленіяхъ изрѣзаны земляными валами и плетнями со множествомъ лѣсныхъ застѣкъ и заваловъ. Въ той сторонѣ встрѣчались почти однѣ крѣпости; простыя же селенія были весьма рѣдки.

Внутренность города прежде всего занималась казенными зданіями, каковы: приказная изба, воеводскій дворъ, государева житница съ хлѣбными запасами для служилыхъ людей, тюрьма и пр. Тутъ же находились «осадные дворы» сосѣднихъ помѣщиковъ, которые во время непріятельскаго нашествія собирались въ городъ. Посады были наполнены по преимуществу домами торговцевъ и ремесленниковъ.

Каждый дворъ огораживался заборомъ или острымъ тыномъ; домъ располагался большею частію по срединѣ двора и состоялъ изъ нѣсколькихъ жилыхъ строеній, соединенныхъ между собою стѣнами или крытыми переходами. У зажиточныхъ людей дома имѣли нижній этажъ („подклѣтъ“), назначенный для прислуги или для амбаровъ, а на верху дѣлалась еще надстройка („те-

ремъ“). У боярина весь дворъ былъ застроенъ избами для его многочисленной „дворни“ и разныхъ хозяйственныхъ заведеній: такъ какъ богатые помѣщики того времени почти все нужное для домашняго обихода приготовляли у себя дома своими слугами. За главнымъ дворомъ находился еще дворъ, гдѣ помѣщались экипажи, домашнія птицы, скотъ, разныя житницы и пр. Садъ и баня („мыльня“) составляли необходимую принадлежность всякаго порядочнаго дома.

Внѣшняя отдѣлка и внутреннее убранство частныхъ жилищъ не отличались богатствомъ или разнообразіемъ. Ворота, ставни, перила и другія наружныя части дома обыкновенно украшались узорчатою рѣзбою или кувшинообразными колонками. Внутри покоевъ главное мѣсто занимали образа святыхъ и Богородицы, иногда съ серебрянными окладами въ створчатыхъ кіотахъ; иконы наполняли весь передній уголь; передъ ними вѣсла лампада. Для стѣнъ самымъ обыкновеннымъ украшеніемъ служили такъ называемыя лубочныя картины, которыхъ грубыя уродливыя изображенія вполнѣ удовлетворяли непритворному вкусу нашихъ предковъ *. Окна въ бѣдныхъ домахъ были малы и затягивались кожей или пузыремъ; а у зажиточныхъ людей въ нихъ вставлялись пластинки слюды, иногда расписанныя разными красками и фигурами.

Предки наши въ торжественные дни, особенно въ большіе праздники, любили блеснуть роскошнымъ угощеніемъ, богатыми нарядами и другими дорогими вещами; но вообще они отличались бережливостью, и потребности ихъ были весьма ограничены. У самихъ бояръ дорогія платья, оружіе, серебрянная посуда и прочіе предметы роскоши употреблялись рѣдко, хранились весьма тщательно и переходили по наслѣдству нѣсколько поколѣній.

Общею и необходимою частью русской одежды была „рубаша“, которая носилась сверхъ исподняго платья и низко подпо-

Содержаніе лубочныхъ картинъ было: или религіозное (напр. изображеніе страшнаго суда съ разнообразными мучами въ аду и сцены, взятая изъ священной исторіи) или заимствованное изъ любимыхъ повѣстей и сказокъ, или сатирическое. На картинахъ послѣдняго содержанія высказывался народный юморъ въ своихъ грубыхъ, безыскусственныхъ формахъ; напримѣръ, извѣстная картина «мыши кота погребаютъ», изображеніе различныхъ послѣдствій пьянства и пр.

ясывалась; у богатыхъ края и грудь вышивались разноцвѣтными шелками и золотомъ, а воротъ иногда былъ унизанъ жемчугомъ. На рубаху надѣвался узкій кафтанъ до колѣнъ, подпоясанный кушакомъ; когда же выходили изъ дому, то надѣвали сверху „ферязь“—широкое длинное платье съ рукавами почти до земли; зимою носили мѣховую шубу. Эти одежды дѣлались изъ выбойки, сукна или разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій (каковы: тафта, камка, бархатъ, объяръ и пр.); самый любимый цвѣтъ былъ красный. Отличительнымъ знакомъ князей и бояръ служила высокая „горлатная“ шапка, сдѣланная изъ драгоцѣннаго мѣха съ широкимъ бархатнымъ верхомъ. Высшіе классы, по восточному обычаю, плотно закутывали голову, а волосы подстригали довольно коротко; между тѣмъ какъ борода, чѣмъ была длиннѣе, тѣмъ считалась почетнѣе. Попытка великаго князя Василія Ивановича собственнымъ примѣромъ поощрить бритье бороды не имѣла успѣха, потому что противъ этого нововведенія сильно возстало духовенство.

Обыкновенную женскую одежду составлялъ „лѣтникъ“, имѣвшій длинныя широкіе рукава и напереді разрѣзъ, который застегивался до самаго горла. Верхняя женская одежда (опахень, тѣлогрѣя, шуба) походила на мужскую. У замужнихъ женщинъ голова была всегда покрыта „волосникомъ“ или „кикою“; дѣвушки лѣтомъ носили повязки, а зимою брововыя и соболюя шапки, изъ-подъ которыхъ падали на спину волосы, заплетенныя въ одну или двѣ косы съ красными лентами. Женская одежда вообще отличалась пестротой и обиліемъ мелкихъ украшеній. Дородность тѣла, по понятіямъ того времени, считалась принадлежностію красоты у обоихъ половъ. По отзыву иностранцевъ, русскія женщины довольно стройны и красивы; но въ городахъ между ними былъ чрезвычайно распространенъ обычай бѣлиться и румяниться*.

* Въ высшемъ сословіи неисполненіе этого обычая навлекало жестокое преслѣдованіе. Вотъ что рассказываетъ между прочимъ голштинскій посолъ Оларій, посѣтившій Московію въ царствованіе Михаила Феодоровича. „Когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкаскаго, женщина очень красивой наружности, не хотѣла сначала румяниться, прочія жены боярскія тотчасъ обвинили ее въ томъ, что она презираетъ обычай своей земли и хочетъ опозорить другихъ ей равныхъ. Посредствомъ своихъ мужей онѣ доби-

Войско. Главную основу московскаго войска составлялъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, т. е. сословіе помѣщиковъ и вотчинниковъ. Они отправляли собственно конную службу, и, смотря по количеству отведенной имъ земли, выводили съ собою въ поле нѣсколько вооруженныхъ слугъ. Изъ дворянъ, приписанныхъ къ Московскому уѣзду, собирался такъ называемый «царскій полкъ». Кромѣ того всѣ придворные чины (стольники, стряпчіе, жильцы и пр.) были въ то же время люди военные и составляли конный отрядъ царскихъ тѣлохранителей; они являлись на смотръ въ богатомъ вооруженіи, въ блестящихъ панцыряхъ и шлемахъ, съ дорогими саблями, сидя на красивыхъ и рѣзвыхъ аргамакахъ, убранныхъ дорогою сбруею; ихъ сопровождало значительное количество вооруженныхъ слугъ. Придворнымъ чинамъ подражали простые дворяне и дѣти боярскіе, кто побогаче; тѣ же, которые были побѣднѣе, т. е. большая часть, рѣдко имѣли исправное и полное вооруженіе.

Пѣшее войско набиралось отчасти изъ городовыхъ казаковъ и вольныхъ или «охочихъ» людей, а главнымъ образомъ изъ «даточныхъ», которыхъ въ случаѣ войны выставляли по человѣку съ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ. Постоянную и хорошо вооруженную пѣхоту представляли только «стрѣльцы», изъ Москвы мало-по-малу распространенные по всѣмъ главнымъ городамъ; въ столицѣ они служили какъ пѣшая царская гвардія и занимали караулы. Стрѣльцы пользовались нѣкоторыми привилегіями, получали жалованье, могли свободно заниматься торговлею и разными промыслами. Вооруженіе ихъ состояло изъ тяжелаго ружья, бердыша, сабли и копья; они дѣлились на полки и сотни. За стрѣльцами слѣдуютъ «пушкари», казаки и прочіе военные люди, жившіе обыкновенно по городамъ въ особыхъ слободахъ. Къ московскимъ ратнымъ людямъ въ случаѣ нужды присоединялись еще Украинскіе казаки и толпы легкой татарской конницы; также отря-

лись наконецъ, что и эта отъ природы прекрасная женщина должна была румяниться, и, такъ сказать, уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи“.

ды изъ Черемисовъ, Мордвы, Калмыковъ и другихъ инородцевъ, вооруженные по большей части только стрѣлами. Во время значительныхъ походовъ войско раздѣлялось на пять частей: большой полкъ, правая и лѣвая рука, полки передовой и сторожевой; кромѣ того для разъѣздовъ стдѣлялся легкій конный отрядъ, извѣстный подъ именемъ «яртаула». Московская артиллерія («нарядъ») состояла изъ пушекъ и пищалей и была довольно многочисленна. Въ сраженіяхъ съ Татарами употреблялось подвижное укрѣпленіе изъ досокъ или такъ называемый «гуляй-городъ».

Войны съ Поляками и Шведами доказали, что Москвитяне только въ укрѣпленіяхъ защищались съ успѣхомъ; а въ открытомъ полѣ, не смотря на свою многочисленность, они не могли стоять противъ регулярныхъ европейскихъ армій. Вообще въ военномъ искусствѣ со временъ Татарскаго ига Русскіе далеко отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей и приблизились болѣе къ азіатскому образу веденія войны; такъ они съ шумомъ и крикомъ, въ беспорядкѣ, нападали на непріятеля и старались подавить его своею массою. Сами иностранцы однако отдають справедливость природному мужеству Русскихъ и ихъ чрезвычайному терпѣнію въ военныхъ трудахъ и лишеніяхъ. Правительство мало-по-малу убѣдилось въ необходимости завести войска устроенныя по образцу европейскихъ армій. Уже Борисъ Годуновъ имѣлъ отрядъ тѣлохранителей въ нѣсколько тысячъ человекъ, набранный изъ Ливонцевъ, Поляковъ, Шотландцевъ и пр. При Михаилѣ Феодоровичѣ для второй Польской войны нанято было въ Германіи нѣсколько полковъ въ русскую службу; но они мало принесли пользы и были потомъ рѣшены. Съ тѣхъ поръ московское правительство старалось привлекать въ Россію значительное число иностранныхъ офицеровъ, давало имъ жалованье, помѣстья, и поручало обучать русскихъ ратныхъ людей «иноземному строю». При Алексѣѣ Михайловичѣ являются у насъ многіе конные и пѣшіе полки съ иностранными названіями: рейтаръ, гусаръ, драгунъ и солдатъ, подъ командою иноземныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ. Но европейское военное искусство и дисциплина весьма слабо прививались къ русскимъ ратнымъ людямъ, и войска наши по прежнему представляли пестрыя,

нестройныя и плохо вооруженныя толпы ратниковъ. Даже не всё дворяне являлись на службу съ огнестрѣльнымъ оружіемъ (съ «огненнымъ боемъ»); еще многіе изъ нихъ по древнему обычаю въѣзжали на войну съ лукомъ и стрѣлами (съ «лучнымъ боемъ»). Теодоръ Алексѣевичъ оставилъ своимъ преемникамъ войско, простиравшееся до 200,000 человекъ*.

Церковь. Внѣшнее устройство Греко-россійской церкви (іерархія) оставалось почти то же самое какъ и въ періодъ Удѣльно-вѣчевой. Московское государство въ церковномъ отношеніи дѣлилось на епархіи, управляемыя архіереями. Назначеніемъ патріарха и епископовъ по большей части завѣдывалъ самъ царь, выбирая ихъ изъ архимандритовъ и игуменовъ знаменитѣйшихъ монастырей. Высшее духовенство нерѣдко засѣдало въ боярской думѣ, пользовалось правомъ ходатайствовать за опальныхъ и подсудимыхъ, и вообще имѣло значительное вліяніе на государственныя дѣла; но въ свою очередь оно было подчинено царской власти, и учрежденіемъ патріаршества почти не измѣнились ихъ взаимныя отношенія. Епископы имѣли у себя на службѣ довольно значительное число свѣтскихъ чиновниковъ, т. е. бояръ, дѣтей боярскихъ, дьяковъ и пр.

Епархіи дѣлились на округа или «десятины», которыми завѣдывали «десятинники». Послѣдніе объѣзжали свои округа, собирали епископскіе доходы, производили судъ между духовными лицами и крестьянами, принадлежавшими духовенству (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежали всегда свѣтскому суду). Священники или назначались епископомъ, или выбирались прихожанами изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій. При Иванѣ IV бѣлое духовенство получило право выбирать изъ своей среды десятскихъ и сотскихъ священниковъ или «поповскихъ старость».

* При Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлана попытка завести военный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по иностраннымъ образцамъ. Именно на Огѣ были сооружены голландскими мастерами трехмачтовый корабль «Орель» и нѣсколько мелкихъ судовъ; ихъ спустили по Волгѣ въ Каспійское море для охраненія русской торговли отъ морскихъ разбойниковъ. Но Орель скоро былъ сожженъ Стенькою Разиннымъ, и такимъ образомъ попытка завести флотъ не имѣла успѣха.

Монашество съ теченіемъ времени образовало въ древней Росіи многочисленное и важное по своему значенію сословіе. Въ отдаленныхъ и глухихъ краяхъ государства оно по прежнему способствовало заселенію и обработкѣ безлюдныхъ, лѣсныхъ пространствъ: крестьяне, привлекаемые многими льготами, охотно селились на монастырскихъ земляхъ, расчищали почву, и едва проходимыя дотолѣ дебри обращали въ плодоносныя нивы. Большіе монастыри были въ то же время и крѣпости, которыя особенно въ Смутное время оказали многія услуги государству. Въ удѣльно-вѣчевой Руси монахи сами выбирали себѣ игумена; въ Московскомъ же государствѣ игумены назначались иногда епископомъ, а въ знаменитѣйшіе монастыри самимъ царемъ. Первостепенныя обители (лавры) обыкновенно были изъяты изъ епископскаго суда и подчинены прямо суду патріарха.

Весьма частыя пожертвованія благочестивыхъ людей въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосредоточили въ рукахъ монастырей огромныя поземельныя владѣнія*. Правительство отъ этого лишилось многихъ земель, которыя были ему нужны для раздачи ратнымъ людямъ; а вслѣдствіе монастырскихъ привилегій оно теряло и значительную часть своихъ финансовыхъ доходовъ. Съ другой стороны, владѣніе населенными землями отвлекало монастырское начальство отъ религіозныхъ интересовъ къ заботамъ чисто хозяйственнымъ; а богатства, скопившіяся въ стѣнахъ обители, привлекали туда многихъ тунеядцевъ и способствовали порчѣ монастырскихъ нравовъ. При Иванѣ III знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій на духовномъ соборѣ 1504 года поднялъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть селами инокамъ, которые, отрекшись отъ міра, не должны заниматься ничѣмъ мірскимъ и должны кормиться своими трудами. Его поддерживали бѣлозерскіе пустынники; но митрополитъ, епископы и

* Не одно благочестіе заставляло иногда частныхъ владѣльцевъ отказывать земли въ монастырь «по душѣ» (т. е. на поминъ души). Такъ какъ монастырскія земли пользовались льготами относительно государственныхъ повинностей, то нѣкоторые вотчинники, желая обезпечить себѣ спокойное пожизненное пользованіе своимъ имуществомъ, дарили его монастырю на извѣстныхъ условіяхъ.

краснорѣчивый Іосифъ Санинъ на этотъ разъ отстояли привилегіи монастырей. Вопросъ возобновился потомъ при Василиѣ III: мнѣніе Нила Сорскаго развивали два извѣстные монаха, Вассіанъ Косой и ученый Максимъ Грекъ; они сильно вооружались противъ роскоши, лѣности и другихъ пороковъ, встрѣчавшихся между монахами (особенно противъ пьянства). Рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ Иванъ IV. При немъ на Стоглавомъ соборѣ архіереи и монастыри лишены были права покупать вотчины безъ царскаго позволенія; а на послѣдующихъ соборахъ запрещено отказывать свои вотчины въ монастырь на поминъ души.

Вообще образованіе русскаго духовенства часто не соотвѣтствовало его высокому назначенію; приходскіе священники въ областяхъ были люди малограмотные, которые заботились болѣе о насущномъ хлѣбѣ, нежели о наставленіи и поученіи своихъ прихожанъ. Противъ недостатковъ духовенства не разъ въ самой церкви поднимались голоса благомыслящихъ людей, на соборахъ обсуживались мѣры къ исправленію нравственности и къ лучшему образованію священнослужителей; но дѣло исправленія весьма медленно подвигалось впередъ. Въ понятіяхъ народныхъ между тѣмъ продолжали господствовать преданія и вѣрованія чисто-языческія, чему доказательствомъ служить множество всякаго рода суевѣрій (примѣты, чары, заклинанія и пр.); во многихъ мѣстахъ еще свято сохранялись языческія празднества и жертвоприношенія.

До какой степени язычество было еще сильно въ народѣ (особенно тамъ, гдѣ преобладало финское населеніе) показываетъ грамота новгородскаго архіепископа Макарія къ духовенству Воцкой пятины, въ 1534 году. „Мнѣ сказывали — пишетъ архіепископъ, — что въ вашихъ мѣстахъ многіе хрістіане отстали отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ, духовныхъ отцовъ своихъ не посѣщаютъ, а молятся деревьямъ и камнямъ; многіе ѣдятъ скоромное въ Петровъ постъ, приносятъ жертвы мерзкимъ бѣсамъ и призываютъ для совершенія молитвы отступниковъ чудскихъ арбуевъ (волхвовъ). Мертвыхъ не возятъ хоронить къ церквамъ на погосты; а кладутъ въ селахъ по курганамъ въ присутствіи тѣхъ же арбуевъ; послѣднихъ призываютъ также, когда родится дитя, чтобы дать ему имя, и ко-

гда поминають покойниковъ, чтобы принести жертву сквернымъ бѣсамъ“, и т. д. Спустя 13 лѣтъ, преемникъ Макарія архіепископъ Θεодосій обращается къ тому же духовенству и говоритъ о тѣхъ же самыхъ обычаяхъ.

Стоглавый соборъ 1551 г. между прочими безпорядками указываетъ на слѣдующія явленія въ русскомъ простонародѣ. Нѣсколько разъ въ году (именно въ Ивановъ день, Троицкую субботу, Великій четвергъ и др.) мужчины и женщины сходились вмѣстѣ и предавались необузданнымъ играмъ, или громко выли надъ могилами покойниковъ, и вообще совершали разные языческіе обряды. По селамъ ходили ложные пророки обоего пола нагіе и босые съ распущенными волосами: они кривлялись, били себя въ грудь, рассказывали о видѣніяхъ св. Пятницы и св. Анастасіи, запрещали христіанамъ работать въ среду и пятницу, и пр.

Послѣ дѣла о Жидовской ереси Русскую церковь не разъ тревожили и другія ученія, для борьбы съ которыми созывались обыкновенно духовные соборы; такъ въ XVI вѣкѣ замѣчательны ереси Матвѣя Башкина и Θεодосія Косаго, которые оспаривали церковные догматы о Иисусѣ Христѣ. Низшее духовенство и простой народъ, по своей приверженности къ внѣшнимъ обрядамъ, къ буквѣ писаннаго закона, съ недовѣріемъ встрѣчали всякую попытку къ измѣненію и исправленію. Во время Никона исправленіе церковныхъ книгъ обнаружало существованіе раскольниковыхъ сектъ, число которыхъ къ концу XVII вѣка быстро возрастаетъ.

Что касается до инородцевъ принадлежавшихъ къ Московскому государству, то въ XVI и XVII вв. еще большая часть финскихъ племенъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи были идолопоклонники; а татарскія области оставались вѣрны исламу. Впрочемъ, благодаря трудамъ нѣкоторыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ, христіанство продолжало мало по малу распространяться между этими племенами; вмѣстѣ съ русскими завоеваніями оно проникло и въ отдаленную Сибирь *.

* Патріархъ Никонъ, бывшій самъ мордовскаго происхожденія, особенно заботился о крещеніи и обрусеніи Мордвы. Съ его благословенія рязанскій архіепископъ Мисаилъ ревностно принялся за обращеніе въ христіанство Каси-

Образованность. Многие иностранцы, посетившие Россию в XVI и XVII вв., отдають должную справедливость природному разуму Русскаго народа и его способности къ умственному развитію; но вслѣдствіе неблагоприятныхъ историческихъ обстоятельствъ уровень образованности въ Московскомъ государствѣ находился на довольно низкой степени. Съ XIII столѣтія, т. е. со временъ Татарскаго ига, началось быстрое отчужденіе Россіи отъ Европы, и Русскій народъ вступилъ въ близкія отношенія къ дикимъ азіатскимъ сосѣдямъ, которые оставили глубокой слѣдъ на государственномъ устройствѣ и на обычаяхъ нашихъ предковъ. Кромѣ азіатскаго вліянія, на характеръ Московскаго государства отразилось вліяніе византійскихъ преданій, проводникомъ которыхъ служили церковь, литература и законодательство; преданія эти относились къ позднѣйшимъ временамъ византійской образованности, т. е. временамъ упадка.

Хотя со второй половины XV вѣка Московское государство и начинаетъ входить въ связь съ европейскими державами, но связь эта долгое время ограничивалась дипломатическими сношеніями и призывомъ иностранныхъ мастеровъ на службу правительства. Русскіе же люди не отпускались за границу для образованія, и европейская наука не пользовалась въ Россіи покровительствомъ высшихъ классовъ. Указывая на опасность, постоянно грозившую со стороны иноземныхъ ересей, московское духовенство крѣпко держало въ своихъ рукахъ народное образованіе. Оно даже недружелюбно смотрѣло на западно-русскія школы и ученыхъ, считая ихъ нечуждыми многихъ западныхъ идей. Съ цѣлію оградить русское

москвитинъ татаръ и мордовскаго племени Мокшанъ. Переѣзжая изъ мѣста въ мѣсто, онъ проповѣдывалъ христіанство и крестилъ язычниковъ, заставляя при этомъ рубить ихъ священными рожи и сожигать срубы на ихъ владѣнцахъ. Такимъ образомъ онъ обратилъ нѣсколько тысячъ челоуѣкъ. Но въ одной мордовской деревнѣ язычники встрѣтили архіепископа съ луками и дубинами въ рукахъ; когда же онъ, надѣвъ архіерейскую мантию, началъ убѣждать ихъ къ принятію крещенія, Мордва стала стрѣлять изъ луковъ, и архіепископъ унакъ, смертельно раненный стрѣлою (1655 г. Надъ гробницею его въ рязанскомъ Архангельскомъ соборѣ до сихъ поръ хранится его окованная мантия).

православіе отъ западныхъ ересей и подкрѣпить его связь съ восточною церковью, при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ учреждено было въ Москвѣ высшее училище подъ названіемъ «Славяно-греко-латинской академіи». Первыми учителями академіи были вызванные изъ Греціи ученые братья Лихуды (Іоанникій и Софроній); воспитанники изучали преимущественно греческій и латинскій языки, христіанскую философію и богословіе*.

При отсутствіи свѣтскихъ школъ, монахи и церковнослужители въ тѣ времена были почти единственными учителями грамотности. Боярское же и дворянское сословіе по своему умственному развитію весьма мало возвышалось надъ массою простолюдиновъ; все воспитаніе его ограничивалось обученіемъ чтенію и письму, но и до этого искусства достигали не всѣ бояре. Вся система воспитанія того времени основывалась на страхѣ и наказаніи; розга считалась необходимою принадлежностію ученія.

Печальное состояніе образованности и восточное вліяніе на русскіе нравы ярко отразились въ домашнемъ деспотизмѣ главы семейства и въ рабскомъ положеніи женщинъ. Въ удѣльновѣчевой Руси женщина пользовалась нѣкоторою свободою и значительными

* Уставъ этого училища былъ составленъ однако по образцу западныхъ академій и вѣроятно написанъ подъ вліяніемъ Теодорова наставника іеромонаха Симеона Полоцкаго, который учился въ польскихъ академіяхъ и былъ у насъ представителемъ западнаго образованія. Лихуды пріѣхали въ Мосюву уже послѣ смерти Теодора, и зданіе для академіи построено въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Игуменъ этого монастыря ученый Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго, надѣявшійся самъ быть главою академіи, началъ вражду съ Лихудами, и поднялъ съ ними богословскій споръ о временахъ Пресуществленія въ Таинствѣ Евхаристіи. Патріархъ Іоаннъ не любилъ Медвѣдева, считая его еще болѣе Полоцкаго наклоннымъ въ латинству. Письменный споръ о Пресуществленіи кончился побѣдою Лихудовъ; мнѣнія Медвѣдева признаны были московскимъ духовнымъ соборомъ 16-9 года за еретическія (латинскія), сочиненіе его осуждено на сожженіе, и самъ онъ приговоренъ къ заточенію. Впослѣдствіи Лихуды по нѣкоторымъ обвиненіямъ подверглись преслѣдованію и отставлены отъ академіи. Изъ учениковъ этой академіи вышли многіе замѣчательные ученые и писатели русскіе (напр: Магницкій, авторъ извѣстной арифметики, современникъ Петра; Ломоносовъ, Кантемиръ. Бантышъ-Каменскій, митрополитъ Платонъ и др.). Въ XIX вѣкѣ Московская академія перемѣщена въ Троицкую Лавру.

правами въ обществѣ; но съ XIII в. ея положеніе измѣняется. Между тѣмъ какъ въ низшихъ классахъ женщины находились подъ гнетомъ тяжелыхъ домашнихъ работъ, въ высшемъ сословіи онѣ были удалены изъ общества мужчинъ и заключены въ терема, гдѣ проводили жизнь, обреченную праздности и скукѣ. Пряденіе, вышиваніе золотомъ, жемчугомъ или бисеромъ (особенно церковныхъ ризъ и покрововъ), въ обществѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, и однообразныя забавы, въ родѣ качелей, наполняли время боярскихъ женъ и дочерей; изъ дому онѣ выѣзжали не иначе какъ въ закрытыхъ колымагахъ, окруженныя толпою холоповъ. Бракъ съ обѣихъ сторонъ устроивался родителями, при чемъ о согласіи молодыхъ людей не спрашивали. Женихъ обыкновенно до самаго окончанія свадьбы не могъ видѣть своей невѣсты, отъ чего между боярами случались иногда обманы: напримѣръ, вмѣсто той дочери, за которую сватались, выдавали другую, отличавшуюся какимъ-нибудь недостаткомъ; или, когда родственница жениха пріѣзжала смотрѣть невѣсту, показывали ей вмѣсто дочери красивую служанку*.

Только христіанскія понятія о бракѣ смягчали иногда это рабское положеніе женщины и возвышали ее на степень подруги. Русскіе книжники XVI вѣка такими чертами изображаютъ намъ идеалъ женщины: она безропотно покоряется стар-

* При такихъ условіяхъ браки были рѣдко счастливы, и мужъ часто пользовался своимъ жестокимъ правомъ: учить жену плетью. Какимъ образомъ наши предки смотрѣли на отношенія жены къ мужу и вообще на отношеніе семейства къ своему главѣ, ясное понятіе даетъ книга Домострой; она написана священникомъ Благовѣщенской церкви (ильвестромъ—тѣмъ самымъ, который игралъ важную роль въ царствованіе Ивана IV. Въ этой книгѣ Сильвестръ поучаетъ сына Анейма, какъ ему устроить свое хозяйство, обращаться съ женою и воспитывать дѣтей. Между прочимъ онъ совѣтуетъ: если жена, сынъ или дочь не слушаютъ мужа или отца или мать, то наединѣ «постегать плетью», а кулакомъ или палкою не бить, чтобы не изуродовать челоуѣка или не разстроить его здоровье. «А только велика вина и кручиновато дѣло—прибавляетъ авторъ Домостроя—и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, плетью вѣжливоенько побить, за руки держа, по винѣ смотря; да поучивъ примовити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не видѣли и не слышали; жалоба бы о томъ не была.»

шимъ (т. е. мужу и его родителямъ), усердно занимается хозяйствомъ, облегчаетъ въ своемъ домѣ тяжелое положеніе рабовъ, и совершаетъ другіе подвиги христіанскаго благочестія (постъ, милостыню, молитву). Вообще направленіе этихъ идеальныхъ женщинъ аскетическое: проникнутыя глубокою вѣрою, онѣ отказываютъ себѣ въ удовольствіяхъ жизни и ведутъ постоянную борьбу съ своими страстями (которыя олицетворялись обыкновенно въ образѣ дьявола).

Наиболѣе образованныя области Московскаго государства лежали на западѣ, т. е. по сосѣдству съ Европою. Новгородъ, благодаря своей торговлѣ, долгое время служилъ для Москвы главнымъ проводникомъ европейской гражданственности, но въ концѣ XVI вѣка онъ приходитъ въ упадокъ. Въ XVII в. его мѣсто въ отношеніи къ Москвѣ заступаетъ Малороссія съ своими школами и типографіями, съ своими духовными писателями и учеными, которые образовались во время борьбы противъ уни и католицизма (Смотрицкій, Бопыстенскій, Могила, Гизель и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается въ Московской Руси вліяніе польской гражданственности и польской литературы. Постоянный приливъ европейскихъ ремесленниковъ, торговцевъ, офицеровъ и пословъ также не могъ остаться безъ нѣкотораго вліянія на русскій бытъ. Въ XVII вѣкѣ западные европейскіе обычаи хотя слабо, но уже замѣтно проникаютъ въ высшее московское общество. Когда Ордынь Нащокинъ управлялъ посольскимъ приказомъ, въ Москвѣ появились первыя русскія газеты или куранты (рукописныя), впрочемъ исключительно назначенныя для двора; въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ. Между приверженцами западныхъ обычаевъ изъ русскихъ бояръ первое мѣсто занимаетъ Матвѣевъ, подъ вліяніемъ котораго при московскомъ дворѣ положено было начало театру.

Театральныя представленія у насъ, какъ и на западѣ, имѣли сначала религіозный характеръ. Въ Малороссію перешли изъ Польши „мистеріи“ или драмы, содержаніе которыхъ заимствовалось изъ священной исторіи; онѣ разыгрывались обыкновенно при духовныхъ школахъ воспитанниками или бурсаками.

Бурсаки ходили часто по домамъ богатыхъ гражданъ и пѣли подѣ ихъ окнами духовныя канты и вирши, за что получали деньги и съѣстные припасы; а во время святокъ носили съ собой вертепы (двухъ или трехъ-этажные ящики), въ которыхъ показывали Христа въ ясляхъ и окружавшія его лица. Къ этимъ вертепнымъ представленіямъ начали присоединяться потомъ и разныя драматическія сцены изъ народной жизни; здѣсь главными дѣйствующими лицами являлись: бѣднякъ Цыганъ, трусливый Еврей, хвастливый Полякъ и удалой Запорожець. Это были куклы,двигающіяся на проволокахъ; а разговоры или „діалоги“ велъ за нихъ человекъ, скрытый за сценою (театръ марьонетокъ). Въ Московскомъ государствѣ встрѣчается драматическій обрядъ „вещнаго дѣйствія“: передъ Рождествомъ Христовымъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, въ соборномъ храмѣ, во время заутрени церковнослужители, распѣвая священные гимны, представляли трехъ библейскихъ отроковъ, вверженныхъ въ пылающую печь и спасенныхъ ангеломъ. Эта печь состояла изъ деревянной круглой башенки и озарялась удобовоспламеняемою травою *.

При Алексѣ Михайловичѣ къ московскому двору была вызвана труппа нѣмецкихъ музыкантовъ и танцовщиковъ. Они просили у царя дозволенія забавлять его театромъ. Царь обратился за совѣтомъ къ своему духовнику; тотъ отвѣчалъ, что можно Нѣмцамъ играть во дворцѣ, потому что византійскіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя увеселенія. Въ присутствіи царскаго семейства и придворныхъ Нѣмцы разыграли нѣсколько мистерій („какъ Юдифь отсѣкла голову Олоферну“, „какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана“ и др.). Музыкаль-

* Къ религиознымъ представленіямъ можно отнести и величественную процессію Вербнаго воскресенія въ Москвѣ, заимствованную изъ Византіи: патриархъ, сидя на конѣ, напоминалъ Христа, вступившаго торжественно въ Іерусалимъ на ослѣ; царь держалъ за поводъ его коня, а впереди ѣхала рядная верба, около которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли стихиры.

Начало собственно народнаго театра надобно искать въ тѣхъ языческихъ играхъ и обрядахъ, противъ которыхъ такъ сильно вооружалось духовенство; особенно драматическимъ характеромъ отличались свадебные обряды. Въ Московской Руси также встрѣчаются уличныя представленія вуколъ или марьонетокъ, виѣсть съ учеными медвѣдями.

ный оркестръ при этомъ состоялъ изъ дворовыхъ людей Матвѣва, обученныхъ Нѣмцами. Представленія очень понравились царю; онъ поручилъ Матвѣву устроить постоянный театръ, отдать въ ученье къ Нѣмцамъ нѣсколько Русскихъ и выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ. Лучшія русскія мистеріи въ концѣ XVII вѣка принадлежали Симеону Полоцкому и Димитрію Ростовскому.

Литература и народная поэзія. Книжная словесность древней Руси заключалась по преимуществу въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, которые въ большомъ количествѣ дошли до насъ. Главное мѣсто занимаютъ книги религіознаго содержанія. Въ нихъ входили: во первыхъ, поученія отцовъ церкви, распредѣленные для чтенія на каждый день; во вторыхъ, житія святыхъ русской церкви и греческой вообще. Перваго рода сборники извѣстны подъ именами златоструевъ, златоустовъ, измарагдовъ и пр.; а вторые назывались четыминеи, прологи и патерики; замѣчательны Великія Четыминеи, собранныя митрополитомъ Макаріемъ, современникомъ Ивана Грознаго, и Патерикъ Печерскій, составленный въ Кіевѣ въ XV в. Потомъ слѣдуютъ сборники библейскихъ сказаній, преимущественно «отреченныхъ» (т. е. непризнаваемыхъ церковью), которые назывались палеи. Сборники, извѣстные подъ именемъ Пчелы, составляютъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской; они раздѣлены обыкновенно на главы нравственнаго содержанія (о богатствѣ и убожествѣ, о добродѣтели и злобѣ, о правдѣ, и т. п.).

Для распространенія свѣдѣній по всемірной исторіи служили хронографы, заимствованные по большей части изъ греческихъ лѣтописцевъ; здѣсь описывались событія отъ сотворенія міра и притомъ въ особенности событія византійскія. Для распространенія же историческихъ свѣдѣній о древней Россіи служили многочисленные лѣтописные сборники. Иногда изъ лѣтописей дѣлались выписки по княженіямъ и царствованіямъ («степенныя книги»), или составлялись лѣтописные своды; замѣчательенъ особенно сводъ лѣтописей, составленный по приказанію Никона. Въ XV в. московская лѣтопись получаетъ по преимуществу государственный (оффи-

ціальний) характер и ведеться при дворѣ великихъ князей; въ XVI в. ее начинаютъ замѣнять «разрядныя записки». куда дѣяки виснили главныя придворныя событія и служебную дѣятельность бояръ. Въ томъ же вѣкѣ появляются историческія записки современниковъ; таково сочиненіе князя Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго. Въ XVII вѣкѣ лѣтописная дѣятельность почти прекращается, и записки выступаютъ на первый планъ; самыя замѣчательныя это: Авраамія Палицына «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», и любопытное сочиненіе «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», принадлежащее подъячему посольскаго приказа Кошкину; оно писано въ Швеціи, куда Кошкинъ уѣзжалъ изъ Московскаго государства (около 1654 г.) *.

Въ XVII вѣкѣ обнаружилась потребность въ обзорѣ цѣлой Русской исторіи; потребность эта сознается сначала въ Малороссіи. Въ Кіевѣ былъ напечатанъ сборникъ лѣтописныхъ и другихъ сказаній о Русской старинѣ, доведенныхъ до временъ

* Гаманниками письменности въ древней Россіи и вмѣстѣ важнымъ матеріаломъ для ея исторіи служатъ также многочисленныя грамоты: уставныя, договорныя, жалованныя, духовныя, правыя и др. Самое богатое собраніе такихъ грамотъ и актовъ заключается въ изданіяхъ Археографической Комиссіи, которая была учреждена въ 1834 г. для печатанія русскихъ историческихъ матеріаловъ.

Драгоценныя источники для исторіи до-Петровской Россіи. для знакомства съ ея нравами и обычаями, представляютъ еще записки иностранцевъ довольно многочисленныя въ XVI и XVII вв. Составители этихъ записокъ отчасти посѣщали Россію въ качествѣ пословъ и путешественниковъ, каковы: баронъ Герберштейнъ, Посевинъ, Флетчеръ, Олеарій, баронъ Мейербергъ (австрійскій посолъ при Алексѣѣ Михайловичѣ), отчасти находились въ московской или польской службѣ, каковы Маржеретъ (французскій офицеръ въ гвардіи Бориса Годунова и Іоанна Дмитрія I), Коллинсъ (англійскій врачъ при дворѣ Алексѣя Михайловича), ученый сербъ Крижаничъ и др.

Для исторіи Югозападной Россіи изъ иностранныхъ источниковъ замѣчательно «Описаніе Украйны» Боупана. Изъ русскихъ «Лѣтописъ» Величка, который былъ канцеляристомъ Малороссійскаго войска (въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.). Изъ Польскихъ источниковъ для Литовской Руси наиболѣе заслуживаетъ вниманія «Хроника» Стрыйковскаго (въ XVI в.).

Феодора Алексѣевича. Сборникъ названъ „Синописисъ“ (сокращеніе); онъ приписывается архимандриту Кіевопечерской лавры Иннокентію Гизелю, и долго (до времени Ломоносова) былъ единственнымъ учебникомъ Русской исторіи.

Собственно свѣтская или легкая литература состояла изъ большаго количества сказокъ и повѣстей, которыя служили любимымъ предметомъ чтенія или изустнаго разказа, и на ряду съ другими сочиненіями входили въ составъ рукописныхъ сборниковъ. Многія изъ этихъ повѣстей очевидно иноземнаго происхожденія, частію занесенныя съ востока (напр. «о Синагриппѣ царѣ и Акирѣ премудромъ», взятая изъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь»), частію съ запада, посредствомъ Польши (напр. «Бова королевичъ» — изъ итальянскихъ рыцарскихъ романовъ); но онѣ обыкновенно передѣлывались на русской ладъ. Форму повѣстей принимали также многочисленныя легенды назидательнаго содержанія (напр. муромская легенда о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи) и сатирическіе разказы, въ которыхъ народное остроуміе выставяло на видъ дурныя стороны своего общественнаго быта; образецъ такихъ разказовъ представляетъ «Шемякинъ судъ» — сатира на неправедныхъ, корыстолюбивыхъ судей.

Вотъ его содержаніе. Къ судѣ Шемякѣ пришли три истца и жаловались ему на одного бѣднаго челоуѣка: у перваго истца этотъ бѣднякъ взялъ на время лошадь и возвратилъ ее безъ хвоста; у другаго, зайдя на ночлегъ, онъ сорвался съ палатей на зыбку, въ которой лежалъ сынъ хозяина, и причинилъ смерть ребенку; у третьяго онъ убилъ отца, упавши на него съ моста. Отвѣтчикъ, идя на судъ, взялъ камень, завернулъ его въ платокъ и положилъ въ шапку; ставъ передъ судьей, онъ на его вопросы только кланялся, и показывалъ платокъ. Шемяка рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что каждый изъ истцовъ потомъ заплатилъ деньги отвѣтчику, чтобы избавиться отъ исполненія судейскаго рѣшенія (напр. третьему истцу присуждено было стать на мостъ и упасть на отвѣтчика точно также, какъ тотъ упалъ на его отца). Когда же Шемяка велѣлъ бѣд-

няку показать, что у него завернуто въ платкѣ, тотъ вынулъ камень, и объяснилъ, что этимъ камнемъ онъ хотѣлъ убить судью, если бы послѣдній рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Судья былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ, которое сохранило ему жизнь *.

Между тѣмъ какъ книги составляли умственную пищу грамотныхъ людей и по рѣдкости своей были доступны только зажиточному классу, художественныя потребности простаго народа находили себѣ удовлетвореніе въ разнообразныхъ и многочисленныхъ пѣсняхъ, т. е. въ произведеніяхъ народной фантазіи и народнаго чувства. Между ними первое мѣсто занимаютъ «былины», т. е. пѣсни съ эпическимъ характеромъ. Героями этихъ былинъ являются богатыри; они олицетворяютъ собою княжескую дружину въ борьбѣ съ враждебными сосѣдями, преимущественно съ азіатскими племенами, которые то выступаютъ въ видѣ несмѣтнаго войска, то представляются въ чудовищномъ образѣ Змѣя Горыныча и другихъ фантастическихъ существъ. Богатыри русскіе обыкновенно собираются около великаго князя Владиміра «Красное Солнышко», который задаетъ имъ великолѣпные пиры и посылаетъ ихъ совершать баснословные подвиги **. Наибольшею славою въ народѣ изъ такихъ идеальныхъ героев пользовались: Илья Муромецъ (богатырь-крестьянинъ), Добрыня Никитичъ (богатырь-бояринъ) и Алеша Поповичъ.

* Въ концѣ XVII вѣка появляются и слабыя начатки самостоятельной русской повѣсти романтическаго содержанія. Любопытный образчикъ ея представляетъ повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ („Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“—Сочиненіе Пыпина).

** На княжескомъ пиру богатырь ѣстъ и пьетъ, согласно съ своей непоимѣрною силою. Ему наливаютъ

„Чару зелена вина въ полтора ведра.

И турій рогъ меду сладкаго въ полтретя ведра“.

А богатырь

„Принимаетъ чару единой рукой,

Выпиваетъ ее единымъ духомъ“.

Кромѣ этого княжескаго цикла (т. е. круга) эпическихъ пѣсенъ, получившихъ начало преимущественно въ южной Россіи, былъ еще другой циклъ пѣсенъ, принадлежавшихъ сѣверной или Новгородской Руси. Здѣсь вмѣсто княжескаго двора или дружины на заднемъ планѣ рисуется община и вѣче; а героями пѣсенъ являются предприимчивые гости и повольники новгородскіе. Таковы пѣсни: «Василій Буслаевъ» и «Садко богатый гость». И тотъ и другой циклъ по происхожденію своему относятся къ удѣльно-вѣчевой Руси, т. е. къ періоду борьбы между княземъ и вѣчемъ; но пѣсни эти сохранились въ устахъ народа до позднѣйшихъ временъ.

Въ XVI и XVII вв. составляетя въ Московской Руси циклъ собственно царскій; такъ, слагаются пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, о его завоеваніяхъ, пирахъ и боярахъ, о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и т. д. Между тѣмъ въ Малой Россіи образуется обширный историческій эпосъ изъ казацкихъ пѣсенъ или «думъ»; содержаніемъ ихъ служатъ подвиги казацкихъ героевъ, преимущественно любимыхъ гетмановъ. Эти думы слагали и пѣли народные малороссійскіе поэты («гобзари» или бандуристы). Въ тоже время являются разбойничьи пѣсни, напримѣръ о Стенькѣ Разинѣ и другихъ знаменитыхъ атаманъхъ.

Къ разряду эпическихъ произведеній можно отнести и такъ называемые «стихи» религіознаго содержанія, каковы «о Голубиной книгѣ» и «о Страшномъ судѣ». Въ нихъ особенно ярко отразилось смѣшеніе языческихъ вѣрованій съ христіанскими*.

Что же касается до русскихъ лирическихъ пѣсенъ, то въ нихъ вполне высказывался внутренній міръ народа, т. е. сторона сердца или чувства, которое у славянскихъ племенъ по большей части пре-

* Напримѣръ, вотъ какимъ образомъ Голубиная книга рассказываетъ о происхожденіи міра:

„У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Солнце красное отъ лица божьяго,
Свѣтелъ мѣсяць отъ грудей божиныхъ,
Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божиныхъ,
Ночи темныя отъ думъ господнихъ“ и т. д.

обладаетъ надъ другими силами души. На этихъ пѣсняхъ лежитъ общій отпечатокъ задумчивости, а господствующій въ нихъ тонъ — за унывный, который есть слѣдствіе многочисленныхъ страданій, перенесенныхъ Русскимъ народомъ въ теченіе его долгой исторической жизни. Пѣсни малорусскія отличаются въ особенности меланхолическимъ настроеніемъ и нѣжнымъ сосредоточеннымъ чувствомъ; тогда какъ великорусскія пѣсни иногда переходятъ къ необузданному веселью, и вообще отражаютъ болѣе широкую натуру, способную и къ кипящей дѣятельности и къ беззаботному разгулу*.

* Страданія этой разгульной природы отъ стараго народнаго порока, пьянства, съ большою силою высказались въ пѣснѣ о Горѣ-Злосчастьѣ. Добрый молодецъ ушелъ изъ дому безъ благословенія родителей. Является Горе-Злосчастье, олицетворенное въ видѣ какого-то злаго демона, искушаетъ молодца, заставляетъ его проинить все имѣніе и потомъ свитаться по свѣту, не переставая его всюду преслѣдовать. Молодецъ рѣшился броситься въ рѣку, Горе его не допустило; захотѣлъ воротиться на родину, оно ему загородило путь. Это нестыязчивое преслѣдованіе, по обычаю народныхъ пѣсней, изображается поэтическими оборотами:

„Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,

А Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ,

Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,

А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ“.

„Молодецъ пошелъ пѣши дорогою,

А Горе подъ руку подъ правую“; и т. д.

Измученный преслѣдованіями злаго Гора, молодецъ спасается наконецъ въ монастырь — по понятіямъ благочестивыхъ людей вѣрное убѣжище отъ мірскихъ золъ. — куда демонъ Горе за нимъ не посмѣлъ слѣдовать.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

РУСЬ ИМПЕРІЯ.

I. ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ИЛИ ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

1682—1725.

Стрѣлецкій бунтъ. Послѣ смерти бездѣтнаго Теодора Алексѣевича ближайшее право на престолъ имѣлъ слѣдующій за нимъ братъ Іоаннъ; но онъ былъ извѣстенъ своею слабостію тѣлесною и душевною; поэтому патриархъ Іоакимъ и бояре, мимо старшаго брата, провозгласили царемъ десятилѣтнаго Петра. Тогда главное значеніе при дворѣ получила мать Петра, Наталья Кирилловна, и воспитатель ея бояринъ Матвѣевъ былъ немедленно возвращенъ изъ ссылки. Противъ царицы Натальи и ея родственниковъ Нарышкиныхъ вооружилась партія Милославскихъ; душой этой партіи сдѣлалась умная, честолюбивая Софья, одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. Такъ какъ при дворѣ ея отца, подѣ влияніемъ западныхъ обычаевъ, царевны не строго соблюдали древнія правила затворничества, то Софья чтеніемъ и бесѣдою съ людьми образованными успѣла развить свой умъ и познакомиться съ дѣлами государственными. Въ царствованіе брата Теодора она уже принимала нѣкоторое участіе въ политикѣ, а послѣ провозглашенія царемъ Петра рѣшилась оспаривать власть у

своей мачихи. Для исполненія своихъ замысловъ Софья и ея родственники обратились къ стрѣльцкому войску. Между московскими стрѣльцами, около того времени, обнаружилось волненіе по слѣдующему поводу: войско жаловалось правительству на притѣсненія своихъ полковниковъ; а правительство ограничилось нѣсколькими нерѣшительными мѣрами; тогда стрѣльцы начали собираться въ круги, по казацкому обычаю, и самовольно расправляться съ своими начальниками. Софья воспользовалась этимъ волненіемъ; посредствомъ преданныхъ ей людей она склонила стрѣльцовъ на свою сторону; внушила имъ, что царевичъ Іоаннъ незаконно отстраненъ отъ престола, и возбудила наконецъ открытый, кровавый бунтъ противъ Нарышкиныхъ.

Утромъ, 15 мая 1682 года, сообщники царевны прискакали въ Стрѣлецкую слободу съ извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. При звукахъ набатныхъ колоколовъ собрались стрѣлцкіе полки, числомъ около 15000 человекъ, и немедленно бросились въ Кремль. Подступивъ къ дворцу, они громко требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича. Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо своихъ братьевъ, Іоанна и Петра. Стрѣльцы, видя, что ихъ обманули, остановились и начали слушать увѣщанія боярина Матвѣева, нѣкогда своего любимаго начальника. Мятежъ уже готовъ былъ утихнуть; но приверженцы Софьи употребили всѣ усилія воспламенить его снова. Имъ помогъ своею неосторожностію начальникъ стрѣлцкаго приказа князь Михаилъ Долгорукій, который, послѣ кроткой рѣчи Матвѣева, вдругъ закричалъ на стрѣльцовъ и съ угрозами велѣлъ имъ разойтись. Мятежники разсвирѣпѣли, взбѣжали на крыльцо, и, схвативъ Долгорукаго, бросили его внизъ на копья своихъ товарищей; той же участи подвергся и несчастный Матвѣевъ. Одни изъ стрѣльцовъ ворвались въ самый дворецъ и убили нѣсколько вельможъ, имена которыхъ находились въ спискѣ, составленномъ Милославскими; другія толпы бунтовщиковъ разсыпались по Москвѣ, отыскивая повсюду людей обреченныхъ на смерть. Убіиства возобновились на другой и на третій день. Въ числѣ мно-

гихъ знатныхъ людей въ это время погибли: Языковъ, бывшій любимецъ царя Θεодора, и родной братъ царицы Иванъ Нарышкинъ.

Прекративъ наконецъ свои убійства, стрѣльцы по внушенію Софьи объявили государями обоихъ царевичей вмѣстѣ; дума боярская и выборные отъ разныхъ сословій согласились на это двоевластіе. Вслѣдъ за тѣмъ стрѣльцы настояли, что бы правленіе, за молодостію братьевъ, было вручено царевнѣ Софьѣ.

Правленіе царевны Софьи. Первымъ дѣломъ правительницы была борьба съ раскольничьимъ движеніемъ. Число раскольниковъ быстро умножалось, не смотря на преслѣдованія, которымъ подвергались приверженцы «старой вѣры» въ царствованіе Алексѣя и Θεодора (главные представители раскола Аввакумъ, Лазарь и дяконъ Θεодоръ были сожжены въ Пустозерскѣ въ 1681 г.). Учители раскола и основатели разныхъ сектъ или толковъ укрывались по отдаленнымъ областямъ государства, и тамъ собирали вокругъ себя послѣдователей; особенно много раскольничьихъ скитовъ появилось въ глухихъ лѣсахъ пустынного Архангельскаго края. Въ самой столицѣ раскольники были довольно многочисленны; къ нимъ тайно принадлежала и часть стрѣльцовъ. Послѣ Майскаго переворота стрѣлцкое войско стало смотрѣть на себя какъ на главную опору правительства; раскольники ободрились, и начали дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что новый начальникъ стрѣльцовъ, князь Хованскій, былъ послѣдователь ихъ ученія. Болѣе другихъ отличался своимъ фанатизмомъ разстриженный священникъ Никита, прозванный «Пустосвятомъ». Однажды онъ съ большою толпою явился въ Кремль и вызывалъ патріарха на Лобное мѣсто для торжественнаго пренія о вѣрѣ. Патріархъ принялъ вызовъ; но преніе, по желанію Софьи, произошло не на площади, а во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ, гдѣ присутствовали правительница, оба царя, вельможи и выборные московскіе люди (въ іюль 1682 г.). Преніе было шумное и продолжалось до вечера; выходя изъ палаты, раскольники провозгласили побѣду. Когда такимъ образомъ соблазнъ

въ народѣ достигъ опасныхъ размѣровъ, правительница рѣшилась прибѣгнуть къ строгости: спустя нѣсколько дней послѣ пренія, предводители раскольниковъ были схвачены; Никитѣ отрубили голову, а другихъ заточили. Ученики ихъ разсѣялись въ разныя стороны, но ревностно продолжали дѣло своихъ учителей.

Между тѣмъ стрѣлцкое войско не переставало волноваться; а Хованскій, потворствуя своеволю подчиненныхъ, сдѣлался ихъ любимцемъ, и началъ питать честолюбивые замыслы. Пребываніе въ столицѣ и ея окрестностяхъ становилось небезопасно для правительницы; она вмѣстѣ съ дворомъ удалилась въ крѣпкій Троицкій монастырь, куда стала созывать служилыхъ людей для защиты царскаго семейства. Хованскій, отправившись по приглашенію ея къ Троицѣ, былъ схваченъ на дорогѣ и безъ суда казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. Стрѣльцы сначала подняли бунтъ; но, устрашенные войскомъ, собраннымъ около Троицкаго монастыря, они скоро смирились, и упросили патріарха ходатайствовать за нихъ передъ царицею. Она потребовала, чтобы выборные отъ стрѣльцовъ принесли ей повинную; рассказываютъ, будто около 3000 человекъ отправились въ монастырь съ петлями на шеѣ, неся въ рукахъ плахи и топоры. Имъ объявлено было прощеніе; а стрѣлцкій приказъ Софья поручила думному дьяку Шакловитому, исполнѣ ей преданному.

Въ это время любимцемъ царицы и первымъ ея совѣтникомъ является князь Василій Голицынъ, вельможа умный, получившій отчасти европейское образованіе. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Софьи и Голицина самымъ важнымъ былъ союзъ прогивъ Турціи, предложенный польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Царица приняла предложеніе короля только подъ условіемъ вѣчнаго мира съ Польшею, который долженъ былъ подтвердить статьи Андрусовскаго договора и упрочить за Москвою Кіевъ. Поляки согласились на это тяжкое для нихъ условіе, и въ Москвѣ былъ заключенъ вѣчный миръ (1686 г.). Вслѣдъ затѣмъ Россія, въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею, открыла войну противъ Турціи. По условію Русскіе должны были напасть на крымскаго хана, чтобы отвлечь его отъ соедине-

нія съ Турками. 100,000 московскаго войска подъ начальствомъ Голицына и 50,000 Малороссійскихъ казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ выступили противъ Крымцевъ (1687 г.). Но походъ по открытымъ степямъ былъ чрезвычайно труденъ для большого войска. Татары зажгли степи, и лошади начали падать отъ безкормицы, люди терпѣли отъ дыма и зноя, оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Голицынъ безъ битвы воротился назадъ. Первымъ слѣдствиемъ неудачи было сверженіе Самойловича; казацкіе старшины, не любившіе гетмана за гордость и корыстолюбіе, обвинили его въ измѣнѣ, и потребовали, чтобы онъ былъ смѣненъ. Софья исполнила ихъ требованіе; Самойловича сослали въ Сибирь, а на его мѣсто былъ выбранъ Иванъ Мазепа *. Весною 1689 года Голицынъ съ Мазепою предпринялъ второй походъ на Крымъ; на этотъ разъ Русскіе дошли до Перекопа, но опять воротились назадъ безъ успѣха. Правительница однако щедро наградила своего любимца и другихъ воеводъ, принимавшихъ участіе въ крымскихъ походахъ. Въ томъ же году русскій уполномоченный Головинъ заключилъ съ Китаемъ Нерчинскій договоръ; по этому договору плодородные берега Амура, завоеванные горстью казацкихъ удалцовъ, снова отошли къ Китайцамъ, и крѣпость Албазинъ, которую казаки прославили своею геройскою защитою, была разорена.

Воспитаніе Петра и паденіе Софьи. Младшій сынъ Алексѣя Михайловича росъ подъ надзоромъ своей матери и получилъ воспитаніе, совершенно непохожее на то, которое прежде давалось мос-

* Это былъ человекъ хитрый, довольно образованный и отличавшійся страстью къ женщинамъ. Есть извѣстіе (въ мемуарахъ польскаго шляхтича Паска), что въ молодости Мазепа служилъ при дворѣ польскаго короля Яна Казимира; что одинъ панъ, обманутый своею женою, схватилъ Мазепу, привязалъ его нагаго на спину коня, и пустилъ въ поле. Послѣ того Мазепа скрылся; а, спустя нѣсколько лѣтъ, появился на Украинѣ въ войскѣ гетмана Дорошенку. Онъ потомъ измѣнилъ Дорошенку и передался гетману Самойловичу. У послѣдняго Мазепа училъ дѣтей и съ помощью его получалъ вашу должность войскаго писаря; но измѣнилъ Самойловичу, и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его паденія. Избранію Мазепы гетманомъ способствовалъ кн. Голицынъ.

ковскимъ царевичамъ. (Вполнѣ подчиненные строгимъ правиламъ церемоніала, господствовавшаго при московскомъ дворѣ, они до извѣстныхъ лѣтъ отрочества почти не покидали внутреннихъ покоевъ дворца и оставались недоступны для глазъ народа; учителями ихъ были преимущественно лица духовныя). Рано лишившись отца, Петръ въ царствованіе брата и правленіе сестры находился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ придворной жизни, и пользовался гораздо большею свободою, нежели его предшественники. Съ дѣтства онъ обнаружилъ необыкновенно дѣятельную, пылкую натуру, геніальныя способности и чрезвычайную любознательность. Дѣякъ Зотовъ, приставленный къ Петру для обученія грамотѣ, будучи недалеко по уму и познаніямъ, не могъ удовлетворить любознательности своего ученика *. Царевичъ самъ нашелъ себѣ учителей между обитателями Нѣмецкой слободы, т. е. между иностранцами состоявшими въ русской службѣ. Изъ этихъ иностранцевъ наиболѣе извѣстны: голландецъ Тиммерманъ, учившій Петра ариѳметикѣ, геометріи и артиллеріи, и генераль Гордонъ, родомъ Шотландецъ главный наставникъ Петра въ военномъ дѣлѣ. Нѣсколько позднѣе самымъ близкимъ человѣкомъ и другомъ молодаго царя сдѣлался ловкій веселый Францъ Лефортъ, родомъ Женевецъ, который въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича пріѣхалъ въ Россію, что бы искать счастья въ царской службѣ. Расказы иностранцевъ, знакомившіе Петра съ подробностями европейской образованности, еще сильнѣе возбуждали въ немъ жажду знанія и дѣятельности.

Дѣтскія забавы Петра отличались военнымъ характеромъ: онъ окружилъ себя сверстниками изъ дѣтей придворныхъ служителей, и, проводя большую часть времени въ царскихъ подмосковныхъ селахъ, игралъ съ ними въ солдаты. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ онъ образовалъ изъ товарищей своихъ игръ потѣшныя роты, сформированныя по образцу регулярнаго солдатскаго

* Дочь Петра императрица Елизавета Петровна впослѣдствіи рассказывала, что однажды отецъ, заставъ ее съ сестрой за уроками, сказалъ со вздохомъ: „Ахъ, если бы я въ молодости былъ выученъ вагъ должно!“ (Записки Штелина о Петрѣ III).

войска; число охотниковъ, поступавшихъ въ эти роты, постоянно увеличивалось, и изъ нихъ составились потомъ два первыхъ гвардейскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій (названные такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ). Иностранные корабельные мастера помогли царевичу завести также потѣшный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по европейскимъ образцамъ.

Самъ Петръ такимъ образомъ рассказываетъ (въ предисловіи къ морскому регламенту) о началѣ потѣшнаго флота.

Однажды, въ 1688 году, ему вмѣстѣ съ Тиммерманомъ случилось быть въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Осматривая амбары, въ которыхъ лежали старыя вещи покойнаго Никиты Ивановича Романова, царевичъ увидалъ незнакомое для него иностранное судно, и обратился съ распросами къ Тиммерману. Послѣдній объяснилъ, что это англійскій ботъ, который можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру, но и противъ вѣтра. Удивленный Петръ спросилъ, нѣтъ ли человѣка, который могъ бы починить ботъ и показалъ бы его ходъ на водѣ? Тиммерманъ указалъ на голландскаго мастера Бранта, который при Алексѣѣ Михайловичѣ участвовалъ въ постройкѣ судовъ для Каспійскаго моря. Брантъ удовлетворилъ желанію юноши, спустилъ ботъ на Яузу, и научилъ Петра лавировать. Петръ скоро такъ пристрастился къ новой забавѣ, что неудовлетворился однимъ ботомъ, а въ слѣдующемъ году при помощи того же Бранта, выстроилъ уже цѣлую флотилію судовъ на Переяславскомъ озерѣ.

Софья мало заботилась о военныхъ потѣхахъ и разгульномъ образѣ жизни своего брата. Но по мѣрѣ того, какъ молодой царь приходилъ въ возрастъ, борьба между имъ и властолюбивою правительницею становилась неизбѣжна. Руководимая совѣтами Шакловитаго и ученаго игумена Заиконоспасскаго монастыря Сильвестра Медвѣдева, Софья хотѣла снова поднять на свою защиту стрѣлцкое войско; но стрѣльцы на этотъ разъ не показали охоты поддерживать правительницу, и большинство ихъ явно склонялось на сторону царя. Тогда Шакловитый рѣшился посягнуть на самую жизнь Петра и его матери. Два стрѣльца ночью явились въ Пре-

ображенское къ царю, и извѣстили его объ опасности. Внезапно разбуженный, Петръ тотчасъ сѣлъ на коня и ускакалъ въ Троицкую лавру подъ защиту ея укрѣпленій; за нимъ послѣдовала царица Наталья, ея родственники и приверженцы. По призыву царя сюда скоро начали стекаться и военные люди; изъ Москвы пришелъ стрѣлецкій Сухаревъ полкъ, и увлекъ за собою другихъ стрѣльцовъ; явились и служилые иноземцы. Почти всеми оставленная, правительница тщетно прибѣгала къ посредничеству патриарха и другихъ близкихъ особъ. Шакловитый и Сильвестръ Медвѣдевъ были казнены, князь Голицынъ съ сыномъ отправленъ въ Пустозерскъ; а Софья заключена въ Новодѣвичій монастырь (1689 г.). Семнадцатилѣтній Петръ сдѣлался теперь единодержавнымъ государемъ. Братъ его Иванъ продолжалъ именоваться царемъ на всѣхъ грамотахъ и при торжественныхъ случаяхъ являлся народу въ царскомъ облаченіи, но не принималъ дѣйствительнаго участія въ управленіи; онъ умеръ въ 1696 году.

Азовскіе походы и путешествіе за границу. Первое время своего правленія Петръ преимущественно занимался устройствомъ регулярнаго войска. Онъ давалъ примѣрныя сраженія солдатскихъ полковъ съ стрѣльцами (при чемъ первые обыкновенно оставались побѣдителями)*; продолжалъ строить суда на Передславскомъ озерѣ, и два раза ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобы познакомиться съ моремъ. Отъ своихъ трудовъ царь нерѣдко отдыхалъ за веселыми пирами и попойками въ обществѣ приближенныхъ лицъ, преимущественно иностранныхъ офицеровъ; на эту дружбу съ иностранцами неодобрительно смотрѣли духовенство и старые московскіе бояре.

* Замѣчательны особенно большіе маневры, извѣстные подъ именемъ „Кожуховскаго похода“ (въ 1694 г.). Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы на берегу Москвы рѣки, за деревнею Кожухово, сооружено было земляное укрѣпленіе, обнесенное валомъ и рвомъ. Поляны стрѣлецкіе должны были защищать это укрѣпленіе, подъ начальствомъ боярина Бутурлина; а поляны потѣшныя и солдатскіе осаждали его, подъ начальствомъ боярина Ромодановскаго. Послѣ нѣсколькихъ дней осады укрѣпленіе было взято приступомъ.

Скоро вниманіе государя обратилось на югъ, къ морямъ Азовскому и Черному, гдѣ война съ Турками, начатая при Софѣ, еще не была окончена. Главнымъ пунктомъ для своего нападенія царь избралъ Азовскую крѣпость, которая служила ключемъ къ сосѣднему морю. Петръ задумалъ утвердиться на Азовскомъ морѣ, чтобы завести тамъ флотъ и морскую торговлю съ южной Европой. Посадивъ войско на суда, онъ переправилъ его Окою, Волгою и Дономъ къ Азову; въ то же время другая армія подъ начальствомъ Шереметева вмѣстѣ съ Малороссійскими казаками направлялась къ низовьямъ Днѣпра. Осада Азова, въ которой участвовалъ самъ Петръ, на первый разъ была неудачна (1695 г.), отчасти по неимѣнію искусныхъ инженеровъ, отчасти потому что азовскій гарнизонъ свободно получалъ подкрѣпленія съ моря. Царь отступилъ; но въ ту же зиму построилъ до 30 военныхъ судовъ на рѣкѣ Воронежѣ. На слѣдующую весну онъ снова выступилъ въ походъ, назначивъ адмираломъ флота любимца своего Лефорта, а главнымъ начальникомъ сухопутнаго войска боярина Шеина. На этотъ разъ крѣпость, окруженная съ сухаго пути и съ моря, сдалась послѣ двухмѣсячной осады. Побѣдителямъ былъ устроенъ триумфальный входъ въ столицу, причемъ царь шелъ впереди морскаго отряда въ мундирѣ простаго капитана. Чтобы утвердиться на берегахъ Азовскаго моря, Петръ немедленно приступилъ къ сооруженію большаго флота на счетъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ своего государства. Землевладѣльцы для этого соединились въ опредѣленные товарищества или «кумпанства». Постройка судовъ производилась на Воронежской верфи, окрестности которой изобиловали въ тѣ времена густыми, первобытными лѣсами.

Для обученія морскому дѣлу царь отправилъ до 50 молодыхъ людей изъ своихъ стольниковъ и спальниковъ въ Венецію, Англію и Голландію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ рѣшилъ ѣхать за границу, чтобы видѣть европейскую цивилизацію и научиться искусству строить корабли. Съ этой цѣлью снаряжено было торжественное посольство, во главѣ котораго поставлены генералы Лефортъ и Головинъ; а въ числѣ дворянъ, составлявшихъ посольскую свиту,

отправился самъ царь подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Управление государствомъ на время отсутствія онъ поручилъ тремъ вельможамъ: своему дядѣ Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому (1697 г.). Въ Ригѣ шведскій комендантъ недружелюбно принялъ пословъ и не дозволилъ Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія; за то въ сѣверной Германіи посольство повсюду встрѣчало ласковый приѣмъ *. Въ Голландіи Петръ остановился, и нѣсколько мѣсяцевъ съ топоромъ въ рукѣ работалъ на корабельныхъ верфяхъ, сначала въ городѣ Сардамѣ, потомъ въ Амстердамѣ. Отсюда онъ переѣхалъ въ Англію, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ мореплаванія. Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну, ко двору императора Леопольда, откуда уже хотѣлъ ѣхать въ Венецію, когда пришла вѣсть о новомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, и царь поспѣшилъ въ Москву.

Еще до отъѣзда Петра за границу былъ открытъ заговоръ на его жизнь, составленный стрѣльцкимъ полковникомъ Циклеромъ, окольниковымъ Соковнинымъ и другими приверженцами старины; заговорщики подверглись казни. Въ время же отсутствія Петра четыре стрѣльцкіе полка, стоявшіе на литовской границѣ, будучи недовольны разлукою съ своими семьями и тяжелою службою, возмутились, и пошли къ столицѣ, изъявляя намѣреніе перебить бояръ и нѣмцевъ. Говорятъ, царица Софья изъ своего монастырскаго уединенія звала стрѣльцовъ въ Москву, распуская слухъ, будто бы Петръ умеръ за границею. Бояринъ Шеинъ и генералъ Гөрдонъ съ регулярными полками встрѣтили мятежниковъ около Воскресенскаго монастыря, и разсѣяли ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

* Въ городкѣ Коппенбургѣ (недалеко отъ Ганновера) Петръ посѣтилъ курфирстину Ганноверскую Софью Шарлотту и дочь ея Софью, курфирстину Бранденбургскую. Вотъ какъ потомъ отзывались о немъ обѣ курфирстины въ своихъ письмахъ: „Царь очень высокаго роста, строенъ и весьма красивъ; онъ одаренъ замѣчательною живостью ума, отвѣты его быстры и ясны. Но при блестящихъ природныхъ дарованіяхъ ему недостаетъ хорошихъ манеръ; если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то былъ бы человекомъ совершеннымъ“. „Москвитяне, танцующая съ нами, приняли корсетныя пружины за наши кости, и царь замѣтилъ: у этихъ нѣмокъ чертовски жесткія кости“.

Послѣ обычнаго розыска (пытокъ) главные зачинщики были повѣшены, а остальные мятежники рассажены по тюрьмамъ. Такимъ образомъ прежде нежели царь успѣлъ прибыть въ Москву, мятежь былъ усмирень.

Первымъ дѣломъ Петра по возвращеніи изъ путешествія (въ августѣ 1698 года) было запрещеніе носить бороду, служившую наружнымъ отличіемъ Русскихъ отъ западныхъ Европейцевъ. Бояре и вообще придворныя лица прежде другихъ должны были пожертвовать этимъ почетнымъ украшеніемъ; оно оставлено только духовенству и крестьянамъ; а люди другихъ сословій за право носить бороду должны были платить пошлину. Въ то же время служившимъ людямъ и горожанамъ приказано переѣнить свою старинную долгополую одежду на короткое европейское платье. Съ началомъ XVIII столѣтія царь велѣлъ праздновать начало новаго года не 1 сентября, какъ прежде, а 1 генваря, какъ у другихъ Европейцевъ. Эти крутыя мѣры не обошлись безъ сильнаго ропота со стороны народа. Между тѣмъ, недовольный розыскомъ Шеина, Петръ приказалъ снова допрашивать стрѣльцовъ подъ страшными пытками. Убѣдившись въ участіи Софьи, онъ наконецъ прекратилъ розыскъ. Послѣдовали безпощадныя казни; всѣ стрѣльцы замѣшанные въ бунтъ казнены, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ*. Стрѣлцкое войско потомъ мало-по-малу было уничтожено.

Великая Сѣверная война и начало Петербурга. Весною 1699 года Петръ съ своимъ воронежскимъ флотомъ ходилъ въ Азовское

* Когда на московскихъ площадяхъ начали готовить множество висѣлицъ, патриархъ Адріанъ, какъ рассказываютъ, явился къ Петру съ иконою Богоматери и умолялъ его о пощадѣ осужденныхъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему: «Зачѣмъ подвинулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Знай, что я чту Бога и Пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но знай тоже и то, что долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе». Трупы казненныхъ стрѣльцовъ оставались неубранными цѣлыя нѣсколько мѣсяцевъ, къ ужасу народа. Красная площадь была покрыта обезглавленными, а стѣны Бѣлаго и Землянаго города унизаны повѣшенными. На Дѣвичьемъ полѣ нѣкоторые стрѣльцы висѣли противъ самыхъ оленъ царевны Софьи, съ челобитными грамотами въ рукахъ.

море; но въ слѣдующемъ году онъ заключилъ миръ съ Турками, и отложилъ дальнѣйшія предпріятія на югѣ. Въ то время главное его вниманіе и вся энергія устремились на борьбу со Шведами. Онъ задумалъ воротить принадлежавшіе нѣкогда Россіи берега Балтійскаго моря, отъ котораго она была отрѣзана Столбовскимъ договоромъ. Берега эти были теперь необходимы для Россіи, чтобы моремъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Западною Европою; Балтійское море представляло къ тому гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ Азовское, отдѣленное отъ образованныхъ странъ владѣніями невѣжественныхъ Турокъ. Обстоятельства благопріятствовали стремленію Петра; короли датскій и польскій заключили съ нимъ наступательный союзъ противъ Швеціи. О заключеніи союза преимущественно хлопоталъ Ливонецъ Паткуль, который принадлежалъ къ партіи дворянъ недовольныхъ шведскимъ правительствомъ за отобраніе у нихъ въ казну многихъ земель (за «редукцію»). По его плану польскій король Августъ рѣшился отнять у Шведовъ Ливонію, между тѣмъ какъ Русскіе должны были захватить Ингрію и Карелію, а Датчане герцогство Голштинское.

Начало войны, открывшейся весною 1700 года, было несчастливо для союзниковъ. Молодой шведскій король, Карлъ XII, побѣдивъ Датчанъ и принудивъ ихъ къ миру, поспѣшилъ въ Лифляндію; а оттуда пошелъ противъ Русскихъ, которые осаждали Нарву. Русская армія простиралась до 35,000 человекъ, большею частію новобранцевъ, и состояла подъ начальствомъ иностраннаго генерала, герцога де Кроа; Карлъ имѣлъ войско втрое меньшее числомъ, но опытное и отлично устроенное. Быстрымъ неожиданнымъ нападеніемъ Шведы разбили Русскихъ подъ Нарвою, и захватили артиллерию (19 ноября). Храбрый полководецъ, Карлъ однако не былъ дальновиднымъ политикомъ, и не воспользовался своею побѣдою; онъ оставилъ Русскихъ въ покоѣ, и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Польшѣ, увлекаясь своимъ торжествомъ надъ слабымъ, изнѣженнымъ Августомъ. (Петръ старался задержать тамъ Карла, помогая Августу войскомъ и деньгами). Этимъ временемъ русскій царь воспользовался какъ нельзя лучше. Послѣ нарвскаго пораженія онъ

принялъ энергическія мѣры: начеканилъ мѣдной монеты, перелилъ старые церковные колокола въ пушки, и, устроивъ новую армію, предпринялъ завоеваніе сосѣднихъ шведскихъ провинцій, которыя защищались незначительными силами. Фельдмаршалъ Шереметевъ разбилъ въ двухъ битвахъ шведскаго генерала Шлиппенбаха, и занялъ восточную часть Лифляндіи; причемъ Русскіе по старому обычаю, жестоко опустошили непріятельскія земли. Между тѣмъ самъ царь завоевалъ Ингрію, взялъ шведскія крѣпости на рѣкѣ Невѣ, Нотебургъ (переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ) и Ніеншанць, и такимъ образомъ пробился къ давно желанному морскому берегу. На берегу Свири, въ Ладейномъ Полѣ, онъ устроилъ верфи для новаго балтійскаго флота; а на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Невы (на Люсть-Эйландѣ) немедленно заложилъ городъ Петербургъ—свою будущую столицу (въ маѣ 1703 г.).

Петръ самъ распоряжался работами по устройству гавани и крѣпостцы (Петропавловской). Онъ жилъ здѣсь въ маленькомъ деревянномъ домикѣ (который сохраняется теперь подъ каменнымъ навѣсомъ). Первые обитатели, поселенные въ новомъ городѣ, были жители разрушенной шведской крѣпости Ніеншанца. Изъ Калуги, Можайска и Вереи переселены сюда русскіе купцы. Уже въ ноябрѣ того же 1703 года къ устью Невы прибылъ первый иностранный (голландскій) корабль съ грузомъ вина и соли. Обрадованный царь выѣхалъ къ нему на встрѣчу, самъ исполнялъ обязанности лоцмана при введеніи корабля въ гавань, освободилъ грузъ отъ пошлины, щедро одарилъ хозяина корабля и всѣхъ матросовъ. Съ такимъ же радушіемъ встрѣчалъ онъ послѣдующіе иностранные корабли, и охотно позволялъ угощать себя виномъ и кофе. Чтобы защитить съ моря свой балтійскій флотъ и будущую столицу, Петръ построилъ крѣпость Кроншлотъ на отмели подлѣ острова Котлина, запирающаго входъ въ устье Невы. На этомъ низменномъ островѣ и вокругъ него возникли впоследствии укрѣпленія Кронштада.

Первая морская побѣда Петра надъ Шведами одержана одновременно съ заложеніемъ Петербурга. Шведская эскадра, еще незнавшая о взятіи крѣпости Ніеншанца, приблизилась къ устью

Невы, и выслала два фрегата впередъ, которые бросили якорь у самаго устья. У Петра еще не было готовыхъ кораблей на Невѣ; онъ посадилъ своихъ гвардейцевъ на лодки, ночью незамѣтно подплылъ съ ними къ шведскимъ кораблямъ, а на разсвѣтъ напалъ на непріятелей, и послѣ мужественной обороны взялъ оба фрегата. Царь былъ чрезвычайно доволенъ этимъ первымъ успѣхомъ на Балтійскомъ морѣ, и собственноручными письмами извѣстилъ о немъ своихъ сподвижниковъ, поздравляя ихъ съ „сею никогда бывшею викторіею“.*

Весною 1704 года Петръ двинулъ часть русскихъ войскъ въ Литву на помощь своему союзнику. Но эта помощь не спасла польскаго короля: преслѣдуемый Карломъ въ самой Саксоніи, своемъ наслѣдственномъ курфиршествѣ, Августъ отказался наконецъ отъ польской короны въ пользу познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго, и выдалъ Шведамъ несчастнаго Паткуля, который былъ ими колесованъ какъ измѣнникъ (1706 г.). Теперь у Карла оставался только одинъ непріятель — московскій царь. Петръ тщетно предлагалъ миръ, требуя хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ; шведскій король не соглашался на на какія уступки, и хотѣлъ въ Москвѣ предписать миръ своему противнику.

Астрахань и Донъ. Одновременно съ этой трудной Шведской войною царь, за свои нововведенія и крутыя мѣры, долженъ былъ выдерживать почти постоянную борьбу съ народнымъ неудовольствіемъ; а въ отдаленныхъ областяхъ не разъ происхо-

* Сподвижники отвѣчали Петру въ томъ же смыслѣ. Между прочимъ бояринъ Стрешневъ писалъ: „А за такую, Государь, побѣду храбрымъ приводецамъ прежде какія чести бывали, и того въ Розрядѣ не сысвано. для того, что не бывало взятыя кораблей на морѣ никогда. И еще въ сундукахъ станемъ искать; а чаю сыскать нечего. Примѣровъ такихъ нѣтъ“.

Въ слѣдующемъ 1704 г. Русскіе взяли приступомъ и Нарву, подъ которую прежде потерпѣли извѣстное пораженіе. Разгоряченные храбрымъ сопротивленіемъ, солдаты предались грабежу и убійствамъ въ завоеванномъ городѣ. Царь и его генералы съ трудомъ остановили ихъ неистовства. Вошедъ послѣ того въ домъ бургомистра, Петръ бросилъ на столъ свою окровавленную шпагу, и сказалъ: „Не бойтесь это не шведская, а русская кровь, пролитая для вашей защиты“.

дило открытое возмущеніе. Такъ въ Астрахани сынъ одного изъ казенныхъ стрѣльцовъ поднялъ народъ слухами о намѣреніи царя переѣхать вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ за Нѣмцевъ (для избѣжанія такого несчастія Астраханцы въ одинъ день повѣнчали у себя сто паръ); но астраханскихъ мятежниковъ довольно легко усмирилъ фельд-маршалъ Шереметевъ (1706 г.). Гораздо опаснѣе было возмущеніе Донскихъ казаковъ.

Петръ отправилъ отрядъ войска, чтобы отыскивать и возвращать назадъ тяглыхъ людей, которые, спасаясь отъ рекрутскихъ наборовъ и новыхъ налоговъ, въ большомъ числѣ бѣжали на Донъ. Шайка голутвенныхъ казаковъ собралась подъ начальствомъ одного изъ старшинъ, Булавина, и нечаяннымъ нападеніемъ истребила русскій отрядъ. Мятежъ быстро разлился по Дону, и Булавинъ завладѣлъ главнымъ городомъ казаковъ Черкасскомъ (1708). Но подоспѣвшія царскія войска нанесли мятежникамъ нѣсколько пораженій. Тогда домовитые казаки отложились отъ Булавина, и онъ съ отчаянія застрѣлился. Начальникъ царскихъ войскъ, князь Василій Долгорукій, разорилъ до основанія непокорныя станицы, и перевѣшалъ множество бунтовщиковъ. (По рѣкамъ пущены были плоты съ повѣшанными на нихъ казаками, что навело большой страхъ на весь Донъ). Одинъ изъ товарищей Булавина, Некрасовъ, ушелъ съ своею шайкою на Кубань, и поддался крымскому хану; потомъ съ частію своихъ казаковъ онъ перешелъ въ турецкую область Добруджу на нижнемъ Дунаѣ. (Здѣсь потомки этихъ казаковъ извѣстны подъ именемъ Некрасовцевъ).

Мазепа. Полтава и Прутъ. Лѣтомъ 1708 года Карлъ съ главнымъ войскомъ въ Могилевѣ перешелъ Днѣпръ, и направился въ Украину; Русскіе затрудняли ему путь, истребляя непріятельскіе отряды и предавая пламени города и села, чтобы лишить Шведовъ продовольствія. На помощь Карлу изъ Лифляндіи спѣшилъ генераль Левенгауптъ съ обозомъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ. Петръ лично напалъ на Левенгаупта, разбилъ его при де-

ревнѣ Лѣсной (близъ Пропойска на Сожѣ), и захватилъ въ свои руки весь непріятельскій обозъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ вѣсть объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана. Честолюбивый старикъ уже давно тяготился московскимъ подданствомъ; но искусно скрывалъ свои планы и показывалъ себя вѣрнымъ слугою Петра. Опасаясь за свое гетманство и раздѣляя вѣру въ непобѣдимость Карла XII, Мазепа уступилъ польскимъ внушеніямъ, и завелъ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ. Личный врагъ Мазепы генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра донесли царю объ измѣнѣ гетмана; но царь былъ слишкомъ увѣренъ въ его преданности, и доноски, выданные Мазепѣ, подверглись казни *. Когда Карлъ вступилъ въ Украйну, гетманъ присталъ къ нему съ отря-

* Посредницею въ тайныхъ сношеніяхъ Мазепы съ Лещинскимъ была княгиня Дольская, кума гетмана. Долго гетманъ ограничивался въ перепискѣ съ нею неопредѣленными выраженіями, и выжидалъ, что покажутъ обстоятельства. Дольская искусно затронула его слабую струну: подъ видомъ дружбы она извѣстила его, что однажды была на пиру вѣстѣ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ и еще другимъ русскимъ генераломъ, и будто бы тутъ оба они сообщили ей, что Меньшиковъ роетъ яму подъ Мазепою, и хочетъ, свергнувъ его, самъ сдѣлаться гетманомъ на Украйнѣ. Мазепа встревожилась, и сталъ доступнѣе польскимъ внушеніямъ. Его тайныя сношенія съ врагами Россіи не укрывались отъ нѣкоторыхъ казацкихъ старшинъ и между прочимъ отъ генеральнаго войсковаго судьи Кочубея. У послѣдняго была дочь Матрена, крестница гетмана. Овдовѣвъ, Мазепа вздумалъ жениться во второй разъ, не смотря на преклонныя лѣта, и сдѣлалъ предложеніе своей крестницѣ. Родители отказали на основаніи церковнаго запрещенія; но дочь ихъ, слѣдуя сердечной склонности или честолюбивому желанію сдѣлаться гетманшею, убѣждала изъ отцовскаго дома къ гетману. Хотя Мазепа и возвратилъ ее къ родителямъ; но послѣдніе, считая себя опозоренными, съ тѣхъ поръ сдѣлались заклятыми врагами гетмана. Кочубей вѣстѣ съ бывшимъ полтавскимъ полковникомъ Искрою донесъ царю о томъ, что Мазепа замышляетъ измѣну. И прежде бывали подобныя доносы; но оказывались ложными. Уже болѣе двадцати лѣтъ гетманъ вѣрно служилъ русскому государю; поэтому Петръ отнесся недовѣрчиво къ доноскинамъ, и велѣлъ Головкину и Шафирову распросить ихъ подъ пыткою. Престарѣлый Кочубей невыдержалъ мученій, и объявилъ, что донесъ на гетмана по злобѣ; а Искра признался, что послѣдовалъ внушеніямъ Кочубея. Послѣ того оба они отправлены къ Мазепѣ, который стоялъ лагеремъ недалеко отъ Бѣлой Церкви, и здѣсь были всенародно казнены.

домъ казаковъ; но поднять всю Малороссію ему не удалось, и большинство войска осталось вѣрно царю. Генераль Меншиковъ взялъ приступомъ и разорилъ гетманскую столицу Батурино; послѣ чего въ гетманы былъ выбранъ полковникъ Скоропадскій, а Мазепа преданъ церковному проклятію.

Карль, обманутый надеждою на казацкую помощь, имѣлъ при себѣ не болѣе 30,000 человекъ, утомленныхъ битвами и тяжелыми лишеніями; русскія же области, въ которыя они вступили, заранѣе были опустошены царскими генералами. Шведы расположились между Пселомъ и Ворсклою, и осадили Полтаву. На помощь осажденнымъ явился самъ Петръ, и здѣсь 27 июня 1709 года произошла знаменитая битва. Шведы были разбиты на голову.

Сраженіе начали Шведы. Передъ разсвѣтомъ они стремительно бросились на русскую конницу и заставили ее отступить; но тутъ нѣсколько шведскихъ полковъ были отрѣзаны отъ главнаго войска и разбиты. Между тѣмъ русская пѣхота была выведена изъ окоповъ и построилась въ боевую линію. Въ 9 часу утра завязалось генеральное сраженіе. Оно длилось два часа. Петръ являлся всюду, гдѣ грозила наибольшая опасность; шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карла, тяжело раненаго въ ногу, возили въ коляскѣ между рядами войска; вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и король упалъ на землю. Находившіеся вблизи солдаты подумали, что онъ убитъ, и пришли въ замѣшательство. Карль велѣлъ посадить себя на скрепленные пики; но тщетно пытался онъ ободрить солдатъ. Въ то же время шведская пѣхота была сломлена, и фельдмаршалъ Реншильдъ, принявшій главное начальство вмѣсто раненаго короля, взять въ плѣнъ. Тогда все шведское войско обратилось въ бѣгство.

Отслушавъ молебень на мѣстѣ битвы, царь, окруженный своими сподвижниками, сѣлъ обѣдать и посадилъ за тотъ же столъ плѣнныхъ шведскихъ генераловъ. При громѣ пушекъ онъ провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учителя?“ спросилъ Реншильдъ. „Вы, господа Шведы“, отвѣчалъ царь. „Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!“ замѣтилъ фельдмаршалъ.

Король съ Мазепою и нѣсколькими сотнями своихъ солдатъ успѣлъ переправиться за Днѣпръ, и бѣжалъ въ Турцію; а остатки шведскаго войска, настигнутые Меньшиковымъ, сдались на капитуляцію. Полтавская побѣда имѣетъ важное значеніе въ исторіи сѣверной и восточной Европы: она нанесла сильный ударъ могуществу Швеціи и подняла Россію во мнѣніи европейскихъ державъ. Датскій король и Августъ (снова занявшій польскій престоль) возобновили союзъ съ Москвою. На берегахъ Балтійскаго моря города одинъ за другимъ стали переходить въ руки Петра; между прочимъ взяты: Рига, Ревель и Выборгъ. Но вскорѣ царь опять былъ отвлеченъ на югъ, потому что Карлъ XII и французскій дворъ успѣли вооружить противъ него турецкаго султана. Послѣдній велѣлъ заключить въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Толстаго, и объявилъ войну Россіи.

Получивъ обѣщаніе помощи отъ господарей Молдавіи и Валахіи и надѣясь возбудить возстаніе между турецкими Славянами, Петръ съ сорокатысячнымъ войскомъ неосторожно углубился въ степи и перешелъ границу. На помощь къ нему явился только одинъ молдавскій господарь Кантеміръ. Услыхавъ о приближеніи огромныхъ турецкихъ силъ, царь поспѣшилъ отступить; но на берегахъ Прута былъ окруженъ двухсотъ-тысячною арміею великаго визиря (въ іюлѣ 1711 г.). Тогда Петръ вошелъ въ переговоры, и, сверхъ ожиданія, великій визирь охотно согласился на миръ. По этому миру Туркамъ сдѣланы значительныя уступки, и, такъ какъ имъ возвратили Азовъ, то Русскіе снова были отрѣзаны отъ Чернаго моря *.

Ништадскій миръ. Между тѣмъ Сѣверная война продолжалась непрерывно, хотя походы большими массами войскъ уже кончились.

* Рассказываютъ, будто Петръ, находясь въ критическомъ положеніи на берегу Прута, написалъ въ сенатъ письмо, въ которомъ приказывалъ въ случаѣ своего падѣна, не исполнять его повелѣній, пока онъ самъ не явится въ Россію; а въ случаѣ гибели, выбрать изъ своей среды достойнѣйшаго ему въ преемники. Это письмо недостоверно: законнымъ наследникомъ въ то время былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Союзники вытѣснили Шведовъ съ южныхъ балтійскихъ береговъ; а на морѣ рускій флотъ одерживалъ верхъ надъ шведскимъ. (Самая значительная морская побѣда одержана была Петромъ при Гангутѣ, въ 1715 г.). Но царь скоро разсорился съ своими союзниками, которые начали подозрѣвать его въ намѣреніи завладѣть Мекленбургскимъ герцогствомъ (онъ выдалъ одну изъ своихъ племянницъ за герцога Мекленбургскаго, и держалъ тамъ свои войска). Тогда Карлъ XII завязалъ переговоры съ царемъ, соглашаясь на многія уступки; уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались на Аландскихъ островахъ, и главную роль при этихъ переговорахъ игралъ довѣренный министръ Карла, голштинскій баронъ Гёрцъ, который хотѣлъ помирить Петра съ Карломъ, и съ помощью Русскихъ вознаградить Швецію въ другихъ мѣстахъ за потерю Балтійскихъ провинцій. Но внезапная смерть короля при осадѣ одной норвежской крѣпости прекратила эти переговоры (1718 г.). Шведская аристократія казнила ненавистнаго ей Гёрца, и возобновила войну съ Россіей*. Высадки русскихъ войскъ на берега Швеціи, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, и страшныя опустошенія, произведенныя ими, заставили наконецъ Шведовъ согласиться на миръ, который и былъ заключенъ въ Ништадѣ (30 августа 1721 года). Швеція уступила Россіи: Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Карелии и часть Финляндіи**. Россія купила дорогою цѣною великія приобрѣтенія, утвержденныя Ништадскимъ миромъ: частые рекрутскіе наборы и большіе налоги сильно истощили государство; поэтому народъ былъ чрезвычайно обрадованъ прекращеніемъ тяжелой войны. Петръ праздновалъ этотъ миръ великолѣпными пирами и маскарадами; во

* Около этого времени (въ 1717 г.) Петръ совершилъ путешествіе во Францію, гдѣ онъ хотѣлъ заключить союзъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, который управлялъ государствомъ въ малолѣтство Людовика XV. Въ Парижѣ Петръ обратилъ на себя вниманіе Французовъ простотою въ одеждѣ и образѣ жизни и чрезвычайною любознательностію, съ которою относился къ произведеніямъ промышленности, искусствъ и т. п.

** Присоединяя къ Россіи Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, Петръ подтвердилъ ихъ прѣжнее устройство и привилегіи дворянства и городовъ; первому оставлены его сеймы или ландтаги и владѣніе населенною землею, а вторымъ ихъ магистраты, гильдіи, цехи, и пр.

время торжества онъ принялъ новый, болѣе громкій титулъ «императора Всероссийскаго».

Петръ былъ на пути въ Выборгъ, когда курьеръ привезъ ему извѣстiе о заключенiи мира. Онъ тотчасъ поспѣшилъ назадъ въ Петербургъ на небольшомъ суднѣ, безпрестанно стрѣляя изъ пушекъ. Встрѣченный на берегу толпами народа, царь прежде всего зашелъ въ Троицкiй соборъ и велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ. Между тѣмъ на сосѣдней площади приготовили бочки съ виномъ и пивомъ, и устроили возвышенное мѣсто. Царь взошелъ на него, и сказалъ окружающему народу: „Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый, вѣчный миръ!“ Онъ взялъ ковшъ съ виномъ, и выпилъ за здоровье народа, который отвѣчалъ громкими кликами: „да здравствуетъ государь!“ 22 октября въ Троицкомъ соборѣ послѣ обѣдни былъ торжественно прочтенъ мирный договоръ со Швеціей, и Феоданъ Прокоповичъ произнесъ проповѣдь, въ которой описалъ знаменитыя дѣла царя. За тѣмъ къ Петру подходятъ сенаторы, и канцлеръ графъ Головкинъ отъ имени всѣхъ чиновъ государства просить его принять титулъ „Отца отечества“, „Великаго“ и „Всероссійскаго императора“. Петръ отвѣчаетъ, что „должно всѣми силами благодарить Бога, но, надеясь на миръ, не ослабввать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребiя монархіи Греческой.“

Въ слѣдующемъ году императоръ предпринялъ свой послѣдній походъ, объявивъ войну Персіи за обиды и грабежи, причиненные въ Шемахѣ русскимъ купцамъ. Онъ спустился Окою и Волгою въ Каспійское море, взялъ Тарки, Дербентъ, и воротился, оставивъ тамъ русскіе гарнизоны. Договоромъ 1723 года Петръ обѣщалъ шаху Тохмасу помощь противъ персидскихъ мятежниковъ, а шахъ уступилъ Россіи нѣсколько прикаспійскихъ областей (Гилянъ, Мазандеранъ и Астрабатъ).

Сословныя и административныя реформы. Между реформами Петра весьма важное мѣсто занимаютъ мѣры, относившіяся къ

преобразованію сословіи. Запрещеніе мѣстничества уже довольно сильно поколебало знаніе московской родовой аристократіи. Петръ нанесъ послѣдній ударъ боярской знати, открывъ дорогу къ высшимъ должностямъ людямъ самаго незначительнаго происхожденія и бѣднымъ иностраннымъ выходцамъ. Такимъ образомъ служба и милость государя окончателно были поставлены выше знатнаго происхожденія. Свою «табелю о рангахъ» (1722 г.) Петръ раздѣлилъ все служащее сословіе, по образцу нѣмецкаго, на степени или «классы», числомъ 14; каждому классу соотвѣтствовалъ извѣстный чинъ военный и гражданскій. Въ то же время учрежденіемъ нѣкоторыхъ орденовъ (Андрея Первозваннаго и св. Екатерины) введены знаки отличія за усердную или продолжительную службу. Этими мѣрами положено было начало чиновничьей іерархіи (бюрократіи) въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ до сихъ поръ въ Россіи. Чиновные классы наполнялись преимущественно людьми изъ помѣщичьяго или прежняго служилаго сословія, которое получило теперь общее названіе дворянства или шляхетства; человѣкъ всякаго другаго сословія, достигшій перваго офицерскаго чина въ арміи или VIII класса въ гражданской службѣ, приобрѣталъ тѣмъ достоинство потомственнаго дворянина. Петръ сравнивалъ помѣстья съ вотчинами, но за то подтвердилъ обязанность всѣхъ дворянъ служить до самой смерти; за уклоненіе отъ службы онъ приказалъ отбирать вотчины. Воевода каждой провинціи долженъ былъ собирать дворянскихъ сыновей отъ 10 до 13 лѣтъ и записывать ихъ въ военную службу, а неспособныхъ къ ней опредѣлять въ гражданскую.

Преобразуя древнюю родовую знать въ чиновничью, Петръ въ то же время попытался прекратить постоянное раздробленіе вотчинъ, которое много вредило исправному выполненію государственныхъ повинностей. Онъ издалъ указъ о майоратѣ (1714 г.); по этому указу все недвижимое имущество должно было переходить къ старшему сыну или къ тому, котораго избереть отецъ, и родовыя земли не могли быть проданы въ чужія руки. Но подобная мѣра совершенно несоотвѣтствовала русскимъ обычаямъ и поняті-

ямъ о наслѣдствѣ (по которымъ всѣ дѣти имѣли право на равныя части); а потому она послужила источникомъ зависти и разныхъ хитростей, породила многіе беспорядки и судебныя процессы. Напримеръ, родители, принужденные передать землю одному сыну, другому отдавали деньги, скоть, хлѣбъ, земледѣльческія орудія, и отъ такого раздѣла сельское хозяйство приходило въ разстройство.

Посадскіе люди раздѣлены были Петромъ на три разряда; первые два подъ названіемъ «гильдій» состояли изъ кушцовъ и разныхъ мастеровъ; а къ третьему отнесена бѣднѣйшая часть городскихъ жителей. Въ сельскомъ населеніи образовались еще два особые разряда: половники или немногіе крестьяне, удержавшіе право перехода и пользовавшіеся землею за извѣстную часть жатвы, и однодворцы или обѣднѣвшіе служилые люди, которые наравнѣ съ крестьянами должны были платить поголовную подать, но сохраняли право владѣть крѣпостными людьми.

Замѣна прежней поземельной подати подушнымъ (или поголовнымъ) окладомъ повела за собою первую ревизію податнаго сословія (1719 г.). Въ этой ревизіи помѣщичьи крестьяне были смѣшаны съ кабалными холопами: тѣ и другіе обложены одинаковыми податями и рекрутскою повинностью, за исправность которыхъ передъ правительствомъ отвѣчали землевладѣльцы. Последняя мѣра окончательно уничтожила личную свободу крестьянъ и закрѣпила ихъ за помѣщиками *.

Административныя мѣры Петра направлены были на введеніе болѣе опредѣленныхъ формъ управленія. Такъ, вмѣсто прежняго областного дѣленія, сложившагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и довольно запутаннаго, онъ раздѣлилъ Россію на 12 губерній, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на провинціи; во главѣ первыхъ были поставлены губернаторы или генераль-губер-

* Одинъ изъ указовъ Петра (1721 г.) замѣчательнъ слѣдующими словами (которыя обнаруживаютъ нерѣшительную попытку облегчить положеніе крестьянскаго сословія): „Продажу людей пресѣчь; а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать семьями, а не порознь, какъ скоть, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается.“

иторы, вторые поручались воеводамъ. Подчиненные имъ мѣстные начальники носили иностранныя названія ландрихтеровъ, коммендантовъ, ландратовъ, комиссаровъ и пр. Областное управление сосредоточено въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Въ 1711 году, на мѣсто прежней боярской думы, учрежденъ былъ сенатъ, какъ высшее въ государствѣ мѣсто правительственное, судебное и финансовое. Сначала онъ былъ учрежденъ только на время частыхъ отсутствій государя изъ столицы и составленъ изъ 9 сановниковъ; но потомъ (въ 1718 г.) сдѣланъ постояннымъ, и число членовъ его постепенно увеличивалось. Здѣсь дѣла рѣшались не иначе, какъ единогласнымъ приговоромъ всѣхъ членовъ и при утвержденіи этого приговора генераль-прокуроромъ сената. Далѣе, московскіе приказы Петръ преобразовалъ въ коллегіи, устроенныя по датскимъ и шведскимъ образцамъ и подчиненныя сенату; въ нихъ дѣла рѣшались членами по большинству голосовъ *. Учрежденіе «надворныхъ судовъ» въ важнѣйшихъ городахъ указываетъ на попытку отдѣлить судебную часть отъ вѣдомства областныхъ правителей. Точно также Петръ сдѣлалъ попытку освободить торговыхъ и промышленныхъ людей отъ вѣдомства воеводъ учрежденіемъ «бурмистровъ», которые выбирались горожанами изъ своей среды, и все торговое сословіе подчинено вѣдомству «Бурмистрской палаты» въ Москвѣ (1699 г.); потомъ въ главныхъ городахъ учреждены были «магистраты», также изъ выборныхъ людей. Эти земскія учрежденія не имѣли самостоятель-

* Коллегіи были слѣдующія: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская, вотчинная, юстицъ, мануфактуръ, бергъ, коммерцъ, камеръ и штатъ коллегіи (последнія двѣ финансовыя). При открытіи коллегій нужны были люди, знающіе какъ вести дѣло. Поэтому Петръ приказываетъ приглашать на службу въ Россію иностранныхъ юристовъ; а такъ какъ они не знали русскаго языка и нуждались въ переводчикахъ, то онъ поручаетъ набирать въ Австріи писцовъ изъ Чеховъ и Моравовъ, которые могли бы скоро выучиться по русски. Чтобы приготовить собственныхъ чиновниковъ для производства дѣлъ въ коллегіяхъ, въ 1716 г. отправлено было въ Кенигсбергъ для обученія сорокъ молодыхъ подьячихъ. Кромѣ того, шведскимъ плѣннымъ, успѣвшимъ освоиться съ русскимъ языкомъ, также предложено было вступить въ службу при коллегіяхъ.

ности и обязаны были наблюдать собственно за исполненіемъ казенныхъ повинностей. Коллегіальная система рѣшать дѣла посредствомъ большинства голосовъ не принесла ожидаемыхъ результатовъ; президенты коллегій и другихъ присутственныхъ мѣстъ, пользуясь своими привилегіями и разными формальностями, обыкновенно подчиняли себя товарищамъ и рѣшали дѣла по своему усмотрѣнію. Въ судопроизводствѣ словесный (обвинительный) процессъ замѣненъ окончательно письменнымъ (слѣдственнымъ) порядкомъ и вообще письменное дѣлопроизводство получило сильное развитіе при большомъ количествѣ инстанцій *. Въ городахъ и уѣздахъ Петръ положилъ начало полицейскому управленію, которое должно было заботиться объ общественномъ порядкѣ и безопасности. Впрочемъ особыхъ полицейскихъ учрежденій пока не было основано; обязанности ихъ возлагались на губернаторовъ, воеводъ, земскихъ комиссаровъ, комендантовъ и др.; только для столицы учрежденъ особый генераль-полицмейстеръ (генераль Девьеръ).

Хозяйство, войско, училища, семейный бытъ. Посреди важныхъ государственныхъ заботъ и непрерывныхъ военныхъ предприятий, Петръ находилъ время обращать вниманіе на мельчайшія подробности народнаго хозяйства. Такъ, онъ далъ право повсюду искать руду и разрабатывать ее съ уплатою извѣстнаго процента землевладѣльцу; приказалъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ; посылалъ за границу многихъ русскихъ людей учиться разнымъ ремесламъ и пр. Мануфактурная промышленность, до толѣ едва существовавшая въ Россіи, была создана дѣятельностію Петра; при немъ основано болѣе 200 фабрикъ и заводовъ. Для облегченія торговаго движенія внутри государства онъ обратилъ

Напримѣръ, по указамъ 1714 года истецъ долженъ былъ начинать дѣло съ вице-коменданта, переходить къ коменданту или оберъ-коменданту; затѣмъ идти къ ландрихтеру, отъ него къ вице-губернатору, потомъ къ губернатору или генераль-губернатору и наконецъ обращаться къ сенату и къ государю. Указомъ же 1700 года подъ страхомъ казни запрещено было утруждать государя жалобами помимо низшихъ инстанцій.

вниманіе на пути сообщенія; проведено было нѣсколько сухопутныхъ дорогъ; а устройствомъ каналовъ Ладожскаго и Вышневолоцкаго Петербургъ—съ 1713 года столица государства—соединенъ съ Волжскимъ водянымъ путемъ, по которому доставлялся хлѣбъ изъ низовыхъ областей *.

Главнымъ предметомъ попеченій для Петра служили армія и флотъ; на которыхъ было основано значеніе государства въ ряду другихъ державъ. Съ устройствомъ регулярнаго войска введена болѣе точная и постоянная система рекрутскихъ наборовъ: всѣ податныя сословія должны были выставлять по одному рекруту съ извѣстнаго числа ревизскихъ душъ; только торговые люди могли откупаться деньгами отъ рекрутской повинности. Дворянство доставляло для арміи офицеровъ; молодые же дворяне обыкновенно начинали свою службу рядовыми въ гвардіи, куда выбирались лучшіе солдаты изъ армейскихъ полковъ. Все вѣншее устройство сухопутнаго войска было основано на нѣмецкихъ образцахъ, и военные люди одѣты въ нѣмецкій мундиръ; а флотъ снаряженъ преимущественно по образцу голландскому. (Онъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ). Хотя русскій простолюдинъ издавна отличался терпѣніемъ и былъ закаленъ въ физическихъ лишеніяхъ, однако нѣмецкая военная школа съ ея строгою дисциплиною и мелочною выправкою многимъ показалась весьма тяжела; побѣги изъ полковъ сдѣлались довольно часты, а вѣстѣ съ ними увеличилось число разбойничьихъ шаякъ. Большая часть регулярнаго войска (которое простиралось до 180,000) была размѣщена по губерніямъ въ домахъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Эта

* * Основаніе столицы въ болотистой и пустынной мѣстности, отдаленной отъ средины государства, стоило огромныхъ усилій и пожертвованій. Для постройки города ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, изъ дальнихъ областей вызывали по 40,000 работниковъ, которыхъ значительная часть погибала въ Петербургѣ отъ трудовъ и болѣзней; царь иногда останавливалъ каменные работы во всемъ государствѣ, приказывая высылать всѣхъ каменщиковъ на берега Невы; нѣсколько разъ вода затопляла городъ, и надобно было поднимать почву насыпями. Но Петръ въ этомъ случаѣ не останавливался никакими жертвами для достиженія своей цѣли.

«постоянная» повинность облегчала правительству содержание армии, но причиняла большіе убытки и безпокойства обывателямъ, вслѣдствіе притѣсненій отъ военныхъ людей.

Заботы Петра о народномъ образованіи направлены были на духовное и дворянское сословіе. Для перваго заведены были училища въ каждой епархіи. (Въ то время усилилось вліяніе малоросійскихъ школъ, въ особенности Кіевской академіи, на образованіе русскаго духовенства). Для дворянъ и чиновниковъ велѣно открыть элементарныя школы въ провинціяхъ, куда учителями посылались воспитанники московскихъ математическихъ школъ, и дворянинъ не имѣлъ права жениться до тѣхъ поръ, пока не выучился грамотѣ. Кромѣ того основано было нѣсколько специальныхъ училищъ, каковы: морское, инженерное и школа для подъячихъ. Въ то же время начались переводы учебныхъ книгъ по артиллеріи, фортификаціи, исторіи и др. Для изученія морской службы царь отправлялъ многихъ молодыхъ людей за границу. Въ самой азбуцѣ сдѣланы были преобразованія: вмѣсто прежнихъ, неудобныхъ для скорописи, церковнославянскихъ буквъ введены сокращенныя, приближающіяся къ латинскимъ. По мысли знаменитаго германскаго ученаго Лейбница, государь задумалъ учредить академію наукъ и пригласить для нея ученыхъ Нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобъ они приготавливали русскихъ учителей. (Академія была открыта уже послѣ Петра его преемницею).

Петръ не оставилъ безъ вниманія и самый семейный бытъ народа. Такъ онъ вооружился противъ затворничества женщинъ и старался о развитіи общественной жизни. Съ этою цѣлью въ столицѣ заведены ассамблеи, которыя состояли въ томъ, что вельможи и другіе зажиточные люди должны были зимой, въ назначенные дни, принимать у себя гостей обоого пола, званыхъ и незваныхъ*. Чтобы женихъ и невѣста имѣли время познакомиться

* Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, велъ дневникъ (съ 1720 по 1725 г.), который превосходно знакомитъ насъ съ обычаями того времени. Описывая ассамблеи, онъ въ заключеніе говоритъ: „Но вотъ что мнѣ не нравится въ этихъ ассамблеяхъ: во-

другъ съ другомъ, Петръ опредѣлилъ между обрученіемъ и свадьбою шестинедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго бракъ могъ разстроиться.

Духовенство и расколъ. Относительно церковной іерархіи важною мѣрою Петра было отмѣненіе патріаршества, которое иногда приходило въ столкновеніе съ царскою властію. Когда умеръ патріархъ Адріанъ (1700 г.), приверженецъ старины и противникъ нововведеній, царь не назначилъ ему преемника; а дѣла, подлежащія вѣдомству патріарха, поручилъ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, назвавъ его «блжостителемъ патріаршаго престола». Потомъ для управленія церковными дѣлами учреждена была коллегія изъ высшихъ духовныхъ лицъ подъ именемъ святѣйшаго синода (1721 г.). Первымъ президентомъ синода былъ тотъ же Стефанъ Яворскій, одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ и духовныхъ писателей своего времени*. Псковскій архіепископъ

первыхъ, въ танцевальной комнатѣ, гдѣ присутствуютъ дамы, мужчины курятъ табакъ, играютъ въ шашки, отъ чего бываютъ неприятный запахъ и неумѣстная стукотня; во-вторыхъ, дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, такъ что съ ними нельзя разговаривать; когда не танцуютъ, всѣ сидятъ какъ нѣмыя и только смотрятъ другъ на друга“. Ясно что отчужденіе женщинъ отъ мужскаго общества и грубость послѣдняго не могли уничтожиться такъ скоро. Кроме того, Петръ по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ устраивалъ маскарады и процессіи, въ которыхъ шуты играли главную роль. Придворныя торжества и спуски новыхъ кораблей праздновались обыкновенно веселыми попойками, на которыхъ никто не имѣлъ права отказываться отъ непрерывныхъ тостовъ. Царь учредилъ даже особое общество или „всепьянѣйшую коллегію“ изъ 12 кардиналовъ съ княземъ-папою во главѣ; они должны были на царскихъ праздникахъ пить больше всѣхъ. Этому учрежденію Берггольцъ придаетъ значеніе сатиры.

* Изъ его сочиненій наиболее извѣстны: „О знаменіяхъ пришествія антихриста“, написанное въ опроверженіе раскольничьихъ проповѣдей книгописца Талицкаго который въ реформахъ Петра видѣлъ признаки пришествія Антихриста. (Талицкій былъ казненъ). Потомъ „Камень вѣры“. Это сочиненіе направлено противъ протестантскихъ мнѣній, которыя распространялъ въ Москвѣ лекарь Тверитиновъ съ товарищами. Камень вѣры былъ напечатанъ уже по смерти Петра. Петръ въслѣдствіи охладѣлъ къ Яворскому, захѣтавъ въ немъ болѣе наклонности къ старинѣ, чѣмъ къ преобразованіямъ, и обратилъ свое довѣріе на Феодана Прокоповича.

Феофанъ Прокоповичъ по порученію Петра написалъ духовный уставъ или «регламентъ» для синода. Этимъ уставомъ предписывалось каждому епископу имѣть при себѣ школу для приготовленія священниковъ, а безграмотныхъ сыновей церковнослужителей велѣно брать въ солдаты; поступленіе въ монашество и прежняя свобода монаховъ въ образѣ жизни значительно стѣснены. Надзоръ за управленіемъ монастырскихъ крестьянъ и доходовъ Петръ поручилъ особому Монастырскому приказу, состоявшему изъ свѣтскихъ лицъ. Ограничивъ число монаховъ, онъ велѣлъ опредѣлять въ монастыри на житье старыхъ, отставныхъ солдатъ и часть монастырскихъ доходовъ обращать на богадѣльни. Большая часть семейныхъ дѣлъ, подлежавшихъ прежде церковному суду, законами Петра отнесена къ суду свѣтекому. Вообще Петръ обращалъ дѣлительное вниманіе на церковныя дѣла, и вполне подчинилъ ихъ верховной, царской власти. Онъ подтвердилъ указъ Алексѣя Михайловича, чтобы всѣ православные посѣщали богослуженіе въ праздничные дни; за неисполненіе этого указа назначался штрафъ. Иностранцамъ предоставлена почти полная свобода въ отправленіи богослуженія, строгія же мѣры противъ раскольниковъ продолжались.

Гоненія, открытыя на раскольниковъ при Алексѣѣ Михайловичѣ не только не ослабляли раскола, а напротивъ возбуждали въ немъ энергію и фанатизмъ. Гонимые уходили въ сѣверные лѣса, въ донскія и волжскія степи или спасались за шведскую и польскую границу, и составляли тамъ свои общины. Со времени Петровскихъ реформъ расколъ началъ размножаться еще быстрѣе, и получилъ не одинъ церковный, но и политическій характеръ. Многія нововведенія Петра и усердное подражаніе иноземнымъ обычаямъ были непонятны простымъ людямъ, казались имъ нарушеніемъ народности и православія (табакъ, бритье бороды, отмѣна патріаршества, ревизія и т. п.); а крутыя мѣры, которыми сопровождалась реформа, тяжкіе налоги и принудительныя работы вызывали въ массахъ духъ недовольства и отрицанія. Люди болѣе смѣлые и упорные уходили въ лѣса или за границу, и приставали къ расколу; Петра, также какъ Никона, они уподобляли антихристу.

Въ концѣ XVII вѣка въ средѣ самаго раскола произошло раздвоеніе. Раскольниковы попы, поставленные до Московскаго собора 1667 года, съ теченіемъ времени всѣ умерли; мѣста ихъ заступили новые, переходившіе изъ православія. Но такъ какъ они были поставлены епископами никоніянцами (т. е. принявшими исправленные книги), то многіе старообрядцы не признавали ихъ за истинныхъ священниковъ; другіе напротивъ признавали. Первая часть раскольниковъ стала называться безпоповщиной, а вторая поповщиной; каждая изъ нихъ подраздѣлилась еще на нѣсколько сектъ или согласій. Поповщина распространилась въ лѣсахъ костромскихъ и нижегородскихъ (Керженскихъ), на Дону и Кубани, въ Черниговской области, въ Сибири и на Вѣтѣ (Могилев. губерніи, тогда за польской границей). Безпоповщина утвердилась особенно въ древнихъ новгородскихъ областяхъ, именно въ лѣсахъ олонечскихъ и сѣвернаго Поморья. Сюда укрылись многіе расколуучители послѣ взятія Соловецкаго монастыря; здѣсь образовались знаменитые въ исторіи раскола Выгорѣцкіе скиты.

Дѣятельный, энергическій характеръ Поморцевъ, привыкшихъ къ борьбѣ съ суровою природою своего края, способствовалъ здѣсь сильному развитію раскольниковъ оппозиціи. Глухіе непроходимые лѣса, бурныя озера, дикія скалы, овраги и болота представляли убѣжища, мало доступныя правительственному надзору. Сюда спасались приверженцы старинныя и бѣглые крѣпостные люди. Они выжигали лѣсныя дебри, расчищали почву, сѣяли хлѣбъ, строили скиты, и вообще вели труженническую жизнь. При первомъ появленіи военной команды, посылаемой разорять скиты и ловить скитниковъ, они готовы были оставить убѣжище и перейти на другое мѣсто; а иногда, увлекаемые религіознымъ фанатизмомъ, они запирались въ своихъ монастыряхъ и сожигались. Тѣ скитники или „старцы“, которые отличались даромъ слова, набожностію и начитанностію св. писанія, становились наставниками и пріобрѣтали большое вліяніе на раскольниковы общины. Изъ нихъ особенно замѣчательны Давидъ Викуловъ, братья Андрей и Семень Денисовы (потомки князей Мышецкихъ). Они основали и устроили на р. Выгѣ об-

щежительные скиты или „Выговскую пустынь“ (съ 1695 г.), которая впоследствии сдѣлалась центромъ безпоповщины. Братья Денисовы оставили нѣсколько сочиненій, весьма уважаемыхъ раскольниками. (Особенно распространены между старообрядцами два сочиненія Семена Денисова: „Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ“ и „Вертоградъ духовный или виноградъ російскій“; въ первомъ рассказывается о возмущившихся Соловецкихъ раскольникахъ, а во второмъ описаны дѣянія первыхъ расколуучителей, каковы: епископъ коломенскій Павелъ, протопопъ Аввакумъ и др.).

Петръ I хотя и призналъ гражданское существованіе раскола, но при разныхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Онъ велѣлъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойными податями, не допускать въ общественнымъ должностямъ, носить имъ особое платье (напр. зипунъ съ стоячимъ клеенымъ козырькомъ или воротникомъ), за бороду платить особую пошлину и пр. Въ послѣдніе же годы своего царствованія (послѣ дѣла царевича Алексѣя) царь, раздраженный тупымъ отрицаніемъ его реформъ, усилилъ строгости противъ раскола.

Петръ пытался дѣйствовать на раскольниковъ не однѣми карательными мѣрами, но и путемъ убѣжденія. По его волѣ синодъ отправилъ въ Олонецкую и Поморскую область монаха Неофита, чтобы состязаться о вѣрѣ съ расколомъ безпоповщины. Неофитъ предложилъ болѣе сотни вопросовъ. На эти вопросы выговцы отвѣчали цѣлою книгою, которая была написана преимущественно Андреемъ Денисовымъ и названа: „Поморскіе отвѣты“ (1723). Еще прежде (въ 1719 г.) раскольники поповщинской секты, обитавшіе въ керженскихъ скитахъ, представили нижегородскому епископу Питириму на его вопросы подобную же книгу, извѣстную подъ именемъ „Керженскихъ отвѣтовъ“. Почти всѣ наиболѣе знаменитые архіереи Петровскаго времени писали сочиненія противъ раскола. (Самое замѣчательное изъ нихъ принадлежитъ кроткому и правдивому св. Дмитрію, митрополиту Ростовскому: въ своемъ „Розыскѣ о раскольниковъ Брынской вѣрѣ“ онъ сообщаетъ извѣстія о многихъ

раскольниковъ или „толкахъ“). Но сочиненія эти мало оказывали дѣйствія. Вообще борьба съ расколомъ путемъ проповѣди и убѣжденія не могла быть успѣшна, при отсутствіи народныхъ школъ и при той степени образованія, на которой стояли ближайшіе къ народу наставники, т. е. сельское духовенство. Священники сельскіе были люди малотрамотные; а скудость содержанія заставляла ихъ заниматься болѣе обработкою своего участка земли, нежели просвѣщеніемъ своей паствы*.

Характеръ петровой реформы. Преобразованія Петра сопровождались энергическими и крутыми мѣрами; что обусловливалось современными нравами и личными свойствами преобразователя. Ослушникамъ указовъ назначались: лишеніе жизни, имуществъ, ссылка на каторжную работу, нещадные батоги и т. п. Чтобы слѣдить за точнымъ исполненіемъ указовъ, учреждена была должность фискаловъ. При коллегіяхъ, губернскихъ канцеляріяхъ и въ каждомъ провинціальномъ городѣ назначено по одному или по два фискала; въ ихъ пользу шла половина штрафныхъ денегъ. Реформы вызывали частыя изъявленія неудовольствія (особенно много было подметныхъ писемъ). Для «розыско въ» по этимъ дѣламъ Петръ назначилъ «Преображенскій приказъ» въ Москвѣ (около 1702 г.) и потомъ «Тайную канцелярію» въ Петербургѣ (1718 г.). Начальникомъ Преображенскаго приказа былъ суровый Ромодановскій, любимецъ государя, получившій отъ него титулъ князя-кесаря. Кто хотѣлъ донести о замыслахъ противъ госу-

* Современникъ Петра, торговый человѣкъ Посошковъ, въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ говоритъ: „У насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ отъ пахатныхъ мужиковъ не отличаются, мужикъ за соху, и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу; а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ. Отъ таковаго ихъ земледѣлія многіе христіане умираютъ безъ покаянія и причащенія“. Между прочимъ онъ описываетъ, какъ иногда безграмотные люди достигали священства: архіерейскіе служители возьмутъ дары отъ новоставленника, велятъ ему затвердить нѣкоторые псалмы, и потомъ въ присутствіи архіерея дадутъ ихъ прочесть; архіерей, видя, что ставленникъ читаетъ твердо и хорошо, благословляетъ его въ священство.

даря (а доносъ въ такомъ случаѣ былъ обязателенъ) произносили: «слово и дѣло!» Его и тѣхъ, которыхъ онъ оговаривалъ, немедленно брали для розыска, и пытали въ «застѣнкахъ» Приказа или Тайной канцеляріи. Умноженіе доносовъ имѣло вредное вліяніе на народную нравственность и служило источникомъ злоупотребленій. Истинные преступники иногда произносили «слово и дѣло», чтобы выиграть время и избѣжать заслуженнаго наказанія; другіе говорили его по злобѣ и клеветали на людей невинныхъ; множество лицъ, запутанныхъ въ розыски, отрывалось отъ своихъ семействъ, отъ общественной и частной дѣятельности.

Преобразованія Петра были направлены на усвоеніе европейскихъ обычаевъ и учреждений. Эти иноземные обычаи и учрежденія, переносимые на русскую почву, не всегда впрочемъ сообразовались съ естественными условіями государства и съ характеромъ народа. Многіе благіе по своей цѣли указы, не опираясь на извѣстный уровень общественной образованности или на привычки народа, скоро теряли свою силу и подвергались злоупотребленіямъ*. Тѣмъ не менѣе непримѣрная въ исторіи дѣятельность Петра Великаго сообщила Русскому государству (а слѣдовательно и Русской національности) новую жизнь и новыя силы.

Самыя видныя стороны этой дѣятельности заключаются въ слѣдующемъ: своими административными и сословными реформами онъ довершилъ развитіе московскаго самодержавія и подвинулъ впе-

* Посошковъ такими словами жалуется на отсутствіе правосудія и на притѣсненія простому народу: „У насъ вѣра святая, благочестивая, а судебная расправа нигуда не годится и указы императорскіе ни во что обращаются; всякій дѣлаетъ по своему обычаю; крестьяне оставляютъ свои дома и бѣгутъ отъ неправды. Дома у насъ въ Россіи не устроится настоящее правосудіе, мы никогда не будемъ богаты и доброй славы себѣ не наживемъ“. Безграмотность крестьянъ, по словамъ Посошкова, служила для нихъ источникомъ бѣды; многіе люди пріѣзжали въ деревни, объявляли крестьянамъ ложные указы и подвергали ихъ незаконнымъ поборамъ. О трудностяхъ, съ которыми долженъ былъ бороться Преобразователь, Посошковъ говоритъ „Великій нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору миллионы тянутъ: какъ же его дѣло споро будетъ?“

редъ государственную централизацію. Онъ облегчилъ для Россіи дальнѣйшее сближеніе съ Западной Европой и непосредственное заимствованіе европейской науки. Быстрымъ развитіемъ военныхъ силъ онъ успѣлъ поднять Россію на высокую степень могущества, и положилъ начало ея вліянію на систему общей европейской политики *.

Сотрудники Петра. Петръ отличался особеннымъ умѣньемъ находить для своихъ плановъ способныхъ исполнителей. Первое мѣ-

* Вторая половина XVII вѣка была именно тѣмъ моментомъ въ исторіи, когда на континентѣ Европы происходило сильное стремленіе къ развитію государственной централизаціи и регулярныхъ армій. Главнымъ представителемъ этого стремленія явился Людовикъ XIV во Франціи.

О томъ, какъ самъ Петръ смотрѣлъ на результаты своей дѣятельности для Россіи и вообще на европейскую цивилизацію, можно судить отчасти по слѣдующему извѣстію Вебера, который былъ въ Петербургѣ при Петрѣ въ качествѣ брауншвейгскаго резидента и издалъ потомъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Преобразованная Россія“ (Das veränderte Russland).

Въ 1714 году однажды царь праздновалъ спускъ вновь построеннаго корабля. На палубѣ этого корабля онъ сѣдѣлъ окруженный своими министрами, генералами и нѣкоторыми „старыми русскими людьми“ (т. е. старыми боярами, которые не совсѣмъ охотно слѣдовали за его нововведеніями). Обратясь къ послѣднимъ, царь сказалъ: „Кто изъ васъ, братцы, 30 лѣтъ назадъ подумалъ бы, что вы теперь здѣсь на Балтійскомъ морѣ работаете вмѣстѣ со мной, въ нѣмецкомъ платьѣ, и воздвигаете себѣ городъ въ земляхъ, завоеванныхъ нашими трудами и нашею храбростію? Что вы увидите столькихъ храбрыхъ и побѣдоносныхъ солдатъ и матросовъ изъ Русскаго народа, столь хорошо обученныхъ сыновей, воротившихся на родину изъ чужихъ земель, столь многихъ иностранныхъ мастеровъ и ремесленниковъ въ нашей странѣ? И что вы доживете до такого почтенія къ намъ отъ иностранныхъ potentatovъ?“ „Исторіи указываютъ на Грецію, какъ на древнюю колыбель всѣхъ наукъ: отауда по волѣ судьбы онѣ изгнаны, и перешли въ Италію; а потомъ распространились и по всѣмъ европейскимъ странамъ; но небреженіе нашихъ предковъ воспрепятствовало имъ проникнуть далѣе Польши; тогда какъ Поляки, равно и Нѣмцы, находились прежде въ такомъ же густомъ краѣ, въ какомъ мы доселѣ; но непрерывными трудами своихъ правителей они отвергли себѣ очи, и присвоили себѣ искусства, науки и обычаи древней Греціи“. Далѣе царь говорилъ, что теперь очередь дойдетъ до Россіи, если они (т. е. присутствующіе) будутъ помогать ему въ его предпріятіяхъ и оказывать безусловное повиновеніе.

сто между государственными людьми, его окружавшими, принадлежит князю Меншикову, который по смерти Лефорта (умершего въ 1699 г.) сдѣлался самымъ приближеннымъ лицомъ къ государю. (Достигши зрѣлыхъ лѣтъ, Петръ продолжалъ отличать иностранцевъ и привлекать ихъ въ свою службу; но не возводилъ ихъ на первыя мѣста въ государствѣ). Меншиковъ не получилъ почти никакого образованія и съ большими талантами соединялъ большой эгоизмъ; онъ готовъ былъ почти все приносить въ жертву своему честолюбію или корыстолюбію. Не разъ уличенный въ лихоимствѣ, Меншиковъ только милостію государя спасался отъ заслуженнаго наказанія *. Далѣе замѣчательны: умный, образованный фельдмаршалъ Шереметевъ, храбрый и великодушный князь Михаилъ Голицынъ и графъ Брюсъ, извѣстный своею ученостію. (Брюсъ въ народныхъ преданіяхъ прослылъ какимъ-то чернокнижникомъ и астрологомъ; его именемъ называется календарь, который только подъ его надзоромъ былъ изданъ). Послѣдніе три лица по своему честному характеру выдавались изъ среды современныхъ государственныхъ дѣятелей, которые, при талантахъ и неоспоримыхъ заслугахъ, вообще не отличались высокими нравственными достоинствами. Господствующимъ порокомъ въ этомъ полуобразованномъ обществѣ была привычка обогащаться на счетъ казны, брать взятки и, смотря по личнымъ расчетамъ, скрывать правду отъ царя. Иногда Петръ, разгнѣванный частыми обманами, жестоко каралъ сановниковъ, уличенныхъ въ лихоимствѣ и грабительствѣ (напримѣръ онъ казнилъ оберъ-фискала Нестерова и велѣлъ повѣсить сибирскаго губернатора кн. Гагарина). Своихъ приближенныхъ онъ по большей части наказывалъ штрафомъ или дубинкою изъ собственныхъ рукъ. Роскошь, которая вмѣстѣ съ подражаніемъ европейскимъ обычаямъ начала вторгаться въ высшее русское общество, служила однимъ изъ главныхъ побужденій къ лихоимству: быстро вошли въ моду дорогіе костюмы, экипажи, мебель и многочислен-

* Преданіе о томъ, что Меншиковъ въ юности продавалъ на улицѣ ипрочки, не подтверждается („Исторія царствованія Петра Великаго“—Устрялова т. IV.).

ная прислуга; частые пиры и ассамблеи требовали также больших издержек. — Известность самаго прямого вельможи приобрѣлъ сенаторъ князь Яковъ Долгорукій, который иногда открыто не соглашался съ царемъ, нелюбившимъ противорѣчій*. По тайнымъ порученіямъ и розыскамъ правою рукою Петра былъ изворотливый графъ Толстой**. Учредивъ въ 1722 году при сенатѣ важную

* Татищевъ въ предисловіи въ своей „Россійской исторіи“ рассказываетъ о кн. Яковѣ Федоровичѣ Долгорукомъ слѣдующее:

Въ 1717 году Петръ на одномъ пиру разговаривалъ съ вельможами о дѣлахъ своего отца и о патриархѣ Никонѣ. Тогда графъ Мусинъ Пушкинъ началъ уничижать Алексѣя Михайловича въ сравненіяхъ съ Петромъ. Государь этимъ огорчился, и вставъ отъ стола, сказалъ: Ты хулою дѣлъ отца моего, а лицемерною мнѣ похвалою болѣе меня бранишь, нежели я терпѣть могу. Потомъ подошелъ къ князю Долгорукому, и, ставъ у него за стуломъ, говорилъ: „Ты меня больше всѣхъ бранишь, и такъ тяжело спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпѣть; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство истинно любишь и правду говоришь; для того я тебя внутренно благодарю; нынѣ же тебя спрошу, и вѣрю, что о дѣлахъ отца моего и моихъ нелицемерно скажешь“. „Изволь, Государь, съѣсть, а я подумаю“, отвѣчалъ Долгорукій. Потомъ, подумавъ немного и разглаживая по привычкѣ свои длинные усы, онъ началъ такъ: „Главные дѣла государей три. Первое, внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семь отецъ твой болѣе, нежели ты сдѣлалъ.... Другое, военныя дѣла. Отецъ твой много чрезъ оныя хвалы удостоился, и пользу велику государству принесть. тебѣ устроеніемъ регулярныхъ войскъ путь показалъ, да по немъ несмысленные всѣ его учрежденія разорили; что ты почитай все вновь дѣлалъ и въ лучшее состояніе привелъ.... Третье, въ устроеніи флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранными, ты далеко большую пользу государству и себѣ честь приобрѣлъ, нежели отецъ твой, и сіе все самъ надѣюсь за право примешь“. Петръ, выслушавъ все терпѣливо, поцѣловалъ Долгорукаго и сказалъ: „Благій рабе вѣрный, въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими ты поставлю“.

** Толстой участвовалъ въ стрѣлкомъ бунтѣ въ пользу царевны Софьи; но въ послѣдствіи сумѣлъ избѣжать малазанія, и, чтобы угодить царю, отправился въ числѣ молодыхъ людей, посланныхъ учиться за границу, когда ему было за 40 лѣтъ. (Точно также Шереметевъ поѣхалъ учиться, нынѣ уже 45 лѣтъ). Потомъ Толстой возвысился покровительствомъ своего родственника генералъ-адмирала Апраксина и подарками вліятельнымъ лицамъ. Канцлеръ (т. е. завѣдывавшій иностранными сношеніями) Головкинъ, известный своею скупостью, за деньги доставилъ ему важный постъ русскаго посланника въ Константинополь. Въ этому времени относится слѣдующій случай, который показывается, на что были способны подобные дѣтели для своихъ ин-

должность генераль-прокурора, Петръ поручилъ ее весьма способному генералу Ягужинскому. (Какъ сановникъ, надзирающій за всѣми частями управленія, онъ названъ былъ «окомъ» государя). На дипломатическомъ поприщѣ прославились: баронъ Шафировъ, возвышенный изъ подъячихъ Посольскаго приказа, и баронъ Остерманъ, сынъ одного нѣмецкаго пастора, знаменитый своимъ тонкимъ-проницательнымъ умомъ (онъ вмѣстѣ съ Брюсомъ заключилъ Ништадскій миръ). Въ царствованіе Петра началъ свою службу другой даровитый иностранецъ, также какъ и Остерманъ игравшій въ послѣдствіи весьма важную роль—это Минихъ; будучи отличнымъ инженеромъ, онъ заслужилъ благосклонность государя своими работами по Ладожскому каналу.

Прежнее московское духовенство по скудости своего образованія не могло доставить Петру искусныхъ помощниковъ въ дѣлѣ реформъ; по этому онъ возвышалъ преимущественно кievскихъ ученыхъ, и они стали во главѣ церковной іерархіи. Таковы: Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій и Θεодосій Яновскій—архимандритъ Александроневской лавры; особенно усерднымъ защитникомъ реформы явился Θεофанъ Прокоповичъ, извѣстный своимъ честолюбіемъ и краснорѣчіемъ.

Въ 1706 году царь былъ въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ. По окончаніи богослуженія молодой монахъ произнесъ слово. Онъ искусно коснулся политическихъ событій, говорилъ краснорѣчиво, но безъ схоластической напыщенности проповѣдниковъ того времени. Петръ спросилъ имя оратора: это былъ

чныхъ интересовъ. Толстой узналъ, что секретарь донесъ на него въ растратѣ казенныхъ денегъ. Тогда онъ въ присутствіи всѣхъ членовъ посольства обвинилъ секретаря въ измѣническихъ сношеніяхъ съ великимъ визиремъ, осуждаетъ его на смерть и заставляетъ выпить ядъ. Возвратясь изъ Турціи, Толстой далъ Меншикову 20,000 рублей, и при его помощи сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ царю. Впрочемъ Петръ не забывалъ его участія въ стрѣльцкомъ бунтѣ, и не совсѣмъ вѣрилъ въ его искреннюю преданность. Рассказываютъ, что не разъ во время веселыхъ попойекъ царь сдерживалъ съ Толстаго огромный парикъ (бывшій тогда въ модѣ), и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: „голова, голова! жалъ бы не такъ умна ты была, давно бы и отрубилъ тебя велѣлъ“.

Феофанъ Прокоповичъ. Въ молодости онъ учился въ Кіевской академіи, докончилъ свое образованіе въ іезуитскомъ коллегіумѣ въ Римѣ, и теперь былъ однимъ изъ преподавателей Кіевской академіи. Послѣ Полтавской побѣды Прокоповичъ встрѣтилъ Петра въ Кіевѣ поздравительною рѣчью. Петръ полюбилъ умнаго монаха; спустя нѣсколько лѣтъ, вызвалъ его въ Петербургъ, и сдѣлалъ архіереемъ. Въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, написанныхъ по поводу важнѣйшихъ распоряженій государя, Прокоповичъ на основаніи разума и св. Писанія доказывалъ святость царской воли; а приверженцевъ старинныя изобличалъ въ невѣжествѣ. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ обнаруживалъ нѣкоторое свободомысліе, и не любилъ стѣсняться въ своемъ образѣ жизни; поэтому не разъ подвергался обвиненіямъ въ ереси со стороны завистниковъ и людей нерасположенныхъ къ реформѣ*.

Дѣла семейныя. Что касается до семейныхъ дѣлъ, въ этомъ отношеніи Петръ не всегда былъ счастливъ. Первая его супруга Евдокія Феодоровна, изъ рода Лопухиныхъ, приверженная къ старымъ обычаямъ, была заключена въ суздальскій Покровскій монастырь (1699 г.). Петръ вступилъ во второй бракъ съ простою ливонскою плѣнницею Мартою (въ православіи Екатерина), которая понравилась ему красотою, умомъ и живостію своего характера. Сынъ его отъ перваго брака, Алексѣй Петровичъ, долженъ былъ послѣ отца наследовать русскій престолъ; но царевичъ этотъ имѣлъ весьма печальную судьбу.

Петръ, постоянно отвлекаемый походами и путешествіями, сначала не обратилъ надлежащаго вниманія на воспитаніе сво-

* Между русскими іерархами времени Петра замѣчательны еще св. Ширванъ, епископъ Воронежскій, и Іовъ, митрополитъ Новгородскій. Послѣдній на счетъ архіерейскихъ доходовъ заводилъ въ Новгородѣ училища, больницы и сиротскіе пріюты. „Когда, послѣ Нарвскаго сраженія, Петръ Великій повелѣлъ Новгородцамъ, безъ различія возраста, пола и званія, дѣлать олопы вокругъ города и произошелъ отъ сего ропотъ, осмидесятилѣтній архіепископъ первый вышелъ въ простомъ платьѣ, съ лопатою, началъ копать землю, и тѣмъ водворилъ спокойствіе“. (Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Д. Бантышъ-Каменскаго).

его наследника; Алексѣй до десятилѣтняго возраста оставался на рукахъ матери, и росъ, окруженный людьми, которые съ ненавистью смотрѣли на Петровскія нововведенія. Царь наконецъ замѣтилъ въ своемъ сынѣ сочувствіе къ старинѣ и отвращеніе къ безпокойной военной дѣятельности. Отецъ сильно огорчился, прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ, даже къ побоямъ, чтобъ измѣнить характеръ Алексѣя; грозилъ лишить его наследства; но подобныя мѣры только ожесточали сердце юноши. (Ихъ взаимному нерасположенію немало способствовали приближенные царя, особенно Меншиковъ). По желанію Петра царевичъ вступилъ въ бракъ съ некрасивою Софьею Шарлотою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской; этотъ бракъ былъ несчастливъ, и Софья вскорѣ умерла, оставивъ маленькаго сына Петра Алексѣевича. Тогда государь потребовалъ отъ Алексѣя, чтобъ онъ постригся въ монахи, если не хочетъ совершенно измѣнить свой характеръ и поведеніе. Царевичъ изъявилъ согласіе на постриженіе; но вслѣдъ затѣмъ, пользуясь пребываніемъ Петра за границею, бѣжалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ любимою имъ дѣвушкою Евфросиньею (простою Финляндкою). Онъ нашелъ покровительство и убѣжище у германскаго императора Карла VI, который отправилъ его въ одинъ уединенный тирольскій замокъ, откуда перевелъ потомъ въ Неаполь (1717 г.). Однако тайный совѣтникъ Толстой и капитанъ гвардіи Румянцевъ, по порученію Петра, скоро открыли убѣжище царевича.

Отецъ хотѣлъ во что бы то ни стало получить непокорнаго сына въ свои руки, грозилъ даже войною императору; но хитрый Толстой уладилъ это дѣло довольно легко. Онъ привлекъ на свою сторону Евфросинью, и при ея помощи уговорилъ царевича воротиться въ отечество, обѣщая ему отъ имени государя полное прощеніе. Едва Алексѣй пріѣхалъ въ Россію, какъ его заключили подъ стражу и подвергли розыску; въ то же время арестованы лица, помогавшія бѣгству царевича и находившіяся въ тайныхъ сношеніяхъ съ его матерью (которая не хотѣла помириться съ монастырскимъ заключеніемъ и продолжала называть себя царицею). Употреблены были страшныя пытки, чтобы вполнѣ раскрыть замыслы царевича и его партіи, питавшей надежду на возвращеніе стараго порядка. За пытками

наслѣдовали многочисленныя казни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло (ростовскій архіепископъ Досифей, генераль Глѣбовъ, Кикинъ и др.). Судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ государства, приговорилъ къ смертной казни и Алексѣя Петровича; но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, и несчастный царевичъ умеръ въ темницѣ (1718) г.). Дѣло царевича составляетъ наиболѣе печальное событіе этого знаменитаго царствованія. Оно показываетъ, что жестокость нравовъ, наслѣдованная отъ прежняго періода, господствовала на Руси еще въ полной силѣ въ началѣ XVIII вѣка.

Въ 1721 году, Петръ издалъ указъ о томъ, что русскій государь можетъ назначать наслѣдника престола по своему выбору, а также и отрѣшати его отъ наслѣдства; но самъ онъ сошелъ въ могилу, не успѣвъ назначить себѣ преемника. Тяжелые труды, безпокойства и несовѣтмъ умѣренный образъ жизни разстроили крѣпкое здоровье императора. Семейныя огорченія также способствовали этому разстройству. Въ 1724 г. Петръ совершилъ въ Москвѣ торжественное коронованіе своей любимой супруги Екатерины, и для этого созвалъ депутатовъ отъ дворянства и городовъ со всей Россіи. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ глубокую осень императоръ увидалъ однажды ботъ, наполненный солдатами и ставшій на мель; пренебрегая опасностью, онъ самъ помогаль спасать солдатъ, и жестоко простудился. Едва оправившись отъ болѣзни, неутомимый труженикъ принялся за обычную дѣятельность, но въ началѣ 1725 года снова простудился на обрядѣ водоосвященія, и слегъ въ постель. А 28 января онъ уже скончался *.

* Вотъ еще нѣкоторыя изъ наиболѣе замѣчательныхъ преобразованій и начинаній Петра Великаго:

Отиѣненъ правешъ; вмѣсто того предписано должниковъ отсылать на работы. Для умноженія казенныхъ доходовъ введена гербовая бумага. (Сумма государственныхъ доходовъ въ концѣ этого царствованія простиралась до 10,000,000, рублей). Дома въ городахъ и селахъ, для безопасности отъ пожаровъ, предписано строить по плану, въ известномъ разстояніи другъ отъ друга. Запрещено хоронить покойниковъ ранѣе трехъ дней и погребать вну-

II. ПЕРВЫЕ ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(ЭПОХА ВРЕМЕНЩИКОВЪ).

ЕКАТЕРИНА I И ПЕТРЪ II 1725—1730.

Петръ I оставилъ послѣ себя семейство, состоявшее главнымъ образомъ изъ супруги его Екатерины, двухъ дочерей, Анны и Елизаветы, и малолѣтняго внука Петра Алексѣевича. Дворъ раздѣлился на двѣ патріи: вельможи принадлежавшіе къ старымъ боярскимъ фамиліямъ, хотѣли возвести на престолъ царевича Петра; но русскіе люди, возвысившіеся личными заслугами, и иностранцы взяли сторону Екатерины. Въ пользу ея особенно усердно дѣйствовали Меншиковъ, Теофанъ Прокоповичъ и голштинской министръ графъ Бассевичъ (находившійся при русскомъ дворѣ вмѣстѣ съ голштинскимъ герцогомъ, женихомъ Анны Петровны). Вопросъ о преемникѣ былъ рѣшенъ при помощи гвардіи: Меншиковъ успѣлъ склонить ее на свою сторону, и провозгласилъ императрицею Екатерину. Этимъ вмѣшательствомъ гвардіи рѣшались и послѣдующіе вопросы о престолонаслѣдіи.

Меншиковъ и Долгорукіе. Екатерина по смерти супруга жила только два года и преемникомъ своимъ назначила Петра Алексѣевича. Главное мѣсто въ исторіи этихъ двухъ царствованій занима-

три города. Въ столицахъ заведены аптеки и въ нихъ опредѣлены цѣны на медикаменты. Усилено винодѣліе и шелководство въ южной Россіи. Начались конскіе заводы и разведеніе табаку. Введено улучшенное овцеводство и скотоводство (холмогорскій скотъ). Начали издаваться печатныя вѣдомости о современныхъ событіяхъ для всеобщаго свѣденія (съ 1703 г.). Заведенъ въ Москвѣ первый публичный театръ. Построеніемъ дворцовъ по иностраннымъ образцамъ, выпискою картинъ и статуй началось пересажденіе изящныхъ искусствъ изъ западной Европы въ Россію. (Въ это время явился замѣчательный русскій живописецъ Никитинъ).

ютъ многочисленныя придворныя интриги и борьба лицъ, старающихся присвоить себѣ вліяніе на государственныя дѣла. Сначала самымъ большимъ значеніемъ при дворѣ пользовался князь Меншиковъ; императрица даже объявила его дочь невѣстою наследника престола. Гордость и дурной характеръ князя вооружили противъ него многихъ вельможъ; но попытка ихъ свергнуть временщика при жизни Екатерины окончилась неудачею, и нѣкоторые изъ его враговъ (графъ Девьеръ, Толстой, Писаревъ и пр.) заплатились потомъ ссылкой въ Сибирь и другія мѣста *.

Со вступленіемъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Петра II (1727 г.), Меншиковъ окончательно забралъ въ свои руки управленіе государствомъ. Но гордый, неуступчивый правитель скоро возстановилъ противъ себя молодого императора. Тогда князя Долгорукіе интригами своими успѣли наконецъ низвергнуть Меншикова и овладѣть довѣріемъ государя.

Главными виновниками этого дѣла были: князь Иванъ Долгорукій, любимецъ Петра II, товарищъ его дѣтскихъ игръ, и хитрый Остерманъ, назначенный воспитателемъ молодого государя. Противъ гордаго временщика была вооружена и любимая сестра Петра II Наталья Алексѣевна; Меншиковъ осмѣливался отбирать у нея назадъ деньги, подаренныя ей братомъ. Всемогущій министръ (и генералиссимусъ) опасно заболѣлъ, Долгорукіе воспользовались его отсутствіемъ, и такъ настроили императора, что Меншиковъ послѣ выздоровленія былъ арестованъ, и отправленъ съ семействомъ на житье въ его собствен-

* Замѣчательна судьба одного изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ Петра Великаго, Θεодосія Яновскаго, бывшаго при вступленіи на престолъ Екатерины новгородскимъ архіепископомъ и первенствующимъ членомъ синода. Его погубила гордость и неуступчивость. За оскорбительныя слова противъ императрицы онъ подвергся розыску Тайной канцеляріи, сосланъ въ монастырь св. Николая на устьѣ Сѣверной Двины, и наглухо запертъ здѣсь въ тѣсную сырую тюрьму подъ именемъ «чернеца Θεодоса». Его должность занялъ болѣе глбій и ловкій Θεоданъ Пропоповичъ.

Царствованіе Екатерины I было обезпокоено появленіемъ на востокъ двухъ самованцевъ, которые выдавали себя за царевича Алексія Петровича. Оба они потомъ казнены въ Петербургѣ.

ный городъ Ораніенбургъ (Рязан. губ.). Онъ торжественно, въ великолѣпныхъ экипажахъ, выѣхалъ изъ Петербурга при огромномъ стеченіи народа, сопровождаемый длиннымъ рядомъ повозокъ, нагруженныхъ его богатствами. Но въ Твери у него отобрали почти все имущество, и посадили въ простую телѣгу. И въ изгнаніи онъ еще казался опасенъ своимъ врагамъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его перевели на сѣверъ Сибири въ Березовъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1729 г.

Дворъ послѣ того переѣхалъ въ Москву, и здѣсь императоръ отдался праздному образу жизни, посвященному разнымъ забавамъ, преимущественно охотѣ; а между тѣмъ государственныя дѣла пришли въ сильное расстройство. Долгорукіе устроили обручение императора съ сестрою его любимца, князя Ивана; но вслѣдъ за тѣмъ Петръ II скончался отъ оспы (въ началѣ 1730 года).

Изъ правительственныхъ распоряженій въ эти два царствованія замѣчательны: Во первыхъ, учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта, который Екатерина составила изъ главныхъ сановниковъ государства; послѣ чего Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе. Во-вторыхъ, большое число чиновниковъ и канцелярій найдено было обременительнымъ для народа; поэтому многія канцеляріи въ губерніяхъ и надворные суды въ царствованіе Екатерины уничтожены; городовые магистраты подчинены воеводамъ. Почти вся административная и судебная власть сосредоточилась въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ, чѣмъ была ослаблена коллегіальная система Петра I. Относительно Малороссіи правительство на время отступило отъ политики покойнаго императора, который по смерти гетмана Скоропадскаго (1722 г.) не позволилъ избрать ему преемника и поручилъ управленіе дѣлами Малороссійской коллегіи. Въ царствованіе Петра II гетманомъ избрали миргородскаго полковника Данила Апостола; власть его однако была сильно ограничена присутствіемъ императорскихъ чиновниковъ.

Что касается до внѣшней политики, то оба царствованія отличались мирнымъ характеромъ. Впрочемъ этотъ миръ едва не былъ

нарушенъ Екатериною, которая хотѣла защищать права своего зятя, голштинскаго герцога, въ его спорѣ съ датскимъ королемъ; но смерть императрицы остановила приготовления къ войнѣ. Кромѣ того русскій дворъ занимался вопросомъ Курляндскимъ. Домъ Кетлера прекращался, и Курляндцы хотѣли избрать своимъ герцогомъ графа Морица Саксонскаго; но Россія помѣшала ихъ намѣренію. Она также не позволила Полякамъ присоединить это вассальное герцогство къ Польскому королевству. Далѣе замѣчательнъ договоръ съ Китаемъ. Для устранения пограничныхъ споровъ Екатерина отправила къ богдыхану посломъ графа Рагузинскаго; послѣ долгихъ переговоровъ и непріятностей отъ китайскихъ чиновниковъ ему удалось заключить трактатъ, уже въ царствованіе Петра II (1728 г.). По этому трактату постоянная торговля съ обѣихъ сторонъ открыта въ пограничной слободѣ Бяхтѣ; Русскіе могли каждые три года отправлять караванъ въ Пекинъ, и получили право держать тамъ нѣсколько духовныхъ лицъ и молодыхъ людей для изученія китайскаго языка.

АННА ІОАННОВНА 1730—1740.

Замыслы Верховнаго совѣта. Со смертію Петра II прекратилось мужское потомство въ домѣ Романовыхъ. Этимъ обстоятельствомъ хотѣли воспользоваться члены Верховнаго тайнаго совѣта, чтобъ ограничить императорское самодержавіе. Ближайшими наслѣдниками престола были: дочь Петра I Елизавета и малолѣтній внукъ его, сынъ Анны Петровны герцогини Голштинской. Но «верховники» помимо ихъ обратились къ племянницѣ Петра I Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей герцогинѣ Курляндской (дочь царя Іоанна Алексѣевича), и предложили ей корону на условіяхъ, въ силу которыхъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть рѣшаемы не иначе какъ съ согласія Верховнаго совѣта. Они дѣйствовали въ интересахъ личнаго возвышенія, безъ согласія съ другими сословіями государства, явно стремились къ олигархіи, и потому замыслы ихъ скоро окончились полною неудачею.

По кончинѣ Петра II, члены Верховнаго тайнаго совѣта собрались, чтобы обсудить вопросъ о наследникѣ престола. Всѣхъ членовъ было восемь: канцлеръ Головкинъ, два князя Голицына и четверо князей Долгорукихъ; восьмой членъ Совѣта, вице-канцлеръ Остерманъ, уклонился отъ совѣщаній сначала подъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, а потомъ притворился больнымъ. Послѣ многихъ споровъ выборъ Совѣта остановился на Курляндской герцогинѣ. Тогда наиболѣе рѣшительный изъ членовъ Дмитрій Голицынъ замѣтилъ, что надобно также о себѣ подумать, т. е. ограничить самодержавіе и наплывъ иностранцевъ. Товарищи согласились съ его мнѣніемъ. Они сообщили сенаторамъ и генералитету о выборѣ Анны Иоанновны и о намѣреніи предложить ей корону на условіяхъ. Никто не возражалъ. Составлены были условія, и отъ имени всего государства отправлены депутаты въ Митаву. Не смотря на мѣры, принятія верховниками, одинъ изъ сановниковъ, возвышенныхъ Петромъ I, генераль-прокуроръ сената Ягужинскій (какъ говорятъ, обиженный тѣмъ, что его не сдѣлали членомъ Верховнаго совѣта) успѣлъ послать въ Митаву курьера съ поздравленіемъ и съ извѣстіемъ, что верховники дѣйствуютъ самовольно и что замыслы ихъ неопасны. Но его предупредилъ уже другой курьеръ, посланный камергеромъ Люблинцемъ Левенвольде. Анна Иоанновна подписала условія.

Между тѣмъ духовенство и большинство дворянъ съ неудовольствіемъ встрѣтили вѣсть объ условіяхъ и о намѣреніи Верховнаго совѣта захватить власть въ свои руки. Дворяне начали собираться въ кружки, мнѣнія раздѣлились; явилось нѣсколько проектовъ о томъ, какимъ образомъ устроить правленіе. Когда Анна прибыла въ Москву, дворянская партія вошла съ нею въ тайныя сношенія, не смотря на то, что верховники старались никого къ ней не допускать. Главами этой партіи были князья Черкасскій и Трубецкой, а руководителями Феофанъ Прокоповичъ и Остерманъ. Въ одно утро многочисленная депутація отъ дворянъ явилась во дворецъ, и подала императрицѣ просьбу о дозволеніи обсудить различные проекты новаго образа правленія. Императрица дала свое согласіе. Но въ тотъ же день депутація попросила новую аудіенцію, и подала просьбу о воз-

становленіи прежняго самодержавія. Верховники, застигнутые въ расплохъ, и, видя готовность гвардіи поддержать депутацію, не рѣшились оказать никакого сопротивленія. Анна Іоанновна велѣла подать себѣ условія, составленныя совѣтомъ, и разорвала ихъ. Потомъ она короновалась самодержавною императрицею.

Биронъ. Въ царствованіе Анны старые русскіе вельможи должны были уступить свое мѣсто нѣмецкой партіи, представителями которой являются Биронъ, Минихъ и Остерманъ. Вообще при преемникахъ Петра I отправленія государственной жизни совершаются съ помощію и подъ руководствомъ многочисленныхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ трудовой школѣ великаго преобразователя. Эти дѣятели, возвысившіеся своими талантами и заслугами, не дали заглухнуть его реформамъ, и поддерживали новые пути, на которые вступила государственная жизнь. Мало по малу они сходятъ со сцены, и вокругъ престола появляются другія лица. Новые дѣятели нравственными достоинствами мало отличались отъ учениковъ Петра, но возвышеніемъ своимъ по большей части обязаны не талантамъ и дѣйствительнымъ заслугамъ, а придворнымъ интригамъ или наружнымъ качествамъ. Образецъ такихъ любимцевъ случая представляетъ ничтожный Курляндецъ Биронъ.

Красивый, ловкій и честолюбивый Курляндецъ, получивъ мѣсто при дворѣ своей герцогини, скоро началъ пользоваться ея неограниченнымъ довѣріемъ. Вслѣдъ за Анною онъ пріѣхалъ въ Россію, и, спустя нѣсколько времени, сталъ во главѣ управленія. Управление это отличалось весьма жестокимъ характеромъ и время его считается одною изъ самыхъ бѣдственныхъ эпохъ въ Русской исторіи. Особенно замѣчательна жестокость съ которою по распоряженію Бирона собирались недоимки государственныхъ податей за прежніе годы: по областямъ разосланы были военныя команды, у крестьянъ отбирали скотъ и все имущество, помѣщиковъ и старость сажали въ тюрьму. Слѣдствіемъ такихъ мѣръ былъ всеобщій ропотъ, противъ котораго Биронъ употреблялъ систему доносовъ; шпіоны его разсѣялись по всему государству; непрерывно раздавалось грозное «слово и дѣ-

ло», за которымъ слѣдовали пытки, казни и ссылки. Правитель умѣлъ окружить императрицу людьми ему преданными, такъ что жалобы народа не могли достигать до ея слуха, и она была увѣрена въ благоденствіи своихъ подданныхъ. Партія старыхъ русскихъ вельможъ, нерасположенная къ иностранцамъ, подвергалась преслѣдованію; особенно пострадала фамилія князей Долгорукихъ (двое изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ и князь Иванъ, любимецъ Петра II). Нѣсколько архіереевъ лишены своего сана; тверской архіепископъ Теофилактъ Лопатинскій, который написалъ сочиненіе о «лютеранской и кальвинской ереси» и вооружилъ противъ себя хитраго Теофана Прокоповича, подвергся пыткамъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Священники, позабывшіе отслужить молебенъ въ царскіе дни, были разстригаемы, биты кнутномъ и ссылаемы въ Сибирь. Особенно замѣчательна судьба кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, человѣка даровитаго, но гордаго и безнравственнаго: въ бытность свою губернаторомъ въ Астрахани и Казани онъ отличился грабительствомъ и жестокостью. Теперь онъ попытался вступить въ борьбу съ нѣмецкою партіей и заплатилъ за то головою. Но вообще знатные люди въ эту эпоху не стыдились унижаться передъ гордымъ временщикомъ и рабѣшно заискивать его расположеніе. Самыя забавы того времени, напри- мѣръ обиліе шутовъ въ домахъ знатныхъ людей, еще болѣе усиливаютъ мрачный характеръ эпохи. *

* Замѣчательны маскарадъ и свадьба одного придворнаго шута, устроенныя зимою 1740 года для развлеченія случавшей императрицы. На этотъ маскарадъ съ разныхъ концовъ Россіи вызваны были инородцы въ своихъ національныхъ костюмахъ; а для новобрачныхъ выстроены ледяной домъ со всѣми принадлежностями, сдѣланными также изъ льда. Поздравительные стихи для нихъ поручено было сочинить секретарю Академіи наукъ и придворному поэту Третьяковскому, который извѣстенъ въ исторіи русской литературы какъ неутомимый труженикъ науки, но бездарный, жалкій стихотворецъ. Его роль придворнаго поэта не отличалась отъ роли шута. Какъ безцеремонно знатные люди обходились въ то время съ незнатными писателями и учеными показываютъ отъчасти жестокіе побои, которые публично нанесъ Третьяковскому во время приготовленій къ маскараду кабинетъ-министръ Волынскій, распорядитель этого комическаго праздника. Третьяковскій пришелъ въ Бирону

Дѣла внутренія и вѣншія. Изъ правительственныхъ распоряженій Анны замѣчательны слѣдующія. Верховный тайный совѣтъ уничтоженъ; на мѣсто его учрежденъ «Кабинетъ», члены котораго назывались кабинетъ-министрами. Далѣе, отмѣненъ былъ ненавистный дворянству майоратъ и облегчена обязанность дворянской или шляхетской службы. Прежде дворяне служили въ войскѣ неопредѣленное время; только раны, болѣзнь или глубокая старость давали имъ право на отставку; Анна положила для нихъ срокомъ службы 25 лѣтъ. Русское войско содержалось въ замѣчательномъ порядкѣ, благодаря особенно дѣятельности Миниха, который завелъ строжайшую дисциплину; по его предложенію учрежденъ въ Петербургѣ кадетскій корпусъ для воспитанія нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ дѣтей, и русскіе офицеры уравниены въ жаловань съ иностранцами, состоявшими въ русской службѣ. Видя усиливающееся значеніе гвардіи, Анна умножила ея число. Къ двумъ полкамъ (Преображенскому и Семеновскому) она прибавила еще два: вскорѣ послѣ вступленія на престолъ она велѣла набрать Измайловскій полкъ изъ украинскихъ однодворцевъ, а офицеровъ назначили къ нему преимущественно изъ ость-зейскихъ Нѣмцевъ; потомъ учрежденъ Конный гвардейскій полкъ. Вообще вѣншнимъ порядкомъ и безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ правленіе Анны превосходитъ царствованіе предыдущее и послѣдующее.

Анна Иоанновна возвратила Персіи провинціи, завоеванныя Петромъ, которыя мало приносили намъ пользы, а между тѣмъ стоили большихъ издержекъ. По смерти Августа II (1733 г.) русское правительство вмѣшалось въ дѣло о наследствѣ Польскаго престола, и поддерживало саксонскаго курфирста Августа III противъ его соперника, короля Станислава Лещинскаго, которому помогали Фран-

съ жалою. Но тутъ его встрѣтилъ Волынскій и избилъ въ самомъ домѣ герцога. Это очень оскорблало Бирона, который былъ уже вооруженъ противъ Волынскаго Остермана. (Незадолго до того Волынскій подалъ императрицѣ записку, въ которой порицалъ поведеніе вельможъ, особенно Остермана). Биронъ на колѣняхъ упросилъ императрицу предать суду Волынскаго. Вѣсть съ нѣкоторыми близкими людьми онъ былъ обвиненъ въ замыслахъ противъ правительства, и казненъ.

цузы. Русское войско подъ начальствомъ Ласси осадило Данцигъ, гдѣ заперся Лещинскій; Минихъ, смѣнившій Ласси, взялъ городъ; король спасся бѣгствомъ, и Августъ III утвержденъ на польскомъ престолѣ. Потомъ въ союзѣ съ Австріей Россія открыла войну противъ Турціи. Въ этой войнѣ отличились тѣ же иностранцы Ласси и Минихъ: первый взялъ Азовъ и проникъ въ восточную часть Брыма; а второй взялъ Перекопъ, Очаковъ и одержалъ блистательную побѣду надъ Турками при Ставучанахъ (въ Молдавіи). Но Австрійцы слабо поддерживали своихъ союзниковъ; потерпѣвъ нѣсколько поражений, они вступили въ переговоры съ Портою при посредничествѣ французскаго посла въ Константинополь. Биронъ также принялъ посредничество Французовъ, и миръ, заключенный въ Бѣлградѣ (1739 г.), прекратилъ подвиги Миниха. Россія не приобрѣла почти никакихъ выгодъ, и ограничилась славою своихъ побѣдъ, которыя обошлись весьма дорого, потому что походы по южнымъ степямъ были очень трудны и сопровождались большою потерею людей. Притомъ Минихъ, бывший искуснымъ полководцемъ, не обнаруживалъ заботливости о сбереженіи солдатъ.

Анна Іоанновна желала упрочить русскій престолъ за потомствомъ своего отца. Она выдала племянницу свою мекленбургскую принцессу Анну Леопольдовну за Антона Ульриха, принца Брауншвейгскаго, и когда отъ этого брака родился сынъ Іоаннъ, назначила его наследникомъ престола (въ сентябрѣ 1740 г.). Императрица въ то время страдала тяжелою болѣзнію и очевидно приближалась къ смерти. Биронъ, уже выбранный (при помощи русскихъ штыковъ) герцогомъ курляндскимъ, началъ хлопотать о регентствѣ. По его желанію кабинетъ-министры и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ подали императрицѣ просьбу о томъ, чтобъ она назначила Бирона правителемъ государства до совершеннолѣтія наследника. Послѣ нѣкотораго колебанія умирающая Анна Іоанновна согласилась на эту просьбу*.

* Когда императрица подписала бумагу о регентствѣ, Биронъ былъ въ восторгѣ. Герцогъ благодарилъ собравшихся у него министровъ за ихъ усердіе

Сверженіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Регентство Бирона продолжалось только три недѣли. Соперникъ его, честолюбивый, энергическій фельдмаршалъ Минихъ предложилъ матери императора свои услуги для сверженія регента и получилъ ея согласіе. Однажды ночью онъ отправился къ лѣтнему дворцу въ сопровожденіи 80 гренадеръ и арестовалъ герцога; Анна Леопольдовна была объявлена правительницею, а Бирона сослали въ Пелымъ. Но Минихъ обманулся въ надеждѣ играть главную роль въ имперіи. Правительница подчинилась вліянію саксонскаго посланника графа Линара и не довѣряла Миниху, опасаясь его честолюбивыхъ замысловъ; фельдмаршалъ вышелъ въ отставку. Такимъ же недоувѣріемъ она отдалила отъ себя и другую свою опору — графа Остермана.

Безпечноію правительницы воспользовалась Елизавета Петровна. Приверженцы Елизаветы постарались расположить въ ея пользу нижніе гвардейскіе чины (отчасти съ помощью французскаго золота); особенною ловкостію отличился при этомъ докторъ ея Лестокъ. Онъ уговорилъ Елизавету дѣйствовать рѣшительно: однажды ночью (въ ноябрѣ 1741 г.) она явилась въ казармы Преображенскаго полка и обратилась съ рѣчью къ солдатамъ; 300 человекъ послѣдовали за нею. Семейство правительницы было немедленно арестовано, а Елизавета провозглашена императрицею. Маленькаго Іоанна Антоновича заключили потомъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; а мать его съ мужемъ и другими дѣтьми отправлена на житье въ Холмогоры. Минихъ, Остерманъ, Головкинъ и нѣкоторые другіе вельможи, устранявшіе отъ престола Елизавету, преданы

къ отечеству, и, увлекшись порывомъ краснорѣчія, говорятъ прозвищемъ извѣстную своимъ безсмысліемъ фразу: „Господа, вы поступили какъ Римляне“.

О назначеніи Бирона регентомъ болѣе всѣхъ хлопоталъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, возведенный Бирономъ въ число кабинетъ-министровъ на мѣсто казеннаго Волынскаго.

суду и приговорены къ смерти; но императрица замѣнила смертную казнь ссылкой: Остерманъ отправленъ въ Березовъ, а Миннихъ въ Пелымъ (на мѣсто Бирона, котораго перевели въ Ярославль).

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА 1741—1761 г.

Дворъ Елизаветы и характеръ ея царствованія. Лица помогавшія Елизаветѣ взойти на престолъ, были щедро награждены; 300 гренадеръ, которые послѣдовали за нею ко дворцу правительницы, составили особый отрядъ гвардіи подъ названіемъ «лейбъ-компаніи»; всѣ они получили дворянское достоинство и вотчины (имъ роздано до 14,000 крестьянъ). Съ царствованіемъ Елизаветы пало господство нѣмецкой партіи въ государствѣ, и престолъ окружили исключительно русскіе вельможи*. Императрица, отличавшаяся набожностью, частыми поѣздками на богомолье, а также склонностію къ удовольствіямъ, предоставляла управление государствомъ довѣреннымъ лицамъ. Изъ приближенныхъ особъ самую видную роль въ это царствованіе играли слѣдующіе вельможи:

Во первыхъ братья Разумовскіе родомъ изъ простыхъ малороссійскихъ казаковъ. Старшій изъ нихъ, Алексѣй Григорьевичъ, началъ свою карьеру придворнымъ пѣвчимъ; обративъ на себя милостивое вниманіе Елизаветы, онъ скоро возвысился въ званіе фельдмаршала и графа: это былъ человѣкъ простой, не отличавшійся ни способностями, ни честолюбіемъ. вмѣстѣ съ Алексѣемъ Разумовскимъ возвысился и младшій его братъ Кириллъ, получившій образованіе за границею. Для него позволено было казакамъ снова выбрать себѣ гетмана (по смерти Апостола мѣсто гетмана

* Радость о паденіи нѣмецко-лютеранской партіи съ особою силою отразилась въ рѣчахъ духовныхъ ораторовъ, произносимыхъ въ торжественные дни. Въ теченіе первыхъ лѣтъ царствованія Елизаветы эти рѣчи преимущественно прославляли ее за освобожденіе Россіи отъ правителей иностранцевъ (Бирона, Миниха, Остермана и др.), угнетавшихъ Русскій народъ и особенно православное духовенство. Таковы особенно рѣчи Амвросія Юшневича, Кирилла Флоринскаго и Дмитрія Сѣченова.

оставалось незанятымъ), и малороссійская рада выбрала молодого Кирилла Разумовскаго, который, также какъ и братъ не отличался дѣятельнымъ характеромъ. Гораздо болѣе воспользовалась своимъ значеніемъ фамилія Шуваловыхъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ во вторую половину царствованія заступилъ при дворѣ мѣсто Алексѣя Разумовскаго. Ловкій царедворецъ, отличавшійся мягкимъ обращеніемъ съ низшими (что составляло еще рѣдкость въ то время), онъ былъ хорошо образованъ, оказалъ значительныя услуги государству своими заботами о народномъ просвѣщеніи, и заслужилъ славу русскаго мецената. (Онъ покровительствовалъ знаменитому Ломоносову, его же стараніями былъ основанъ и первый русскій университетъ). Но родственникъ его Петръ Ивановичъ Шуваловъ, человекъ весьма даровитый, запятналъ себя лихоимствомъ. Далѣе замѣчательенъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, который въ качествѣ канцлера завѣдывалъ внѣшними дѣлами. Бестужевъ возвысился, благодаря дружбѣ Лестока, но вскорѣ сдѣбался его врагомъ, и вооружилъ противъ него императрицу.

Борьба этихъ двухъ соперниковъ характеризуетъ придворныя партіи и интриги того времени. Поводомъ къ ихъ враждѣ послужила иностранная политика. Между тѣмъ какъ Лестоку, подкупленный французскимъ золотомъ, хлопоталъ въ пользу тѣснаго союза съ Франціей, Бестужевъ считалъ болѣе выгоднымъ для Россіи союзъ Австрійскій. Чтобы повредить своему сопернику, Лестоку поднялъ дѣло о заговорѣ. Двѣ дамы высшаго круга, Наталья Лопухина и графиня Бестужева (жена оберъ-гофмейстера, роднаго брата канцлера) были обвинены въ томъ, что онѣ, вмѣстѣ съ австрійскимъ посломъ маркизомъ Ботта, замыслили возвратить на русскій престолъ сосланную Брауншвейгскую фамилію. Бестужева и Лопухина (последняя съ мужемъ и сыномъ) подвергнуты пыткамъ, потомъ публично наказаны кнутомъ съ лишеніемъ языка, и сосланы (1743 года). Такія наказанія свидѣлствуютъ, что подъ французскими, шитыми золотомъ, кафтанами въ то время въ высшемъ русскомъ обществѣ сохранялись еще грубые старыя нравы.

Братья Бестужевы (канцлеръ и оберъ-гофмейстеръ), противъ ожиданія Лестока, не были запутаны въ этотъ мнимый заговоръ. А въ слѣдующемъ году Лестокъ былъ уже искусно низвергнутъ своимъ противникомъ. При Петербургскомъ дворѣ тогда сильно интриговалъ французскій посолъ маркизь Шетарди, который прежде усердно хлопоталъ о возведеніи на престолъ Елизаветы, а теперь виѣшивался въ отношенія Россіи къ Швеціи. Бестужевъ перехватывалъ тайныя депеши иностранныхъ пословъ, писанныя цифрами; заставлялъ ихъ переводить и показывалъ императрицѣ. Такимъ образомъ ему удалось захватить переписку Шетарди, въ которой находились невыгодные отзывы о Елизаветѣ и говорилось о подкупѣ Лестока въ пользу Франціи. Послѣ этого Шетарди былъ подъ конвоемъ высланъ за границу; а Лестокъ удаленъ изъ Петербурга.

Внутреннее управленіе. Первымъ важнымъ распоряженіемъ Елизаветы въ дѣлахъ внутренняго управленія было уничтоженіе кабинета и возвращеніе сенату того значенія, которое ему дано Петромъ Великимъ. Относительно рекрутской повинности, Россія, по плану Петра Ивановича Шувалова, раздѣлена на пять частей или полосъ; наборъ рекрутъ, сдѣлавшійся теперь ежегоднымъ, производился не вдругъ со всего государства, а съ каждой полосы по очереди (по 1 человѣку со 100). Далѣе, учреждены два заемные банка, одинъ для дворянства, другой для купечества (заемъ производился подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества по 6⁰/₁₀₀). По предложенію того же Петра Ивановича Шувалова уничтожены стѣснительныя для торговли внутреннія таможи и мелочныя сборы (1754 г.); въ замѣнъ того пошлины на иностранныя товары, наложенныя тарифомъ Петра I, значительно увеличены. Въ уголовномъ судопроизводствѣ отмѣнена смертная казнь *. Но вообще судопроизводство и администрація во времена Елизаветы находились въ довольно разстроеномъ состояніи: ли-

* Рассказываютъ, что Елизавета въ ту ночь, въ которую она рѣшилась взойти на престолъ, дала обѣтъ никого не казнить смертію.

хоимство и неправосудіе достигли большихъ размѣровъ. Дороги, деревни и даже города были небезопасны отъ разбойниковъ. Расколъ не смотря на строгія мѣры, постоянно размножался; а притѣсненія отъ военныхъ командъ вызывали иногда случаи добровольнаго самоожженія. Фанатическіе раскольники, затворившись въ какомъ либо домѣ или въ скитѣ, сожигались вдругъ по нѣскольку десятковъ и даже сотенъ людей.

Относительно высшихъ классовъ общества въ царствованіе Елизаветы произошла важная перемена: нѣмецкое вліяніе, преобладавшее со временъ Петра I, замѣнилось вліяніемъ французской, болѣе утонченной, цивилизаціи. При дворѣ и въ домахъ знатныхъ людей входятъ въ употребленіе французскіе нравы и французскій языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начинается господство парижскихъ модъ, и роскошь достигаетъ большихъ размѣровъ.

Внѣшняя политика. Въ царствованіе Елизаветы Россія вела двѣ войны. Первая война была съ Швеціей, которая хотѣла возвратить завоеванную Петромъ великимъ часть Финляндіи; но русскія войска, подъ начальствомъ Ласси, одержали верхъ надъ Шведами, и по миру, заключенному въ Або (1743 г.), Россія приобрѣла новую часть Финляндіи, до р. Кюменя.

Во время этой войны въ дѣйствующей арміи обнаружилась сильная нелюбовь русскихъ солдатъ къ офицерамъ-иноземцамъ. Одинъ изъ этихъ иноземцевъ русской службы, Манштейнъ, рассказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: Когда армія стояла около Выборга, въ русской лагеръ пріѣхали два Шведа съ письмами къ главнокомандующему; солдаты преображенской и семеновской гвардіи вдругъ объявили, что иноземцы вошли въ сношенія съ неприятелемъ и хотятъ измѣнить. Тотчасъ собралось нѣсколько сотъ бунтовщиковъ, которые рѣшили истребить всѣхъ иноземцевъ. Въ эту критическую минуту генералъ Кейтъ бросается въ толпу, схватываетъ одного изъ предводителей, и приказываетъ священнику приготовить его къ смерти. Пораженная ужасомъ, толпа разсѣялась, и зачинщики были строго наказаны.

Во вторую половину этого царствованія Русскіе приняли дѣятельное участіе въ Семилѣтней войнѣ (когда австрійская императрица Марія Терезія въ союзѣ съ Франціей вооружилась противъ прусскаго короля Фридриха II). Каждая изъ воюющихъ державъ старалась склонить Елизавету на свою сторону; каждая прибѣгала къ интригамъ и подкупамъ вліятельныхъ лицъ при Петербургскомъ дворѣ; наконецъ партія французско-австрійскаго союза одержала верхъ, при помощи Шуваловыхъ и личнаго нерасположенія Елизаветы къ Фридриху. Въ 1757 г. восьмидесяти тысячная русская армія двинулась въ восточную Пруссію; фельдмаршалъ Апраксинъ взялъ Мемель, разбилъ прусскаго генерала Левальда (при Гросъ-Эгерндорфѣ); но вслѣдъ за тѣмъ поспѣшно отступилъ, какъ будто потерпѣлъ пораженіе. Онъ сдѣлалъ это по совѣту канцлера Бестужева, который во время опасной болѣзни императрицы рассчитывалъ на скорую перемѣну политики. Преданный суду, Апраксинъ вскорѣ умеръ; а Бестужевъ былъ сосланъ въ деревню. Въ слѣдующіе годы Русскіе совершили нѣсколько походовъ въ Пруссію; особенно замѣчательнъ походъ подъ начальствомъ графа Салтыкова, который, соединившись съ Австрійцами, разбилъ на голову прусскаго короля въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Только смерть Елизаветы (въ декабрѣ 1761 г.) вывела Фридриха изъ критическаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ борьбою съ тремя великими державами.

Устранивъ потомство царя Іоанна Алексѣевича, Елизавета постаралась упрочить русскій престолъ за потомками Петра I. Она вызвала въ Россію племянника своего герцога голштинскаго Петра Ульриха (сынъ Анны Петровны), и объявила его своимъ наслѣдникомъ (1742 г.); а, спустя два года, сочетала его бракомъ съ принцессою ангальтъ-цербтскою Софьею Августою, получившею въ православіи имя Екатерины Алексѣевны.

III. РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ XVIII ВѢКА.

Нѣкоторыя черты дворянскихъ нравовъ. Любовь къ роскоши, получившая начало при Петрѣ Великомъ вмѣстѣ съ подража-

нѣмъ западнымъ обычаямъ, сдѣлала значительный шагъ впередъ въ царствованіе Анны и Елизаветы: высшее русское общество старалось окружить себя наружнымъ блескомъ европейской цивилизаціи, и усердно поклонялось западнымъ модамъ. Быстро распространилась привычка жить сверхъ своего состоянія—привычка, отличающая всегда полуобразованное общество. Женщина, освобожденная Петромъ изъ своего терема, въ особенности увлекалась этою роскошью и дорогими нарядами; почувствовавъ силу своей красоты, нестѣсняемая болѣе внѣшними препятствіями и не находя нравственной опоры въ средѣ ее окружающей, она скоро поддалась внушеніямъ своихъ страстей. Поэтому между женщинами высшихъ классовъ въ то время распространилась нѣкоторая легкость нравовъ*. Между тѣмъ въ большинствѣ русскаго общества господствовали тѣ же патріархальные нравы, тѣ же вѣрованія и привычки, которыя характеризуютъ Русь до-Петровскую. Воспитаніе юношества, составляющее главную заботу образованныхъ народовъ, мало подвинулось впередъ послѣ Петра Великаго. Между знатными людьми тогда начался обычай учить дѣтей преимущественно иностраннымъ языкамъ, и вѣрять ихъ воспитаніе иностраннымъ выходцамъ, которые рѣдко владѣли научными свѣдѣніями или нравственными достоинствами. Образование людей небогатыхъ по прежнему ограничивалось церковнославянскою грамотою. Ученіе ихъ обыкновенно начиналось съ азбуки, продолжалось часословомъ и кончалось псалтирю.

Манштейнъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что Биронъ очень любилъ наружный блескъ и пышность. Анна Іоанновна поэтому старалась сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ и не жалѣла расходовъ на его украшеніе. Придворные

* Но рядомъ съ такими нравами встрѣчаются и отрадные примѣры. Образцомъ супружеской добродѣтели является княгиня Наталья Долгорукая. Дочь Шереметева, знаменитаго фельдмаршала петровскихъ временъ, она сдѣлалась женою князя Ивана Долгорукаго, любимца Петра II; раздѣляла съ нимъ жестокія страданія ссылки, и послѣ его вазни кончила свои дни въ монастырѣ. Она оставила записки о своей жизни.

дамы и кавалеры поступали согласно съ ея желаніемъ. Но въ началѣ пышность костюмовъ рѣдко соединялась съ изяществомъ и вкусомъ. Часто можно было встрѣтить челоуѣка весьма богато одѣтаго, но съ безобразнымъ парикомъ на головѣ или въ неуклюжей коляскѣ, запряженной очень плохими конями. То же самое надобно сказать о домахъ русскихъ вельможъ: тамъ съ одной стороны блистало золото и серебро, съ другой бросалась въ глаза неоприятность. Между тѣмъ, вслѣдствіе распространившейся роскоши, огромныя суммы уходили за границу; какой-нибудь иностранецъ, открывшій въ Петербургѣ торговлю модными товарами, взятыми въ долгъ, въ два или три года успѣвалъ составить себѣ значительное состояніе*.

Что касается до быта провинціальныхъ дворянъ въ то время, съ этимъ бытомъ довольно близко знакомятъ насъ „Записки майора Данилова“. Первоначально Даниловъ учился грамотѣ у сельскаго пономаря, который мучилъ дѣтей продолжительнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ и весьма часто употреблялъ розги, по прежнему считавшіеся необходимою принадлежностію ученія. Впослѣдствіи Даниловъ поступилъ въ артиллерійскую московскую школу (учрежденную для дворянъ-недорослей), гдѣ не существовало никакого порядка, а учителемъ былъ штыкъ-юнкеръ, нѣсколько разъ судившійся за смертоубійство; онъ рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный, и учениковъ своихъ безъ пощады сѣкъ розгами. Въ дѣтствѣ авторъ „Записокъ“ нѣкоторое время гостилъ у своего родственника данковскаго воеводы. Когда настали святки, воевода послалъ его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ по уѣзду „славить Христа“, въ сопровожденіи слугъ съ нѣсколькими пустыми санями; каждый день сани возвраща-

* Во времена Елизаветы развитію роскоши между дамами высшаго слоя способствовала также примѣръ императрицы: она любила одѣваться пышно, и по нѣскольку разъ въ день мѣняла свой костюмъ. Послѣ кончины государыни въ ея гардеробѣ, говорятъ, нашли болѣе 15,000 платьевъ и соответствующее количество другихъ принадлежностей туалета. При ней развитіе вкуса сдѣлало замѣтные успѣхи. Такъ, Петербургъ въ ея царствованіе украсился великолѣпными зданіями, сооруженными по планамъ итальянскаго архитектора графа Растрелли; между ними первое мѣсто занимаетъ зимній каменный дворецъ, построенный въ концѣ Елизаветинскаго царствованія.

лись къ воеводѣ, наполненные хлѣбомъ и живыми курами; воеводскіе слуги при этомъ случаѣ собирали птицъ даже и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мальчики не славили. Далѣе, записки упоминають о разбойникахъ, грабившихъ помѣщичьи дома, какъ о явленіи въ то время самомъ обыкновенномъ (въ разбояхъ принимали иногда участіе и сами помѣщики); рассказываютъ о крестьянахъ, возмущавшихся противъ помѣщиковъ и усмиряемыхъ городскими военными командами. До какой степени взятки были обычаемъ чиновниковъ, показываетъ слѣдующій случай. Зять Данилова послѣ смерти своего брата сдѣлался наследникомъ богатаго имѣнія; но другіе родственники вступили съ нимъ въ споръ, и только за деревню въ 50 душъ крестьянъ секретарь вотчинной коллегіи рѣшилъ дѣло въ пользу зятя. Последній, получивъ имѣніе, пересталъ уже прилежно заниматься службою; а такъ какъ дворянинъ тогда не могъ выдти въ отставку по своему желанію, то онъ бралъ изъ полку годовые отпуска, за которые платилъ полковому секретарю подарками, каждый разъ душъ двѣнадцать крестьянъ съ женами и дѣтьми. Полковой же писарь былъ совѣстливѣе своего секретаря: „онъ бралъ только по одному человѣку за пачпортъ“.

Другой дворянинъ, оставившій свои записки, Болотовъ (современникъ Данилова) также сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о провинціальномъ бытѣ того времени. Напримѣръ въ деревню къ его матери пріѣзжали гостить знакомые мелкопомѣстные дворяне. Увеселенія ихъ были почти тѣ же самыя какъ и въ XVII столѣтіи. „По утрамъ—говоритъ Болотовъ—у насъ обыкновенно бывали праздничные завтраки; тамъ обѣды, за ними почиваніе, тамъ закуски и заѣдки, послѣ того чай, а тамъ ужины. Проснувшись принимались опять за ѣду и прочее тому подобное“. Между тѣмъ многочисленныя судебныя процессы, дошедшіе до насъ, показываютъ, что взаимныя отношенія сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ рѣдко имѣли мирный характеръ, чему много способствовало отсутствіе опредѣленныхъ границъ (размежеванія) для помѣстьевъ. Нападенія на сосѣдей, драки и насильственный захватъ земли были обычными явленіями того времени.

Но уже самое существованіе упомянутыхъ записокъ и другихъ сочиненій, критически относившихся къ современному обществу, показываетъ, какъ мало по малу увеличивалось число образованныхъ людей, проникавшихся новыми, европейскими понятіями. Тотъ же Болотовъ служитъ примѣромъ, какъ на Руси стало распространяться знакомство съ европейскою литературою. На покупку книгъ онъ употреблялъ послѣднія свои деньги, и не разставался съ ними даже во время своихъ военныхъ походовъ.

Низшіе классы. Послѣ Петровой реформы усилилось разъединеніе между высшими и низшими классами народа: первые все болѣе и болѣе усвоивали иностранные обычаи, а вторые оставались вѣрны обычаямъ и понятіямъ древней Руси. Господство крѣпостнаго права и отсутствіе народныхъ школъ полагали неодолимое препятствіе къ умственному просвѣщенію и матеріальному благосостоянію сельскаго населенія.

Крѣпостное право продолжало развиваться юридически (т. е. законодательнымъ путемъ) и послѣ Петра I. Такъ, крестьянамъ запрещено было пріобрѣтать недвижимое имущество въ городахъ и уѣздахъ, вступать въ подряды и откупа; помѣщикамъ дозволено продавать крѣпостныхъ людей кому бы то ни было для отдачи въ рекруты, а также ссылатъ ихъ въ Сибирь. Правительство, заботившееся о томъ, чтобы никто не избѣгалъ государственныхъ податей и повинностей, обращало въ крѣпостное состояніе людей не принадлежащихъ къ какому-либо опредѣленному состоянію (напр. церковнослужители, оставшіеся за штатомъ, мастеровые, оказавшіеся безъ мастерства, и другіе «гулящіе люди»); ихъ записывали за помѣщиками, на земляхъ которыхъ они жили. Такое развитіе крѣпостнаго права соответствовало духу того времени и эпохѣ временщиковъ, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли. Проникнутый сознаніемъ своихъ привилегій и вытекавшими отсюда аристократическими предрассудками, полуобразованный классъ дворянъ и чиновниковъ смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на явле-

ніе очень естественное. Притомъ же крѣпостныя отношенія отчасти продолжали существовать и въ Западной Европѣ.

Областное управление представляло еще нестройное смѣшеніе старыхъ московскихъ порядковъ съ учрежденіями Петра I, которыми онъ положилъ начало европейскимъ формамъ централизаціи. Особенно силенъ былъ недостатокъ въ мѣрахъ общественной безопасности. Притѣсненія помѣщиковъ, неправосудіе воеводъ и чиновниковъ продолжали служить источникомъ внутреннихъ волненій и бѣдствій. Крестьяне мстили возмущеніями противъ помѣщичьей власти, непрерывными побѣгами и разбойничьими шайками. Для усмиренія деревень часто наряжаются экзекуціи, т. е. военныя команды, которыя бьютъ и грабятъ крестьянъ. Съ разбоями бороться было гораздо труднѣе. Помимо слабости земской полиціи и безопасности воеводъ, имъ способствовала малонаселенность государства, трудность сообщеній, обширные лѣса и степи. Разбоями по прѣжнему славилась Волга, пустынные берега которой изобиловали удобными притонами; здѣсь собирались шайки подъ начальствомъ наиболѣе прославившихся атамановъ («понизовая вольница»). Онѣ были иногда очень многочисленны, имѣли на своихъ лодкахъ пушки, разбивали караваны судовъ и даже вступали въ открытый бой съ военными отрядами. Казачество, отживавшее свой старый бытъ, нерѣдко подавало руку этому бѣдствію Русской земли. Волжское казачество поддерживало разбой на юго-востокѣ; а Запорожцы съ бѣглыми крестьянами (гайдамаками) совершали разбойничьи наѣзды въ сосѣднихъ съ ними русскихъ и польскихъ провинціяхъ*.

* Въ какомъ беззащитномъ положеніи часто находились сельскіе жители относительно разбойничьихъ шаекъ, даетъ понятіе слѣдующій расказъ въ запискахъ княгини Натальи Долгорукой.

Послѣ водаренія Анны Ивановны семейство Долгорукихъ получило приказъ удалиться на житье въ свои дальнія деревни. Долгорукіе отправились большимъ обозомъ въ сопровожденіи значительной дворни. Однажды — ищетъ Наталья Борисовна — приѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка преширная; только что мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, всею деревней, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: спасите насъ! сегодня къ намъ поди-

Литература и наука. Со времени преобразований Петра Великаго началось въ Россіи непосредственное вліяніе западной литературы. Это вліяніе выразилось сначала рабскимъ подражаніемъ европейскимъ образцамъ, и породило у насъ новую свѣтскую литературу, которая долго потомъ чуждалась связи съ русскимъ бытомъ и русскою народною словесностію. Представители подражательной литературы были вмѣстѣ и горячіе поборники Петровской реформы. Таковъ, во-первыхъ, князь Антиохъ Кантеміръ (сынъ молдавскаго господаря, который вступилъ въ русское подданство при Петрѣ); онъ служилъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ и приобрѣлъ себѣ извѣстность сатирами. Въ этихъ сатирахъ, написанныхъ тяжелыми стихами по латинскимъ и французскимъ образцамъ, Кантеміръ осмѣивалъ по преимуществу недостатки современнаго высшаго общества, какъ то: лѣнь, мелочное тщеславіе и пр. *.

Со временъ Елизаветы (вмѣстѣ съ распространеніемъ французскаго языка въ высшихъ слояхъ общества) начинается подража-

нинули письмо; разбойники хотятъ въ намъ прѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню смечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ проиѣ топоръ ничего нѣтъ; здѣсь воровское мѣсто; на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ разорили, мужики разбѣжались, а деревню сожгли. Путешественники не спали всю ночь; яли пули, заряжали ружья, и готовились къ отпору. Разбойники вѣроятно узнали о нихъ, и въ эту ночь не явились.

* Для примѣра укажемъ сатиру «На зависть и гордость дворянъ злонаправныхъ». Нѣкто Артоенгъ (т. е. любящій добродѣтель) встрѣчаетъ печальнаго дворянина и спрашиваетъ, почему онъ

Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патриаршѣ достати

Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?

Цугомъ ли запрещено ѣздить, или богато

Плате носить, или своихъ слугъ членать въ злато?

Картъ ли не стало въ рѣдахъ, вина ль дорогова? и т. д.

Оказывается, что дворянинъ въ горѣ отъ зависти: люди, вышедшіе изъ низшаго званія, получаютъ чины и деревни; а онъ, будучи потомкомъ знатныхъ и славныхъ предковъ, остается въ тѣни. Артоенгъ доказываетъ ему, что дѣйствительно предки его были славны своими заслугами; но что самъ онъ мастеръ только не части картъ, иностранныхъ дѣлъ и модныхъ нарядовъ.

ніе произведеніямъ французской, по преимуществу жекласической, литературы. Во главѣ этой школы стоялъ Сумароковъ съ своими трагедіями и комедіями, которыя написаны риторическимъ напыщеннымъ слогомъ. (Но современники, еще неимѣвшіе на русскомъ языкѣ болѣе изящныхъ драматическихъ произведеній, были очень довольны сочиненіями Сумарокова, и называли его «россійскимъ Расиномъ»). Онъ же былъ и первымъ директоромъ постоянного публичнаго театра, основаннаго въ 1756 г.

Публичныя представленія въ Москвѣ начались при Петрѣ I; съ переселеніемъ двора въ Петербургъ онѣ прекратились. Въ царствованіе Анны и Елизаветы при дворѣ находились обыкновенно иностранныя труппы актеровъ; а русскія піесы игрались иногда воспитанниками кадетскаго корпуса. По примѣру ихъ Федоръ Волковъ, сынъ костромскаго купца, человѣкъ чрезвычайно даровитый, устроилъ театральныя представленія въ Ярославлѣ. Узнавъ объ его успѣхѣхъ, Елизавета вызвала въ столицу Волкова съ товарищами (изъ которыхъ особенно знаменитъ актеръ Дмитревскій), и они-то составили первую русскую труппу столичныхъ императорскихъ театровъ.

Къ той же эпохѣ относится дѣятельность Ломоносова. Родиной его были берега Бѣлаго моря, край суровыхъ энергическихъ Поморцевъ. Сынъ холмогорскаго рыбака, Ломоносовъ убѣждалъ въ Москву, чтобы удовлетворить мучившей его жаждѣ знанія. Онъ учился въ Московской духовной академіи, а образованіе свое окончилъ въ Германіи (узнаменитаго философа Вольфа), и приобрѣлъ потомъ славу великаго писателя и ученаго. Литературная дѣятельность Ломоносова была очень разнообразна: онъ писалъ о русской исторіи, грамматикѣ, стихосложеніи и пр., хотя главнымъ его призваніемъ были естественныя науки (физика и химія). Особенно важную услугу оказалъ онъ русскому литературному языку, стараясь освободить его отъ иностранныхъ примѣсей и тяжелыхъ церковно-славянскихъ оборотовъ. Въ своихъ похвальныхъ одахъ, прославлявшихъ разныя событія современныхъ царствованій, Ломоносовъ подражалъ нѣмецкимъ и латинскимъ поэтамъ; оды его высоко-

парны и растянуты; но онѣ отличаются чистотою и гармоніею языка дотолѣ неизвѣстною въ русской книжной словесности. Ломоносовъ принималъ живое участіе въ планѣ перваго русскаго университета, основаннаго въ 1755 г.

Мысль Петра I соединить съ Академіей наукъ учебное значеніе, т. е. приготовленіе русскихъ учителей, не исполнилась. Петербургская академія сдѣлалась пріютомъ для нѣмецкихъ ученыхъ; они по большой части не знали русскаго языка, и находились въ разладѣ съ тѣми изъ русскихъ людей, которые мало по малу начали вступать въ среду академіи (особенно враждовалъ съ нѣмецкой партіей Ломоносовъ). Недостатокъ высшаго преподаванія долженъ былъ восполнить университетъ, основателемъ котораго явился любимецъ Елизаветы, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Этотъ университетъ учреждался именно въ Москвѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: Москва занимала срединное положеніе въ государствѣ и представляла дешевизну содержанія; въ ней жило много дворянъ и разночинцевъ, такъ что студенты легко могли найти родственниковъ и знакомыхъ; многіе помѣщики воспитывали здѣсь своихъ дѣтей, и платили большія деньги домашнимъ учителямъ изъ иностранцевъ (бывшихъ прежде парикмахерами, лакеями и т. п.). Университетъ имѣлъ три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, и 10 профессоровъ. Для приготовленія студентовъ при университетѣ были основаны двѣ гимназіи, съ сословнымъ различіемъ; одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Въ университетѣ же соединялись люди всѣхъ свободныхъ состояній (крѣпостные не допускались). Первымъ кураторомъ (попечителемъ) новаго заведенія былъ основатель его Шуваловъ.

Въ слѣдующемъ 1756 г. при университетѣ начала издаваться газета „Московскія Вѣдомости“, по образцу „Петербургскихъ Вѣдомостей“, издававшихся при Академіи наукъ. Въ 1757 г. стараніями того же Шувалова открыта въ Петербургѣ Академія художествъ, для образованія русскихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ.

Между тѣмъ какъ писатели высшихъ классовъ общества подражали иностраннымъ образцамъ, въ низшихъ слояхъ народа совер-

шалось довольно значительное движеніе тайной, раскольниковъ и литературы. Сочиненія расколоучителей были направлены противъ нововведеній или прославляли людей, пострадавшихъ за старую вѣру. Они распространялись преимущественно въ рукописяхъ, и возбуждали живой интересъ въ приверженцахъ старины. *

IV. ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА И ВѢШНЯГО МОГУЩЕСТВА.

ПЕТРЪ III 1761—1762.

Правительственныя мѣры Петра III. Это былъ государь добродушный, но къ сожалѣнію недалководный. Не смотря на весьма короткое время своего царствованія, онъ успѣлъ однако сдѣлать нѣсколько важныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій. Во первыхъ, замѣчательнъ манифестъ объ уничтоженіи обязательной службы для дворянства: теперь оно имѣло право служить только по своей охотѣ. Потомъ государь уничтожилъ Тайную розыскную канцелярію, и запретилъ произносить ненавистное «слово и дѣло». Запрещено было также преслѣдовать раскольниковъ; а тѣмъ изъ нихъ, которые бѣжали за пограничныя мѣста, позволено возвратиться; имъ отводили въ Сибири земли для поселенія. Объявлено было прощеніе крестьянамъ, оказавшимъ неповиновеніе помѣщичьей власти, если они принесутъ раскаяніе. Многіе вельможи, сосланные въ предыдущее царствованіе, были возвращены изъ Сибири, въ томъ числѣ и знаменитый Минихъ.

* Впрочемъ нѣкоторыя книги старообрядцевъ въ XVIII вѣкѣ были напечатаны въ западнорусской типографіи, находившейся при Сурапольскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ (Въ то время въ в. л. Литовскомъ, въ Гродненскомъ повѣтѣ; теперь Бѣлосток. уѣзда, Гродн. губерніи). Этотъ монастырь основанъ въ концѣ XV вѣка знатной литовской фамиліею Ходкевичъ, тогда еще православной; а въ XVII вѣкѣ онъ обращенъ былъ въ Базильскій (т. е. униатскій).

Относительно ви́шней политики первымъ дѣломъ Петра III былъ союзъ съ Фридрихомъ, къ которому онъ питалъ безпредѣльное уваженіе; часть русскихъ войскъ, сражавшихся противъ Прусаковъ, присоединена была къ арміи прусскаго короля; остальные отозваны въ отечество. Въ то же время Петръ задумалъ другую войну: онъ началъ готовиться къ походу въ Данію, чтобы покончить споры голштинскихъ герцоговъ съ датскими королями. Внезапный государственный переворотъ помѣшалъ этому предпріятію. Приверженность Петра къ иностранцамъ, поклоненіе Фридриху II, предпочтеніе, которое государь оказывалъ своему голштинскому отряду передъ русскими солдатами, и заведенная имъ строгая военная дисциплина, — все это произвело неудовольствіе между гвардейскими полками. Неудовольствіемъ гвардіи и излишнею самоувѣренностію своего супруга искусно воспользовалась умная Екатерина, и Петръ III уступилъ ей престолъ.

Главными помощниками Екатерины въ этомъ дѣлѣ были братья Орловы и княгиня Дашкова; они приготовили въ ея пользу многочисленную партію между гвардейцами. Въ пользу Екатерины дѣйствовалъ и первый духовный сановникъ Дмитрій Съченовъ, архіепископъ Новгородскій, опиравшійся на духовенство, которое было недовольно намѣреніемъ Петра III отобрать церковныя имущества. Однажды утромъ (28 іюня 1762 г.), когда императоръ находился въ своемъ любимомъ замкѣ Ораніенбаумѣ, Екатерина изъ Петергофа пріѣхала въ Петербургъ; гвардія ей немедленно присягнула; а примѣру гвардіи послѣдовала и вся столица. Извѣщенный о событіи, Петръ началъ составлять разные планы защиты; но не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Въ его свитѣ находился фельдмаршалъ Минихъ, который, не смотря на преклонныя лѣта и долгое заточеніе, оставался вѣренъ своему дѣятельному, честолюбивому характеру; фельдмаршалъ указалъ Петру на Кронштадскую крѣпость. Государь однако медлилъ разстаться съ своимъ голштинскимъ отрядомъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина во главѣ 15000 регулярнаго войска выступила на петергофскую дорогу; тогда только императоръ

со всею свитою съѣлъ на яхты, и велѣлъ грести въ Кронштадтъ. Но было уже поздно: кронштадскій гарнизонъ между тѣмъ перешелъ на сторону императрицы. Напрасно неутомимый Миннихъ старался ободрить государя, и указывалъ ему на разныя средства для борьбы. Петръ упалъ духомъ, воротился въ Ораніенбаумъ, и подписалъ актъ отреченія. Спустя нѣсколько дней, онъ скончался.

ЕКАТЕРИНА II 1762 — 1796.

Характеръ императрицы и главныхъ дѣятелей ея царствованія. Одаренная отъ природы блестящими, разнообразными способностями, Екатерина кромѣ того успѣла развить свой умъ литературными занятіями, особенно чтеніемъ лучшихъ французскихъ писателей своего вѣка. Проницательностію, искусствомъ пользоваться обстоятельствами и умѣньемъ находить людей для выполнения своихъ плановъ она заслужила всеобщее удивленіе. Съ рѣдкими дарованіями императрица соединяла также стремленіе къ славѣ и внѣшнему блеску. Первые годы ея царствованія не обошлись безъ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны людей, привыкшихъ къ частымъ перемѣнамъ правителей и желавшихъ на новомъ государственномъ переворотѣ основать свое личное возвышеніе; но Екатерина успѣвала всегда предупредить опасность *.

Главные государственные дѣятели этого царствованія, подобно сотрудникамъ Петра I, были люди незначительные по происхожденію, не всегда отличавшіеся нравственными достоинствами, но по большей части талантливые и усердные исполнители высшихъ распоряженій. Изъ нихъ замѣчательны: во-первыхъ, братья Орловы, Григорій и Алексѣй, болѣе всѣхъ помогавшіе вступленію на престолъ Екатерины и извѣстные своимъ смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Во-вторыхъ, братья Панины, Никита и Петръ; осо-

* Замѣчательна попытка подпоручика Мировича. Занимая однажды караулъ въ Шлиссельбургской крѣпости, онъ вздумалъ освободить изъ нея Іоанна Антоновича и провозгласить его императоромъ. Но Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ, а мятежный подпоручикъ сложилъ свою голову на плахѣ (1764 г.).

бенно заслуживаетъ вниманія старшій, Никита Ивановичъ Панинъ, вельможа умный и образованный, котораго совѣты уважались императрицею. Онъ завѣдывалъ дипломатическими сношеніями, и приобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность проектомъ вооруженнаго нейтралитета, который имѣлъ цѣлью защиту морской торговли нейтральныхъ державъ и былъ направленъ преимущественно противъ англійскихъ крейсеровъ (1780 г. во время Съверо-американской войны). Послѣ Панина на дипломатическомъ поприщѣ особенно отличался графъ Безбородко. Потомъ заслуживаютъ вниманія: князь Вяземскій, около 30 лѣтъ занимавшій важный постъ генералъ-прокурора въ сенатѣ, и графъ Сиверсъ, который въ качествѣ новгородскаго губернатора приобрѣлъ общее уваженіе своею полезною дѣятельностію, по управленію края и по устройству водяныхъ сообщеній.

Придворное значеніе Григорія Григорьевича Орлова впослѣдствіи перешло къ Григорію Александровичу Потемкину. Онъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго дворянина; учился въ новооткрытой московской гимназіи, потомъ перешелъ въ университетъ, но не кончилъ курса (по лѣности былъ исключенъ), и поступилъ въ конную гвардію. Здѣсь Потемкинъ скоро былъ замѣченъ императрицею, и тогда началось его быстрое возвышеніе. При блестящихъ способностяхъ, онъ былъ необыкновенно честолюбивъ, приобрѣлъ огромное вліяніе на государственныя дѣла, и умѣлъ удержать за собой это вліяніе почти до самой смерти (1791 г.); находясь на верху могущества онъ выказалъ деспотическія наклонности, непостоянную, капризную волю, и любилъ создавать обширныя, трудно исполнимыя планы. Главныя заслуги его составляютъ: заселеніе Новороссійскаго края, котораго онъ былъ генералъ губернаторомъ, искусныя мѣры при завладѣніи Крымомъ, основаніе Черноморскаго флота, а также улучшенія, которыя онъ ввелъ въ армію въ качествѣ президента военной коллегіи (напр. онъ сдѣлалъ болѣе удобными вооруженіе и обмундировку, велѣлъ обрѣзать косы и запретилъ пудру, треугольныя шляпы замѣнилъ легкими касками, и пр.). Въ концѣ царствованія самымъ приближеннымъ лицомъ къ импе-

ратрищѣ сдѣлался Платонъ Александровичъ Zubovъ, обнаружившій большую надменность и наклонность къ придворнымъ интригамъ.

На военномъ поприщѣ особенно прославились два полководца, Румянцевъ и Суворовъ, которые своими побѣдами сообщили царствованію Екатерины много внѣшняго блеска. Въ дѣтствѣ своемъ Суворовъ, по слабости здоровья, предназначался отцомъ въ гражданскую службу; но, замѣтивъ сильное влеченіе сына къ военной дѣятельности, отецъ переимѣнилъ намѣреніе и записалъ его солдатомъ въ гвардію. Не имѣя при дворѣ могущественныхъ покровителей, Суворовъ довольно долго прослужилъ въ нижнихъ чинахъ; за то онъ имѣлъ время познакомиться съ военною службою во всѣхъ ея подробностяхъ и изучить характеръ русскаго солдата; чѣмъ впоследствии умѣлъ превосходно пользоваться. Семилѣтняя война дала ему случай впервые обнаружить и развить свои военные таланты *.

Законодательная коммиссія и учрежденіе о губерніяхъ. Еще Петръ I сдѣлалъ попытку составить новый сводъ законовъ, такъ какъ уложеніе его отца не удовлетворяло новымъ потребностямъ

* Отецъ Суворова сначала не одобрялъ наклонностей сына, и нерѣдко выражалъ неудовольствіе на его неловкость, застѣнчивость и привычку прятаться въ свою комнату. Расказываютъ, что однажды его посѣтилъ сосѣдь по имѣнію старый артиллерійскій генералъ Ганнибалъ (Этотъ Ганнибалъ былъ родомъ негръ, въ дѣтствѣ привезенъ Петромъ Великимъ изъ Голландіи, и помѣщенъ въ русскую военную службу; Ганнибаломъ Петръ назвалъ его какъ африканца въ память знаменитаго героя древности). Въ разговорѣ съ нимъ хозяинъ нескрылъ своего неудовольствія на сына. Гость отправился на верхъ въ комнату молодого Александра посмотреть, чѣмъ онъ занимается. Тутъ, когда онъ увидалъ книги, карты и планы, въ которые былъ погруженъ мальчикъ; Ганнибалъ пришелъ въ удивленіе, и посоветовалъ отцу предоставить свободу влеченіямъ сына. Впоследствии, достигши значительныхъ чиновъ, Суворовъ мало по-малу началъ играть роль чудака; вѣлъ оригинальный образъ жизни, позволялъ себѣ въ обращеніи съ другими много странностей, говорилъ русскими загадками и прибаутками, и подъ видомъ шутокъ часто высказывалъ жесткую правду. Этою ролью чудака, какъ думаютъ, онъ хотѣлъ съ одной стороны обратить на себя вниманіе Екатерины, а съ другой отклонить дѣйствіе зависти и придворныхъ интригъ.

государства; преемники Петра возобновляли его попытку, и назначали для этой цѣли комиссіи; но дѣло не подвигалось впередъ. А между тѣмъ затруднительное состояніе финансовъ, судопроизводства и областного управленія вызывало крайнюю необходимость улучшить законодательство. Екатерина, будучи еще великою княгинею, слѣдила за дѣломъ внутренняго управленія и ясно видѣла его недостатки.

Вотъ что сама императрица писала (Н. И. Панину) о состояніи, въ которомъ она нашла Россію при вступленіи своемъ на престолъ: „Сухопутная армія, бывшая въ Пруссіи, не получала жалованья за двѣ трети года. Финансы были въ такомъ разстройствѣ, что во время Семилѣтней войны, когда Елизавета Петровна хотѣла занять въ Голландіи 2.000.000 рублей, на заемъ не явилось охотниковъ; слѣдовательно Россія не имѣла кредита. Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне были въ явномъ непослушаніи властямъ, и къ нимъ начали присоединяться помѣщичьи. Сенатъ слушалъ не краткое содержаніе дѣлъ, поступавшихъ на аппеляцію, а самыя дѣла со всѣми обстоятельствами, и потому чтеніе о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли сенатскія предписанія, что первый и второй указы обыкновенно оставались безъ вниманія, и вошло въ пословицу говорить: „ждутъ третьяго указа“. Чиновники воеводскихъ канцелярій не получали жалованья, и имъ дозволено было кормиться отъ просителей, хотя взятки строго запрещены“ и т. д.

Сочувствуя тѣмъ философскимъ идеямъ, которыя въ XVIII в. произвели умственное движеніе въ Западной Европѣ, императрица съ самаго начала своего царствованія принялась за проэктъ новаго государственнаго устройства. Чтобы обсудить его во всѣхъ подробностяхъ, она созвала земскую думу подъ названіемъ: «Комиссія для сочиненія проэкта новаго уложенія». Эта комиссія была составлена изъ депутатовъ отъ разныхъ сословій и прави-

тельствѣнныхъ мѣсть *. Для руководства ея императрица написала краснорѣчивый «Наказъ», въ которомъ она изложила просвѣщенныя идеи (заимствованныя изъ сочиненій Беккариа и Монтескье) о государствѣ, законахъ, обязанностяхъ гражданина, о системѣ наказаній и пр. 30 июня 1767 года съ большою торжественностію совершилось открытіе комиссіи въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ. Въ первыхъ же ея засѣданіяхъ начались пренія о важныхъ государственныхъ преобразованіяхъ; поднять былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права (чего желала и сама императрица); но противъ этого вопроса возстало большинство дворянскихъ депутатовъ; затронуты были также злоупотребленія чиновниковъ. Между тѣмъ депутаты поднесли императрицѣ титулъ «великой», «мудрой» и «матери отечества»; она согласилась принять только послѣднее названіе. Засѣданія раздѣлялись на общее собраніе и на отдѣльныя комиссіи по разнымъ государственнымъ учрежденіямъ. Но уже въ слѣдующемъ году, по поводу начавшейся войны съ Турками, общее собраніе прекратилось, и часть депутатовъ распушена. Отдѣльныя комиссіи еще пять лѣтъ продолжали работать надъ проэ debated, подъ руководствомъ генераль прокурора сената князя Вяземскаго. Вопросъ о новомъ уложеніи остался нерѣшеннымъ. Впрочемъ дѣло этой Комиссіи не было безъ важныхъ послѣдствій. Она сообщила правительству многія свѣденія о внутреннемъ состояніи государства, и имѣла большое вліяніе на послѣдующую правительственную дѣятельность Екатерины II, преимущественно на ея областныя учрежденія.

Своимъ «учрежденіемъ о губерніяхъ» (1775 г.) Екатерина докончила дѣло Петра I относительно централизаціи областного

* Именно, по одному депутату: отъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій, отъ каждаго города, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ однодворцевъ каждой провинціи, также отъ пахатныхъ солдатъ и другихъ служилыхъ людей, отъ государственныхъ крестьянъ, инородцевъ (непочюющихъ) и казацкихъ войскъ. Депутаты должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, имъ назначено жалованье и даны нѣкоторыя привилегіи; они избирались баллотировкою по большинству голосовъ; избиратели снабжали ихъ письменными наставленіями. Число депутатовъ было 565.

управленія. Россія была раздѣлена на 50 губерній; границы ихъ опредѣлялись не историческими и естественными условіями, а количествомъ населенія (въ каждой отъ 300 до 400 тысячъ душъ). Губерніи раздѣлялись на уѣзды и управлялись гражданскимъ губернаторомъ; иногда нѣсколько губерній ввѣрялось генераль-губернатору или намѣстнику, который былъ облеченъ большою властію и надзиралъ за всѣми отраслями управленія. вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ устроилась система административныхъ и судебныхъ мѣстъ (до послѣднихъ временъ господствовавшая въ Россіи*). Это раздѣленіе вводилось въ теченіе 20 лѣтъ; вмѣстѣ съ нимъ приступлено было ко всеобщему обмежеванію земель. При новомъ дѣленіи старыхъ городовъ не доставало для управленія уѣздовъ; поэтому въ царствованіе Екатерины до 200 сель обращены въ города. Но такъ какъ при этомъ руководствовались соображеніями административными, а не промышленными и естественными условіями, то новые города не могли процвѣтать; они отличались бѣдностію, и многіе изъ нихъ впослѣдствіи уничтожились.

Въ январѣ 1776 г. открыта была первая преобразованная губернія въ Твери намѣстникомъ ея Сиверсомъ, который принималъ дѣятельное участіе въ составленіи самого учрежденія о губерніяхъ. Потомъ онъ открылъ губернію въ Новгородѣ. Это открытіе состояло въ слѣдующемъ: намѣстникъ собиралъ губернское дворянство, отправлялось торжественное богослуженіе, читали манифестъ о новой губерніи, произносились хвалебныя

* Въ уѣздахъ заведены: уѣздные суды для дворянъ, городовые магистраты для купцовъ и мѣщанъ, нижнія расправы для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ, назначенство для сбора и храненія доходовъ и нижніе земскіе суды для полиціи. Изъ уѣздныхъ учреждений дѣла могли переходить въ высшія инстанціи, т. е. въ губернскія учрежденія: верхній земскій судъ, губернскій магистратъ и верхнюю расправу. Кромѣ того въ губернскихъ городахъ установлены: уголовная палата—для уголовного судопроизводства, гражданская—для гражданского, казенная—для государственныхъ доходовъ, губернское правленіе—съ исполнительною и полицейскою властію. Потомъ слѣдуютъ: совѣстные суды, дворянская опека, сиротскіе суды и приказы общественнаго призрѣнія. (См. Полное Собраніе Законовъ: указъ отъ 7 ноября (1775 г.).

рвчи, а за тѣмъ слѣдовали выборы въ нѣкоторыя должности. Выборы сопровождались разными празднествами: шамъстникъ устраивалъ обѣды, балы и маскарады (подобныя увеселенія распространялись въ подражаніе придворнымъ обычаямъ). Дворянство испрашивало позволеніе поставить памятникъ въ честь императрицы, и отправляло къ ней депутацію благодарить за ея попеченія. Все это свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, которые сдѣлала Россія относительно внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи, со временъ Петра I. Такимъ успѣхамъ способствовало отчасти и приобрѣтеніе Балтійскихъ провинцій, потому что отсюда начался постоянный приливъ Нѣмцевъ въ чиновные классы, военный и гражданскій. Наиболее образованные изъ нихъ явились дѣятельными проводниками цивилизованныхъ обычаевъ во внутреннія области Россіи; таковъ, напримѣръ, былъ графъ Сиверсъ. Балтійскій чиновничій элементъ не мало способствовалъ и обработкѣ тѣхъ бюрократическихъ формъ, которыя удержались до позднѣйшихъ временъ въ нашей администраціи. Правительство Екатерины II вообще много заботилось о наружномъ видѣ городовъ, т. е. о проведеніи прямыхъ, широкихъ улицъ и размноженіи каменныхъ зданій; кромѣ внѣшней красоты тутъ имѣлось въ виду сбереженіе лѣса и предохраненіе отъ большихъ пожаровъ, которыми Россія страдала весьма часто *.

Сословія и экономическія мѣры. Въ связи съ учрежденіемъ о губерніяхъ были изданы новыя положенія о сословіяхъ. Здѣсь точно также Екатерина продолжала реформу, начатую Петромъ I. Она болѣе точнымъ образомъ опредѣлила значеніе, права и обязанности разныхъ сословій. Въ 1785 г. издано городское положеніе, закончившее устройство такъ называемаго «городскаго

* Изъ монументальныхъ построекъ Екатерининскаго времени замѣчательны зданіе сената въ Московскомъ кремлѣ съ его изящною круглою залою; оно сооружено по планамъ архитектора Казакова. (Другой отличный архитекторъ того времени былъ Бажановъ). Въ Петербургѣ Екатерина заложила Исаіевскій соборъ (день праздника пр. Исаіи былъ днемъ рожденія Петра I; онъ оконченъ при Александрѣ II). На площади противъ этого собора она воздвигла памятникъ Петру Великому, изображающій императора на конѣ; подножіемъ ему служить гранитная скала (открытъ въ 1782 году).

общества». Это общество составлялось изъ обывателей, принадлежащихъ къ податнымъ состояніямъ, т. е. къ купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ. Купцы раздѣлены на три гильдіи по величинѣ объявленныхъ ими капиталовъ; объявившіе менѣе 500 руб. капитала названы «мѣщанами»; а ремесленники по разнымъ занятіямъ раздѣлены на разные «цехи», по образцу западноевропейскихъ. Всѣ податные обыватели собирались вмѣстѣ и составляли «общую городовую думу» для избранія изъ среды своей городского головы и шести членовъ на три года въ такъ называемую «шестигласную думу». Шестигласная дума подъ предсѣдательствомъ головы должна постоянно заниматься текущими дѣлами города, его доходами, расходами, общественными постройками; а главное, она заботится объ исполненіи казенныхъ повинностей, за исправность которыхъ отвѣчаетъ все общество вмѣстѣ.

Въ томъ же году дарована жалованная грамота дворянству, которою опредѣлились права и привилегіи дворянскаго сословія, считавшагося главною опорою престола. Подтверждалась свобода дворянъ отъ государственной службы, отъ прямыхъ податей и тѣлесныхъ наказаній. Помѣщики каждой губерніи составили особое дворянское общество; они получили право собираться чрезъ каждые три года въ губернской городъ, чтобы совѣщаться о дѣлахъ своего сословія и выбирать людей изъ своей среды въ нѣкоторыя общественныя должности (губернскій и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели и засѣдатели судебныхъ палатъ, уѣздные судьи, начальники земской полиціи или исправники и пр.). Дворянство получило исключительное право владѣть крѣпостными людьми. (Петръ I дозволилъ нѣкоторымъ купцамъ имѣть своихъ крестьянъ для фабрикъ и заводовъ).

Крѣпостное право при Екатеринѣ II достигло высшей степени своего развитія въ области законодательной. При вступленіи ея на престолъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне находились въ полномъ возстаніи противъ помѣщиковъ; военныя команды усмирили ихъ большею частію безъ кровопролитія; но въ Вяземскомъ уѣздѣ крестьяне князей Долгорукихъ оказали такое сопротивленіе,

что надобно было прибѣгнуть къ пушкамъ. Просвѣщенная императрица понимала вредное вліяніе крѣпостнаго права на народную нравственность и на развитіе образованія. Въ первые годы своего царствованія она обнаружила намѣреніе приступить къ ограниченію помѣщичьей власти; но не встрѣтила сочувствія въ придворной аристократіи и въ массѣ дворянъ. Потомъ императрица, занятая преимущественно вопросами внѣшней политики, оставила мысль о реформѣ крестьянскаго сословія. Изданы были даже новыя постановленія, которыя усиливали помѣщичью власть; напримѣръ, вслѣдствіе частыхъ жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ, крѣпостнымъ людямъ запрещено подавать жалобы на своихъ господъ (указомъ 1767 г.), подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ Нерчинскъ въ вѣчную каторжную работу. Между тѣмъ число крѣпостныхъ значительно увеличилось вслѣдствіе щедрой раздачи государственныхъ крестьянъ въ награду придворнымъ лицамъ и заслуженнымъ генераламъ.

Екатерина привела въ исполненіе важную мѣру, которую имѣлъ въ виду Петръ I, именно отобраніе церковныхъ имуществъ. Ближайшіе преемники Петра продолжали, по его примѣру стѣснять духовенство относительно владѣнія церковными вотчинами; но набожная Елизавета передала надзоръ за ихъ управленіемъ синоду, т. е. опять въ руки самаго духовенства. Петръ III изъявилъ намѣреніе отобрать церковныя имущества. Екатерина II вскорѣ по вступленіи на престолъ назначила комиссію для точной описи всѣхъ церковныхъ земель и доходовъ. Указомъ 1764 г. всѣ крестьяне великороссійскаго духовенства (числомъ болѣе 900,000) переданы въ вѣденіе Коллегіи Экономіи; вмѣсто прежнихъ оброковъ и работъ они обложены сборомъ въ полтора рубля съ души. Для монастырей и архіерейскихъ церквей составлены новыя штаты, и положено отпускать имъ изъ Коллегіи Экономіи опредѣленное жалованье; кромѣ того имъ оставлены нѣкоторыя населенныя угодья. (Отобранныя вотчины впослѣдствіи изъ Коллегіи Экономіи перешли въ частное владѣніе и въ другія вѣдомства). Эта мѣра очень естественно не обошлась безъ неудовольствія со стороны многихъ членовъ

духовенства; изъ нихъ особенно извѣстенъ митрополитъ ростовскій Арсеній Маціевичъ; онъ былъ лишенъ своего сана, и заточенъ.

Въ отношеніи къ государственнымъ финансамъ царствованіе Екатерины замѣчательно введеніемъ ассигнацій или бумажныхъ денегъ. Неудобства отъ огромнаго количества мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи, навели правительство на мысль о заведеніи ассигнаціоннаго банка, по образцу западно-европейскихъ. Такой банкъ и былъ учрежденъ въ 1768 г. въ Москвѣ и Петербургѣ съ капиталомъ въ миллионъ рублей звонкою монетою; настолько же рублей было выпущено ассигнацій, т. е. кредитныхъ билетовъ на полученіе звонкой монеты. Они принимались во всѣ платежи казенные и частные, и встрѣтили общее довѣріе. Вслѣдствіе этого довѣрія и удобнаго обращенія въ народѣ, ассигнаціи скоро приобрѣли значеніе бумажныхъ денегъ. Разныя государственныя нужды и особенно частыя войны подали правительству поводъ постепенно увеличить количество ассигнацій до 150 миллионровъ рублей; отъ такого чрезмѣрнаго выпуска курсъ бумажныхъ денегъ началъ понижаться, а товары поднялись въ цѣнѣ. вмѣсто, учрежденныхъ Елизаветою, дворянскаго и комерческаго банковъ, Екатерина основала государственный заемный банкъ для ссуды дворянамъ и городскимъ обывателямъ по 5 процентовъ (1786 г.). Въ это царствованіе обращено также большое вниманіе на государственныя доходы отъ питейныхъ сборовъ. Дотолѣ существовала въ Россіи смѣшанная система: отчасти продажою вина завѣдывали выборные изъ торговыхъ людей «кабацкіе головы» (а съ Петра I «бурмистры»), отчасти она отдавалась на откупъ частнымъ людямъ. Екатерина II назначила комиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, и по представленію комиссіи утверждена была преимущественно откупная система (1765 г.).

Южныя области. При постоянномъ усиленіи централизаціи въ Русской имперіи, Малороссія и Запорожье не могли долѣ сохранять свое отдѣльное устройство. Еще при жизни Кирилла Разумовскаго гетманское достоинство было окончательно отмѣнено (1764 г.),

и генералъ-губернаторомъ Малороссіи назначенъ знаменитый впоследствии Румянцевъ-Задунайскій. Малороссія потомъ наравнѣ съ другими областями имперіи раздѣлена на губерніи; а крестьяне объявлены крѣпостными людьми тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ засталъ ихъ указъ 1783 г.; сюда также распространилось отобраніе церковныхъ имуществъ.

Запорожская Сѣчь отжила свой вѣкъ: когда началось заселеніе южныхъ степей и учреждена Новороссійская губернія, Запорожье очутилось посреди русскихъ областей, главное назначеніе его — служить пограничнымъ оплотомъ со стороны Крымскихъ Татаръ — уже не могло имѣть мѣста при пережнѣ границъ. А между тѣмъ безпокойные Запорожцы не хотѣли оставить старыхъ привычекъ, и съ шайками гайдамакъ время отъ времени нападали на сосѣдніе села и города.

По приказанію императрицы Сѣчь была занята русскимъ отрядомъ, и Запорожское войско перестало существовать (1775). Часть его ушла въ Турцію и приняла турецкое подданство, а часть оставшихся Запорожцевъ перешла на Кубань, и составила войско Черноморскихъ казаковъ, которому въ концѣ Екатериненскаго царствованія былъ отданъ островъ Фанагорія съ землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ. Еще прежде, Волжское казачье войско, за покровительство разбоямъ и участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ, было переселено на Терекъ. Здѣсь казаки продолжали по прежнему служить Русской землѣ, защищая ея предѣлы отъ набѣговъ хищныхъ кавказскихъ горцевъ.

Заселеніе южныхъ степей началось въ царствованіе Елизаветы Петровны; нѣсколько тысячъ славянскихъ семействъ, преимущественно Сербовъ, изъ турецкихъ владѣній перешли въ русское подданство, и поселились на границахъ Украйны (около верховьевъ Ингула) въ странѣ, которая получила названіе Новой Сербіи. Правительство Екатерины II, заботясь о населеніи плодородныхъ, но пустынныхъ пространствъ на югѣ и востокѣ имперіи, приглашало въ Россію иностранныхъ колонистовъ, съ обѣщаніемъ разныхъ льготъ и пособій на первое хозяйственное обзаведеніе. Это при-

глашеніе имѣло успѣхъ и привлекло нѣсколько десятковъ тысячъ колонистовъ изъ Германіи; особенно много поселилось ихъ на Волгѣ въ Самарской провинціи. Въ то же время правительство старалось возвращать въ Россію раскольниковъ, въ большомъ числѣ уходившихъ за границу. Возвращавшимся объявлено полное прощенье; кромѣ того раскольники освобождены отъ двойнаго подушнаго оклада, отъ обязанности носить особое платье и брить бороду. А старообрядцамъ, т. е. приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, въ Новороссіи по просьбѣ Потемкина разрѣшено имѣть свои храмы и священниковъ, поставленныхъ православными епископами (1785 г.); они составили т. наз. единовѣрческую церковь.

Училища и литературное движеніе. Относительно мѣръ для народнаго образованія царствованіе Екатерины замѣчательно попытками основать стройную и постоянную систему общественныхъ школъ. Съ этою цѣлью она назначила «Коммиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ» (1782 г.). По плану Коммиссіи предположено было: завести въ уѣздныхъ городахъ малыя народныя училища для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ учредить главныя народныя училища; предположено открыть еще нѣсколько университетовъ. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти; главныя народныя училища учреждены въ немногихъ городахъ, и ни одинъ университетъ не былъ открытъ. Особенныя заслуги дѣлу народнаго воспитанія оказалъ генераль Бецкій, по мысли котораго были основаны воспитательныя дома въ Москвѣ и Петербургѣ; его же стараніями положено начало закрытымъ учебнымъ заведеніямъ для женскаго пола, каково, на примѣръ при петербургскомъ Смольномъ монастырѣ для дворянскихъ дѣвицъ (устроенное по образцу Сенъ Сирскаго женскаго института во Франціи, въ которомъ воспитаніе имѣло монастырскій характеръ). Основаніемъ кадетскихъ корпусовъ, Инженернаго и Артиллерійскаго, увеличилось число военноучебныхъ заведеній.

Вліяніе французскихъ обычаевъ и французской литературы на высшіе классы общества въ царствованіе Екатерины II сдѣлало быстрые успѣхи; вліяніе это замѣтно отразилось на смягченіи нравовъ, которому не мало способствовалъ просвѣщенный взглядъ самой императрицы. Многочисленныя казни Петра и Анны Іоанновны и беспощадное сѣченіе кнута въ время Елизаветы начинаютъ переходить въ область преданій; пытки, хотя употреблялись при судебныхъ допросахъ, но производились уже далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою жестокостію какъ прежде*. Подражательная литература получила сильное развитіе, и процвѣтала преимущественно подъ покровительствомъ двора; по примѣру Ломоносова, продолжали сочинять похвальныя оды. Представителемъ ихъ въ вѣкъ Екатерины является знаменитый Державинъ; сынъ одного отставнаго полковника, онъ учился въ Базанской гимназіи, потомъ началъ свою службу рядовымъ гвардіи, и былъ впоследствии статсъ-секретаремъ императрицы. Въ своихъ тяжелыхъ, но звучныхъ и выразительныхъ стихахъ Державинъ преимущественно воспѣвалъ Екатерину (подъ именемъ Фелицы) и нѣкоторыя громкія событія ея царствованія. Представителемъ другаго направленія въ литературѣ того времени — направленія сатирическаго — былъ даровитый Фонъ-Визинъ; въ своихъ комедіяхъ (особенно въ Бригадирѣ и Недорослѣ) онъ нападалъ на два недостатка современнаго общества: съ одной стороны на безсмысленное, чисто-внѣшнее подражаніе новымъ; французскимъ обычаямъ при полномъ от-

* Порошинъ, одинъ изъ учителей наслѣдника престола Павла Петровича, рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что однажды за обѣдомъ у его высочества зашла рѣчь о дѣлѣ извѣстнаго кабинеть-министра Вольтынаго. Никита Ивановичъ Панинъ (главный воспитатель наслѣдника) замѣтилъ, что онъ недавно читалъ это дѣло и что его чуть не разбилъ параличъ: такое сильное впечатлѣніе произвели на Панина мученія, которыя претерпѣлъ Вольтынский! Въ другой разъ за обѣдомъ тотъ же графъ Панинъ, сравнивая прежнія времена съ Екатерининскими, привелъ слѣдующій примѣръ: „Одинъ генералъ, бывъ въ одно время у гетмана (Разумовскаго), рассуждалъ, какіе недостатки нынѣ люди стали, нельзя избранныя, а бывало де палочкою дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь“.

сутствіи нравственнаго воспитанія; съ другой, на грубые нравы и дворянскіе предрасудки, наслѣдованные отъ русской старины. Тоже сатирическое направленіе отразилось и въ русской журнальной литературѣ.

Начало русской журналистикѣ положено было въ послѣдніе годы Елизаветинскаго царствованія, и первый сатирическій журналъ («Трудолюбивая Пчела») принадлежитъ извѣстному Сумарокову. Особеннымъ развитіемъ журналистики отличается первая половина Екатерининскаго царствованія (именно между годами 1769 и 1775); въ то время явилась цѣлая семья журналовъ («Всякая всячина», «Трутень», «Адская почта», «Живописецъ» и др.) съ яснымъ, опредѣленнымъ направленіемъ: главною задачею своею они ставили указаніе современному обществу на его дурныя стороны. Нападенію журнальной сатиры подвергались преимущественно два рода людей: съ одной стороны чиновники, торгующіе правосудіемъ или законѣные взяточники; и съ другой люди, старавшіеся блистать поверхностнымъ образованіемъ или моднымъ европейскимъ костюмомъ («петиметры»). Но попытки перейти къ обсужденію болѣе важныхъ вопросовъ встрѣтили сильныя препятствія, и большая часть упомянутыхъ журналовъ скоро прекратила свое существованіе *. Сама императрица принимала живое участіе въ литературной и научной дѣятельности; она писала нравоучительныя сказки для дѣтей, драматическія піесы для своего придворнаго театра (въ Эрмитажѣ) и записки о Русской исторіи; а для научнаго знакомства съ естественными произведеніями и жителями своего государства она отправляла ученыхъ экспедиціи въ отдаленныя области имперіи (путешествія: Палласа, Лепехина, Гильденштедта и др.). Когда знаменитая княгиня Дашкова, назначенная директоромъ Академіи наукъ

* Къ разряду сатирическихъ изданій можно отнести и «Письмовникъ» Курганова, составленный изъ оригинальныхъ и переводныхъ анекдотовъ, остроумныхъ изрѣченій, наставленій и т. п. Этотъ Письмовникъ явился дальнѣйшимъ развитіемъ прежнихъ сборниковъ, въ родѣ Пчелы, и сдѣлался въ концѣ XVIII вѣка любимую народною книгою. Авторъ ея Кургановъ былъ сынъ унтеръ-офицера, и около 50 лѣтъ служилъ преподавателемъ при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

(1782 г.), начала издавать при академіи ежемѣсячный журналъ («Собесѣдникъ любителей русскаго слова»), въ немъ приняли участіе императрица съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ и самыя извѣстные писатели того времени (Державинъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Капнистъ); впрочемъ этотъ журналъ, подобно другимъ, скоро окончился.

Однимъ изъ самыхъ благородныхъ дѣятелей на поприщѣ русскаго образованія и словесности во второй половинѣ XVIII вѣка былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, который посвятилъ себя образованію среднихъ классовъ народа.

Сначала издатель нѣсколькихъ сатирическихъ журналовъ, Новиковъ въ 1781 году вмѣстѣ съ профессоромъ Московскаго университета Шварцемъ основалъ „Дружеское ученое общество“; оно имѣло своею цѣлью переводы и печатаніе книгъ для народа, продажу ихъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ и даже даровую раздачу, а также помощь бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ, желавшимъ учиться. Многія богатые и знатныя лица дѣлали пожертвованія въ пользу этого общества, и вліяніе его на молодое поколѣніе было самое благотворное. (Подъ руководствомъ Дружескаго общества окончилъ свое образованіе и Карамзинъ, впоследствии знаменитый исторіографъ). Но въ концѣ Екатерининскаго царствованія литературная дѣятельность и частныя общества подверглись значительнымъ стѣсненіямъ, чему много способствовали безпокойства произведенныя событіями Французской революціи. Одновременно съ невѣріемъ и матеріальнымъ направленіемъ французскихъ философовъ XVIII вѣка, распространялось въ Европѣ, противоположное имъ, мистическое ученіе Сенъ-Мартена и другихъ мечтателей; въ связи съ этимъ ученіемъ размножились таинственныя масонскія братства, основанныя подъ видомъ благотворительныхъ цѣлей. Онѣ появились въ Россіи, и даже вошли у насъ въ моду; но около эпохи Французской революціи навлекли на себя подозрѣніе въ разныхъ политическихъ замыслахъ. Новиковъ, бывшій однимъ изъ послѣдователей религіознаго мистическаго направленія мартинистовъ и масоновъ, не избѣжалъ подобнаго подоз-

рѣши; онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость (1792 г.), откуда его освободилъ потомъ преемникъ Екатерины.

Между произведеніями духовнаго краснорѣчія въ эту эпоху особенно замѣчательны проповѣди и другія нравственно-религіозныя сочиненія трехъ знаменитыхъ іерарховъ Русской церкви: Георгія Конисскаго, епископа Бѣлорусскаго, св. Тихона, епископа Воронежскаго и Платона архіепископа, потомъ митрополита Московскаго*.

Россія въ царствованіе Екатерины широко раздвинула свои предѣлы возвращеніемъ русскихъ областей на западѣ и завоеваніемъ турецко-татарскихъ на югѣ.

Первая турецкая война. Одновременно съ войною противъ Барской конфедерации въ Польшѣ, Екатерина должна была вести борьбу съ Турціей (1768—1774). Побуждаемый французскимъ дворомъ и польскими конфедератами, султанъ воспользовался тѣмъ, что одна шайка малорусскихъ гайдамакъ сожгла пограничное татарское селеніе Балту; подъ этимъ ничтожнымъ предлогомъ онъ объявилъ Россіи войну, приказавъ заключить въ Семибашенный

* Образцомъ безыскусственнаго, но сильнаго краснорѣчія Тихона могутъ служить его проповѣди, сказанныя по слѣдующему поводу. Въ Воронежѣ изстари былъ обычай ежегодно передъ заговѣньемъ Петрова поста отправлять народное празднество въ память Ярила (языческаго бога весны). Празднество это сопровождалось непристойными играми, кулачнымъ боемъ и отзывалось вообще языческимъ характеромъ. Въ 1765 г. въ первый день Петрова поста, Тихонъ явился на самой площади посреди безчинствующей толпы и слою своего слова прекратилъ игрища. Въ ближайшій воскресный день онъ началъ торжественное богослуженіе въ соборномъ храмѣ, и тутъ произнесъ къ народу увѣщаніе, растрогавшее слушателей до глубины души. Упомянутое празднество съ тѣхъ поръ не возобновлялось.

Платонъ изъ Троицкой лавры гдѣ онъ былъ тогда архимандритомъ, вызванъ въ Петербургъ, назначенъ законоучителемъ наследника престола Павла Петровича, и тутъ часто говорилъ проповѣди въ придворной церкви. Последъ одной такой проповѣди императрица, растроганная до слезъ, сказала: Отецъ Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочеть онъ, чтобы мы плакали—мы плачемъ. Особенно поразилъ онъ своихъ слушателей похвальнымъ словомъ Петру Великому, сказаннымъ по случаю побѣдъ русскаго флота надъ Турецкимъ въ 1770 г.

замокъ русскаго посла. Императрица не могла отправить большаго войска противъ Турокъ; но Румянцевъ, назначенный главнокомандующимъ, умѣлъ и съ малыми силами одолѣть многочисленныхъ непріятелей (на его просьбу о подкрѣпленіи Екатерина отвѣчала: Римляне не хотѣли знать о числѣ враговъ; а только спрашивали, гдѣ они). Самою славною эпохою этой войны былъ 1770 годъ, когда Румянцевъ одержалъ надъ Турками двѣ блестящія побѣды: первую на берегахъ Ларги, гдѣ была разбѣяна стотысячная армія крымскаго хана; вторую на берегахъ Кагула, гдѣ потерпѣло поражение войско великаго визиря, простиравшееся до 150,000 человекъ (у Румянцева было только 17,000). Въ томъ же году русская эскадра, обогнувъ берега Западной Европы, явилась въ Архипелагъ, одержала побѣду надъ турецкимъ флотомъ, и сожгла его въ Чесменской гавани; въ этомъ дѣлѣ отличились особенно Спиридовъ и Грейгъ, а главнымъ начальникомъ эскадры былъ графъ Алексѣй Орловъ. Въ слѣдующемъ году князь Василій Долгорукій произвелъ удачное вторженіе въ Крымъ. Военныя дѣйствія продолжались еще три года, и окончились миромъ, который былъ заключенъ въ русскомъ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи (недалеко отъ Силистріи). По этому миру Россія приобрѣла часть Азовскихъ и Черноморскихъ береговъ (Азовъ, Керчь, Кинбурнъ); русскимъ купеческимъ кораблямъ открыто свободное плаваніе въ Средиземное море; Крымскіе, Буждакскіе и Кубанскіе Татары объявлены независимыми отъ Турціи; султанъ долженъ былъ уплатить 4,500,000 рублей за военныя издержки, и пр.

Чума и Пугачевъ. Между тѣмъ какъ русскія войска одерживали блистательныя побѣды за предѣлами государства, внутри оно страдало отъ физическихъ бѣдствій и сильнаго народнаго волненія. Изъ Молдавіи проникла въ Россію чума и начала свирѣпствовать въ Москвѣ (1771 г.). Когда главнокомандующій столицей графъ Салтыковъ покинулъ зачумленный городъ, суевѣрная чернь возмутилась, и умертвила архіепископа Амвросія за то, что онъ хотѣлъ снять съ Варварскихъ воротъ Боголюбскую икону Богоматери

(сюда собирались толпы народа, отъ чего зараза распространялась еще болѣе.). Московское возмущеніе было остановлено энергическими усиліями генерала Еропкина, и окончательно усмирено присланнымъ изъ Петербурга княземъ Григоріемъ Орловымъ *.

Спустя два года послѣ этого бѣдствія, государство сильно было потрясено мятежемъ, извѣстнымъ подъ именемъ пугачевщины, Еще прежде между казаками были попытки взволновать народъ слухами о томъ, что Петръ III живъ и скоро потребуетъ обратно свой престолъ; но самозванцы, принимавшіе его имя, при самомъ началѣ своихъ дѣйствій попадали въ руки правительства. За то при первой удачной попыткѣ мятежъ разлился съ необыкновенною быстротою и силою. Бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ объявилъ себя императоромъ Петромъ III и сталъ во главѣ Яицкаго казачьяго войска.

Яицкіе казаки — отрасль Донскихъ — сдѣлались извѣстны въ исторіи съ начала XVII вѣка; они имѣли старинное общинное устройство; рыболовство составляло всегда главное ихъ богатство; средоточіемъ былъ Яицкій Городокъ. Петръ I подчинилъ ихъ вѣдомству Военной коллегіи и опредѣлилъ ихъ службу. При Аннѣ Іоанновнѣ положено начало Оренбургской военной линіи, т. е. ряду мелкихъ крѣпостей по Уралу и его притокамъ. Эти крѣпости съ одной стороны отрѣзали Башкирію отъ азіатскихъ степей и утвердили ее за Россіей, а съ другой поставили преграду набѣгамъ Киргизовъ; гарнизоны ихъ составлены изъ казаковъ и старыхъ солдатъ. Съ тѣхъ поръ Яицкое войско, недовольное стѣсненіями своихъ прежнихъ вольностей, роптало и неоднократно возмущалось. Осо-

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мятежъ противъ архіепископа былъ возбужденъ раскольниками едосѣвцами (одна изъ безпоповщинскихъ sectъ), которые въ то время подъ видомъ карантинна и погребенія зачумленныхъ основали у воротъ Москвы свой особый пріютъ „Преображенское кладбище“. Эта раскольничья община, устроенная на подобіе монастыря, укрѣпилась преимущественно трудами своего попечителя, хитраго, ловлаго купца Илья Ковылкина. (Къ тому же времени относится начало цоповщинскаго „Рогожскаго кладбища“).

бенно замѣчательнъ мятежъ 1771 года. Калмыки, кочевавшіе въ степяхъ Саратовскихъ и Астраханскихъ, раздраженные притѣсненіями русскихъ чиновниковъ, вдругъ въ числѣ 30,000 кибитокъ двинулись за Яикъ, и потянулись къ китайскимъ предѣламъ. Яицкому войску велѣно было идти за ними въ погоню; но оно не послушалось, возмутилось и убило генерала Траубенберга. Присланный изъ Москвы, генераль Фрейманъ силою оружія усмирилъ мятежъ. Зачинщики наказаны кнутомъ, многіе сосланы въ Сибирь или отданы въ солдаты; прежнее казацкое правленіе уничтожено и замѣнено Яицкимъ комендантомъ. Войско не успокоилось. „То ли еще будетъ! — говорили прощенные мятежники — Такъ ли мы тряхнемъ Москвою“. Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ) и отдаленнымъ хуторамъ. Не доставало только предводителя.

Въ 1772 г. на Яикъ появился Емельянъ Пугачевъ. Убѣжавъ съ Дона, онъ долго скитался, вошелъ въ сношенія съ раскольниками, побывалъ въ ихъ знаменитомъ притонѣ на Вѣткѣ и въ Иргизскихъ скитахъ. Онъ подговаривалъ казаковъ бѣжать на Кубань въ области турецкаго султана. Войсковое начальство схватило его и отослало въ Казань. Но изъ Казани ему удалось бѣжать при помощи богатыхъ раскольниковъ. Онъ опять укрылся на яицкихъ хуторахъ, и, согласившись съ нѣсколькими казаками, принялъ имя Петра III. Около него собрались нѣсколько сотъ человекъ, и подняли знамя возстанія. Казацкій отрядъ, высланный противъ мятежниковъ, перешелъ на ихъ сторону. Илецкій Городокъ былъ первою крѣпостью, сдавшеюся имъ безъ бою. Атаманъ ея хотѣлъ защищаться; но казаки приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью; а вѣрнаго атамана онъ велѣлъ повѣсить.

Пограничныя крѣпости вслѣдствіе измѣны гарнизоновъ начали переходить въ руки бунтовщиковъ, а начальники обыкновенно гибли на висѣлицѣ; но Оренбургъ и Яицкій Городокъ мужественно выдержали осаду. По всему Поволжскому краю распространилось возстаніе крестьянъ, которымъ Пугачевъ обѣщалъ вольность. Въ

связи съ казацкимъ и крестьянскимъ возстаніемъ происходило движеніе раскольниковъ, особенно многочисленныхъ между казаками: Пугачевъ обѣщалъ пожаловать ихъ «крестомъ и бороною». Крестьяне съ уральскихъ заводовъ и бѣглые каторжники немедленно пристали къ самозванцу: взбунтовались также и различные инородцы восточной Россіи, т. е. Башкиры, Калмыки, Мордва и пр. Такимъ образомъ возобновились времена Стеньки Разина. Въ самой Москвѣ чернь глухо волновалась, и повидимому съ нетерпѣніемъ ждала Пугачева. Первые дѣйствія войскъ, отправленныхъ противъ бунтовщиковъ, были неудачны. Дѣла правительства начали поправляться, когда главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Бибиковъ; но онъ скоро умеръ и мѣсто его заступилъ графъ Петръ Панинъ. Между тѣмъ самозванецъ сжегъ Казань, взялъ Пензу и Саратовъ. Только съ большими усиліями удалось усмирить этотъ огромный мятежъ. Неоднократно разбитый полковникомъ Михельсономъ, Пугачевъ наконецъ былъ окруженъ императорскими войсками, выданъ своими сообщниками въ руки правительства, и привезенъ въ Москву, гдѣ получилъ достойную казнь (1775).

Крымъ и новыя войны. Крымское ханство, признанное по Кучукъ-Кайнарджійскому миру независимымъ отъ Турціи, не могло долго сохранять ни свою самостоятельность, ни внутреннее спокойствіе между двумя противоположными вліяніями Россіи и Турціи. Когда у Татаръ начались междоусобія и сверженіе хановъ, Русскіе вмѣшались во внутреннія дѣла полуострова и возвели на престолъ Шагинъ-Гирея. Убѣжденный агентами Екатерины, Шагинъ-Гирей вскорѣ отрекся отъ престола, и былъ отправленъ на житье въ Калугу; а крымскіе мурзы присягнули на русское подданство. Турецкій султанъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился признать присоединеніе Крыма къ Россіи (1783 г.). Такимъ образомъ это гнѣздо разбойниковъ, въ продолженіе трехъ вѣковъ грабившихъ Русскую землю, наконецъ сдѣлалось для нея безвреднымъ, и Россія достигла на югѣ своихъ естественныхъ границъ. Управление вновь прибрѣтенною провинціей поручено генераль-губернатору

Новороссійской области князю Потемкину, который дѣятельно занимался устройствомъ южнаго, пустыннаго края и основалъ нѣсколько новыхъ городовъ (Херсонъ, Екатеринославль, Николаевъ, Севастополь) *.

Слабость, обнаруженная Турціей, подала поводъ къ появленію при русскомъ дворѣ такъ называемаго греческаго проекта, цѣлью котораго было изгнаніе Турокъ изъ Европы и возстановленіе Греческой имперіи. Этотъ проектъ особенно поддерживалъ Потемкинъ. Общіе замыслы противъ Турціи сблизили Екатерину съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, и они заключили тѣсный союзъ. Тогда турецкій дворъ, побуждаемый англійскимъ и прусскимъ, снова объявилъ войну Екатеринѣ (1787 г.). Главное начальство надъ русскими войсками во второй Турецкой войнѣ принялъ Потемкинъ; но его личные подвиги ограничились завоеваніемъ Очакова, послѣ трудной и дорого стоившей осады (зимой 1788 г.). Слава же этой войны принадлежитъ преимущественно Суворову, который совершилъ цѣлый рядъ громкихъ подвиговъ; изъ нихъ особенно замѣчательны: побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ и взятіе сильной крѣпости Измаила. Но союзники наши Австрійцы дѣйствовали неудачно: вмѣсто того чтобы сосредоточить свою 200-тысячную армію и повести наступательную войну, Іосифъ принялъ си-

* По желанію Потемкина императрица (въ 1787 г.) въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты совершила путешествіе въ Тавриду; въ Каневѣ ее встрѣтилъ польскій король, потомъ къ ея свѣтѣ присоединился австрійскій императоръ Іосифъ II. Обстановка этого путешествія, устроенная могущественнымъ любимцемъ, отличалась театральнымъ характеромъ. Такъ напримѣръ, когда раззолоченныя яхты со свитою императрицы плыли по Днѣпру, то на берегахъ, дотогѣ пустынныхъ и безлюдныхъ, видѣлись цѣлущія селенія, толпы народа въ праздничномъ нарядѣ, маневрирующія войска и пр. Все это было устроено наскоро, и народъ собранъ изъ дальнихъ мѣстъ. Между прочимъ изъ Москвы и другихъ городовъ Потемкинъ велѣлъ привезти массы товаровъ въ Херсонъ, чтобы открыть тамъ великолѣпный базаръ. На обратномъ пути, онъ устроилъ подъ Полтавой маневры, изображавшія знаменитую полтавскую побѣду Петра I. Путешествіе это описано въ мемуарахъ французскаго посланника графа Сегюра и австрійскаго князя де Линя, находившихся въ свѣтѣ Екатерины.

стему войны оборонительной, и разставилъ войска отдѣльными частями вдоль границы въ видѣ кордона.

Въ то же время Россія должна была вести борьбу на сѣверозападѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, который хотѣлъ воспользоваться Турецкою войною, чтобы отнять у Русскихъ Финляндію. Борьба со Шведами происходила преимущественно на морѣ и притомъ съ переменнымъ счастьемъ (Русскіе сражались подъ начальствомъ адмираловъ: Грейга, Чичагова и Круза). Она окончена миромъ въ Верельской долинѣ (1790); оба государства остались при прежнихъ границахъ. А въ слѣдующемъ году, уже по смерти Потемкина, въ Яссахъ былъ подписанъ миръ съ Турками, по которому Россія приобрѣла пространство между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердила свое владычество на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. (Кончина Юсифа II и дипломатическое вмѣшательство Англіи и Пруссіи, опасавшихся усиленія Россіи, побудили оставить дальнѣйшіе виды на Турцію).

Въ послѣдній годъ Екатерининскаго царствованія произошла война съ персидскимъ шахомъ, который напалъ на закавказскія владѣнія, находившіяся подъ покровительствомъ Россіи. Отправленный противъ Персіянъ, графъ Валерьянъ Зубовъ взялъ Дербентъ; но успѣхи его были остановлены смертію императрицы, и преемникъ ея прекратилъ Персидскую войну.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

Диссидентскій вопросъ и Барская конфедерація. Когда умеръ Августъ III въ Польшѣ (1763 г.), вопросъ объ избраніи новаго короля по обыкновенію раздѣлилъ дворянство на партіи. Екатерина II пожелала возвести на польскій престолъ графа Станислава Понятовскаго, который приобрѣлъ ея расположеніе въ то время, когда находился при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Русскія войска двинулись въ Польшу, Фридрихъ II прусскій также принялъ сторону Понятовскаго, и партія послѣдняго одержала верхъ.

Вслѣдъ за избраніемъ Понятовскаго началось дѣло о польскихъ диссидентахъ. Не смотря на потерю восточной Малороссіи въ XVII вѣкѣ, польское духовенство продолжало всѣми мѣрами обращеніе православнаго населенія Западной Россіи въ унию и католичество. Когда Кіевъ отошелъ къ Московскому государству, Западная Русь лишилась своего церковнаго средоточія; дѣло униі съ тѣхъ поръ пошло успѣшнѣе, и въ XVIII вѣкѣ изъ западнорусскихъ епархій только одна Бѣлорусская еще сохраняла православную іерархію.

Средства обращать православныхъ въ унию Поляки употребляли тѣ же какъ прежде. А именно: православныхъ священниковъ оскорбляли всѣми способами и принуждали переходить въ унию; въ случаѣ ихъ упорства помѣщики силою передавали ихъ церкви и приходы униатскимъ священникамъ; не дозволяли православнымъ строить новые храмы и поправлять старые, приходившіе въ разрушеніе; православный народъ и особенно его духовенство намѣренно держали въ невѣжествѣ, бѣдности и угнетеніи, препятствовали заведенію школъ, и т. п. А около половины XVIII вѣка польское духовенство ввело въ обычай снаряжать въ Югозападную Русь миссіонеровъ, которые съ помощью военныхъ отрядовъ силою отбирали православныя церкви на унию.

Самая униатская церковь находилась въ большомъ униженіи. Когда православіе было достаточно ослаблено въ Западной Руси, Поляки не замедлили предпринять обращеніе униатовъ въ латинство. Униатское духовенство подвергалось явному пренебреженію; оно почти не имѣло собственныхъ училищъ, и должно было съ завистью смотрѣть на богатства и привилегіи католическаго духовенства. Въ богослуженіи униатскомъ постепенно измѣнялись обряды, чтобы приблизить ихъ къ католическимъ (въ церквахъ явились открытые олтари, органы, колокольчики и пр.); униатскіе священники начали стричь волосы и брить бороды, носить одежду католическихъ ксендзовъ и т. п.

Со временъ Петра I въ Польшѣ утвердилось политическое вліяніе Россіи, и православное населеніе начало обращаться къ русскому правительству съ жалобами на религіозныя преслѣдованія.

Но представленія русскихъ пословъ и резидентовъ въ Варшавѣ въ пользу православныхъ оставались почти безъ послѣдствій. Польское правительство, по своему безсилію, не могло оградить ихъ отъ обидъ и насилій. Въ царствованіе Станислава Понятовскаго вліяніе Россіи усилилось; русскій уполномоченный распоряжался въ Варшавѣ именемъ императрицы, и русскія войска почти не выходили изъ предѣловъ Польши. Тогда вопросъ о диссидентахъ принялъ болѣе рѣшительный оборотъ.

Усерднымъ дѣятелемъ въ этомъ вопросѣ выступилъ бѣлорусскій епископъ Георгій Конисскій, бывший прежде кievскимъ архимандритомъ и ректоромъ Кіевской академіи. Въ 1763 году онъ подалъ императрицѣ жалобу на жестокія притѣсненія, которымъ подвергались православные отъ католиковъ въ Западной Россіи *. Русскій дворъ вмѣстѣ съ прусскимъ потребовалъ отъ польскаго правительства, чтобы права диссидентовъ (православныхъ и протестантовъ) были уравнены съ католиками. Но Поляки не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ въ этомъ отношеніи. Когда на сеймѣ 1766 года одинъ депутатъ началъ говорить въ пользу диссидентовъ, то поднялся шумъ, и оратора едва не изрубили въ куски его товарищи. Тогда Екатерина приказала своему уполномоченному въ Варшавѣ Репнину составить диссидентскую конфедерацію. Въ слѣдующемъ году дѣйствительно образовались двѣ конфедера-

* Когда совершалось въ Москвѣ коронованіе Екатерины, Конисскій присутствовалъ на этомъ торжествѣ, и сказалъ рѣчь, въ которой краснорѣчиво изложилъ бѣдственное положеніе православія въ Западной Россіи сравнительно съ Восточною. «Здѣсь—говоритъ онъ — свѣтлыиыя вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженныя, блистаютъ доселѣ; у насъ свѣтлыиыя оныя свирѣпствующіе отъ запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени его свободно гремятъ; у насъ храмы Божіи множайшіе отняты; прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совѣ и врановъ гнѣздящихся гласы издають». Однако и при такихъ страданіяхъ Бѣлорусскій народъ раздѣляетъ съ Великорусскимъ радость событія (т. е. востшествіе на престолъ Екатерины), и утѣшается сивозъ слезы. А для чего такъ?—спрашиваетъ себя ораторъ. И тотчасъ отвѣчаетъ: «Надежда извѣленія веселитъ насъ». («Историческое извѣстіе объ Уніи Соч. Бантышъ-Каменскаго. Мос. 1795 г).

ци, православная въ Слудцѣ и протестантская въ Торнѣ. Однако сеймъ продолжалъ упорствовать. Самымъ ревностнымъ вождемъ католической партіи въ это время былъ краковскій епископъ Солтыкъ. Репнинъ употребилъ энергическія мѣры: онъ велѣлъ арестовать Солтыка и нѣкоторыхъ другихъ представителей католической партіи (Залусскаго и Ржевусскаго), и подъ конвоемъ отправилъ ихъ въ Россію. Сеймъ послѣ того сдѣлался уступчивѣй, и подписалъ трактатъ съ Россіей, по которому православнымъ возвращалась полная свобода вѣроисповѣданія. Тѣмъ же трактатомъ Россія поручилась охранять въ Польшѣ существующій политическій порядокъ.

Состояніе Польши въ то время было весьма печальное. Польскіе сеймы, получившіе въ свои руки законодательную власть, обыкновенно кончались безъ всякаго результата, потому что каждый членъ имѣлъ право „разорвать сеймъ“, т. е. остановить сеймовое рѣшеніе; это право называлось „liberum veto“. Сеймы разрывалъ всегда какой-нибудь шляхтичъ, который былъ подкупленъ или польскимъ магнатомъ, или иностраннымъ дворомъ. Королевская власть такъ упала, что король самъ не могъ принять никакихъ мѣръ для виѣшней защиты государства или для преобразованія его отжившаго политическаго устройства. Между тѣмъ какъ шляхетское сословіе пользовалось всѣми правами и привилегіями, нижніе классы находились въ угнетеніи и невѣжествѣ и оставались чужды политическимъ интересамъ страны. Администрація представляла анархію; магнаты самоуправствовали, заводили распри другъ съ другомъ; а государственные сановники не стыдились за деньги быть орудіемъ иностранныхъ дворовъ и предавать отечество. При такихъ обстоятельствахъ нѣкогда могущественная Польша ослабѣла до крайности, и давно уже находилась въ зависимости отъ сосѣдей, которые имѣли виды на ея области.

Но вліяніе Екатерины на польскія дѣла возбудило опасеніе въ другихъ державахъ. Нѣкоторые польскіе аристократы (Красинскій, одинъ изъ Потоцкихъ и семейство Пулавскихъ), въ надеждѣ на французскую помощь, завязали конфедерацію въ подольскомъ городѣ

Баръ, съ цѣлю отнять права у диссидентовъ и низложить съ престола Понятовскаго (1768 г.). Репнинъ открылъ военныя дѣйствія; плохо вооруженные отряды конфедератовъ, состоявшіе подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, почти независимыхъ другъ отъ друга, не могли устоять противъ регулярныхъ русскихъ войскъ; послѣднія впрочемъ были малочисленны, потому что въ то же время началась война съ Турціей.

Герцогъ Шуазель, первый министръ Людовика XV, прислалъ на помощь конфедератамъ французскихъ офицеровъ и между ними Дюмуре (прославившагося впоследствии, во время Французской революціи). Дюмуре въ своихъ запискахъ очень дурно отзывается о конфедератахъ: буйные шляхтичи не соблюдали никакой дисциплины, пьянствовали и грабили, не разбирая своихъ и непріятелей: вожди ихъ окружали себя роскошью, не были согласны между собою и нерѣдко заводили другъ съ другомъ ссоры.

На Закарпатской Украинѣ, въ польскихъ владѣніяхъ, старинная религіозная и національная вражда православнаго русскаго населенія съ польскимъ дворянствомъ разгорѣлась въ это время съ особою силою. Запорожцы и гайдамаки снова выступили ожесточенными мстителями за угнетеніе низшихъ классовъ. Главнымъ предводителемъ ихъ явился Максимъ Желѣзнякъ, Запорожецъ и бывший послушникъ чигиринскаго Матренинскаго монастыря. (Игуменъ этого монастыря Мельхиседекъ Яворскій, подобно Георгію Конисскому, былъ ревностнымъ поборникомъ православія противъ уніи и католичества). Желѣзнякъ собралъ многочисленную толпу изъ Запорожцевъ и гайдамакъ, и открылъ губительный походъ по Кіевскому воеводству, разоряя мѣстечки, села и помѣщичьи замки, истребляя шляхту и жидовъ (1768 г.). Самымъ ужаснымъ дѣломъ этого возстанія была такъ называемая Уманьская рѣзня. Городъ Умань принадлежалъ графу Потоцкому, который содержалъ здѣсь отрядъ казаковъ, для защиты своихъ владѣній. Но эти казаки, руководимые своимъ сотникомъ Гонтою, перешли на сторону Желѣзняка, вмѣстѣ съ нимъ взяли городъ, и вырѣзали почти всѣхъ жителей. Мятежники провозгласили Же-

льзняка украинскимъ гетманомъ; силы его увеличивались новыми толпами. Польское правительство, отвлекаемое конфедерацией, могло выставить противъ него только слабый отрядъ. На помощь Полякамъ Екатерина велѣла идти генералу Кречетникову. Мятежъ былъ усмирень, и казаки подверглись страшнымъ казнямъ. Но Запорожцы и послѣ того почти каждое лѣто совершали разбойничьи набѣги на Уманьщину. Эти времена извѣстны въ народѣ подъ именемъ „коливщины“ и „паливщины“. (Послѣднее слово происходитъ отъ имени Палля, одного изъ малороссійскихъ полковниковъ, извѣстнаго своею непримиримою враждою къ Полякамъ во времена Петра I).

Спустя четыре года, Барская конфедерация была уничтожена. Въ то же время между дворами русскимъ, прусскимъ и австрійскимъ состоялось соглашеніе, слѣдствіемъ котораго былъ первый раздѣлъ Польши. Россія получила сѣверную и восточную часть Бѣлоруссіи (1773 г.). Объ этомъ раздѣлѣ болѣе всѣхъ хлопоталъ Фридрихъ II прусскій *.

Конституція 3 мая и паденіе Польши. Въ слѣдующую за тѣмъ эпоху между польскими аристократами составила партія людей, пытавшихся произвести важныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ; перемѣны эти имѣли цѣлью поддержать государство, очевидно клонившееся къ паденію. Во главѣ преобразовательной партіи стояли: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Коллонтай и другіе патріоты. Не смотря на противодѣйствіе консерваторовъ, патріотамъ дѣйствительно удалось провозгласить новую конституцію

* Въ томъ же 1773 году появилась знаменитая папская булла, упразднявшая Іезуитскій орденъ. По волѣ Екатерины эта булла не была объявлена въ присоединенныхъ бѣлорусскихъ провинціяхъ, и орденъ продолжалъ тамъ существовать (до 1820). Вообще Екатерина стремилась освободить по возможности католическія области своей имперіи отъ непосредственнаго вліянія Римской курии; съ этою цѣлью она хотѣла сосредоточить ихъ церковное управленіе въ рукахъ особаго іерарха, и назначила епископомъ католическихъ церквей въ Россіи умнаго, просвѣщеннаго Сестренцевича, котораго потомъ возвела въ санъ митрополита.

(3 мая 1791 г.): престоль, по смерти Станислава Понятовскаго, вмѣсто избирательнаго становился теперь наслѣдственнымъ въ Саксонскомъ домѣ; король получалъ исполнительную власть, отмѣнялось *liberum veto* и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось значительное движеніе противъ Россіи, которая въ то время занята была войною съ Турками и Шведами. Но эта война вскорѣ кончилась; уже въ послѣдующемъ году въ Тарговицѣ составила конфедерация изъ приверженцевъ прежняго государственнаго устройства; главы этой конфедерации (Феликсъ Потоцкій, великій коронный гетманъ Браницкій и польный коронный гетманъ Ржевускій) обратились съ просьбою о помощи къ Екатеринѣ, и русскія войска немедленно вступили въ Польшу. Польское правительство не могло выставить значительныхъ силъ для сопротивленія, а надежда на прусскую помощь была обманута. Польская армія, предводимая племянникомъ короля Іосифомъ Понятовскимъ и генераломъ Костюшко, пыталась сопротивляться, но, послѣ битвы подъ Дубенкой, принуждена была къ отступленію. Наконецъ самъ король Станиславъ Августъ по требованію Екатерины присталъ къ Тарговицкой конфедерации, и Майская конституція была отмѣнена. Послѣ того императрица вошла въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ, и произошелъ второй раздѣлъ Польши; Россія получила на свою долю области Волынскую и Минскую.

Русскимъ уполномоченнымъ въ Польшу назначенъ былъ въ то время Сиверсъ (бывшій новгородскій губернаторъ). Ему дано трудное порученіе склонить сеймъ къ формальной уступкѣ областей, которыя въ дѣйствительности уже отошли отъ Польши по второму раздѣлу. Чрезвычайный сеймъ собранъ на этотъ разъ въ Гродно (1793). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ уступилъ требованіямъ Сиверса, и утвердилъ договоръ объ уступкѣ земель, присоединенныхъ къ Россіи; но рѣшительно отказался вступить въ такой же договоръ съ Пруссіей (къ которой отходили коренныя польскія земли). Напрасно прусскій посолъ грозилъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Сиверсъ принужденъ былъ оказать ему дѣятельное содѣйствіе; четырехъ наиболѣе упорныхъ депутатовъ онъ велѣлъ взять

подъ арестъ и выслать изъ Гродна. Тогда сеймъ вздумалъ отмолчаться отъ уступки земель, и послѣдовало знаменитое нѣмое засѣданіе. На всѣ запросы о договорѣ съ Пруссіей депутаты отвѣчали глубокимъ молчаніемъ. Имъ было объявлено, что они не выдутъ изъ залы, пока не дадутъ прямого отвѣта. Депутаты продолжали сидѣть молча до глубокой ночи. Наконецъ пробило три часа утра. Вдругъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „молчаніе есть знакъ согласія“. Послѣ того договоръ былъ утвержденъ.

Французская революція, находившаяся тогда въ сильномъ разгарѣ, отвлекла вниманіе западныхъ державъ отъ восточной Европы. Вскорѣ прекратилъ ось и самое существованіе Польскаго государства.

Патріотическія тайныя общества, силившіяся спасти погибающую Польшу, успѣли приготовить возстаніе. Оно ускорилося, когда русскій уполномоченный въ Варшавѣ, мягкій, образованный Сиверсъ, былъ отозванъ, и его замѣнилъ Игельстромъ, храбрый генералъ но не отличавшійся большою предусмотрительностью. Возстаніе началось въ Краковѣ (въ мартѣ 1794 г.) и отсюда быстро распространилось на сѣверъ: главнокомандующимъ и диктаторомъ былъ избранъ генералъ Тадеушъ Костюшко (принимавшій участіе въ Сѣверо-Американской войнѣ и тамъ разившій свои военные таланты). Русскій отрядъ, расположенный въ Варшавѣ, застигнутъ въ расплохъ, и потерялъ до 2000 человекъ. Но скоро подоспѣли русскія и прусскія войска, и польскіе предводители одинъ за другимъ начали терпѣть пораженія. Самъ Костюшко проигралъ битву при Маціовицахъ и попался въ плѣнъ.

Костюшко, желая предупредить соединеніе двухъ русскихъ корпусовъ, Суворова и Ферзена, шедшихъ на Варшаву, двинулся на встрѣчу послѣдному, съ 8000 человекъ; но, обманутый ложными извѣстіями, увидалъ передъ собою гораздо сильнѣйшаго противника. Тогда онъ поспѣшно отступилъ къ мѣстечку Маціовицы (на правомъ берегу Вислы къ югу отъ Варшавы), окопался въ этой болотистой, лѣсистой мѣстности, и велѣлъ генералу Понинскому какъ можно скорѣе придти на помощь. Ферзень, не теряя времени, послѣдовалъ за Поляками, и

(30 сентября 1794 г.) съ разныхъ сторонъ напалъ на ихъ лагерь. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя силы Поляковъ истощились, а между тѣмъ Понинскій не приходилъ. Костюшко сдѣлалъ послѣднее, отчаянное усиліе вырвать побѣду изъ рукъ Ферзена: во главѣ своей отборной кавалеріи онъ врубился въ русскіе ряды; но, изнемогши отъ ранъ, упалъ на землю, и лишился чувствъ *. Покрытый простымъ плащемъ изъ сѣраго сукна, диктаторъ съ трудомъ былъ узванъ Русскими. Нѣсколько казаковъ тотчасъ сложили свои копыя въ видѣ носилокъ, и отнесли раненаго въ русскій лагерь. Побѣда была рѣшительная; едва полторы тысячи Поляковъ успѣли спастись черезъ лѣса въ Варшаву.

Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, послѣ безпощаднаго штурма овладѣлъ Прагою, предмѣстьемъ Варшавы, и здѣсь положилъ конецъ войнѣ. Предводители польскаго возстанія удалились за границу; король Станиславъ Августъ отказался отъ престола и послѣдніе годы свои провелъ въ Петербургѣ; Польша окончательно была раздѣлена между Россією, Пруссією и Австрією. На долю первой досталась Литва и вассальное Курляндское герцогство (1795 г. Послѣднимъ курляндскимъ герцогомъ былъ Петръ Биронъ, сынъ извѣстнаго Эрнста Бирона, которому Екатерина возвратила герцогство. Петръ Биронъ отказался отъ своихъ правъ въ пользу Россіи и получилъ денежное вознагражденіе).

ПАВЕЛЪ I 1796—1801.

Новыя постановленія. До кончины Екатерины II Павелъ Петровичъ жилъ съ своею супругою Марією Феодоровною (виртембергскою принцессою) по большей части въ Гатчинѣ, въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. По возшествіи на престолъ онъ обнаружилъ неутомимую дѣятельность. Изъ правительственныхъ рас-

* Нѣкоторые иностранные мемуары говорятъ, что польскій герой бросилъ саблю, и воскликнулъ: „*finis Poloniae!*“.

поряженій Павла I замѣчательнѣ, во-первыхъ, указъ объ императорской фамилии, которымъ опредѣлены взаимныя отношенія ея членовъ и порядокъ престолонаслѣдія; тогда же отдѣлена была часть государственныхъ крестьянъ на содержаніе членовъ царской фамилии, подъ именемъ крестьянъ «удѣльныхъ» (преимущественно прежнія «дворцовыя» имѣнія, соединенныя при Екатеринѣ II съ прочими казенными). Когда началось новое царствование, крестьяне, обманутые ложными слухами о свободѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказались повиноваться своимъ помѣщикамъ, и были усмирены военными отрядами. Однако вскорѣ послѣ того изданъ манифестъ, который запрещалъ принуждать крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, и въ теченіе недѣли помѣщики могли пользоваться только трехдневною крестьянскою работою (1797 г.); а въ слѣдующемъ году запрещено продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли. Этими мѣрами въ русскомъ законодательствѣ положено было начало ограниченію помѣщичьей власти. Вообще устройствомъ сельскаго управленія императоръ Павелъ дополнилъ губернскія учрежденія Екатерины II *. Далѣе, вслѣдствіе новыхъ политическихъ теорій, волновавшихъ тогда западную Европу, послѣдовало запрещеніе отправлять молодыхъ людей для образованія

* Государственные и удѣльные крестьяне раздѣлены на волости, не болѣе 3000 душъ въ каждой. Для сбора податей, хозяйственныхъ распоряженій и для суда маловажныхъ проступковъ учреждено вездѣ волостное правленіе; оно состояло изъ членовъ, выбранныхъ „міромъ“, а именно: волостнаго головы, старосты главнаго селенія и волостнаго писаря. Въ каждомъ селеніи староста и десятскіе составляли мѣстную полицію.

Въ нѣкоторыхъ установленіяхъ Екатерины II императоръ Павелъ произвелъ значительныя перемены. Замѣчательна, между прочимъ, перемена въ Западнорусскихъ провинціяхъ, возвращенныхъ отъ Польши. Екатерина ввела въ нихъ свое учрежденіе о губерніяхъ 1775 года. А Павелъ I возстановилъ тамъ нѣкоторыя установленія польскаго періода; напимѣръ, трибуналъ (высшее судебное мѣсто), суды гродскіе и подкоморскіе; во всемъ Западномъ краѣ снова введенъ былъ въ дѣйствіе Литовскій статутъ; многіе польскіе дворяне возвращены изъ ссылки, и получили обратно конфискованныя имѣнія. (Костюшко получилъ свободу, и поселился потомъ въ Швейцаріи). Указомъ 1796 года возстановлено и старое устройство Балтійскихъ провинцій, въ которыхъ Екатерина ввела общія губернскія учрежденія.

за границу; а взаѣмънъ того позволено дворянству Балтійскаго края открыть свой университетъ въ Дерптѣ (1799 г.). Въ то же время частныя типографіи были закрыты, и новыми постановленіями о цензурѣ усиленъ надзоръ за книгопечатаніемъ; дозволялось издавать только тѣ книги, въ которыхъ не было ничего противнаго Грекороссійской церкви и русскому государственному устройству. Присоединеніе старообрядцевъ къ единовѣрью, начатое при Екатеринѣ II, при Павлѣ продолжалось, и право имѣть свои церкви распространено для нихъ на всѣ епархіи. Успѣху этой мѣры способствовалъ особенно умный, просвѣщенный митрополитъ московскій Платонъ.

Итальянскій походъ Суворова. Относительно внѣшнихъ дѣлъ императоръ Павелъ сначала изъявилъ намѣреніе держаться миролюбивой политики, и желалъ доставить спокойствіе Россіи, истощенной частыми войнами и расточительностію предыдущихъ временъ. Онъ обратилъ большое вниманіе на финансы, которые послѣ Екатерины остались въ разстроенномъ состояніи (чтобы исправить курсъ бумажныхъ денегъ, онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи сжечь на нѣсколько милліоновъ руб. ассигнацій).

Павелъ прекратилъ начатыя Екатериною приготовленія къ борьбѣ съ Французскою революціею; но, спустя два года, постоянное распространеніе французскихъ завоеваній побудило императора заключить наступательный союзъ съ Англіею и Австріею противъ Франціи. Предводителемъ войска, отправленнаго въ Италію на помощь Австрійцамъ, избранъ былъ Суворовъ, который вначалѣ этого царствованія попалъ въ немилость. Императоръ, весьма любившій военную службу, неумоимо занимался устройствомъ арміи, ввелъ въ ней строгую дисциплину, прусскую форму съ напудренными буйками и башмаками, и пр. Такія нововведенія не нравились старому фельдмаршалу, привыкшему распоряжаться въ своихъ полкахъ совершенно самостоятельно, и онъ получилъ отставку*. Су-

* Въ это время по военной части довѣріемъ императора пользовался Аракчеевъ который служилъ въ гатчинскомъ войскѣ Павла Петровича (погда онъ

воровъ жилъ въ своей деревнѣ (Новгород. губ. Боровицкаго уѣзда), и продолжалъ вести себя очень оригинально: онъ пѣлъ на клиросѣ во время церковной службы; звонилъ въ колокола, игралъ съ деревенскими мальчиками; но между тѣмъ зорко слѣдилъ за политическими событіями въ Европѣ. Вдругъ, по желанію австрійскаго императора Франца, Павель I назначилъ Суворова главнокомандующимъ надъ соединенною русско-австрійскою арміею, и старикъ съ радостію принялъ начальство. Итальянскій походъ покрылъ громкою славою русскаго полководца (1799 г.); но плоды его блестящихъ побѣдъ въ Италіи (на берегахъ Адды, Требии и при Нови) были уничтожены неблагоразумными мѣрами и завистью австрійскаго придворно-военнаго совѣта (Гофкригсратъ). Совершивъ безпримѣрный переходъ по Альпійскимъ горамъ въ Швейцаріи, Суворовъ отступилъ въ Баварію.

Послѣ побѣды при Нови Суворовъ получилъ приказаніе изъ Верхней Италіи двинуться въ Швейцарію, на смѣну австрійскихъ войскъ эрцгерцога Карла и на соединеніе съ русскимъ корпусомъ генерала Римскаго-Корсакова. Суворовъ черезъ вершины Сенъ-Готарда вступаетъ въ Швейцарію; разсѣявъ на пути Французовъ, онъ идетъ по ущельямъ, надъ пропастями (между прочимъ по знаменитому Чертову мосту), и спускается въ Муттенскую долину. Но тутъ онъ узнаетъ, что Корсаковъ, преждевременно оставленный эрцгерцогомъ Карломъ, потерпѣлъ при Цюрихѣ пораженіе отъ французскаго генерала Массены, и отступилъ на сѣверъ. Массена съ 60,000 войска хочетъ запереть въ Муттенской долинѣ и принудить къ сдачѣ Суворова, у котораго было не болѣе 20,000. Въ такомъ отчаянномъ положеніи главнокомандующій собираетъ военный совѣтъ; рѣшено повернуть на Гларисъ и пробиться сквозь французскія войска. Тщетно Массена пытался загородить дорогу; онъ былъ неоднократно разбитъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудностей, Русскіе наконецъ вышли изъ горъ, и вздохнули свободно.

былъ великимъ княземъ), и обратилъ на себя его вниманіе необыкновенною точностію и ревностію по службѣ.

Во время этих походов, наше войско под начальством любимого вождя развернуло вполне свое неодолимое мужество, и умѣло побѣждать самую природу, совершенно для себя непривычную. Выросшіе въ климатѣ холодномъ и умѣренномъ, Русскіе неутомимо сражались подъ знойнымъ итальянскимъ небомъ въ долинѣ р. По; привыкшіе только къ ровнымъ широкимъ полямъ своей родины, они въ ненастную погоду, голодные, оборванные, почти босые, бодро взбирались на снѣжныя, окутанныя туманомъ альпійскія вершины, штыками очищая себѣ дорогу отъ Французовъ. *

* Вотъ напримѣръ, описаніе перехода черезъ Сенъ-Готардъ, (изъ „Исторіи войны Россіи съ Франціей въ 1799 году“—Милютина):

„Со стороны Италіи позиція на С. Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюговъ, извиристо поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣвая горные протоки, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нѣрѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—Госписъ (Hospice), въ которомъ жили нѣсколько капуциновъ: эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погившимъ, приносили полузамершихъ въ обитель, и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ свою малочисленную армію“.—„Обходное движеніе князя Багратіона заставило республиканцевъ начать отступленіе. Однако они держались еще шагъ за шагомъ, останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и наконецъ поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ одолѣть самое упорное сопротивленіе непріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Французы заняли сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однакоже Русскіе отважно пошли на приступъ, Французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ: укрываясь за утесами и камнями, республиканцы цѣлили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сальною потерей, но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленные присутствіемъ Суворова и великаго князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго. Однакожъ упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ, и рѣшился во что бы то ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Время было дорого; день уже склонялся къ вечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра С. Готарда.

Въ то же время экспедиція соединеннаго англо-русскаго отряда въ Голландію окончилась неудачею. Тогда Павелъ I, недовольный союзниками, отозвалъ свои войска обратно въ Россію. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, и думалъ объявить войну Англіи; но скончался посреди приготовленій къ этой войнѣ.

АЛЕКСАНДРЪ I 1801—1825.

Павелъ I оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила. Старшій изъ нихъ вступилъ на престолъ; онъ былъ любимый внучъ Екатерины II, и заботами ея получилъ весьма тщательное воспитаніе. Въ царствованіе императора Александра Россія снова расширила свои предѣлы, пріобрѣла значительное вліяніе на политическія дѣла Европы и достигла высшей степени своего внѣшняго блеска. Почти вся первая половина этого царствованія наполнена непрерывными войнами.

Войны. Въ 1808 году открылась война со Шведами (въ слѣдствіе отказа Швеціи примкнуть къ союзу сѣверныхъ державъ про

Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимоверными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосигаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина какъ будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа по полудни, какъ Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на С. Готардь. Въ то же время и князь Багратионъ появился наконецъ на сѣвнѣйшей вершинѣ противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, неждавшіе никакъ нападенія съ той сторонѣ, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпиталь. Русскіе заняли С. Готардь. Утомленные до изнеможенія войска стягивались мало по малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь у входа въ обитель, встрѣтили его напущины. Настоятель, 70-лѣтній старикъ бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ. „Нѣтъ святой отецъ“,—сказалъ Суворовъ,—„какъ ни голодны мы, но прежде всего должны помолиться Богу: отслужите намъ молебень, а затѣмъ и въ трапезу“.

тивъ Англіи). Театромъ этой войны была Финляндія; русскія войска, предводимыя графомъ Буксгевденомъ, вытѣснили оттуда слабые шведскіе отряды, и заставили сдаться неприступную крѣпость Свеаборгъ; а зимою слѣдующаго года они подъ начальствомъ Барклая де Толли перешли по льду Ботническаго залива (черезъ проливъ Кваркенъ), и напали на самую Швецію. Тогда король шведскій Густавъ IV отказался отъ престола, и преемникъ его Карлъ XIII заключилъ въ Фридрихсгамѣ миръ, по которому Россія приобрѣла Финляндію до рѣки Торнео вмѣстѣ съ Аландскими островами. На сеймѣ, созванномъ въ Борго (въ мартѣ 1809 г.), Александръ I подтвердилъ старинное шведское устройство Финляндіи, и даровалъ ей особое управленіе съ титуломъ «великаго княжества» (къ которому была присоединена и Выборгская губернія, т. е. часть Финляндіи, завоеванная при Петрѣ I и Елизаветѣ Петровнѣ и успѣвшая на половину обрусѣть).

Между тѣмъ на югѣ цѣлыя шесть лѣтъ (1806—1812) происходила война съ Турціею; такъ какъ Порта, возбужденная Наполеономъ I, нарушила нѣкоторыя статьи мирнаго договора. Военныя дѣйствія шли съ перемѣннымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока начальство надъ арміею не принялъ графъ Каменскій; онъ оттѣснилъ Турокъ до самыхъ Балкановъ; но смерть остановила его подвиги. Преемникъ Каменскаго, Кутузовъ заманилъ великаго визиря на лѣвый берегъ Дуная, и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Тогда султанъ согласился на миръ, который и былъ заключенъ въ Бухарестѣ: Турція уступила намъ Бессарабскую область, и границею сдѣлалась рѣка Прутъ. Въ то же время удачно шла борьба съ Персами въ Закавказскомъ краѣ за обладаніе Грузіей (здѣсь отличились русскіе генералы: Циціановъ, Гудовичъ и Котляревскій).

Всѣ эти войны были ничтожны въ сравненіи съ тою громадною борьбою, которую Россія должна была выдержать противъ величайшаго завоевателя новыхъ временъ, Наполеона I. Первостепенныя державы спѣшили составлять коалиціи, чтобы общими силами остановить быстрое распространеніе французскаго владычества въ Европѣ. Сначала Русскіе выступили противъ Наполеона въ союзѣ

съ Австрійцами, которымъ Александръ I послалъ на помощь войска подъ начальствомъ Кутузова; этотъ походъ окончился поражениемъ русско-австрійской арміи при Аустерлицѣ въ Моравіи (1805 г.). Австрія заключила миръ; а Россія продолжала войну въ слѣдующемъ году уже въ союзѣ съ Пруссіею. Вторая война была также неудачна, какъ и первая. Разсѣявъ прусскую армію при Іенѣ, Наполеонъ напалъ на русскія войска, состоявшія подъ начальствомъ генерала Беннигсена, и послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ битвъ нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Фридландомъ. Тогда императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807 г.): принадлежавшая Пруссіи Бѣлостокская область присоединена къ Россіи, и оба императора обѣщали помогать другъ другу въ будущихъ войнахъ. Россія обязалась, кромѣ того, запретить свои гавани англійскимъ кораблямъ, т. е. принять участіе въ «континентальной системѣ», посредствомъ которой Наполеонъ хотѣлъ подорвать англійскую торговлю. Въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ Наполеона съ Австріей (1809 г.) Россія, на основаніи Тильзитскаго договора, выставила вспомогательный корпусъ на границахъ Галиціи; впрочемъ Русскіе уклонились отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Австрійцевъ. По окончаніи войны Россія получила часть восточной Галиціи.

Нашествіе Наполеона *. Союзъ съ французскимъ императоромъ не могъ быть проченъ. Самовластіе, съ которымъ завоеватель распоряжался въ Европѣ, скоро сдѣлалось невыносимо. Поводомъ къ разрыву послужили слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, Наполеонъ повидимому хотѣлъ возстановить Польское королевство; во-вторыхъ, онъ отнялъ владѣнія у герцога Ольденбургскаго, родственника императору Александру, и не обратилъ вниманія на протестъ русскаго двора. Кромѣ того, Россія весьма тяготилась континентальною системою, потому что вывозъ ея сырыхъ произ-

* Исторія отечественной войны 1812 года. Соч. ген. и. М. Богдановича Спб. 1859 г. Мемуары графа Толя.

веденій уменьшился, ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ и товары вздорожали; опасаясь окончательно подорвать свои финансы, русское правительство отступило отъ строгаго соблюденія континентальной системы, и, чтобы уменьшить вывозъ звонкой монеты, наложило высокую пошлину на нѣкоторые предметы роскоши, получаемые изъ Франціи. Наполеонъ приготовилъ огромныя силы для войны съ Россією; онъ призвалъ вспомогательныя войска нѣмецкія, польскія, итальянскія, испанскія, и собралъ армію въ 600,000 человекъ. Въ іюнѣ 1812 года Французы перешли пограничную рѣку Нѣманъ и вступили въ предѣлы Русской имперіи *.

Александръ сосредоточилъ на западныхъ предѣлахъ 250,000 войска; оно было раздѣлено на двѣ главныя арміи: первую командовалъ военный министръ Барклай де Толли (родомъ изъ Лифляндіи), вторую храбрый генералъ Багратионъ (грузинскаго происхожденія). По плану Барклая, Русскіе начали отступать въ глубь страны. Подъ Смоленскомъ обѣ арміи соединились; но продолжали отступление, потому что умный Барклай понималъ невозможность побѣдить въ рѣшительной битвѣ перваго полководца своего времени, стоявшаго во главѣ болѣе многочисленной и еще свѣжей арміи. Войска наши роптали на осторожность своего вождя, и оказывали ему, какъ Нѣмцу, явное недовѣріе. Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ внялъ народному голосу, и выбралъ главнокомандующаго изъ русскіихъ генераловъ, именно престарѣлаго князя Бутузова; онъ уступалъ Барклаю въ прямотѣ характера, но пользовался славою искуснаго полководца и ловкаго диплома-

* 22 іюня въ Вилновншахъ Наполеонъ издалъ пышную прокламацію къ своей арміи: «Солдаты!—говоритъ онъ—Вторая польская война началась. Первая кончилась подъ Фриландомъ и въ Тильзитѣ». «Россія увлекается рожомъ! Она не избѣгнетъ судьбы своей. Неужели она полагаетъ, что мы измѣнились. Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе?» «Вторая польская война будетъ столь же славна для Франціи, сколько и первая; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и превратитъ пятидесятилѣтнее вличивое вліяніе Россіи на дѣла Европы».

та *. Кутузовъ расположилъ армию при селѣ Бородинѣ (Можайскаго уѣзда), и здѣсь 26 августа далъ генеральное сраженіе.

Центромъ и правымъ крыломъ русской арміи начальствовали Барклай де Толли, а лѣвымъ крыломъ князь Багратионъ. Наполеонъ, по своему обыкновенію, устремилъ главныя усилія на то, чтобы прорвать нашъ центръ и сломить лѣвое крыло. Лучшіе французскіе маршалы, какъ-то Ней, Даву и Мюратъ, съ большими массами пѣхоты и кавалеріи обрушились на войска Багратиона. Последний долго и непоколебимо выдерживалъ натиски многочисленныхъ неприятелей, пока смертельная рана не принудила его покинуть поле битвы; полки его пришли въ замѣшательство и подались назадъ. Тутъ Наполеонъ не подкрѣпилъ во-время своихъ маршаловъ остававшихся у него въ запасъ гвардіей, и пропустилъ удобную минуту; на мѣсто Багратиона Кутузовъ прислалъ генерала Дохтурова; Русскіе успѣли оправиться, и отразили всѣ дальнѣйшія нападенія. Между тѣмъ въ нашемъ центрѣ были геройски отбиты стремительныя атаки Французовъ, предводимыхъ вице-королемъ итальянскимъ Евгениемъ Богарне (пасыномъ Наполеона). Послѣ десятичасоваго рукопашнаго боя, неприятельскія атаки прекратились, и остальное время дня прошло въ безпрерывной, жестокой канонадѣ.

Потерявъ многихъ генераловъ (въ томъ числѣ Багратиона и храбраго графа Кутайсова) и почти половину войска, Кутузовъ не рѣшился возобновить сраженіе на другой день, и отступилъ за Можайскъ; Наполеонъ провозгласилъ побѣду. Русскіе готовились къ новой битвѣ подъ Москвою, а московская чернь волновалась, одушевляемая патриотическими воззваніями генералъ-губернатора графа Растопчина **. Но главнокомандующій рѣшилъ пожертвовать столицей для спасенія арміи.

* Суворовъ о своемъ любимцѣ Кутузовѣ отзывался такъ: «умекъ, очень умекъ; его и Рибасъ не обманеть». (Рибасъ былъ адмиралъ, известный своимъ хитрымъ, изворотливымъ умомъ).

** Въ своихъ печатныхъ объявленіяхъ (афишахъ) Растопчинъ приглашалъ московскихъ жителей къ поголовному ополченію противъ врага, стараясь при этомъ выражаться простонароднымъ языкомъ. Напримѣръ, въ объявленіи отъ

Когда русскія войска располагались на югозападной сторонѣ города и готовились къ битвѣ, Барклай-де-Толли первый обратилъ вниманіе главнокомандующаго на невыгоды позиціи, перестѣнной врагами и имѣвшей позади себя рѣку Москву: въ случаѣ неудачи армія могла быть совершенно уничтожена превосходящимъ въ силахъ непріателемъ. Кутузовъ созвалъ военный совѣтъ. Въ подмосковной деревнѣ Филя, въ крестьянской избѣ собрались выше генералы (Барклай, Беннигсенъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, Раевскій, Ермоловъ и др.). Главнокомандующій предложилъ вопросъ, давать ли сраженіе или уступить Москву безъ боя. Мнѣнія раздѣлились: Беннигсенъ (проигравшій Фриляндскую битву) горячо оспаривалъ Барклая, который былъ за отступление. Выслушавъ обѣ стороны, главнокомандующій приказалъ отступить, потому что съ уничтоженіемъ арміи не только Москва, но и вся Россія была бы во власти непріателя. Войска пошли черезъ Москву на Рязанскую дорогу (2 сентября). Храбрый генералъ Милорадовичъ начальствовалъ арьергардомъ и прикрывалъ отступление арміи. Надобно было дать ей время выбраться изъ города, который находился въ страшномъ смятеніи и былъ загроможденъ обзовами съ имуществомъ удалявшихся жителей. Милорадовичъ предложилъ начальнику французскаго авангарда, знаменитому Мюрату, заключить на нѣсколько часовъ перемиріе, чтобы очистить Французамъ Москву; въ противномъ случаѣ обѣщала драться до послѣдняго человѣка и оставить непріателю только однѣ развалины. Мюратъ согласился *.

30 августа сказано: „Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ; я влечу влечу дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топорокъ, не дурно съ рогаминою; а всего лучше вылы тройчатки; французъ не тяжеле снопа аржаного“ и пр.

* Въ то время изъ Кремля выступилъ московскій гарнизонъ, и пошелъ черезъ городъ съ музыкою, что при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ было очень не кстати, и возбудило ропотъ между солдатами и жителями. Пылкій Милорадовичъ обратился съ упрекомъ къ генералу, который командовалъ гарнизономъ. „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, — отвѣчалъ простодушный генералъ — то выходить съ музыкою: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго“ „Да развѣ есть въ регла-

Наполеонъ остановился на Поклонной горѣ, и отсюда долго смотрѣлъ на разстилающуюся у его ногъ древнюю столицу, потомъ приказалъ войскамъ двинуться въ городъ. У Дорогомиловскаго моста онъ сошелъ съ коня, и началъ ходить взадъ и впередъ въ ожиданіи торжественной депутаціи изъ Москвы. Услыхавъ, что Москва оставлена жителями, онъ не хотѣлъ вѣрить и требовалъ депутацію. Къ нему привели нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили извѣстіе, что жители покинули городъ, за исключеніемъ Французовъ и Нѣмцевъ, занимавшихся торговлею, и небольшого числа Русскихъ изъ низшихъ сословій. Въ тотъ же день въ Москвѣ начались огромные пожары, которые, продолжались трое сутокъ; городъ поджигали сами Русскіе (говорятъ, графъ Растопчинъ заранѣе сдѣлалъ для того всѣ нужныя распоряженія). Такимъ образомъ Французы вмѣсто богатой добычи, обильнаго продовольствія и спокойныхъ зимнихъ квартиръ, на которыя они надѣялись, нашли въ столицѣ разрушеніе и голодъ. Спустя нѣсколько дней по выходѣ изъ Москвы, Кутузовъ вдругъ оставилъ Рязанскую дорогу, и, обманувъ преслѣдующаго непріятеля, искуснымъ фланговымъ движеніемъ перешелъ на старую Калужскую дорогу. Этимъ маневромъ были прикрыты: Калуга съ большими запасами съѣстныхъ припасовъ, Тула съ ея оружейнымъ заводомъ и сообщенія съ южными хлѣбородными областями имперіи.

Русскій народъ охотно приносилъ большія жертвы для борьбы съ непріятелемъ: дворянство разныхъ губерній вооружило на свой счетъ до 300,000 ратниковъ; всѣ сословія вмѣстѣ пожертвовали 100,000,000 рублей на военныя издержки; въ то же время нача-

ментъ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?—вспирчалъ Идлорадовичъ.— Прикажете замолчать вашей музыкѣ“.

Посланный Кутузовымъ. полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе объ оставленіи Москвы. Александръ I былъ очень тронутъ рассказами полковника о бѣдствіяхъ столицы и арміи. „Спашите всѣхъ, замѣтилъ онъ, что, если у меня не останется ни одного солдата, я совову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, и буду самъ ими предводительствовать. Когда будутъ истощены всѣ усилія я отрощу себѣ бороду, и лучше соглашусь счигаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія“.

лась партизанская и народная война; поднялось и все войско Донскихъ казаковъ по призыву своего атамана Платова. Непрiятельскiе отряды истреблялись одинъ за другимъ; недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, болѣзни, мародѣрство разстроили французскую армiю, между тѣмъ какъ Русскiе постоянно получали подкрѣпленiя. Наконецъ, когда французскiй авангардъ потерпѣлъ пораженiе при Тарутинѣ, непрiятель оставилъ Москву, и, уходя, взорвалъ часть Кремля (11 октября). Началось знаменитое отступленiе «великой армiи», сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ (при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Духовщинѣ, Красномѣ). Французы, принужденные возвращаться по разоренной Смоленской дорогѣ, тысячами гибли отъ морозовъ и голода, и трупамъ своими устилали дорогу. На берегахъ Березины русскiе генералы думали окружить Наполеона. Кутузовъ съ главными силами былъ у него въ тылу; съ сѣвера шелъ корпусъ Витгенштейна, прикрывавшiй дотолѣ дорогу на Петербургъ (и разбившiй Французовъ при Полоцкѣ); съ юга подоспѣла Дунайская армiя (окончившая Турецкую войну) подъ начальствомъ адмирала Чичагова, который долженъ былъ загородить Французамъ дорогу во время переправы черезъ Березину. По ошибочному движенiю Чичагова, Наполеонъ успѣлъ совершить переправу, но съ большими потерями, и одни жалкiе остатки великой армiи достигли русской границы.

Съ изгнанiемъ Французовъ война не прекратилась; императоръ Александръ рѣшился продолжать ее до тѣхъ поръ, пока французское владычество въ средней Европѣ не будетъ уничтожено. Пруссiя первая изъ германскихъ державъ отстала отъ союза съ Наполеономъ, и войска ея соединились съ русскими; но могущество французскаго императора было сокрушено только тогда, когда къ союзникамъ пристала Австрiя, и Наполеонъ проигралъ трехдневную великую битву при Лейпцигѣ. Союзники вступили во Фландiю; низложили Наполеона, и восстановили на французскомъ престолѣ династiю Бурбоновъ (1814 г.). За тѣмъ открылся Вѣнскiй Конгрессъ, на которомъ русскiй императоръ занималъ первенствующее мѣсто посреди европейскихъ государей. (Главнымъ дѣломъ

этого конгресса было уничтоженіе перемѣнъ, произведенныхъ въ Европѣ французскимъ оружіемъ, и возстановленіе государствъ по большой части въ ихъ прежнемъ видѣ). Россія, въ вознагражденіе за помощь противъ Французовъ, получила большую часть Варшавскаго герцогства, которое Наполеонъ образовалъ изъ польскихъ земель, принадлежавшихъ Пруссіи и Австріи; нѣкоторыя земли были возвращены этимъ державамъ, а остальные, подъ именемъ царства Польскаго, составили особое владѣніе подъ верховною властію русскаго императора (1815 г.).

Въ томъ же году Александръ I, король прусскій и императоръ австрійскій заключили священный союзъ, цѣлью котораго было охраненіе христіанской религіи, взаимнаго міра и существующаго политическаго порядка въ Европѣ.

Министерства и государственный совѣтъ. Сперанскій. Первая половина этого царствованія одновременно съ вѣщными войнами ознаменовалась важными внутренними учрежденіями. Изъ начинаній Петра Великаго реформу областнаго управленія исполнила Екатерина II, а устройство общегосударственныхъ (центральныхъ) учреждений докончилъ Александръ I. Самое важное изъ этихъ учреждений были министерства, основанныя на мѣсто Петровскихъ коллегій; между ними раздѣлены разныя отрасли государственнаго управленія, и каждое подчинено особому министру. Число министерствъ простиралось сначала до осьми (1802 г.)*. Около того же времени учрежденъ государственный совѣтъ для обсужденія правительственныхъ мѣръ. Окончательное устройство министерствъ и государственнаго совѣта принадлежитъ дѣятельности Сперанскаго **.

* Именно: министерство военное (генералъ Вязитиновъ), морское (адмиралъ Мордвиновъ), иностранныхъ дѣлъ (канцлеръ графъ Воронцовъ), внутреннихъ дѣлъ (графъ Кокубей), юстиціи (Державинъ), финансовъ (графъ Васильевъ), коммерціи (графъ Румянцевъ), и народнаго просвѣщенія (графъ Завадовскій).

** Жизель графа Сперанскаго. Соч. Барона М. Корса. Сиб. 1861. г.

Сперанскій былъ омиъ сельскаго священника Владимірокой губерніи. Онъ учился въ мѣстной семинаріи, и уже здѣсь обнаружилъ свою необыкновенную даровитость. По распоряженію начальства его отправили въ Петербургъ въ главную или Александровскую семинарію, куда собирали лучшихъ воспитанниковъ изъ провинцій, чтобы образовывать учителей для губернскихъ семинарій. Сперанскій приобрѣлъ расположеніе петербургскаго митрополита Гавриила, и по окончаніи курса оставленъ профессоромъ при той же Александровской семинаріи. Читалъ лекціи математики и философіи, продолжая усердно работать надъ собственнымъ образованіемъ, необыкновенно дѣятельный профессоръ занялъ въ то же время должность домашняго секретаря у одного изъ Екатерининскихъ вельможъ, князя Алексѣя Куракина, и скоро сдѣлался его любимцемъ. Когда вступалъ на престолъ Павелъ I, Куракинъ былъ пожалованъ генералъ-прокуроромъ сената; онъ немедленно перевелъ своего домашняго секретаря въ канцелярію генералъ-прокурора. Такимъ образомъ Сперанскій оставилъ духовно-учительское поприще и перешелъ на гражданскую службу. При Павлѣ I генералъ-прокуроры, какъ и другіе высшіе сановники, быстро смѣнялись другъ друга; но Сперанскій своими отличными способностями, искусствомъ догадываться дѣла и выполнять порученія удержался при всѣхъ перевѣдѣхъ; онъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ и постоянно возвышался по службѣ.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра послѣдовали еще большія перемены въ лицахъ и установленіяхъ. Первое время самымъ вліятельнымъ лицомъ былъ Трошинскій, начальникъ канцеляріи вновь учрежденнаго государственнаго совѣта (по происхожденію простой Малороссъ). Для составленія докладовъ государю, для сочиненія манифестовъ и указовъ Трошинскому понадобилось бойкое, искусное перо, и онъ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, который уже имѣлъ блестящую репутацію между чиновниками. Трошинскій, хотя умный и дѣловой человекъ, но привязанный къ старымъ порядкамъ, не согласовался съ преобразовательнымъ характеромъ новаго царствованія, и скоро былъ замѣненъ другими людьми, болѣе близкими къ молодому государю по цѣлѣнамъ и убѣжденіямъ. Изъ нихъ первое

мѣсто занималъ графъ Кочубей (также родомъ Малороссъ, племянникъ и питомецъ Екатерининскаго дипломата графа Безбородко); онъ пользовался дружбою Александра, [когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. Потомъ слѣдуютъ три друга Александровой юности: Новосильцевъ, князь Адамъ Чарторыйскій и графъ Строгановъ; они образовали между собою тѣсный союзъ, который современники называли „триумvirатомъ“. Воспитанные подъ вліяніемъ англійскихъ государственныхъ идей, они стремились примѣнить эти идеи къ устройству Россіи; учрежденіе министерствъ было плодомъ ихъ стремленій. Кочубей, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, перезвалъ Сперанскаго въ свое вѣдомство, и послѣдній въ качествѣ директора департамента сдѣлался правою рукою министерства. За болѣзнію Кочубея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ бумаги государю; тутъ - то онъ сблизился съ Александромъ I, и скоро сталъ его любимцемъ. Между тѣмъ триумvirатъ мало по малу распался, а Кочубей вышелъ въ отставку, и Сперанскій одинъ, безъ соперниковъ, мося званіе статсъ-секретаря, началъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ императора. Какъ предшественники его были почитатели англійскихъ учреждений, такъ Сперанскій отдавалъ предпочтеніе французскимъ; онъ увлекался вѣншею простотою и стройностію государственнаго механизма во Франціи при Наполеонѣ I (этотъ механизмъ былъ построенъ на сильно развитыхъ началахъ централизаціи и бюрократіи).

По порученію императора Сперанскій составилъ общій планъ для цѣлой системы государственныхъ учреждений. Планъ отличался вѣншею стройностію и гармоніей своихъ частей. Предположено было вводить его постепенно. Начали съ преобразованія государственнаго совѣта, который получилъ теперь опредѣленное и гораздо большее значеніе, нежели при своемъ основаніи. Составленный изъ первыхъ сановниковъ имперіи, по назначенію государя, онъ приобрѣлъ преимущественно законодательный характеръ; всѣ новые законы и чрезвычайныя мѣры должны обсуждаться въ государственномъ совѣтѣ и потомъ поступать на утвержденіе верховной власти; здѣсь также рассматриваются отчеты всѣхъ мини-

стровъ. Государственный совѣтъ раздѣленъ на четыре департамента (военный, законѣвъ, экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ). 1 января 1810 г, императоръ торжественно открылъ засѣданіи преобразованнаго Совѣта. Сперанскій назначенъ «государственнымъ секретаремъ», т. е. начальникомъ канцеляріи при государственномъ совѣтѣ, и въ его рукахъ сосредоточилось все дѣлопроизводство этого учрежденія. Въ томъ же году послѣдовало преобразование министерствъ, вѣдомство и составъ которыхъ были разграничены и опредѣлены болѣе точнымъ образомъ чѣмъ прежде (при этомъ министерство коммерціи упразднено и вновь учреждены министерства: полиціи и путей сообщенія). Какъ государственный совѣтъ поставленъ во главѣ законодательства, а министерства во главѣ администраціи; такъ Сенатъ, по плану Сперанскаго, долженъ былъ образовать высшее судебное сословіе въ государствѣ, состоящее изъ членовъ отчасти назначенныхъ правительствомъ, отчасти выбранныхъ дворянствомъ. Преобразование Сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю наступившей войны съ Наполеономъ и паденія Сперанскаго. Точно также неосуществились и остальные части его плана, напримѣръ, преобразование областнаго устройства.

Изъ другихъ сторонъ обширной дѣятельности Сперанскаго замѣчательны его финансовыя мѣры. Положеніе русскихъ финансовъ было очень затруднительно, особенно со времени континентальной системы. По порученію государя Сперанскій составилъ планъ финансовой системы на новыхъ началахъ. Манифестомъ (2 февраля 1810 г.) ассигнаціи были признаны государственнымъ долгомъ, новые выпуски ихъ положено прекратить, а въ замѣнъ того усилить налоги, и на будущее время передъ каждымъ годомъ обнародовать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Учреждена особая касса для погашенія государственныхъ долговъ. Наступившая за тѣмъ война съ Наполеономъ потребовала напряженія всѣхъ матеріальныхъ силъ государства, и потому финансовыя преобразованія по большей части не были приведены въ исполненіе. Попытка Сперанскаго ввести въ финансовую часть болѣе твер-

дыя основы не была оцѣнена современниками; они подвергли ее перичаніямъ наравнѣ съ другими не всегда практичными реформами, которыя пытался проводить Сперанскій.

Государственный секретарь имѣлъ много враговъ: придворные завидовали его возвышенію и вліянію; чиновники роптали на него за указъ объ экзаменахъ *, народъ за умноженіе налоговъ. Когда государь и самъ охладѣлъ къ своему любимцу, противники государственнаго секретаря наконецъ взяли верхъ. Въ мартѣ 1812 г., въ виду предстоявшей войны съ Наполеономъ, Сперанскій внезапно былъ удаленъ изъ столицы, и отправленъ въ Нижній-Новгородъ. Въ послѣдствіи онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири (1819 г.).

Сибирь раздѣлялась на три губерніи, которыя всѣ вмѣстѣ находились подъ вѣдомствомъ одного генералъ-губернатора. Состояніе этого неизмѣримаго, богатаго дарами природы края въ тѣ времена было печальное. Мѣстное управленіе, удаленное отъ надзора центрального правительства, издавна отличалось полнымъ самовластіемъ въ своихъ дѣйствіяхъ: лихоимство и злоупотребленія чиновниковъ здѣсь развились въ гораздо большей степени, нежели въ другихъ частяхъ имперіи. Въ короткое, двухлѣтнее, пребываніе въ

* Чтобы привлечь слушателей во вновь открытые университеты, постановлено: при производствѣ въ чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника требовать свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса или содѣйствующаго экзамена. Многихъ молодыхъ людей эта мѣра заставила учиться, но для старыхъ чиновниковъ она была слишкомъ трудна (въ послѣдствіи ее постепенно отменили).

Самымъ праспорѣчивымъ противникомъ нововведеній Сперанскаго и защитникомъ старыхъ формъ явился историкъ Карамзинъ въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», гдѣ онъ говорилъ, что начатыя реформы несогласны съ характеромъ русской государственной жизни. Карамзину покровительствовала сестра императора, Екатерина Павловна, супруга принца Ольденбургскаго, который занималъ должность генералъ-губернатора тверскаго, вологодскаго и ярославскаго. Въ 1811 г., въ бытность государя въ Твери, Карамзинъ былъ представленъ ему великою княгиней, и подалъ свою записку. Государю она не понравилась. Въ послѣдствіи Александръ полюбилъ Карамзина, и приблизилъ его къ себѣ, въ качествѣ исторіографа.

Сибиря Сперанскій съ обычною энергіей старался объ исправленіи мѣстныхъ злоупотребленій, и составилъ нѣсколько проектовъ для улучшенія администраціи. (Между прочимъ по его мысли Сибирь раздѣлена на два генераль-губернаторства: Восточное и Западное). Послѣ того онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, и занялъ мѣсто въ государственномъ совѣтѣ; но уже не пользовался адѣсь прежнимъ вліяніемъ.

Училища, крестьяне и политика послѣднихъ лѣтъ. Для народнаго образованія приняты были слѣдующія мѣры: главныя народныя училища, переименованныя въ «гимназіи», открыты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ; умножено число малыхъ или «уѣздныхъ» училищъ, а для первоначальнаго образованія заведены «приходскія» школы (1803 г.). Въ Москвѣ и Петербургѣ основаны «педагогическіе институты» для приготовленія учителей; открыты новые университеты: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ. Въ духовномъ вѣдомствѣ система школъ получила также болѣе правильное устройство: вновь учрежденная «комиссія духовныхъ училищъ» издала уставъ академій, семинарій и низшихъ духовныхъ школъ (1814); для содержанія этихъ школъ и церковныхъ причтовъ возобновили право церквей (данное Петромъ I) на исключительную продажу восковыхъ свѣчъ *.

* Кромя того императоръ Александръ возстановилъ Россійскую академію, (основанную Екатериной II и пришедшую въ упадокъ при Павлѣ I), усилилъ средства Академіи наукъ и Академіи художествъ, основалъ высшее Училище правовѣденія, Царскосельскій лицей и пр. Далѣе, отиѣнено запрещеніе (изданное при Павлѣ I) ввозить въ Россію иностранныя книги и открывать частныя типографіи выданъ новый цензурный уставъ и и.

Примѣръ Государя возбуждалъ соревнованіе во многихъ его подданныхъ, и вызвалъ значительныя пожертвованія на пользу науки и народнаго образованія. Такъ, Демяковъ пожертвовалъ капиталъ для основанія и содержанія лицей въ Ярославлѣ, графъ Безбородко (братъ знаменитаго дипломата) основалъ лицей въ Нѣжинѣ; дворянство Слободско-Украинской (Харьковской) губерніи предложило 400,000 рублей для учрежденія университета въ Харьковѣ, и пр.

Въ началѣ царствованія Александра I совершенно русскими морями первое кругосвѣтное плаваніе. Именно, отъ Россійско-Американской компаніи, при содѣйствіи правительствъ, отправлено было въ берега сѣверной Амери-

Въ исторіи русскихъ крестьянъ царствованіе Александра I замѣчательно нѣкоторыми законодательными попытками ограничить крѣпостное право: изданъ указъ о сословіи свободныхъ хлѣбопашцевъ, позволявшій помѣщикамъ отпускать на волю цѣлыя деревни (1803 г.); у помѣщиковъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи, приказано отбирать крестьянъ и отдавать ихъ въ опеку; прекращена раздача населенныхъ земель частнымъ лицамъ въ награду за службу. Крестьяне балтійскихъ губерній получили личную свободу, безъ надѣла землю. Въ землѣ же Войска Донскаго, вмѣстѣ съ пожалованіемъ дворянскаго достоинства казачкимъ офицерамъ утвердилось крѣпостное право. Относительно судопроизводства важно окончательное запрещеніе пытокъ и всякихъ «пристрастныхъ допросовъ» *.

Вмѣстѣ съ Отечественною войною окончилось преобразовательное направленіе, которымъ отличалась первая половина этого царствованія. Въ самомъ характерѣ государя произошла замѣтная перемѣна: опытность въ отношеніи лицъ сдѣлала его менѣе доверчивымъ, чѣмъ прежде. Со времени Вѣнскаго конгресса Александръ I обращалъ большое вниманіе на виѣшнюю политику, на поддержаніе началъ Священнаго союза и усмиреніе революціонныхъ движеній въ Европѣ. Отсюда постоянное участіе императора въ послѣдующихъ европейскихъ конгрессахъ (Троппавскій, Лайбахскій, Веронскій). Внутри государства особая забота посвящалась арміи,

ли два корабля подъ командою капитанъ-лейтенанта Крузештерна (1801). Эта экспедиція совершилась благополучно и воротилась черезъ три года

* Уничтоженіе крѣпостнаго права было любимою мыслію Александра Гавловича въ первые годы его царствованія. (Повѣ Державинъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что эту мысль развивалъ преимущественно воспитатель Александра швейцарецъ Лагаръ). Но большинство сановниковъ говорило, что крестьяне еще недостаточно приготовлены къ уничтоженію крѣпостной зависимости, и что быстрый переходъ къ свободѣ опасенъ для слабой и дѣлности имперіи.

Въ 1801 г. Александръ I отмѣнилъ „Тайную экспедицію“, учрежденную при Екатеринѣ II для розысковъ по политическимъ проступкамъ, и дѣла этого рода призвано производить общимъ судебнымъ порядкомъ.

которая доведена была до 900,000. Въ эту половину царствованія значительнымъ вліяніемъ на внутреннюю политику пользовался графъ Аракчеевъ, суровый представитель военной дисциплины. Аракчеевъ принималъ дѣятельное участіе въ основаніи военныхъ поселеній въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ (Новгородской и нѣкоторыхъ южныхъ губерній); онѣ заведены по образцу военной австрійской границы, для уменьшенія расходовъ на регулярную армію, и должны были соединить земледѣліе съ военною службою. На практикѣ это учрежденіе не оправдало своихъ цѣлей, о чемъ предупреждали наиболѣе просвѣщенные генералы, особенно Барклай де-Толли. Изъ государственныхъ людей того времени вниманія заслуживаетъ еще адмиралъ Мордвиновъ, который въ Государственномъ совѣтѣ постоянно возвышалъ свой голосъ противъ разныхъ злоупотребленій (напр. противъ системы винныхъ откуповъ).

НИКОЛАЙ I 1825—1855.

14. декабря. Александръ Павловичъ скончался во время своей поѣздки на югъ имперіи въ г. Таганрогъ, 19 ноября 1825 г. Онъ не оставилъ дѣтей, и Россія при извѣстіи о его кончинѣ немедленно присягнула Константину Павловичу, который находился въ Варшавѣ. Константинъ еще при жизни Александра I отрекся отъ своего права на престолъ въ пользу младшаго брата Николая Павловича; хотя отреченіе это и хранилось въ тайнѣ, однако великій князь снова подтвердилъ его, и письмомъ пригласилъ брата занять престолъ. 14 декабря обнародованъ былъ манифестъ о восшествіи на престолъ Николая I. Первымъ дѣломъ молодого императора было усмиреніе военного мятежа.

Столкновеніе съ Французами, войны за границую и влѣдствіе того болѣе близкое знакомство съ политическими идеями и учреждениями Западной Европы не остались безъ вліянія на умы многихъ офицеровъ русской арміи. Во вторую половину царствованія Александра, между молодыми офицерами образовалось

нѣсколько тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлю преобразовать государственное устройство Россіи („сѣверное общество“ „южное“, „соединенные Славяне“ и др.). Государь зналъ о существованіи этихъ обществъ, но не употреблялъ строгихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока не подучилъ ясныхъ свѣдѣній о составленіи заговора. Незадолго передъ кончиною своею онъ велѣлъ арестовать главныхъ начальниковъ заговора въ арміи, расположенной на югѣ Россіи.

Тогда заговорщики, находившіеся въ Петербургѣ, успѣли привести въ исполненіе свои замыслы, и для того хотѣли воспользоваться короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отреченія Константина. Они распространили между нижними военными чинами слухъ, будто Константинъ нисколько не думалъ отказываться отъ престола. Поэтому 14 декабря, когда войска должны были присягнуть Николаю Павловичу, часть гвардіи отказалась дать присягу и съ оружіемъ въ рукахъ собралась на сенатской площади (около памятника Петру I), но, не имѣя общаго предводителя, остановилась здѣсь въ нерѣшимости. Императоръ между тѣмъ собралъ вокругъ Зимняго дворца остальные гвардейскіе полки. Послѣ того, какъ увѣщанія о покорности оказались бесполезными и генералъ-губернаторъ Петербурга Милорадовичъ былъ убитъ, государь приказалъ сдѣлать нападеніе; атака кавалеріи была неудачна; но, когда артиллерія начала картечью поражать мятежниковъ, они разсѣялись въ бѣгствѣ. Назначенная императоромъ, „верховная слѣдственная коммиссія“ вполне раскрыла составъ и замыслы тайныхъ обществъ; наиболѣе виновные наказаны ссылкой въ сибирскіе рудники; пятеро главныхъ заговорщиковъ подверглись смертной казни; а солдаты, принимавшіе участіе въ мятежѣ, посланы на Кавказъ, чтобы въ битвахъ съ горцами заслужить себѣ прошеніе.

Внутренняя политика этого царствованія отличается охранительнымъ характеромъ. Сохраняя государственныя учрежденія, наслѣдованныя отъ предшественниковъ, правительство императора Николая продолжало развивать нѣкоторыя отдѣльныя части этихъ

указаний. Между ними первое принадлежит изданію Свода законовъ.

Со времени Петра Великаго до Николая I почти непрерывно существовали коммисіи для усовершенствованія русскаго законодательства и приведенія его въ стройную систему; но дѣятельность этихъ коммисій, также какъ и знаменитая попытка Екатерины II, оставалась почти безъ результатовъ. А между тѣмъ, накопившаяся въ теченіи времени, огромная масса указовъ, несобранныхъ въ свѣтъ и часто противорѣчащихъ другъ другу, сильно затрудняла дѣлопроизводство и покровительствовала злоупотребленіямъ чиновниковъ. Императоръ Николай, спустя полтора мѣсяца послѣ вступленія своего на престолъ, приказалъ изъ послѣдней, десятой, коммисіи учредить при собственной канцеляріи особое отдѣленіе для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ*, и поручилъ это дѣло Сперанскому. Послѣ четырехлѣтней работы было издано, въ 45 томахъ, Полное Собраніе Законовъ, въ которое, вошли начиная съ уложенія царя Аленѣя Михайловича, почти всѣ указы до кончины Александра I (числомъ болѣе 30,000 актовъ). Изъ Полнаго Собранія потомъ извлечены постановленія, сохранившія свою силу, которыя и составили Сводъ законовъ Россійской имперіи (1833 г.). Издававшіеся послѣ того указы собирались въ отдѣльные томы, и присоединялись къ Полному Собранію подъ именемъ его «Продолженія».

Далѣе, заслуживаютъ вниманія новыя постановленія о сословіяхъ. По учрежденіямъ Екатерины II дворянство каждой губерніи собиралось въ губернской городъ и составляло «дворянское собраніе» для выбора должностныхъ лицъ; каждый мѣстный дворянинъ имѣлъ здѣсь право голоса. Это право съ теченіемъ времени сдѣлалось источникомъ многихъ злоупотребленій: богатые помѣшники набирали себѣ клиентовъ изъ мелкопомѣстныхъ и по своей волѣ

* Оно составило «Второе отдѣленіе» Его Императорскаго Величества канцеляріи. Въслѣдъ за тѣмъ учреждено „Третье отдѣленіе“, которое замѣнило собою министерство полиціи, упраздненное въ концѣ царствованія Александра I. Управление Третьимъ отдѣленіемъ ввѣрено шефу корпуса жандармовъ.

распоряжались ихъ голосами. Манифестомъ 1831 г. право голоса на дворянскихъ выборахъ ограничено извѣстною степенью имущества (100 душъ крестьянъ или 3000 десятинъ земли); исключение сдѣлано только для большихъ чиновъ. Вслѣдствіе постоянного прилива чиновниковъ дворянское сословіе чрезмѣрно размножилось; поэтому право пріобрѣтать потомственное дворянство ограничено было штабъ-офицерскимъ чиномъ въ военной службѣ и V классомъ въ гражданской (1845 г.) *.

Для управленія государственными крестьянами, казенными землями, лѣсами и кочевыми инородцами вновь учреждено министерство государственныхъ имуществъ (1837); при чемъ государственные крестьяне каждой губерніи раздѣлены на округа, округа на волости (заключающія до 6,000 душъ), а волости «на сельскія общества». Что касается до крѣпостнаго сословія, то императоръ Николай вскорѣ послѣ вступленія на престолъ издалъ манифестъ (26 мая 1826 г.), которымъ опровергались ложные слухи о перемѣнѣ въ правахъ сельскаго населенія и возвѣщалось неуклонное исполненіе установленнаго порядка. Изъ дальнѣйшихъ указовъ о крѣпостныхъ замѣчательны слѣдующіе: запрещено продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ, позволено помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестьянамъ за условныя повинности, и такіе крестьяне названы «обязанными» (1842 г.); крѣпостнымъ позволено пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія ихъ помѣщиковъ.

Внѣшняя политика. Между событіями внѣшней политики первое по времени мѣсто занимаетъ война съ Персіей за границы (1826—1828 г.); въ ней прославился своими побѣдами генералъ Паскевичъ, назначенный главнокомандующимъ нашею Закавказскою

* Происходившіе не изъ дворян оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники съ IX до V класса составили сословіе личныхъ дворянъ, которое не могло владѣть крѣпостными людьми; а низшіе гражданскіе чиновники (съ XIV класса до IX) пользуются правами почетныхъ гражданъ. Въ 1827 году изданъ благотворительный уставъ о пенсіяхъ за государственную службу.

армією. (Особенно замѣчательны его побѣда при Елисаветполѣ и взятіе Эривани). Фетъ-али-шахъ по миру, заключенному въ Турманчаѣ, уступилъ Россіи ханства Эриванское и Нахичиванское, и заплатилъ 20,000,000 рублей серебромъ контрибуціи.

Еще не окончилась Персидская война, какъ началась борьба съ Турціей вслѣдствіе покровительства, которое русскій государь оказывалъ Грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго владычества. Въ октябрѣ 1827 года Русскіе принимали участіе въ знаменитомъ Наваринскомъ сраженіи, гдѣ турецко-египетскій флотъ былъ уничтоженъ соединенными эскадрами, англійскою, французскою и русскою. Весною 1828 года русская армія подъ начальствомъ графа Витгенштейна вступила въ княжества Молдавію и Валахію, перешла за Дунай и овладѣла Варною; а въ слѣдующемъ году новый главнокомандующій графъ Дибичъ разбилъ великаго визиря, перешелъ Балканы и занялъ Адрианополь. Между тѣмъ въ Азіи Паскевичъ взялъ крѣпости Карсъ, Ахалцыхъ, и занялъ Эрзерумъ, столицу турецкой Арменіи. Тогда султанъ Махмудъ II заключилъ съ Россією миръ въ Адрианополѣ (1829 г.): онъ уступилъ Россіи восточный берегъ Чернаго моря, призналъ Молдавію, Валахію и Сербію подъ нашимъ покровительствомъ, открылъ русскимъ судамъ свободное плаваніе по Дунаю и Дарданелламъ, и призналъ независимость Греческаго королевства.

Въ отношеніяхъ къ европейскимъ державамъ императоръ Николай сохранялъ начала Священнаго союза. Поэтому въ 1849 году, когда Франція, Германія и Италія были потрясены революціоннымъ движеніемъ, русскія войска ходили на помощь Австріи противъ возставшихъ Венгровъ, и возстаніе вскорѣ было усмирено.

Польское возстаніе. Учредительною Хартією 1815 года императоръ Александръ даровалъ Царству Польскому особое политическое устройство, съ національнымъ сеймомъ и собственнымъ войскомъ. Благодаря этому устройству и внутреннему спокойствію, матеріальное благосостояніе Польши начало было развиваться; земледѣліе, торговля, промышленность и литература въ теченіи 15

лѣтъ достигли значительной степени процвѣтанія. Но между тѣмъ въ народѣ, въ арміи, между студентами образовались тайныя общества, которыя волновали умы надеждою на возвращеніе само-бытности.

Поляки скоро забыли великодушіе императора Александра I, который предалъ забвенію помощь, оказанную ими Наполеону въ войнахъ съ Россіею, и по собственному расположенію даровалъ Царству Польскому политическое устройство, для того времени весьма либеральное. Но это самое устройство и особенно существованіе особой польской арміи пробуждали въ Полякахъ мечты о тѣхъ временахъ, когда они составляли могущественное государство. Главнымъ стремленіемъ польскихъ патриотовъ было: приобрести еще бѣльшую отдѣльность отъ Россіи и расширить предѣлы Царства присоединеніемъ къ нему Западнорусскихъ провинцій, возвращенныхъ при Екатеринѣ II. Подобное стремленіе поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что коренное, русское населеніе этихъ провинцій принадлежало къ низшимъ сословіямъ, и большею частію находилось въ крѣпостномъ состояніи; а землевладѣніе и образованіе сосредоточивались по преимуществу въ рукахъ католическихъ пановъ и шляхты. Система воспитанія, устроенная въ началѣ XIX в., имѣла также вліяніе на послѣдующія событія. Стараніями князя Адама Чарторыйскаго, куратора Виленскаго учебнаго округа, число школъ въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ значительно умножилось; причемъ наставниками назначались преимущественно Поляки, и воспитаніе юношества велось въ польско-католическомъ духѣ. (Виленскій учебный округъ обнималъ почти всю западную Россію, а Виленская академія была возведена Александромъ I на степень университета, въ 1803 г.). Въ югозападномъ краѣ на этомъ поприщѣ дѣйствовалъ графъ Фадей Чапкій, визитаторъ училищъ Кіевской, Подольской и Волинской губерній (главнымъ предметомъ его попеченій была основанная имъ Кременецкая гимназія, обращенная потомъ въ лицей).

Между тѣмъ какъ тайныя общества приготовляли Поляковъ къ вооруженному возстанію, на Варшавскомъ сеймѣ, собрав-

шемся каждые два года, обнаружилась открытая оппозиція правительству. Революціонныя движенія, происходившія въ Западной Европѣ (именно въ Испаніи и Италіи) усилили волненіе умовъ въ Польшѣ. Наконецъ Іюльская революція въ Парижѣ оживила надежды на помощь Французовъ, и ускорила движеніе. Люди, болѣе умѣренные и благоразумные, хотя и сомнѣвались въ успѣхѣ, однако не имѣли мужества противиться увлеченію революціонной партіи (состоявшей преимущественно изъ военной и учащейся молодежи); они молча уступили ей поле дѣйствія.

Ночью 17 ноября 1830 года толпа заговорщиковъ (состоявшая большею частію изъ воспитанниковъ военной школы) бросилась въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ жилъ намѣстникъ Царства Польскаго, великій князь Константинъ Павловичъ. Великій князь успѣлъ во время сна стиснуть; видя, что польскія войска приняли сторону мятежниковъ, онъ удалился изъ Варшавы *. Возстаніе быстро распространилось по всему Царству и проникло въ Литву. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ и диктаторомъ въ началѣ былъ объявленъ генералъ Хлопицкій, нѣкогда сражавшійся подъ знаменами Костюшко. Императоръ двинулъ въ Польшу 100,000 войска. Предводитель этой арміи графъ Дибичъ выигралъ крово-

* Въ первыя минуты возстаніе было незначительно, и большая часть польскихъ войскъ еще оставалась вѣрна правительству; но польскіе офицеры, приближенные къ великому князю, увѣрили, что смятеніе на улицахъ произошло отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, будто Русскіе напали на Поляковъ и умерщвляли ихъ, и дабы удротить ихъ, лучше всего неумѣлательствомъ Русскихъ доказать имъ неосновательность этой клеветы. Русскіе въ эту ночь дѣйствительно были удержаны отъ энергическихъ дѣйствій; а на слѣдующій день возстаніе уже приняло обширные размѣры. Великій князь собралъ русскіе поддні въ одномъ близкомъ селеніи. Сюда явилась къ нему для переговоровъ польская депутація (князья Чарторыйскій и Любецкій, графъ Островскій и Лелевель). Послѣ разныхъ объясненій, депутаты потребовали уступки прежде бывшихъ польскихъ провинцій. „Великій князь, какъ бы изумленный такимъ страннымъ требованіемъ, нѣсколько времени не отвѣчалъ ни слова, а потомъ холодно сказалъ: Я не уполномоченъ братомъ моимъ договариваться объ этомъ предметѣ“. („Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ“. Ф. Смита).

пролитное сраженіе при Гроховѣ, подъ Варшавою; но такъ какъ онъ не сдѣлалъ тотчасъ рѣшительнаго нападенія на столицу, то польская армія успѣла управиться и пополнить свою убыль. Генераль Сѣжинецкій, смѣнившій тяжело раненнаго Хлопицкаго, задумалъ неожиданнымъ ударомъ уничтожить русскій гвардейскій корпусъ, который занималъ отдѣльную позицію, между Наревомъ и Бугомъ, и состоялъ подъ командою великаго князя Михаила Павловича. Фельдмаршалъ Дибичъ съ главными силами поспѣшилъ на помощь гвардіи, и выигралъ у Поляковъ вторую упорную битву при Остроленкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ отъ холеры, которая свирѣпствовала тогда въ Россіи съ страшною силою (жертвою ея сдѣлался и великій князь Константинъ Павловичъ). Мѣсто Дибича заступилъ графъ Паскевичъ.

Замѣчательные эпизоды этой войны составляютъ предпріятія на Волынь и въ Литву.

Тайныя общества и постоянныя сношенія съ варшавскими революціонерами заранѣе подготовили умы польско-католическаго дворянства въ нашихъ западныхъ губерніяхъ; шляхетская молодежь ожидала только появленія польскихъ войскъ, чтобы выступить открыто, и обѣщала поднять всю страну. Съ этою цѣлью на Волынь и въ Подолію былъ отправленъ изъ Царства Польскаго отрядъ генерала Дверницкаго. Но надежды на сильное возстаніе въ этихъ провинціяхъ были совершенно обмануты. Русскіе крестьяне не только не пристаи къ мятежу, но и показывали противъ него враждебное настроеніе. Вооружились только небольшіе отряды, набранные панамъ изъ своей дворян и изъ мелкой шляхты. При томъ Дверницкій встрѣтилъ на Волыни искуснаго противника въ лицѣ генерала Ридигера. Польскій генераль вскорѣ принужденъ былъ броситься къ австрійской границѣ и перейти въ Галицію, гдѣ отрядъ его обезоруженъ Австрійцами.

Гораздо значительнѣе было движеніе въ Литвѣ, особенно въ сѣверной ея части, т. е. въ Жмуди или Самогитіи. Здѣсь польскіе помѣшники успѣшно вербовали въ свои банды единовѣрныхъ съ ними литовскихъ крестьянъ; помѣщикамъ помогали

и католическіе ксендзы, злоупотреблявшіе своимъ вліяніемъ на мѣстное сельское населеніе. Повстанскія банды начали свирѣпствовать противъ всего русскаго; а въ случаѣ пораженія въ открытой битвѣ, они находили убѣжище въ своихъ обширныхъ, непроходимыхъ лѣсахъ. Изъ царства на помощь литовскому мятежу былъ отправленъ корпусъ регулярныхъ польскихъ войскъ, подъ начальствомъ Гелгуда. Онъ подступалъ къ самой столицѣ Литвы, Вильно, но былъ отбитъ. Экспедиція Гелгуда окончилась также неудачно какъ и предпріятіе Дверницкаго.

Между тѣмъ въ самомъ польскомъ лагерѣ не было единодушія; тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (во главѣ которой стоялъ Адамъ Чарторыйскій) и демократическая (однимъ изъ вождей послѣдней былъ профессоръ Виленскаго университета историкъ Лелевель). Сквицецкій и его преемники (Дембинскій, Малаховскій и др.) не были способны остановить движеніе русскихъ войскъ на Варшаву, и 25 августа 1831 года Паскевичъ взялъ приступомъ Волю — предмѣстье столицы; а на другой день, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сдалась и самая Варшава. Мятежъ былъ усмирень, и главные предводители спаслись бѣгствомъ за границу. Въ февраль 1832 года Учредительная Хартія отмѣнена, и Царство Польское вошло въ составъ имперіи наравнѣ съ другими ея областями. Варшавскій и Виленскій университеты были закрыты (также и Кременецкій лицей). Для западныхъ областей, спустя два года, основанъ русскій университетъ св. Владимира въ Кіевѣ.

Отмѣна Уніи. Послѣ усмиренья Польскаго мятежа самую важную мѣрою въ западной Россіи была отмѣна Уніи.

Еще при Екатеринѣ II, когда западныя области были возвращены Россіи, въ униатской церкви началось движеніе въ пользу воссоединенія съ церковью восточною, и многіе униаты обратились тогда въ православіе. Въ концѣ XVIII столѣтія это движеніе пріостановилось. Завѣдываніе дѣлами униатской церкви было поручено Римско-католической коллегіи, учрежденной въ Петербургѣ для католиковъ Русской имперіи. Около 2,000,000

жителей оставались еще униатами. Поляки усилили свои старания, чтобъ обращать униатовъ въ католиковъ. Въ самой униатской церкви происходили раздоры: бѣлое духовенство, т. е. священники, постоянно жаловались на обиды отъ униатскихъ монаховъ, принадлежавшихъ къ Базильянскому ордену; базильяне захватили себѣ лучшія церковныя имѣнія, и вообще были усердные союзники католицизма.

Въ царствованіе Николая Павловича было обращено особое вниманіе на церковныя дѣла въ Западномъ краѣ. Лучшіе люди изъ униатскаго духовенства начали дѣйствовать въ пользу возсоединенія своей церкви съ православною. Изъ нихъ главнымъ дѣятелемъ на этомъ пути явился Іосифъ Сѣмашко (впослѣдствіи Литовскій митрополитъ); имъ содѣйствовалъ управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ. Въ 1828 г. для завѣдыванія дѣлами униатской церкви императоръ учредилъ особую Грекоуниатскую коллегію, подъ предсѣдательствомъ грекоуниатскаго митрополита. Большая часть базильянскихъ монастырей была закрыта, и основана особая семинарія (въ Жировицахъ, недалеко отъ Слонима) для образованія униатскаго духовенства. Въ то же время начато было въ униатской церкви очищеніе греческихъ обрядовъ отъ католическихъ примѣсей и постепенное приготовленіе къ возсоединенію. Польское возстаніе 1831 года ускорило это дѣло. Католическая партія однако не переставала мѣшать ему, пользуясь крѣпостнымъ правомъ; помѣщики старались отвлекать своихъ крестьянъ отъ возвращенія къ православію. Тогда рѣшено было покончить съ унией однимъ торжественнымъ актомъ.

Въ 1839 году собрались въ Полоцкѣ греко-униатскіе епископы съ большимъ числомъ своего духовенства, и составили соборный приговоръ, въ которомъ изложили состояніе своей церкви, и просили государя о соединеніи ея съ православною церковью. На эту просьбу послѣдовало высочайшее утвержденіе (За унией осталась Холмская епархія въ Царствѣ Польскомъ).

Далѣе, относительно западныхъ губерній замѣчательна слѣдующая мѣра. Чтобы оградить сельское населеніе, русское и по большей части православное, отъ угнетенія польскокатолическимъ дво-

рянствомъ, изданы инвентарныя положенія; онѣ приводили въ извѣстность новинности крестьянъ и право владѣльцевъ на крѣпостную работу. Инвентари введены сначала въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ (въ 1847 г. трудами генералъ-губернатора Бибикова); въ губерніяхъ же бѣлорусскихъ и литовскихъ введеніе ихъ замедлилось до новаго царствованія *.

Крымская война. Кавказъ. Въ 1853 г. снова произошелъ разрывъ между Россією и Турцією; поводомъ къ этому разрыву послужило то обстоятельство, что русскій дворъ вступился за права христіанъ греческаго исповѣданія въ Палестинѣ. Когда Порта отвѣтила отказомъ на требованія императора Николая, русская армія подъ начальствомъ князя Горчакова, лѣтомъ 1853 года, перешла границу и заняла княжества Молдавію и Валахію; а осенью того же года русскій черноморскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Нахимова истребилъ турецкую эскадру при Синопѣ. Но Англія и французскій императоръ Наполеонъ III, опасаясь за самое существованіе Турціи, послали ей на помощь свои войска и флоты, подъ предлогомъ поддержать политическое равновѣсіе Европы; къ нимъ присоединилась и Сардинія. (Австрія, хотя и спасенная русскою помощію во время Венгерскаго возстанія, также приняла противъ насъ угрожающее положеніе). Тогда загорѣлась борьба Россіи съ четырьмя соединенными державами. Союзники пользуясь своимъ громаднымъ флотомъ, появились почти на всѣхъ русскихъ водахъ: въ Черномъ морѣ, Балтійскомъ, Бѣломъ и у береговъ Камчатки. Главныя же военныя дѣйствія сосредоточились на нашихъ южныхъ границахъ. Въ сентябрѣ 1854 года русская армія очистила княжества и перешла обратно Прутъ; въ то же время силь-

* Инвентарныя правила не были исполнены добросовѣстно польскими помещиками въ Югозападномъ краѣ, и отношенія къ нимъ крестьянъ оставались почти прежнія. Въ связи съ этими отношеніями произошло движеніе послѣднихъ во время Крымской войны: въ Кіевской губерніи, гдѣ еще живы воспоминанія о старомъ казачествѣ, въ 1855 г. (по поводу манифеста о ратникахъ), крестьяне дѣльными селеніями изъявляли желаніе записаться въ казаки.

ный англо-французскій флотъ высадилъ войско союзниковъ въ Крыму у Евпаторіи. Главнокомандующій Крымскою арміею князь Меншиковъ на берегахъ Альмы далъ сраженіе, но принужденъ былъ отступить. Непріатели съ моря и суши осадили Севастополь, въ гавани котораго заперся нашъ Черноморскій флотъ. Въ продолженіе 11 мѣсяцевъ длилась подъ Севастополемъ упорная и чрезвычайно кровопролитная борьба. (При защитѣ его изъ русскихъ инженеровъ особенно отличился Тотлебенъ, а изъ русскихъ моряковъ адмиралы Корниловъ и Нахимовъ, оба павшіе геройскою смертію). Попытки нашихъ генераловъ атаковать англо-французскій лагерь на Инкерманскихъ высотахъ и при Черной рѣчкѣ окончились неудачею. Русская армія, бывшая всегда предметомъ особыхъ попеченій императора Николая, сражалась съ обычнымъ своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ; но союзники имѣли на своей сторонѣ превосходство военного искусства, превосходство оружія и путей сообщенія: между тѣмъ какъ они легко получали подкрѣпленія и продовольствіе при помощи своего флота, сообщеніе центральной Россіи съ Крымомъ производилось обширными степями по простымъ дорогамъ (Россія имѣла только одну желѣзную дорогу — между Москвою и Петербургомъ). Во время Севастопольской осады 18 февраля 1855 года скончался императоръ Николай I, и на престолъ вступилъ нынѣ царствующій Императоръ Александръ II. Война продолжалась съ тою же энергіею.

27 августа, послѣ страшнаго трехнедѣльнаго бомбардированія и рѣшительнаго приступа, Французы овладѣли Малаховымъ курганомъ, т. е. главнымъ севастопольскимъ укрѣпленіемъ; тогда русскій главнокомандующій князь Горчаковъ (смѣнившій князя Меншикова) оставилъ разрушенный городъ, и перевелъ гарнизонъ на сѣверную сторону Севастопольской бухты. Между тѣмъ въ Малой Азіи, на южныхъ предѣлахъ Закавказья, Русскіе имѣли почти постоянный успѣхъ въ битвахъ съ Турками, и завоеваніе крѣпости Карса генераломъ Муравьевымъ ускорило ходъ переговоровъ о мирѣ. Наконецъ война прекратилась Парижскимъ миромъ 1856 года (18 марта). Съ обѣихъ сторонъ завоеванія были возвращены;

устья Дуная впрочемъ отошли къ Турціи; Черное море объявлено нейтральнымъ и открыто для торговыхъ судовъ всѣхъ націй.

Финансы государства находились въ затруднительномъ положеніи еще со временъ Континентальной системы. Войны 1828—1831 г. разстроили ихъ еще болѣе. Но въ слѣдующій за тѣмъ мирный періодъ, продолжавшійся 16 лѣтъ, благодаря расчетливости, которою отличалось управленіе финансами министра графа Канкрина, дѣла поправились; цѣнность ассигнацій возвысилась, звонкая монета явилась въ изобиліи. * Въ Крымскую войну, борьба съ двумя самыми могущественными державами потребовала огромныхъ усилій и пожертвованій. Но по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ эта война была благотѣльна для Россіи, потому что способствовала уясненію общественныхъ недостатковъ. вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ начались улучшенія, настала новая эпоха Русской исторіи.

Кромѣ упомянутыхъ войнъ царствованіе Николая I ознаменовано непрерывными военными дѣйствіями противъ кавказскихъ горцевъ.

Начало Кавказской войны относится къ концу XVIII столѣтія, когда Грузія вступила въ подданство Россіи и Кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями. Сначала Русскіе ограничивались оборонительными дѣйствіями отъ набѣговъ разбойничьихъ племенъ; съ назначеніемъ генерала Ермолова главнокомандующимъ (1816 г.) наше владычество мало-по-малу стало проникать въ горы. Но успѣхи Русскихъ были остановлены появленіемъ новой мусульманской секты—мюридизма, который въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія съ необыкновенною быстротою распространился въ Кавказскихъ горахъ,

* Указомъ 1839 года установлена была цѣнность упавшихъ ассигнацій, именно $3\frac{1}{2}$ ассигнаціонныхъ рубля приравнены 1 серебряному. Вскорѣ потомъ пренія ассигнаціи изъяты изъ обращенія и замѣнены новыми бумажными деньгами (нынѣшними государственными кредитными билетами). Относительно торговыхъ пошлинъ Канкринъ держался покровительственной системы: изданный при немъ тарифъ возвысилъ таможенные пошлины на заграничные товары.

и мелкія разѣединенныя до толѣ племена соединилъ общимъ религиознымъ фанатизмомъ; изъ предводителей мюридовъ самымъ сильнымъ и опаснымъ для насъ явился Шамиль, принявшій высшій духовный титулъ имама. Вытѣсненные изъ многихъ пунктовъ, Русскіе должны были значительно увеличить свои силы и начать трудную, упорную борьбу съ грознымъ имамомъ. Тщетно время отъ времени войска совершали экспедиціи въ разныя горныя области, жгли и разоряли черкесскіе аулы; предпріятія эти были отрывочны, и покореніе племенъ медленно подвигалось впередъ. Распространеніе прочныхъ завоеваній началось только съ проложеніемъ широкихъ лѣсныхъ просѣкъ и съ открытіемъ болѣе правильныхъ и постоянныхъ наступательныхъ дѣйствій. Между тѣмъ вліяніе мюридизма значительно ослабло, и горныя племена начали уже тяготиться деспотизмомъ своего имама.

У. ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ОБРАЗОВАННОСТЬ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Петровскія реформы ускорили сближеніе Россіи съ Западною Европою; но въ этомъ сближеніи долгое время участвовали одни высшіе классы; оно состояло преимущественно въ заимствованіи внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи. Со второй половины XVIII столѣтія дѣти знатныхъ дворянъ окружались иностранными гувернёрами, преимущественно Французами. Въ образѣ ихъ жизни обнаружилось стремленіе къ роскоши и смѣсь старинныхъ боярскихъ привычекъ съ новыми, европейскими обычаями. Въ верхнихъ слояхъ общества преобладали французскій языкъ и французская литература. Женщины въ особенности подвергались изнѣженному воспитанію и стечужденію отъ національныхъ преданій. «Ни въ одной европейской странѣ—заимъчаетъ иностранный путешественникъ (баронъ Гакстгаузенъ)— между высшимъ классомъ нѣтъ такой изнѣженности и роскоши, какъ въ Россіи». Главная причина этого явленія заключалась въ существованіи крѣдостнаго права,

которое давало возможность безъ личнаго труда пользоваться постоянными доходами и окружать себя работѣною прислугою. Стремленіе къ изящнымъ европейскимъ формамъ цивилизаціи тѣмъ не менѣе содѣйствовало дальнѣйшему развитію вкуса и смягченію нравовъ. (А въ эпохи трудныя для отечества, какъ въ 1812 г., всѣ классы народа равно проявляли высокій патріотическій духъ).

Несмотря на свои привилегіи, дворянство внѣ чиновнаго класса (бюрократіи) не получило большаго политическаго и родоваго значенія. Съ одной стороны провинціальныя дворянскія собранія и выборы постоянно находились подъ вліяніемъ администраціи; съ другой, реформы Петра I открыли доступъ въ дворянское сословіе всѣмъ классамъ посредствомъ чина. Съ тѣхъ поръ постоянный приливъ чиновниковъ былъ такъ великъ, что старые боярскіе роды почти затерялись въ массѣ новыхъ дворянъ, каковы: потомки приказнаго люда, дѣти бѣлаго духовенства, иностранцы и пр. (Это былъ однако приливъ наиболѣе энергическихъ силъ изъ другихъ классовъ, а право собранія и выборовъ поддерживало въ дворянствѣ политическую опытность). Утвержденію родовой и поземельной аристократіи препятствовалъ также обычай наслѣдства, т. е. непрерывное дробленіе дворянскихъ имуществъ между дѣтьми, и переходъ земель въ чужія руки отъ фамилій обѣднѣвшихъ. Хотя служба со времени Петра III была необязательна для дворянъ, но они по прежнему составляли классъ по преимуществу служебный: богатымъ дворянамъ служба представляла главный путь для достиженія почетнаго, значительнаго положенія въ обществѣ, а бѣднымъ почти единственное средство обогащенія. Притомъ, чтобы пользоваться всѣми правами своего состоянія (напримѣръ, для участія въ выборахъ), дворянинъ долженъ былъ имѣть хотя первый чинъ. Служба сосредоточила массу дворянъ въ городахъ и въ арміи; а въ деревняхъ проживали большею частію мелкіе помѣщики, уже оставившіе службу. Богатые помѣщики съ своею многочисленною дворнею сосредоточились въ столицахъ; по послѣ 1812 г. значительная часть ихъ разсѣялась по губернскимъ городамъ, и способствовала здѣсь оживленію общежитія и торговли предмета-

ми роскоши. Удаление наиболее образованных и богатых землевладельцев из своих поместий и предрасудки, порожденные крепостным правом, мешали сближению их с земледельческим сословием, а следовательно и их цивилизирующему влиянию на крестьян и на успехи земледелия.

Крестьянское сословие, на котором основывается значение России, как государства по преимуществу земледельческого, оставалось чуждо иноземному влиянию, и было верно своим старым обычаям, понятиям и преданиям; в его быту сохранилась та же простота и бедность. Нравы и увеселения его отличались прежнею грубостью и однообразием (вино, кулачный бой, хороводы и пр.). Грамотность весьма медленно распространялась между крестьянами: в сказках и пѣснях простолюдинъ по прежнему находил главное удовлетворение для своей художественной потребности. Русское население сѣверной полосы обнаруживает болѣе дѣятельный и промышленный характер, нежели в других частях имперіи: здѣсь крепостное право было развито наименѣе, и в основѣ народного характера сохранился предпримчивый дух древних новгородских и суздальских поселенцевъ. Самое зажиточное население встрѣчается по Волгѣ (напр. въ Ярослав. губ.). Напротивъ самое бѣдное — въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, гдѣ при неблагоприятной почвѣ крепостное право издавна было развито болѣе, гдѣ помѣщичій и чиновничій классъ былъ по преимуществу польско-католическій.

Развитію народного благосостоянія въ западныхъ губерніяхъ препятствовало и то обстоятельство, что коренному Русскому населенію мало доступна была торговая и промышленная дѣятельность, которая сосредоточилась тамъ въ рукахъ Евреевъ.

Послѣ крепостнаго права и недостатка сельскихъ школъ, вредное вліяніе на благосостояніе и нравственность народную оказывала чрезвычайно распространенная привычка къ вину; чему не мало способствовала господствовавшая система винныхъ откуповъ *.

* Наибольшею страстью къ вину отличаются бѣлоруссы, у великоруссовъ въ обычаѣ такъ называемый «запой», малорусы пьютъ умѣреннѣе, но посто-

Въ огромномъ численномъ преобладаніи Великорусской народности надъ всѣми другими заключается главное условіе нашего крѣпкаго національнаго единства. Посредствомъ колонизаціи, непрерывно подвигающейся на сѣверъ и востокъ (за Уральскій хребетъ), Великорусское племя постепенно претворяло и продолжаетъ претворять въ Славянъ массу туземныхъ финскихъ народцевъ. Отсутствіе самобытности и низкая ступень гражданственности препятствовали этимъ народцамъ противостоять влиянію господствующаго племени болѣе энергическаго и даровитаго; но, усвоивая себѣ русскую народность, они вносили собственные элементы въ наружность, языкъ, нравы и религіозныя вѣрованія Великоруссовъ. Отсюда произошло большое разнообразіе мѣстныхъ говоровъ, обычаевъ и вѣрованій. Кромѣ этнографическихъ или племенныхъ элементовъ, разнообразіе наружныхъ и духовныхъ качествъ населенія обусловливалось конечно различіями географическихъ и историческихъ обстоятельствъ.

Масса городского населенія относительно своего быта представляетъ два направленія. Она раздѣлялась на жителей податныхъ и неподатныхъ. Такъ называемое «городское общество», по учрежденіямъ Екатерины II и согласно съ развитіемъ нашего государственнаго строя въ XVIII в., составилось исключительно изъ податныхъ классовъ, т. е. купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ; въ его рукахъ сосредоточено городское хозяйство; а классы неподатные (дворяне, чиновники, разночинцы, духовенство) устранены отъ обязанности нести общественныя службы. Право избирать въ городскія должности (голова, члены распорядительной думы и пр.) не было ограничено извѣстною степенью достатка, а предоставлено толпѣ бѣдныхъ мѣщанъ, которые обыкновенно подчиняются личнымъ влияніямъ богатыхъ гражданъ. Выборное городское управленіе, воиолнѣ зависимое отъ властей административныхъ и подчиненное

янно. Въ Малороссіи вино лучше, потому что тамъ не было откупа; отсюда тайный провозъ его въ Великороссію, приводившій за собою штрафы виновныхъ.

канцелярскимъ формамъ, по характеру своему не отличалось отъ управленія казеннаго.

Въ самомъ образѣ жизни городского населенія господствовало то же раздвоеніе. Между тѣмъ какъ купцы и мѣщане держались болѣе старыхъ обычаевъ и по своему умственному развитію мало отличались отъ массы простолюдиновъ, многочисленный классъ мелкихъ чиновниковъ старался подражать въ образѣ жизни высшему обществу, часто заимствуя у него стремленіе къ наружному лоску и привычку жить сверхъ своего состоянія. Карты, и для молодыхъ людей танцы, составляли главные средства развлечения въ этой половинѣ городского населенія. Наиболѣе дѣятельные и честолюбивые люди податнаго состоянія стремились обыкновенно выдти изъ него (посредствомъ среднихъ и высшихъ школъ, казенной службы и пр.) и прикнуть къ привилегированному классу; что съ одной стороны отвлекало лучшія силы отъ торговли и промышленности, а съ другой чрезмѣрно умножало количество чиновниковъ.

Подобное раздвоеніе значительно мѣшало городскому хозяйству придти въ цвѣтущее состояніе; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало и развитію такъ называемаго «средняго состоянія» въ государствѣ. Города по большей части отличались бѣдностію матеріальныхъ средствъ и высшихъ умственныхъ интересовъ. Только нѣкоторые изъ нихъ, благодаря счастливымъ условіямъ и промышленному характеру, достигли богатства и значенія. Первое мѣсто занимаютъ двѣ столицы. Послѣ Отечественной войны, когда фабричная промышленность получила въ Россіи значительное развитіе, Москва сдѣлалась главнымъ центромъ этой промышленности и внутренней русской торговли; между тѣмъ Петербургъ оставался главнымъ пунктомъ торговли внѣшней*.

* Въ 1846 г. городское управленіе Петербурга было преобразовано, и къ участию въ немъ допущены неподатные обыватели. Управленіе раздѣлено на общую думу и распорядительную. Первая распадается по сословіямъ на пять отдѣленій: потомственные дворяне, личные дворяне, купечество, мѣщане и ремесленники. Общая дума избираетъ городского голову и 12 членовъ Распорядительной думы, которая заѣмляла преемнику Шестигласную. Этою реформою

Далѣе, успѣхи торговли и промышленности затруднялись медленностію и дороговизною путей сообщенія, а также недостаткомъ твердаго кредита. Главное же зло, которымъ страдала общественная жизнь и которое подрывало народное благосостояніе, былъ недостатокъ добросовѣстности, или, другими словами, малое развитіе чувства законности — наслѣдіе старыхъ временъ, поддерживаемое поверхностнымъ просвѣщеніемъ и другими историческими обстоятельствами (напримѣръ, издавна развившимся обычаемъ «канцелярской тайны»). Это зло проникло всюду: въ торговлю, промыслы, суды, школы и въ самую литературу. Могущественное средство противъ подобнаго зла — печатная гласность допущена только въ позднѣйшее время; она должна способствовать болѣе правильному развитію общественнаго мнѣнія.

Наука и литература. Европейская наука послѣ реформы Петра Великаго мало-по-малу начала прививаться къ русской жизни; но университетъ и академія не скоро могли приобрести прочное вліяніе на общество, которое нуждалось еще въ первоначальномъ образованіи. Притомъ же большинство академикомъ и профессоромъ долгое время состояло изъ иностранцевъ и оставалось почти чуждо Русской жизни. Только со второй четверти XIX столѣтія начинается замѣтное вліяніе университета на молодое поколѣніе, когда стройно организованная система среднихъ учебныхъ заведеній приготовила достаточное количество слушателей, а посылка молодыхъ людей въ заграничные университеты доставила многихъ отличныхъ профессоровъ. (Министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ — почитатель классическаго образованія). Нѣкоторые изъ профессоровъ особенно благотворно дѣйствовали на своихъ слушателей изящнымъ изложеніемъ науки и возвышеннымъ благородствомъ своего характера; таковы Грановскій — Въ Москвѣ и Мейеръ — въ Казани. Но сознательная потребность въ научномъ образованіи

Петербургскаго городского общества положено начало преобразованію Городоваго Положенія Екатерины II.

еще мало проникла въ глубину общества, и въ характеръ школьнаго воспитанія отражался главный общественный недостатокъ распространеніемъ познаній по преимуществу поверхностныхъ. Образование женщинъ еще не пользовалось серьёзнымъ вниманіемъ общества, и число женскихъ школъ въ провинціяхъ было очень незначительно. Въ столицахъ же процвѣтали женскія воспитательныя заведенія императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Русская литература во время Александра I окончательно усвоила себѣ форму западно европейской журналистики, и званіе писателя приобретаетъ почетъ помимо его чина и состоянія. Нѣсколько талантливыхъ писателей своими трудами способствуютъ обработкѣ литературнаго слога и развитію вкуса между читателями. Въ этомъ отношеніи особенно важны заслуги Карамзина, который въ своихъ повѣстяхъ и «Письмахъ русскаго путешественника» явился послѣдователемъ и распространителемъ современнаго ему сентиментальнаго, мечтательнаго направленія западно-европейской литературы. Поэты его эпохи продолжали отчасти развивать риторическое направленіе старой школы и возвышенный тонъ Державинской поэзіи; наиболѣе даровитые изъ нихъ были: Озеровъ (его трагедіи: «Эдипъ въ Аемнахъ», «Димитрій Донской» и др.), Гнѣдичъ (переводъ Иліады Гомера) и Дмитріевъ, извѣстный своими сатирами; стихъ его отличается такою же легкостію, какою прославилась проза его друга Карамзина. Но литературный интересъ пока ограничивался небольшими кружками образованныхъ людей; журналы («Сынъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» и др.) слабо распространялись въ массѣ читающей публики, и вліяніе ихъ на цѣлое общество было весьма незначительно; впрочемъ и самое содержаніе ихъ еще мало представляло современнаго общественнаго интереса. За то переводимые французскіе романы и нѣкоторыя русскія подражанія этимъ романамъ находили огромный кругъ читателей.

Во второй четверти XIX столѣтія наша литература получаетъ болѣе самостоятельный характеръ и начинаетъ сближаться съ русскою жизнію. Сатирическое направленіе достигаетъ замѣчательной

степени развитія въ комедіи Грибоѣдова (который былъ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и убитъ тамъ возмущившеюся чернью въ 1829 г.), въ неподражаемыхъ басняхъ Крылова и особенно въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя. Эти три писателя преслѣдуютъ темныя стороны русскаго общества, особенно привычку скрывать недостатки и выставлять свою дѣятельность въ лучшемъ, ложномъ свѣтѣ. Грибоѣдовъ въ своей комедіи «Горе отъ ума» изобразилъ пустоту интересовъ и мелочность современнаго Московскаго «свѣта». Крыловъ подъ формою короткихъ и чрезвычайно остроумныхъ басенъ мѣтко отѣнялъ разнообразныя стороны русскаго быта. Онъ подражалъ французскому баснописцу Лафонтену; но внесъ въ свои басни столько оригинальнаго русскаго духа, что остался поэтомъ самобытнымъ *. Гоголь въ главныхъ своихъ произведеніяхъ — юмористическая поэма «Мертвыя Души» и комедія «Ревизоръ» — воспроизвелъ яркія черты изъ міра русскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Юморъ Гоголя поражаетъ читателя неистощимою веселостію; но въ глубинѣ его скрывается скорбное чувство. Гоголь нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей («натуральная школа»), которые усвоили нашей періодической литературѣ преимущественно форму повѣсти, и подъ эту форму изображали разныя стороны русскаго быта, въ границахъ, определенныхъ цензурными постановленіями. Нѣкоторые изъ нихъ, съ особенною любовью посвящая свой талантъ изображенію крестьянскаго быта, мало-по-малу вызвали вниманіе къ нему и сочувствіе образованнаго класса.

Но между тѣмъ какъ просвѣщенные литературные дѣятели старались о распространеніи научныхъ свѣдѣній и здравыхъ понятій въ обществѣ, значительная часть писателей и журналистовъ не

* Сатирическій смѣхъ Крылова по большей части вызывался какимъ либо типическимъ частнымъ случаемъ или общественнымъ явленіемъ. Такъ замѣтная басня „Квартетъ“ написана по поводу четырехъ членовъ одного учрежденія, о которыхъ возникъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ ихъ разсадить. Для характеристичности общественной недобросовѣстности замѣчательна басня „Купецъ“.

возвышалась надъ уровнемъ полуобразованной массы читателей; она продолжала развивать реторическое и сантиментальное направлѣніе предыдущей эпохи, и вносила въ литературу элементы недобросовѣстности. Напримѣръ, внѣшнее могущество Россіи (плоды ея крѣпкаго внутренняго единства) подавало поводъ свысока отзываться о западно-европейской цивилизаціи и провозглашать ее отжившею; такимъ образомъ, вмѣсто стремленія къ народному самопознанію, и къ исправленію своихъ недостатковъ, подобные писатели поощряли въ обществѣ излишнее самодовольство, ведущее къ застою. А между тѣмъ литература по прежнему питалась западными образцами, и холодно, даже враждебно относилась къ безъискусственной народной словесности, находя ее грубою и невѣжественною. Безконечнымъ содержаніемъ для романовъ служило однообразное, эгоистическое чувство любви, и женщина изображалась крайне односторонне, т. е. по преимуществу, какъ предметъ этого эгоистическаго чувства; ея воспитаніе, общественное значеніе и область ея труда — подобные вопросы еще оставались въ тѣни.

Литературная критика долгое время отличалась своимъ ничтожествомъ и мелочнымъ направлениемъ; только въ сороковыхъ годахъ она приобрѣла замѣчательную силу и оригинальность подъ перомъ даровитаго Бѣлинскаго, который умѣлъ приводить въ тѣсную связь вопросы чисто литературные съ вопросами общественными и пробуждать къ нимъ живой интересъ. За эпохою Гоголя и Бѣлинскаго — эпохою литературнаго движенія, наступило на нѣкоторое время (1848 — 1856) затишье въ русской литературѣ*.

* Въ позднѣйшее время въ нѣкоторыхъ органахъ Русской печати явилось направленіе отрицательное, совершенно противоположное прежнему сантиментальному. Въ этомъ новомъ направленіи выразился тотъ же недостатокъ основательнаго образованія: легкомысленные писатели, подражая нѣкоторымъ западнымъ мечтателямъ, принялись въ особенности развивать такъ называемыя социальныя идеи, направленныя противъ семейныхъ узъ и собственности — этихъ первыхъ основъ цивилизаціи. Между прочимъ подъ видомъ эманципаціи женщинъ, въ замѣнъ чувства долга, проповѣдывалось поклоненіе грубой чувственности.

Поэзія, основанная на западныхъ образцахъ, и обработка изящнаго стиха нашли себѣ самыхъ полныхъ представителей въ лицѣ Батюшкова, Жуковскаго (послѣдователя германской романтической школы) и Пушкина. Но послѣдній (1799—1837 г.) своимъ удивительнымъ поэтическимъ чутьемъ понялъ, какія богатства заключаются въ народной словесности, которая въ первобытной, наивной формѣ раскрываетъ духъ народа, его помыслы, его радости и страданія; онъ пытался найти источники вдохновенія въ народномъ эпосѣ, т. е. въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ *. Онъ пытался также брать содержаніемъ своей поэзіи настоящее и прошлое русской жизни. Въ его «Евгеніѣ Онѣгинѣ» отразились вмѣстѣ съ пустотою существованія и нѣкоторыя идеализованныя черты современнаго дворянскаго быта; а чтеніе Исторіи Карамзина вдохновило его написать величественную историческую трагедію «Борисъ Годуновъ» **.

Разладъ литературы съ роднымъ бытомъ особенно мѣшалъ развитію національной русской драмы. Наше драматическое искусство представляло бѣдность замѣчательныхъ оригинальныхъ произведеній, при большомъ количествѣ переводовъ и передѣлокъ, въ особенности съ французскаго. Поэтому театръ, имѣющій свою высшею задачею улучшеніе нравовъ, еще не могъ приобрѣсти значительнаго вліянія на русское общество. Лучшимъ представителемъ

* Впослѣдствіи русская наука (слѣдуя за движеніемъ германской науки) начала тщательно собирать и изучать эти народныя умственные богатства.

** Пушкинъ, подобно Грибоѣдову, рано погибъ для отечественной литературы. Онъ былъ убитъ на дуэли однимъ иностранцемъ. Точно также окончилъ свою жизнь молодой поэтъ Лермонтовъ, сильный талантъ котораго много обѣщалъ въ будущемъ. Изъ другихъ поэтовъ, принадлежавшихъ тому же времени, наиболѣе выдаются: Дельвигъ, Языковъ, Баратынскій и Кольцовъ (послѣдній былъ сынъ воронежскаго мѣщанина, поэтъ-прасоло). Изъ писателей малоруссовъ, кромѣ Гоголя заслуживаютъ особенно вниманія: Квитка (писавшій подъ псевдонимомъ Основьяненко) и поэтъ Шевченко. Между русскими художниками первой половины XIX вѣка приобрѣли наибольшую извѣстность: живописецъ Брюлловъ, воспитанникъ и профессоръ петербургской Академіи художествъ, (его картина „Послѣдній день Помпеи“), и композиторъ Глинка (его опера „Жизнь за Царя“).

нашей сцены въ первой половинѣ XIX вѣка явился артистъ Московскаго императорскаго театра Щепкинъ, который отъ декламаторскаго направленія предыдущей эпохи перешолъ къ большей простотѣ и естественности въ сценическомъ искусствѣ

Изъ произведеній нашихъ духовныхъ ораторовъ въ XIX в. первое мѣсто занимають труды Филарета, митрополита Московскаго. и Иннокентія, архіепископа Херсонскаго.

Исторіографія. Начало критической разработки Русской исторіи положено было въ XVIII в. нѣмецкими учеными, членами петербургской Академіи наукъ, именно: Байеромъ, Миллеромъ и Шлецеромъ, которые трудились надъ источниками первоначальной Русской исторіи; Миллеръ, кромѣ того, оказалъ большую услугу наукѣ, какъ издатель многочисленныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ томъ же вѣкѣ нѣкоторые изъ русскихъ писателей пытались составить полную отечественную исторію. Во-первыхъ, заслуживаетъ вниманія «Ядро Россійской исторіи», написанное Манкіевымъ при Петрѣ Великомъ; оно имѣетъ видъ историческаго учебника. Еще болѣе замѣчательнъ трудъ Татищева, который подъ именемъ «Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ» представилъ подробный сводъ лѣтописныхъ извѣстій доведенныхъ до Михаила Феодоровича *. Потомъ слѣдуетъ Русская ис-

* Татищевъ былъ изъ числа молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ I учиться за границу; потомъ онъ управлялъ горными заводами и былъ астраханскимъ губернаторомъ. На занятія Русскою исторіею навело его составленіе полной Русской географіи, предпринятое ученымъ графомъ Брюсомъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ нѣкоторое время. Въ предисловіи къ своему труду Татищевъ объясняетъ, почему онъ остановился на 1613 году. Въ альфвѣйшей исторіи, говоритъ онъ, „явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которыхъ если писать, то ихъ самихъ или наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже*было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія“. Дѣйствительно, когда Татищевъ въ 1739 году пріѣхалъ съ своею исторіею въ Петербургъ и многимъ давалъ ее читать, трудъ его встрѣтилъ почти однѣ порицанія. Татищеву историческая наука обязана открытіемъ Русской Правды и Судебника Ивана IV.

торія князя Щербатова написанная въ царствованіе Екатерины II (15 томовъ); не ограничиваясь однимъ сводомъ извѣстій авторъ старался объяснять событія и обращалъ вниманіе на внутреннее состояніе общества.

Въ царствованіе Александра I написана была Карамзинимъ знаменитая «Исторія государства Россійскаго» (12 томовъ, доведена почти до эпохи Романовыхъ). Огромная начитанность блестящій литературный талантъ и горячая любовь къ предмету, сообщили исторіи Карамзина весьма важное значеніе: она составила эпоху въ нашей исторической литературѣ. Впервые появившійся на русскомъ языкѣ изящный, живописный расказъ событій возбудилъ въ обществѣ живой интересъ къ отечественной исторіи, и книга имѣла необыкновенный успѣхъ. Главный ея недостатокъ заключается въ слабости исторической критики и въ томъ, что событія по большей части имѣютъ одну внѣшнюю, хронологическую связь между собою. (Примѣчанія къ его книгѣ до сихъ поръ драгоценны многочисленными выписками изъ историческихъ матеріаловъ). Послѣ Карамзина заслуживаютъ вниманія: «Повѣствованіе о Россіи» Арцыбашева—сухой сводъ лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, доведенный до 1698 года, и «Исторія Русскаго народа» Полеваго, прекратившаяся на царствованіи Іоанна Грознаго. Съ 1851 года стала издаваться «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Соловьева, отличающаяся подробнымъ сводомъ источниковъ и стремленіемъ раскрыть внутреннюю связь событій. (Изложеніе XVII и XVIII вѣка богато извлеченіями изъ неизданныхъ государственныхъ актовъ).

Между попытками иностранцевъ написать полную русскую исторію самая замѣчательная—это „Исторія Русскаго Государства“ нѣмецкаго ученаго Германа (доведена почти до конца XVIII в.). По отдѣльнымъ частямъ Русской исторіи заслуживаютъ вниманія труды: Бантышъ-Каменскаго („Исторія Малой Россіи“ и Словарь достопамятныхъ людей Русской земли“), Погодина („Замѣчанія и лекціи Русской исторіи“), Забѣлина („Домашній бытъ русскихъ царей“), Костомарова („Богданъ

Хмельницкій“) Буслаева („Историческіе очерки русской народной словесности и искусства“), Пекарскаго („Наука и Литература при Петрѣ Великомъ“) и др. Время Петра Великаго—эта столь важная эпоха Русской исторіи—служило предметомъ труда для многихъ иностранныхъ и русскихъ писателей. При Екатеринѣ II одинъ купецъ, Голиковъ, собралъ большую массу матеріаловъ для біографіи Петра; но его матеріалы лишены всякой критики. Въ последнее время начала издаваться „Исторія царствованія Петра Великаго“ соч. Устрилова. Для исторіи края извѣстнаго подъ именемъ Литвы важенъ трудъ Нарбута (*Dzieje narodu Litewskiego. Wilno 1834—1841*). Для исторіи западнорусскихъ провинцій интересно также сочиненіе графа Д. Толстаго „Католицизмъ въ Россіи“; а для исторіи Прибалтійскихъ провинцій сочиненія Рихтера и Рутенберга.

Изъ духовныхъ лицъ замѣчательны своими трудами по Русской исторіи: въ концѣ прошлаго столѣтія архіепископъ бѣлорусскій Георгій Конисскій („Исторія Руссовъ“) и митрополитъ московскій Платонъ („Церковная російская исторія“), а въ настоящемъ столѣтіи митрополитъ кievскій Евгеній („Словарь русскихъ писателей“) и черниговскій архіепископъ Филаретъ („Исторія Русской церкви“).

Изъ военныхъ историковъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія труды: Милютина объ Итальянскомъ походѣ Суворова, Богдановича объ Отечественнѣй войнѣ и Смиа о Польскомъ возстаніи.

По исторіи Рускаго права и государственныхъ учрежденій замѣчательны сочиненія: Неволлина (Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ), Калачова (Изслѣдованіе о Русской Правдѣ), Чичерина (Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ) и Дмитріева (Исторія судебныхъ инстанцій отъ судейника до учрежденія о губерніяхъ).

Относительно біографическихъ очерковъ, послѣ Словаря Бантышъ-Каменскаго, заслуживаютъ вниманія труды: Посселята о Францѣ Лефортѣ, Блума о Сиверсѣ, Попова о Татишевѣ, барона Корфа о Сперанскомъ, Смиа о Суворовѣ, Погодина о Карамзинѣ и др. Для справокъ о княжескихъ и дворянскихъ фамиліяхъ

Россіи лучшая книга это Родословный Сборникъ князя П. Долгорукаго.

Между сборниками историческихъ матеріаловъ главное мѣсто занимаютъ: „Вивліоекка“, изданная извѣстнымъ Н. И. Новиковымъ; „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“, изданное графомъ Румянцевымъ (сынъ фельдмаршала), потомъ изданія: „Археографической комиссіи“ въ Петербургѣ (лѣтописи и акты), „Общества исторіи и древностей“ при Московскомъ университетѣ, „Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“ въ Кіевѣ, „Императорскаго Археологическаго общества“ въ Петербургѣ. Изъ иностранныхъ сборниковъ, довольно много матеріаловъ по Русской исторіи собрано въ „Магазинъ новой исторіи и географіи“ Бюшинга (нѣмецкій ученый прошлаго столѣтія).

Что касается до исторіи и этнографіи русскихъ инородцевъ, преимущественно Финновъ, на этомъ поприщѣ замѣчательны труды Ленрота, Кастрена и Шёгрена. Такъ докторъ Ленротъ собралъ цѣлый эпосъ изъ финскихъ мнѣическихъ пѣсень, и издалъ его подъ именемъ: „Калевала“ (въ Гельсингфорсѣ, 1835 г.). По отдѣлу племенъ Тюрко-татарскихъ важны труды русскихъ ориенталитовъ: Савельева, Березина, Вельяминова и др.

Матеріалами для Русской исторіи XVIII и первой половины XIX столѣтія служатъ: во-первыхъ «Полное собраніе законовъ», во-вторыхъ многочисленные мемуары иностранцевъ и русскихъ. Изъ иностранныхъ замѣчательны мемуары генерала Гордона, Берхгольца и Манштейна; изъ русскихъ маіора Данилова и Болотова, которые важны для быта русскихъ дворянъ въ XVIII столѣтіи; для исторіи высшаго класса и русской администраціи любопытны записки князя Шаховскаго, Порошина, Державина, княгини Дашковой, Храповицкаго (статсъ-секретарь Екатерины II) и сенатора Лопухина; а для военной исторіи записки графа Толя. Самые же богатые запасы историческихъ матеріаловъ (акты дипломатическіе и административные, судебныя дѣла и пр.) хранятся въ государственныхъ архивахъ*.

* Для исторіи XVIII и XIX вв. значительное количество матеріаловъ заключаетъ въ себѣ „Русскій Архивъ“ Бартенева.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ УКАЗАНИЯ НА ДАЛЬНѢЙШІЯ СОБЫТІЯ.

1856 годъ. Парижскій миръ, окончившій Крымскую войну. 26 августа торжественное коронованіе Государя-Императора въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

1857. 20 ноября первый рескриптъ Государя (Виленскому генералъ-губернатору) объ улучшеніи крестьянскаго быта.

1858. По Айгунскому трактату присоединенъ къ Россіи приамурскій край.

1859. Шамиль, осажденный въ своемъ неприступномъ аулѣ Гунибѣ, сдался въ плѣнъ кавказскому намѣстнику князю Барятинскому, и вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

1861. Манифестъ 19 февраля объ отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Выданы Положенія о новомъ устройствѣ крестьянскаго сословія и надѣленіи крестьянъ землею.

1862. 8 сентября въ Новгородѣ празднованіе тысячелѣтія Россіи. А 29 сентября утверждены Государемъ общія начала судебной реформы, основанныя на судѣ устномъ и гласномъ.

1863. Отмѣненъ винный откупъ. Преобразовано устройство городской думы въ Москвѣ и Одессѣ, по образцу Петербургской. От

Въ числѣ вопросовъ, которые по преимуществу служили предметомъ разногласія въ русской исторической литературѣ, важное мѣсто занимаетъ вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ источниковъ для первоначальной Русской исторіи; достовѣрность эту болѣе всѣхъ отвергала такъ-называемая скептическая школа ученыхъ (представитель ея былъ московскій профессоръ Каченовскій). Второй предметъ разногласія, интересующій всю образованную часть нашего общества, представляетъ реформа Петра Великаго; особенно критически отнеслась въ этой реформѣ школа славянофиловъ (Хомяковъ, Аксаковъ и др.), которая отстаивала теорію общиннаго быта въ древней Россіи противъ защитниковъ быта родового.

имѣны тѣлесныя наказанія, за немногими исключеніями. Изданъ новый уставъ русскихъ университетовъ. Назначено особое присутствіе по вопросу объ улучшеніи быта православнаго духовенства. Въ январѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Царства Польскаго по поводу рекрутскаго набора, произошло нападеніе на русскіе военные отряды. Въ лѣсахъ Царства и Западныхъ губерній имперіи появились мятежныя польскія банды. Къ концу года мятежь усмирень. Въ сентябрѣ созванъ Финляндскій сеймъ (во второй разъ со времени присоединенія Финляндіи).

1864. 1 января подписанъ указъ правительствующему сенату о введеніи новыхъ земскихъ учрежденій въ имперіи. 19 февраля манифестъ о надѣленій польскихъ крестьянъ землею. Весною этого года окончено покореніе западнаго Кавказа при новомъ кавказскомъ намѣстникѣ, великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

1865. 6 апрѣля подписанъ указъ о новомъ цензурномъ уставѣ, которымъ ограничено дѣйствіе предварительной цензуры для печати. Указомъ отъ 16 іюля дозволено евреямъ-ремесленникамъ переселяться изъ западныхъ губерній на жительство и въ другія области имперіи. 10 декабря указъ объ обязательной продажѣ конфискованныхъ и секвестрованныхъ имѣній въ Западномъ краѣ лицамъ русскаго происхожденія.

1866. Въ апрѣлѣ открыты новыя судебныя палаты и мировые суды въ округахъ Петербургскомъ и Московскомъ.

19 декабря указъ о преобразованіяхъ въ финансовомъ, почтовомъ и губернскомъ управленіи Царства Польскаго (Царство раздѣлено на 10 губерній).

1867. По договору съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами уступлены имъ русскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ за денежное вознагражденіе.

Указъ 11 іюля объ учрежденіи Туркестанскаго генераль-губернаторства изъ Туркестанской области и земель, занятыхъ русскими войсками въ 1866 г. за Сырь-Дарьей.

Въ заключеніе бросимъ общій взглядъ на начало и послѣдующія судьбы тысячелѣтней Русской національности.

Въ IX вѣкѣ въ Восточной Европѣ, на Великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое господство нѣсколько пришлыхъ варяжскихъ дружинъ. Варяжская династія Рюрика, владѣвшая сначала Новгородомъ, переходитъ въ Кіевъ, постепенно подчиняетъ себѣ почти всѣ племена восточныхъ Славянъ съ частію сосѣднихъ Финновъ, строитъ новые города и полагаетъ основаніе великому Русскому государству. При этомъ замѣтны нѣкоторые признаки феодализма (князь раздаётъ города и области своимъ «мужамъ», т. е. предводителямъ мелкихъ дружинъ).

Дѣятельныя сношенія съ Византіей ведутъ къ принятію христіанства по греческому обряду; а это событіе влечетъ за собою непосредственное вліяніе византійской цивилизаціи. Въ XI вѣкѣ князья и дружина очевидно утрачиваютъ свою національность, и у нихъ преобладаютъ уже славянскія черты. Въ то же время, при размноженіи Рюрикова потомства и правахъ каждаго князя на волости, развивается удѣльная система, исчезаютъ начатки феодализма. Раздробленіе на удѣлы усиливаетъ славянскую колонизацію на финскомъ востокѣ и способствуетъ распространенію гражданской жизни по всѣмъ концамъ Руси. При неосѣлости дружинъ, въ большихъ городахъ проявляется вѣчевое или земское начало, которое помогаетъ развитію мѣстныхъ интересовъ или областной особенности.

Раздробленная Русь не можетъ остановить приливъ степныхъ варваровъ съ востока и образованіе враждебныхъ государствъ на западѣ (Литвы и Ливоніи). Она распадается на двѣ главныя части: Сѣверовосточную или зависѣвшую отъ Татаръ и Югозападную или Литовскую. Между тѣмъ на сѣверѣ усиливается Новгородская община, и славянское вѣчевое начало достигаетъ здѣсь самаго большаго развитія.

Съ XIV вѣка Русская исторія получаетъ новое направленіе. Какъ прежде Россія дробилась, и возникала повсюду областная са-

мостоятельность, такъ теперь народная жизнь, вслѣдствіе внѣшняго давленія съ востока и запада, начинаетъ собираться около одного центра. Москва возрастаетъ въ союзѣ съ православной церковью. Ей покровительствуетъ въ началѣ и самая Золотая Орда. Удѣльно-вѣчевой порядокъ постепенно, послѣ долгой борьбы, уступаетъ свое мѣсто единому государству. Въ Московской Руси вѣчевое или земское начало проявляется въ видѣ совѣщательной земской думы. Національное единство и самодержавіе сообщаютъ Русскому государству политическое могущество и помогаютъ одолѣть восточныхъ и западныхъ сосѣдей. Смутная эпоха, повидимому, грозила распаденіемъ Московскаго государства; однако исходъ этой эпохи показалъ, что религиозное и государственное единство пустило глубокіе корни въ народѣ. Послѣдующія попытки казачества еще болѣе подтвердили крѣпость государства.

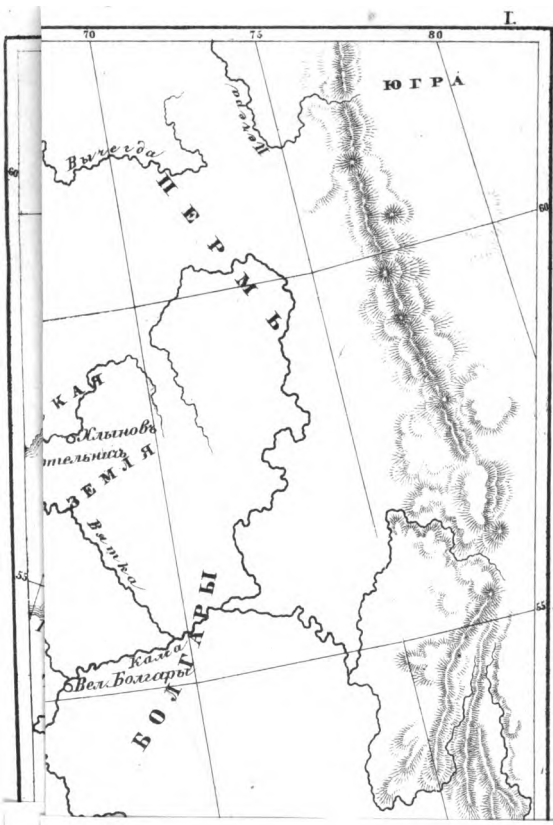
Между тѣмъ какъ Русская національность въ теченіе вѣковъ страдала подъ варварскимъ игомъ и боролась за свою самобытность, въ дѣлѣ цивилизаціи она далеко отстала отъ Западной Европы, и приняла много грубыхъ восточныхъ элементовъ. Правительство московскихъ царей дѣлаетъ попытки войти въ постоянныя сношенія съ Западомъ; но вѣковой застой національной отдѣльности и враждебные сосѣди представляютъ внутреннія и внѣшнія преграды. Въ Западной Россіи, подвластной Полякамъ, народъ въ это время борется за свою религію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за свою національность.

Петръ Великій завоеваніемъ Балтійскихъ береговъ уничтожилъ внѣшнюю преграду къ сближенію съ европейской цивилизаціей, а своими преобразованиями онъ перенесъ въ Россію наружныя формы этой цивилизаціи. Личныя свойства Петра и способъ его преобразованій сложились подъ вліяніемъ старыхъ, московскихъ нравовъ; поэтому его реформа носитъ характеръ жесткаго, крутаго переворота. Потребность въ преобразованіяхъ и энергія Петра подвинули дѣло такъ далеко впередъ, что послѣ него возвратъ къ старинѣ былъ невозможенъ. Въ высшихъ слояхъ распространяется усердное подражаніе европейскимъ обычаямъ, а партія старины

заявляетъ себя довольно слабо; но въ народѣ Петровская реформа встрѣчаетъ духъ отрицанія со стороны уже существовавшего церковнаго раскола.

Екатерина II и Александръ I продолжаютъ развитіе государственной централизціи съ европейскими формами. Слабость сосѣднихъ государствъ (Швеціи, Польши и Турціи) способствуетъ внѣшнему росту Россіи и достиженію наиболѣе естественныхъ границъ на югѣ и на западѣ. Возвращеніемъ Западнорусскихъ областей довершается наше національное единство. Въ первой половинѣ XIX вѣка политическое могущество Русской имперіи достигаетъ высшихъ предѣловъ.

Между тѣмъ, виѣсть съ европейскими обычаями, началось въ Россіи постепенное смягченіе нравовъ и усвоеніе европейской науки. Наука вызываетъ въ обществѣ стремленіе къ самопознанію, къ уясненію и просвѣщенному развитію основныхъ началъ своей національности.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0021809089

7

